ЛитРес:

Сильвия Лайм

Рабыня драконьей крови 2

Annotation

– Вам ведь известно, что эта женщина – собственность нашего повелителя?

– Безусловно, – с ответным поклоном проговорил Рэнвиэль, снова устремив на меня пронзающий взгляд хрустально-голубых глаз. – Но я был первым, кто выбрал ее. И на моей стороне… Право крови…

Шум в зале стал громче.

Сандролион невольно сделал шаг назад. Похоже, княжич сказал что-то такое, чего он услышать вовсе не ожидал.

– Да что это за право такое? – воскликнула я в ужасе.

Рэнвиэль мягко улыбнулся, и у меня по спине прокатилась обжигающе-холодная волна мурашек.

– Право крови рождается, когда женщина пьет кровь вампира, – ответил он, медленно и неотступно приближаясь к кругу огня. – Особенно если это кровь наследника престола…

- Сильвия Лайм
  -
  - Глава 1
  - Глава 2
  - Глава 3
  - Глава 4
  - Глава 5
  - Глава 6
  - Глава 7
  - Глава 8
  - Глава 9
  - Глава 10
  - Глава 11
  - Глава 12
  - Глава 13
  - Глава 14
  - Глава 15
  - Глава 16

- Эпилог

Сильвия Лайм
Рабыня драконьей крови. Часть 2

© Сильвия Лайм, 2021

* * *

Глава 1

Айденион Огненнокрылый

Широкие и мощные черные крылья с огненно-красными всполохами рассекали небесное пространство двумя безупречными лезвиями. Ветер свистел в ушах Айдена, а закатное солнце отражалось в зеркально-черных глазах с будто пляшущим внутри пламенем.

Седьмой принц оказался единственным из братьев, чей цвет чешуи был почти черным. Не истинно черным, как у отца, нет. Увы. С красными подпалинами, с огненными переливами, будто под этой самой чешуей бурлила раскаленная лава. И все же – черным. Это должно было говорить об особенной силе сына императора Вайлариона. Тот в Новой Райялари давно уже был символом. Почти богом. Даром что исчезшим три сотни лет назад.

Но иначе и быть не могло, ведь Вайларион Черная Смерть оставался последним из драконов, в ком не было ни капли человеческой крови.

Отец. Живая легенда… И тот, на кого Айденион был больше всего похож.

Принц повернул голову и взглянул на самого старшего из своих братьев. На Элайдариона по прозвищу Золотой Закат. Его чешуя была одноименно золотой, как у матери, но под каждой чешуйкой, словно тень, рассыпалась черная пыль – цвет отца.

Айден взглянул чуть дальше, а затем по очереди посмотрел на каждого из остальных братьев. Гленхейдлион, Иланшерлион, Сирглинарион, Ольгердарион и Ренлинарион… Айден всегда терпеть не мог длинные драконьи имена, а потому предпочитал звать родню укороченными кличками, что, впрочем, никогда не одобряли старейшины, приучая всех принцев чтить законы возрожденного крылатого племени и новой империи, которую они построили на руинах старой.

Однако несмотря на все усилия Айден никогда не придерживался правил, и ему это всегда сходило с рук. Он был самым младшим и одновременно самым черным из всех…

Из-за этого он частенько ругался с Гленхейдом и Иланшером, а Элайдар и вовсе, казалось, всегда смотрел на него свысока. Когда Айден родился, Элайдар уже считался дофином империи, будущим правителем Новой Райялари. А потому появление еще одного брата с почти черной чешуей вряд ли могло понравиться принцу, который видел себя когда-нибудь в будущем великим императором людей, драконов, нелюдей и колдоморфов.

Впрочем, когда их родители исчезли в тумане разорванного пространства, ссоры стали реже. Словно каждый из братьев начал чешуей ощущать, что в этом мире у них уже не осталось больше родной крови.

И вот сейчас они летели все вместе над бескрайними полями и лесами империи, и общее дело заставляло Айдена чувствовать то главное в них всех, что было спрятано в самих венах, в основе их существа, – единство.

Однако последние несколько часов седьмой принц не мог отдать себе отчета в том, почему испытывает беспокойство. Что-то зудело под ребрами, мешая нормально сконцентрироваться и выполнять работу, которую они с братьями делали регулярно – искали магические всполохи и разрывы пространства в Новой Райялари.

Империя была велика, и так просто почувствовать, где происходит то или иное магическое возмущение, невозможно. Более того, невозможно определить, не нарушены ли границы резерваций, не сошел ли с ума какой-нибудь особенно сильный маг и не уничтожил ли уже несколько десятков деревень. Конечно, до правителей королевств рано или поздно дойдут слухи, слуги и гонцы принесут вести с дальних земель, но, как правило, в такие моменты бывало уже поздно.

Кроме того, никто из слуг не сможет доподлинно разузнать, не произошло ли нового катастрофического искажения магии и не зародилась ли сейчас где-нибудь в лесах четвертого или пятого королевства очередная волна неконтролируемых колдоморфов. Однажды братья уже пропустили такую волну, и на границе Йенлавей образовалась чаща шерблайдов, с которой теперь почти невозможно было что-либо сделать.

Когда-то шерблайдами были простые оборотни, нелюди, обращающиеся в волков по своему желанию. Вот только однажды несколько стай столкнулись в битве, результатом которой стали сотни

трупов и еще сотни изгнанных из общин оборотней. На беду, в тот же месяц на одной из полян Лервильского леса, возле которого и произошло страшное событие, расцвели сразу несколько десятков цветов тиаре. Откуда они там взялись и почему на пустой прежде территории вдруг выросли цветы Яросветной девы, никто не знает. Но магия вырвалась из колдовских бутонов, неся вокруг спонтанный хаос, создавая из полумертвых оборотней и их изгнанных соплеменников новых существ – шерблайдов. Диких, лишенных привычного разума монстров, не умеющих превращаться в волков, но имеющих хищную полуживотную форму, в которой они нападали на своих жертв и разрывали их на куски.

По-хорошему, Айден с братьями должен был отдать приказ на уничтожение их всех. И он так и сделал, несмотря на то, что некоторым образом это было совершенно негуманно. Но когда начали умирать люди и нелюди, нужно было принимать меры…

Однако было уже поздно. Шерблайды сбились в стаю, и каким-то образом у них образовалось более-менее разумное сообщество. И вот тогда в дело вмешались вампиры. Шеллаэрде, будучи независимым княжеством, высказалось с помощью своих послов, что Королевство Огня, как и вся Новая Райялари, не имеет права “уничтожать тех, кто им не нравится”. Также послы уточнили, мол, что же тогда произойдет завтра? “Сегодня вы уничтожите несчастных оборотней, вся вина которых в том, что они оказались изгнаны собственными семьями, а завтра решите, что Кровавый крестострел вампиров – это тленная опухоль Йенлавей?”

Это был прямой намек на агрессию дарков, на их единоличную власть на всех континентах. И Айдену пришлось подчиниться, оставить попытку уничтожить чащу шерблайдов, ведь в ином случае остальные десятки рас нелюдей и колдоморфов могли решить, что их вот-вот постигнет та же участь.

Бунт нелюдей был не нужен даркам. И так, учитывая, что в Новой Райялари уже три сотни лет не было императора с императрицей, обстановка между людьми и нелюдями складывалась напряженная. А вампиры и вовсе уверенно подливали масла в огонь.

Айден подозревал, что именно они, несмотря на ненависть к оборотням, помогли шерблайдам собраться в крупную стаю. Ведь

именно это помогло им в дальнейшем получить рычаг управления над Седьмым королевством.

Поэтому примерно раз в месяц или два истинные драконы облетали всю империю, чтобы обнаружить новые магические возмущения раньше, чем это принесло бы катастрофические последствия. Они летели с чудовищно быстрой скоростью, всемером составляя септаграмму из семи лучей. В ее центре образовывалась воронка магии пятого уровня – сильнейшей магии в мире и настолько сложной, что создать ее можно было только подобным особым образом. Эта воронка на тысячи километров протягивала невидимые щупальца, как спрут, ощупывая землю на предмет всплеска тиаре. Благодаря этим щупальцам братья могли не облетать целиком необъятные пространства империи, а двигаться по вполне конкретному, точно заданному маршруту.

Это было очень важное дело, которым не стоило пренебрегать, тем более что остальные принцы бросили ради него собственные дела на несколько суток. И все же Айден с каждой секундой нервничал все сильнее и чувствовал, словно вот-вот произойдет нечто ужасное.

– Элайдар, – в какой-то момент раскрыв пасть, полную белоснежных клыков, проговорил огромный черный дракон с огненно-красными всполохами – Айден Огненнокрылый. – Я должен уйти.

Это была не просьба – констатация факта, несмотря на то, что седьмой принц звал именно первого. Того, который должен был дать позволение.

Но Айдену никогда не требовалось чье-либо разрешение. И за это многие его не выносили, включая собственных братьев.

– Потерпишь, – раздалось рычание в вое ветра, отдающее грохотом ментальной связи.

– Я чувствую: что-то не так, Элайдар, – спокойно ответил Айден, не обратив ни малейшего внимания на недобрый ответ. – Мне нужно уйти.

– Ты издеваешься? – громко прорычал золотисто-красный дракон слева. В его чешуе не было ни намека на черный, зато на солнце он сверкал так, что казался красивее их всех. – Что у тебя опять случилось? Трахаться захотелось? Я слышал, у тебя новая аара!

Айден стиснул челюсти за секунду до того, как из горла вырвалась струя огня. Впрочем, сквозь зубы все же прорвались языки

пламени, но Гленхейд только ядовито фыркнул, продолжая полет.

– Мои дела тебя не касаются, – ответил седьмой принц, стараясь сохранять спокойствие. – Тем более дела моего атриса.

– Зато нас касается тот факт, что ты опять решил действовать, наплевав на всех, – проговорил с раздражением Иланшер, дернув ядовито-оранжевой головой. Они с Гленхейдом были похожи, как сердолик похож на янтарь: вроде и разные, но общего в них больше, чем у других братьев.

Айден не злился, он знал, что, в общем-то, они правы. Седьмой принц и сам первый начал бы возмущаться, если бы кто-то поступил так, как сейчас собирался поступить он.

Вот только как объяснить, что его тянет не пустая прихоть?.. Или, может, все это ему лишь кажется и стоит просто не обращать внимания?..

Айден закрыл глаза, пытаясь сконцентрироваться на тревожащем чувстве в груди. Затем осторожно накренил крылья, уходя в полете на несколько метров ниже братьев.

Это был довольно опасный маневр: цепочка заклятья должна была оставаться крепкой, а звеньями служили тела всех семи принцев. Сейчас же одно звено натянуло всю связку, грозя разорвать тщательно выстроенное заклинание, растратив впустую колоссально количество тиаре драконов.

Однако Айден хотел хотя бы на несколько минут почувствовать себя в одиночестве… если этот термин вообще можно было применить к полету в компании ещё шестерых мужчин.

– Шерблайдовская твоя задница, ты что вытворяешь? – выдохнул сверху Иланшер, который был ближе всего к нему. Он резко наклонился, поменяв угол полета и пытаясь выровнять искаженную цепь колдовского обряда.

В тот же миг напряжение магии стало очевидно, потому что прямо в воздухе начали проявляться горящие огненные символы. Круг, в котором летели драконы, буквально пестрел золотисто-желтыми буквами. Огромные, вписанные друг в друга окружности тонкими обручами проходили сквозь грудные клетки братьев, черпая тиаре прямо из их магических ключей. Минуя печати.

Теперь, если бы кому-то вздумалось посмотреть на все происходящее сверху, этот кто-то увидел бы, что семеро драконов

вместе с горящими символами и составляют одно чрезвычайно сложное колдовское руно. Исчезнет один дракон – и руно неминуемо разрушится, принеся с собой далеко не самые радужные последствия.

– Иланшер, не трогай его, – раздался строгий, но спокойный голос спереди. Там в основании печати как раз летел Элайдарион Золотой Закат.

Небо стремительно темнело, солнце почти совсем скрылось за горизонтом, и вот-вот братья должны были продолжить полет в сумраке ночи. Айден любил это время и в какой-нибудь другой день с удовольствием провел бы ночные часы с родственниками, может быть даже ему удалось бы ни с кем из них не поссориться.

Но сейчас чем более нервным становился он, тем сильнее росло напряжение остальных драконов. По связи колдовской печати они чувствовали его слишком хорошо… И это раздражало.

Айден стиснул зубы и попытался активировать простенькую печать "Чистого разума". Всего лишь третий уровень, ничего сложного… Разве что в момент, когда твой ключ полностью вычерпывается совсем другим, чудовищно сильным и почти автономным заклятьем, тратить тиаре на что-то еще было подобно пытке.

Но седьмой принц не обращал внимания на боль. Сердце застучало болезненно быстро, когда магия заструилась по венам и брызнула в начертанный мысленно рисунок.

Но это сработало. Разум расчистился, и дракон вздохнул свободнее, на время забывая о том, что вокруг него вообще кто-то есть.

В тот же миг перед его глазами начали мелькать смутные образы. Туманные, непонятные.

Айден никогда не умел видеть будущее или угадывать, куда повернут тропы Рока. Однако прямо сейчас всю силу своей концентрации он направил в одну-единственную точку – в чувство тревоги, что с каждым мгновением все сильнее росло.

Он потерял счёт времени, забыл о том, где находится. Он больше не слышал братьев, один из которых не переставая ругался. И это позволило ему совершить почти невозможное.

Он вдруг увидел то, что подвластно лишь немногим существам этого мира. Перед ним пульсировали тонкие перепутанные линии,

сверкая в закатном полумраке разными цветами. От болезненно-черного до багряно-красного.

"Нити судьбы…" – задержав дыхание, подумал Айденион, стремительно разыскивая среди них ту, при виде которой спазм в его груди сделался бы сильнее.

Седьмой принц мало что понимал в умениях провидца, ведь у него никогда не было подобного благословения Яросветной девы. Однако о том, как найти нужную нить, он все же знал. Даром что этих нитей перед ним расстелилось бесконечное множество.

Зная, что у него совсем мало времени, принц стремительно перескакивал глазами от одной линии к другой, пока наконец не нашел ту, светло-голубую, отливающую в свете закатного солнца мягким золотом. И не потянул за нее…

А вот то, что он увидел дальше, повергло его в глубокий шок.

И в тот же миг под крики ярости шести истинных драконов Айденион Огненокрылый разорвал высшую печать пятого уровня. А затем, чувствуя, как боль от разрушенных колец заклятья практически дробит его кости вместе с костями его братьев, исчез в черно-красном вихре разорванного пространства.

Глава 2

Селина

Глядя, как Рэнвиэль спокойно преодолевает оставшееся между нами пространство, я похолодела от страха. Огонь, которым меня окружил Мельгорион, уже не казался защитой от посторонних, теперь он более походил на ловушку, из которой невозможно выбраться.

Затравленно я оглядела присутствующих сквозь пелену оранжевого пламени, в очередной раз замечая широко распахнутые от изумления и все же безразлично-холодные глаза дарков, удивленно ужасающиеся глаза аар, прижавшихся к стене вдали, и даже один блестящий взгляд маленького мальчика, прячущегося за юбку одной из даркесс. Сперва я не замечала его присутствия, а теперь с отстраненным и совершенно неуместным любопытством осознала, что этот малыш, судя по всему, тоже будущий дракон…

Впрочем, для меня сейчас это не имело никакого значения, и, наверное, я просто всеми силами пыталась зацепиться взглядом хоть за кого-нибудь, кто мог бы мне помочь. Кто мог бы убрать от меня подальше мужчину, от которого веяло холодом и смертоносной силой.

Когда Ренвиэль оказался совсем рядом, Мельгорион словно отошел ото сна, в который его погрузили слова посла Шеллаэрдэ. Черноволосый Сандролион вместе с еще несколькими старейшинами двинулся в нашу сторону, и на их лицах читалось раздражение, были напряженно сдвинуты брови. Последние слова Рэнвиэля им явно не пришлись по душе.

Как же сильно я обрадовалась в этот момент! И сердце еще громче застучало, когда Мельгорион, что был ближе всего к нам с вампиром, проговорил:

– Уверен, мы сможем договориться с любезным представителем наших добрых друзей – вампиров – о том, чтобы компенсировать вам право крови каким-то иным способом. Возможно, вы пожелаете…

Похоже, Первый жрец собирался предложить вместо меня кого-то другого. Или, может быть, дать послу денег. Пора было праздновать победу!

Вот только едва я несмело начала улыбаться, невольно попятившись на полшага назад, как Рэнвиэль целиком развернулся ко мне.

– Я уже пожелал, – проговорил он хлестко, но мягко одновременно. Его слова были как расплавленное серебро – пластичными, нежными и одновременно убийственными, как раскаленный металл.

В следующий миг он схватил меня за руку, резко потянув на себя, обнял, прижав к себе, и заглушил мой сдавленный крик собственными губами.

И через секунду все исчезло в плывущем тумане цвета первозданного мрака.

Мне было холодно и казалось, что всё вокруг наполнила одна сплошная непроглядная тьма. Она прилегала к коже, прилипала к ней, как неудобная одежда, как узкое платье или мешок, который надели мне на голову, и я сама никак не могла его стянуть. Эта тьма была обволакивающей и тяжелой, словно морская вода, из которой невозможно выбраться. Словно я попала на самое дно глубокого озера, откуда не видно даже самого яркого луча света.

Однако прошло несколько тяжелых, непереносимо-душных мгновений, и оказалось, что тьма вокруг – это вовсе не обморок и не сон. Мрак не привиделся мне в горячечном бреду, он был настоящим, потому что сквозь него вдруг начали проступать руки уже почти ненавистного мне мужчины.

Ренвиэля Эстерийского, посла Шеллаэрде…

И как бы я ни хотела, чтобы всё случившееся было лишь игрой воображения, на самом деле проклятый вампир до сих пор стоял рядом со мной, плотно вжимая меня в собственное тело. А на своих губах я чувствовала его губы.

– Какого лешего тут происходит? – зашипела я в ярости, когда тьма потихоньку начала отступать и в глаза ударил оранжевый закатный свет.

Мужские руки тут же отпустили меня, но сам вампир не стал отходить далеко. В его топазовом взгляде сверкало превосходство, а на его губах, окрашенных в нереальный ярко-красный цвет, блуждала мрачная улыбка, от которой дрожь по спине случилась бы даже у самого смелого мужчины.

Но хуже было то, что из-под этих ярко-красных губ виднелись острые, как иглы, клыки.

– Тебе не нужно переживать, милая, – мягко проговорил вампир обволакивающим ласковым голосом, – ты среди друзей…

Но стоило мне обернуться и осмотреться по сторонам, как я поняла, что мы находились уже вовсе не во дворце Айдена, а в странной небольшой комнатке, наполненной полумраком и затхлым воздухом. Сквозь высокое готическое окно едва-едва пробивался свет солнца, уже почти исчезнувшего за горизонтом. А совсем рядом в кресле-качалке сидела странная молодая женщина, при одном взгляде на которую всё внутри покрылось изморозью льда.

На первый взгляд незнакомка казалась вполне обычной, ей было не дать более тридцати лет. Чёрные волосы аккуратно спускались вдоль узкого светлого лица, руки в красивых кожаных перчатках были миловидно сложены на коленях, и только взгляд темных глаз из-под тонких бровей выглядел поистине пугающим.

Едва я взглянула на нее, как её кресло качнулось и скрипнуло, парализовав меня ужасом.

– Что происходит… как мы здесь оказались? – спросила я ошеломленно, стараясь отвлечься хотя бы на что-нибудь. Пытаясь загнать страх как можно глубже.

Совершенно очевидно, что мы с Ренвиэлем переместились в пространстве. Но как это возможно? Мне самого начала пребывания в этом мире все вокруг говорили, что на подобные фокусы способны только драконы. Так почему же клыкастый блондин сумел унести меня из Огненного Чертога так легко, как вор уносит в ночи приглянувшуюся безделушку?

– Я просто забрал тебя из того ужасного места, милая, чтобы продемонстрировать новый мир, от которого ты не сможешь отказаться, – с нежной улыбкой проговорил мужчина, а затем протянул руку вперед, коснувшись моих волос.

Я замерла, не в силах пошевелиться и испытывая странное сковывающее чувство в каждой мышце. Наверное, именно так выглядит истинный страх: когда тело перестает слушаться тебя и будто бы превращается в камень. Я словно со стороны наблюдала, как сквозь тонкие длинные пальцы Ренвиэля скользят мои пряди, переливаясь в закатном свете. Будто, покинув собственное тело, я изучала их

странный изменившийся цвет. Если прежде волосы были обыкновенными, русыми, пусть и с приятным персиковым оттенком, которым я всегда так гордилась, то сейчас каждый волосок всё более походил на розовое золото.

В голову пришла дурацкая мысль: отрезать и продать… а деньги отдать Ренвиэлю в качестве выкупа.

В какой-то другой жизни, наверно, я могла бы порадоваться тому, насколько привлекательнее стала. Могла бы поиграть в Рапунцель или в другую волшебную принцессу, которая попала в другой мир и стала восхитительной красоткой. Вот только сколько бы я ни вспоминала сказок, в которых цвет или структура волос главной героини колдовским образом менялись, всё там заканчивалось не так уж хорошо, как хотелось бы! В одной из версий Рапунцель вместе с отрезанием волос теряла силу. В другой версии припоминаю, что вместе с волосами из героини уходила и жизнь.

В общем, как бы то ни было, учитывая все события, что творились последние дни вокруг меня, я была склонна предположить, что изменившийся цвет волос ни к чему хорошему не приведёт.

– Разве вампиры способны повторить эксплозию дракона? – тихо выдохнула я, всё ещё пытаясь сбросить оковы оцепенения.

Но Рэнвиэль в ответ только ещё шире улыбнулся, и теперь я видела его клыки во всей красе.

– Нет, милая, – ответил он бархатно, – вампиры не способны на эксплозию, но у нас есть много других особенностей, которые, несомненно, понравятся тебе, стоит лишь узнать нас поближе…

– Вот уж сильно сомневаюсь, – буркнула я, когда почувствовала, что самообладание потихоньку начало возвращаться.

Вампир в это время уже спустил ладонь с волос мне на плечо и скользнул пальцами по руке. Мурашки пробежали по коже и вонзились внутрь холодными иголочками.

Я снова посмотрела в пронзительные голубые глаза этого мужчины, пытаясь понять, что же в нём так пугает. Только ли клыки были настолько страшными, что я буквально не могла пошевелиться в присутствии их владельца?..

Однако чем дольше я вглядывалась в посла вампирского государства, тем четче осознавала, что на самом деле его внешность была второстепенна. Я уже прежде замечала, что его узкое

благородное лицо было вполне привлекательно, можно даже сказать, что оно было дьявольски красиво… как может быть красива раскаленная лава, способная убить только одними своими испарениями.

Такой же опасной красотой обладали и его холодно-платиновые волосы. Вот только все равно это было не главное. Страшнее то, что если сконцентрироваться, то можно почувствовать: вокруг Рэнвиэля будто расстилался невидимый кокон силы, вступив который я совершенно переставала отдавать себе отчет в происходящем. Теряла связь с окружающим миром.

Едва осознав это, я тут же попыталась сделать шаг назад, покинув этот невидимый круг, и с радостью отметила, что вампир не последовал за мной. Расстояние между нами увеличилось, и мне сразу же стало легче дышать!

– Если ты не обладаешь эксплозией, то тогда как же перенес нас сюда? – спросила я, стараясь тянуть время. Может быть, кто-нибудь из драконов сможет меня найти, а то и вовсе я сама придумаю, как сбежать.

Краем глаза я снова осмотрелась и поняла, что из комнаты есть только один выход – маленькая дверь чуть правее вампира. Вот только чтобы прорваться туда, мне пришлось бы пройти мимо пугающей женщины в скрипящем кресле.

Также был ещё один выход из помещения – красивое большое окно, шторы на котором оказались почти полностью задвинуты. Однако, бросив туда короткий взгляд, я поняла, что все втроем мы находимся так далеко от земли, что убежать этим путём мне удалось бы только на крыльях какой-нибудь большой птицы… Или дракона. К сожалению, ни того ни другого здесь не оказалось.

– Хватит болтать с ней, Рен! – зло проговорила женщина в кресле, и я поняла, что не зря с самого начала она мне не понравилась. Её глаза ядовито сверкнули, и с каким-то невероятным трудом их владелица поднялась на ноги, схватившись одной рукой за угол камина. Женщина казалась молодой, но каждое её движение было наполнено старческой немощью. Я бы даже сказала, что это была не немощь, а нечто гораздо-гораздо хуже.

Сердце сдавили ледяные тиски страха. Если от посла вампиров просто веяло пугающей силой, то от этой особы несло самой смертью.

– Просто сделай то, ради чего ты принёс её сюда, а я закончу ритуал! – прорычала эта женщина, и в её голосе проступили старушечьи скрипящие ноты. У меня в голове мелькнула невероятная догадка: на самом деле передо мной была какая-то иллюзия, а вовсе не настоящий человек! Не могла вот так разговаривать тридцатилетняя дама, это явно какое-то колдовство!

И хотя я понятия не имела, какое именно, окончательно уверилась в том, что кем бы ни была эта незнакомка, она уж точно не являлась той черноволосой молодой женщиной, какой казалась на первый взгляд.

Оставалось понять, что ей и Ренвиэлю от меня нужно, и как-то это предотвратить… вот только времени уже не осталось.

– Ты права, Селина, как всегда, – проговорил вампир, заставив меня вздрогнуть. Он назвал моё имя, снова сократив между нами расстояние, но только в момент, когда я почувствовала на своем затылке его сильную руку, стало ясно, что свою фразу он адресовал вовсе не мне, а этой ужасной твари за своей спиной.

Черноволосую женщину звали точно так же, как меня!

Но обдумать этот невероятный факт мне не удалось, потому что в тот же миг Рэнвиэль сжал руку у меня на затылке, обхватив волосы, и заставил запрокинуть голову назад. Я не могла понять, что происходит, чувствуя, как одновременно другой рукой он поглаживает меня по спине, словно свою любовницу, и медленно склоняется к шее под чудовищно бубнящий голос другой Селины:

– Её кровь – твоя кровь… Её жизнь – твоя жизнь…

Нужно было сделать хоть что-то, хоть что-нибудь: оттолкнуть, ударить, укусить. Но я не могла даже закричать. Что-то холодное опутало сознание, заставляя меня чувствовать себя будто в чужом теле, глядя лишь в глубокие хрустально-голубые глаза Ренвиэля…

В этот миг клыки вампира вошли в мою кожу.

Я зажмурилась, чувствуя, как темнеет все вокруг от подкрадывающегося обморока.

Не зря о вампирах снимают так много фильмов ужасов: ничего страшнее я не испытывала своей жизни, и прямо сейчас мне хотелось кричать так громко, как только способны голосовые связки. Но голос не слушался. Ничего не слушалось.

Но, хвала богам, несмотря на первую боль от укуса, после него я больше уже ничего не чувствовала. Только щемящий холод, который проникал от шеи в каждую клеточку тела. Он брызнул в вены и вместе с леденеющей кровью начал курсировать по организму.

А затем вдруг прозвучали слова, которые я однажды уже слышала. У меня в голове они отдавались поразительным эхом узнавания… Когда-то их же мне говорил Айден, вот только в прошлый раз все происходило вовсе не так, как сейчас!

– Авэр ун шельери… – прошептал вампир, оторвавшись от моей шеи и взглянув в глаза. Его голубые радужки изменили цвет и теперь сияли в полумраке винно-алым.

А на его тонких губах поблескивала моя собственная кровь…

Не дожидаясь какой-либо реакции, Рэнвиэль склонился ко мне и медленно коснулся этими губами моих, словно это было частью какого-то непонятного мне ритуала. Однако едва это произошло, как он резко отодвинулся и зарычал, как ни странно устремив взгляд на страшную женщину позади:

– Какого демона, Селина?.. Эта магия, тьма тебя забери, не работает!

Едва он меня отпустил, как я качнулась, чувствуя, что с трудом стою на ногах. Коснулась рукой солнечного сплетения, потому что именно в этом месте тело пронзила острая боль.

Я задыхалась. Там, в груди, болезненно жгло. Но через пару секунд я вдруг с удивлением поняла, что от этой боли мне становилось гораздо лучше. Словно пламя зажглось в груди, ограждая меня от вампирского льда. И каким-то внутренним чутьем я понимала, что этот огонь вовсе не мой собственный. Он принадлежал Айдену.

Мне настолько полегчало, что я даже начала замечать, что происходит вокруг. А посол вампиров был в бешенстве. Если прежде он на уровне инстинктов казался мне наделенным пугающей силой, то сейчас эта сила словно начала сгущаться в воздухе, образуя вокруг мужчины темное облако.

Я не знала, что это было, но шагнула назад, стараясь не касаться явно колдовского тумана. Кое-где внутри него, кажется, мелькнули силуэты летучих мышей.

Но едва Рэнвиэль произнес последние слова, как страшная женщина метнулась ко мне, будто маленький карлик, согнувшись

пополам, и схватилась тонкой ладонью за мое горло. Её глубокие чёрные глаза распахнулись широко-широко, и на их дне мне почудились зеленоватые колдовские отблески кладбищенских могил.

Я схватила ее за руку, стараясь отодрать от себя, но под пальцами ощутила лишь твердую кость. Никакого, даже призрачного, ощущения человеческой плоти – будто я держалась за руку скелета.

Селина не отпускала меня. Воздух затрепетал, задрожал, будто в него брызнули магией или рядом снова кто-то зажигал колдовскую печать. Но печатей не было!

А лицо ведьмы начало страшно меняться.

Мгновение – и передо мной уже стоял живой труп, одна половина физиономии которого выглядела как протухший шматок мяса, а вторая и вовсе была лишь куском черепа.

– Она не станет твоей, у неё уже есть имя! – прокричало это чудовище в ярости.

– Не может этого быть, – нахмурился Ренвиэль, откинув назад платиновую прядь волос. – Ты говорила, что она не из нашего мира, откуда бы у неё взяться колдовскому имени?

Ведьма сильнее вцепилась в мое горло, и я почувствовала, как вместе с её взглядом внутрь меня будто входит что-то еще, будто какое-то незримое существо холодными лапами облепляло всю мою душу.

Кажется, в этот момент я все же закричала.

– Проклятый Седьмой принц нарек ее собственным именем! – хрипя, выдохнула женщина через несколько мгновений, и только тогда отвратительное ощущение чужих ладоней внутри моих лёгких исчезло. Вместе с кистью, что стискивала горло.

– Что за чушь? – негромко засмеялся вампир. – Драконий принц будет вводить в свою семью обычную человеческую девчонку? Это невозможно. Ни один старейшина не позволит такого даже простому дарку. Не то что имперскому принцу.

– И всё же это так, – почти выплюнув, проговорила старуха и отошла в сторону.

– Что же теперь делать? – нахмурился вампир, разглядывая меня так, словно я была куском добычи, который уплывал из рук.

– Не знаю, – бросила ведьма. – Ну пока девчонка сама не решит выйти из его семьи, твоей она не станет. Имя драконьего принца будет

охранять её лучше любой защиты.

После этих слов старуха рассмеялась злым каркающим смехом.

– Ты немножко не успел, Рен, забавно, да? – добавила она, а затем взглянула на меня, с усилием приподняв одну-единственную бровь, что у нее была. – А тебе не многовато ли двух принцев, деточка?

Я громко сглотнула, не понимая, какого ответа она от меня ждёт, но очень сильно желая ударить ее чем-нибудь в ответ. Вот только что-то подсказывало: стоит мне это сделать, как из комнаты я уже не выйду. Живой. Однако заставить меня молчать было чуть сложнее, и я всё же проговорила, в раздражении потирая горло:

– Вообще-то, я не претендовала ни на одного из них. Хочешь – забирай обоих.

Ведьма задрала голову и ещё громче засмеялась, бросив короткий взгляд на посла.

– Смотри-ка, Рен, ты ей и близко не сдался! Как и драконий принц!

После этих слов Ренвиэль вдруг обхватил мой подбородок, заставив посмотреть на себя.

– Ничего, – обманчиво мягко проговорил он. – Я умею убеждать женщин. Пара недель в Шеллаэрде, и ты сама у меня попросишь дать тебе новое имя. Будешь умолять…

Вот только в этот раз я уже поняла, что глубокие, немного раскосые глаза вампира не так просты, как кажется, и не стала глядеть в них, целенаправленно устремив взгляд в его переносицу. От греха подальше, так сказать.

Кажется, это помогло, потому что я смогла свободно откинуть его руку от своего подбородка, услышав в ответ тихий, бархатный смех вампира:

– Сильная, храбрая. Мне будет приятно играть с тобой.

– А вот это вряд ли, – раздался знакомый голос, от которого все во мне буквально перевернулось.

За спиной княжича вампиров разверзся черно-красный вихрь, из которого вышел белый от ярости Айденион Огненнокрылый.

Принц и правитель Седьмого королевства.

После всего, что со мной произошло, жаркое пламя, внутри которого появляется мощная фигура дарка, должно было уже казаться не столь внушительным. Я видела здесь столько колдовства и столько

необъяснимого, что впору было привыкнуть и понять: этот мир полон диковинной магии. И всё же, когда смуглое лицо, обрамленное черными волосами, выступило сквозь огонь, я не смогла сдержать внутреннего восторга. Оранжевые язычки облизывали мощные мышцы Айдена, его широкую грудную клетку, почему-то обнаженную, словно он не успел одеться. А свет от эксплозии играл бликами на черных брюках, подпоясанных металлическим ремнем.

Я не могла отвести взгляд от своего принца, настолько он был прекрасен.

– Айден! – воскликнула, не сдержавшись, и протянула руку вперёд, лишь мгновением спустя убирая её обратно. Я обязана была скрыть всю ту шаровую молнию нервов, что рвалась из меня наружу. Не показывать, что творилось со мной на самом деле.

Нужно было держать себя в руках, ведь сердце подсказывало: ничего ещё не кончено.

Тем более что стоило мне приглядеться, как стало ясно: с принцем что-то неладно.

– Тебе придётся объясниться, Ренвиэль Эстерийский… – спокойно проговорил Айден, шагая ко мне и неторопливо заслоняя собой от вампира и колдуньи. Всего пара движений принца, и вот я словно за непроницаемой стеной. – Как и тебе, оракул. Что вы делаете здесь оба с моей ааро́й?

Он говорил мягко и неторопливо, почти безэмоционально, однако я кожей чувствовала напряжение, разливающееся в воздухе. Буквально нутром ощущала, что Айден скрывает свои истинные эмоции.

Ну как он узнал, что я здесь? Как понял, что мне нужна помощь, ведь он вроде бы был со своими братьями? Или, может быть, кто-то во дворце всё же передал принцу важное сообщение?

Я ничего не знала, но была счастлива просто оттого, что дарк наконец-то рядом. Хотелось шагнуть к нему навстречу, коснуться руками его обнаженной спины. Прислониться лбом к горячей коже и просто закрыть глаза. Но что-то подсказывало: не стоит этого делать. Напряжение вокруг становилось всё сильнее, несмотря на то, что все участники беседы казались внешние спокойными, будто море в штиль.

– Боюсь, что есть некоторые варианты насчет того, чья это все-таки аара, – проговорил Рэнвиэль размеренно и негромко, но на этот раз было совершенно очевидно, что в его глазах пляшет не менее

яростный огонь, чем в глазах принца. Будто бы подтверждая полное отсутствие страха, княжич вампиров сцепил руки за спиной и приподнял подбородок, уверенно глядя на Айдена.

Я быстро размышляла, пытаясь понять, на чьей стороне сила. На первый взгляд казалось, что Седьмой принц Новой Райялари в своем праве и обладает безусловной властью на острове. Почтительно склоненная голова колдуньи, которая сейчас, казалось, опасается даже взглянуть на гостя, подтверждала этот факт. Однако не стоило забывать и того, что Рэнвиэль, кажется, был наследником Шеллаэрде. Кто-то из дарков об этом упоминал. А значит, передо мной, вероятно, стояли двое равноценных по власти мужчин. И очень вероятно, что от итогов их переговоров и вовсе мог начаться конфликт между двумя государствами.

Хотела бы я стать причиной этого конфликта? Определенно, нет. Создавать проблемы ни Айдену, ни кому бы то ни было другому я бы не желала.

А проблема меж тем набирала обороты.

– Ваше светлейшество не в курсе, что эта аара – моя по праву крови, – жёстко проговорил вампир, сдвинув темные брови, но не забывая соблюдать формальности этикета. – А посему я прошу вас немедленно покинуть башню Летучей мыши. Ежели вы пожелаете, мы можем продолжить нашу аудиенцию в Чертоге Огня, поскольку в Шеллаэрде мы вас не приглашали, Седьмой принц, а сами вы о нем не уведомляли в положенной форме.

В этот момент Айден повернул ко мне голову, и я заметила, как его напряженный взгляд резко скользнул с моего лица вниз, к шее. И тут же потемнел, наполнившись с грозовыми тучами.

Я подняла руку к шее – туда, куда он только что смотрел, – и почувствовала влажную липкость. На пальцах осталась кровь.

Когда Айден вновь повернулся к вампиру, его тон резко изменился и стал ещё хуже, чем был.

– Если ты думаешь, что мне нужно твоё приглашение, проклятый кровосос, то ты сильно ошибаешься, – процедил принц с бешенством в голосе, и я в очередной раз заметила, что его грудная клетка поднимается и опускается слишком быстро. А на смуглой коже виднеются бисеринки пота.

Айден будто бы устал после чего-то… А то и вовсе испытывал боль, отчего тело бросало в жар. Но что с ним произошло?..

В глазах Рэнвиэля блеснули отблески кровавого заката. Он стиснул зубы, и из-под скривившихся в гримасе ярости губ сверкнули острые клыки.

– Боюсь, за нанесенное оскорбление вам придется ответить, Айденион Огненнокрылый, – негромко ответил Рэнвиэль, коротко склонив голову.

И вокруг нас начал сгущаться непроглядный мрак.

– Нет, княжич, нельзя! – проскрипела старуха, вытянув вперёд костлявую руку, обернутую в перчатку.

– Поздно, – рявкнул Рэнвиэль, и пространство вокруг заволокло тьмой.

Черный воздух ударил в ноздри, проник в легкие, обжигая морозным прикосновением.

Начало происходить что-то совершенно ужасное. Отовсюду засверкали ослепительные всполохи, от них несло жаром и пламенем. Раздался оглушительный грохот. Можно было бы подумать, что кто-то достал пистолет и стреляет. А может быть, страшный шум принадлежал какому-то ещё более страшному и сокрушительному оружию. Вот только в этом мире не существовало такого оружия, зато была магия – гораздо более смертоносная штука.

Крохотное пространство комнаты, в котором мы оказались зажаты, словно в камере тюрьмы, не могло выдержать такого напора колдовства. Стёкла повылетали наружу, а поток ледяного ветра, неизвестно откуда взявшегося здесь, грозил выбросить и нас троих вслед за осколками.

– Вы уничтожите башню, остановитесь! – завещал тонкий скрипучий голос оракула, и, признаться, в этот раз я была очень с ней солидарна.

В меня отлетел деревянный стул, от которого уже откололись несколько ножек. Спину ударило что-то крупное и острое. Но я не обращала внимания.

Гораздо сильнее меня пугало не это. Впереди, прямо передо мной, схлестнулись в рукопашной схватке Айден и Рэнвиэль Эстерийский. Они дрались ожесточенно, и магия, выплескивавшаяся повсюду, была

лишь отголоском того, что творилось в коконе узкого пространства вокруг двух мужчин.

Белоснежные волосы вампира, которые ещё секунду назад только-только прикрывали уши, вдруг стали гораздо длиннее. Теперь они спускались к самому основанию спины и выглядели словно грива, развеваясь в воздухе калено-белым пламенем. Руки вампира почернели и увеличились в размерах, а на кончиках пальцев появились длинные блестящие когти, которыми он то и дело пытался разорвать врага.

Напротив княжича стоял Айден в полностью человеческом обличье. Наполовину обнаженный, с тяжело вздымающейся грудной клеткой, смуглая кожа которой была расчерчена десятком кровоточащих царапин.

Глядя на кровь на теле принца, мне вдруг захотелось, чтобы мужчины дрались на расстоянии друг от друга. Чтобы они использовали магию по-настоящему, как это у них тут было принято.

Может быть, тогда не было бы так много крови…

Однако создавалось впечатление, что оба мужчины хотят придушить друг друга голыми руками.

И, к сожалению, я не могла понять, кто из них сильнее. Хотелось надеяться, что это всё-таки дарк, тем более что в некоторые моменты казалось, будто всего одним ударом его мощного кулака можно размозжить череп даже великану, не то что светловолосому вампиру.

Впрочем, Ренвиэль и прежде-то не казался безобидным или хрупким, а уж сейчас, когда с ним произошла эта странная, пугающая трансформация, он и вовсе стал напоминать мифическое чудовище с горящими кровью глазами.

– Княжич, княжич мой! Княжич, остановитесь, – лепетала что-то там колдунья. Её разметало по комнате и прижало к противоположной стене резким потоком воздуха. В какой-то другой жизни можно было бы даже пожалеть несчастную старуху, поскольку физическая немощь явно не позволяла ей предпринять хоть какие-то меры к собственной защите. Вот только жалеть ведьму было себе дороже.

– Что с твоими волосами? – услышала тем временем голос Айдена, повернула голову и поняла, что оба противника стоят на расстоянии не более метра друг от друга и тяжело дышат.

На боку дарка зияла глубокая кровавая рана, но он словно вовсе не обращал на неё внимания.

У вампира была порвана рубашка, а то, что осталось от жилетки, валялось на полу, сожженное дотла. Мощная грудная клетка виднелась из разрезов ткани, и кое-где на ней тоже сверкали капли крови. Однако кровотечения нигде не наблюдалось, и мне вдруг пришло в голову, что, возможно, у таких, как он, кровотечений вообще не бывает.

Впрочем, об этих странных существах я совершенно ничего не знала. Но знала совершенно ясно другое: если я в ближайшее время не помогу своему дарку, это однозначно приведет к печальным последствиям.

Мне нужно было понять, что делать! Но на что я вообще гожусь, если рядом два настолько сильных колдуна?

Сердце стучало под рёбрами ошеломительно быстро. У меня не хватало времени не то что принять какое-либо решение, а даже уследить за происходящим. Не было лишнего мгновения даже на страх, хотя пальцы давно свело от холодного предчувствия.

– Я княжич вампиров и наследник кровавого тюльпана, – мягко усмехнулся Рэнвиэль в ответ на вопрос Айдена. – У меня есть свои секреты. А есть ли они у тебя, имперский принц?..

Вопрос явно был риторическим, потому что после него вампир замахнулся огромной когтистой лапой и нанес очередной удар. На этот раз с когтей неожиданно сорвался странный чёрный огонь, и несмотря на то, что дарк успел увернуться, пламя перескочило на его кожу, мгновенно вспыхивая.

Дракон закричал, и смуглые рельефные мышцы будто бы зажглись собственным огнём. Под кожей словно растеклась жидкая лава, как в те моменты, когда за спиной моего дарка распускались крылья… Или прямо перед этим.

– Айден, нет! – закричала я в ужасе, глядя, как принц падает на колени и закашливается. В уголках его губ появились пятна крови.

Я ринулась к нему, не глядя ни на что вокруг, забывая обо всем и замирая в паре сантиметров от его тела. Я совершенно не знала, как прикоснуться к нему, потому что чёрный огонь вампира продолжал прыгать по его плечам. В язычках этого пламени блестели синие переливы, и, если приглядеться, огонь оказывался не полностью чёрным. Он был скорее как тёмный сапфир, в сколах которого можно увидеть собственное отражение…

И почему-то я вдруг почувствовала, что этот огонь гораздо страшнее обычного. В голове мелькнула догадка: он не убивал, нет… он будто превращал живое существо в… нечто ужасное.

– Отойди! – зарычал принц и поднял руку явно для того, чтобы меня оттолкнуть. Вот только мгновением позже отдернул её обратно, потому что на его ладони плясало всё то же черное пламя.

– Твой принц дело говорит, девочка, – мрачно, даже с каким-то неожиданным предостережением проговорил Рэнвиэль, а затем, схватив за шкирку, постарался отбросить меня назад.

Вот только это было не так-то просто! Я оглянулась по сторонам и заметила, что на полу валяется плед, который, судя по всему, совсем недавно лежал на кресле старухи-ведьмы. Схватив его, дернула на себя и тут же укрыла горящие плечи Айдена.

Дурацкая защита… Вряд ли простая тряпка могла спасти от колдовского огня, но должна же я была попробовать сделать хотя бы что-нибудь! В конце концов, обычный огонь гаснет, если ему не хватает кислорода. Может быть, должен был погаснуть и магический?..

Прошло несколько секунд, прежде чем вампир сумел повторно оторвать меня от Айдена, вот только на этот раз на плечах принца все же осталось старое шерстяное одеяло.

Айден поднял голову и посмотрел на меня широко распахнутыми огненными глазами. Он будто не верил в то, что происходит, или не понимал. Дыхание едва вырывалось из его груди, с какими-то свистящими хрипами выталкивая кровь изо рта.

Но что самое невероятное – черный огонь вампира исчез.

– Ловкий фокус, – хмыкнул княжич. – Хитрая девочка. Простым заклятием “костер душ” не сбить, а вот так вот… старой тряпкой… – Он глухо засмеялся. – Очень хитрая и необычная девочка, да, Селина?

На этот раз вампир обращался всё-таки ко мне. Он иронично изогнул густую черную бровь, резко контрастирующую с длинными белыми волосами, колышущимися за спиной, словно плащ.

Полагаю, что ответа от меня никто не ждал, поэтому я молчала, надеясь, что вот-вот мой принц встанет на ноги. Что без заклятья Ренвиэля ему будет лучше и пугающая кровь остановится… Вот только казалось, что с Айденом что-то не так, но совсем по другой причине. Да, черный огонь убивал его, но, похоже, еще до битвы с

княжичем дарк был чем-то ослаблен, словно пережил еще одну схватку с каким-то другим опасным монстром.

Но каким? Почему?..

В это время Айден наконец-то встал на ноги, медленно выпрямляясь и расправляя широкие плечи. Старое одеяло ведьмы осыпалось на пол черным пеплом. А за спиной принца вдруг распахнулись те самые огненные крылья…

Я невольно засмотрелась на него, испытывая щемящую радость оттого, что все получилось. Айден снова был на ногах и выглядел значительно лучше.

Тыльной стороной руки он стер кровь с лица и мрачно посмотрел на вампира, шевельнув крылатым пламенем за своей спиной.

– Ого, – выдохнул Ренвиэль, и улыбка исчезла с его лица. – Так у тебя тоже есть свои секреты, имперский принц? – проговорил он, и на этот раз в его голосе было гораздо больше уважения, чем прежде.

Бой продолжился в тот же миг, а я едва успела отскочить назад, лихорадочно придумывая, как нам всем убраться отсюда поскорее. Ну, может быть, и не всем, а только мне и дарку, но что-то подсказывало: комната в любой момент может обрушиться, и погибнем мы уже все вчетвером.

Лихорадочно шевеля пальцами, я старалась вызвать внутри собственного тела те ощущения, которые мне показала русалка. Не так-то просто повторить урок и сделать всё правильно, если нет необходимого навыка. Нелегко с ходу воплотить в жизнь те навыки, которыми ты сумел воспользоваться всего один раз, да и то с чужой помощью! Даже на велосипеде никто не сумеет прокатиться, не упав, с первой попытки. Даже самое простое колдовство не должно было получиться у меня с первого же раза. А я пыталась воплотить сложнейшую из магий этого мира – эксплозию дракона.

Рядом что-то треснуло и взорвалось, заставив меня шагнуть ещё в сторону и назад. Я уперлась спиной в стену и поняла, что дальше бежать некуда.

В этот момент где-то внутри неожиданно появилось знакомое ощущение, словно в венах стало горячо.

– Начало получаться! – тихо прошептала я, стараясь себя подбодрить, и даже на миг закрыла глаза, хотя было очень страшно

терять из поля зрения моего принца. Казалось, стоит отвернуться – и, когда я вновь на него посмотрю, он уже будет мертв.

Но мне нужна была концентрация, я просто обязана была унести нас обоих отсюда, если по какой-то причине Айден этого сделать не может или не желает.

– Я должна представить, как с моих пальцев течёт огонь, – бубнила я сама себе. – Русалка говорила, что эксплозия доступна только драконам, потому что лишь огонь умеет прожигать пространство…

Чем больше я об этом думала, тем сильнее становилось жжение в венах. Я старалась изо всех сил, представляла Чертог Огня, зал, в котором мы были совсем недавно, материализовала желтые язычки пламени, текущие у меня внутри вместо крови. И действительно казалось, что это работает!

Через какое-то время я позволила себе осторожно открыть глаза и увидела, как у меня на ладони прыгает огонь. Это было очень страшно! Инстинктивное желание отгородиться от смертоносной стихии было трудно преодолеть, но я сделала и это.

Старательно заставляя себя не смотреть в сторону Айдена и тем самым усиливая концентрацию, я представила, что крови – а значит, и огня – во мне гораздо больше, настолько много, что она вот-вот вырвется наружу!

И тут же пламя на ладони вспыхнуло ярче.

Я опустила руку, стряхивая горячую магию на пол, буквально не в силах наблюдать, как она пытается двигаться вверх к моему плечу.

Вы когда-нибудь ощущали, что по вашей руке ползет рой муравьев? Или пауков? Так вот, когда вместо них, будто живой, ползет огонь – это многократно страшнее!

Но я старалась не делать резких движений, аккуратно направляя пламя на пол. И через несколько мгновений оно начало закручиваться в спираль и превращаться в знакомый вихрь!

– У меня получилось, – не верила я, широко распахнутыми глазами рассматривая увеличивающуюся воронку.

Вихрь становился всё больше и сильнее, пока не приобрел очертания прохода, куда можно было смело шагнуть. Мне даже казалось, что внутри я отдаленно различаю контуры огромного дворцового зала!

Оставалось дело за малым: дернуть Айдана на себя и вместе с ним умчаться прочь отсюда, исчезнуть в недрах воронки и оказаться где угодно, лишь бы подальше от башни ведьмы.

Однако стоило мне перевести взгляд на своего принца, как я поняла, что самое страшное все же произошло. Я опоздала.

– Гниль тебе в печень, так я и знала, что этим кончится, – звучал злой голос старой колдуньи. – Говорила же: не надо начинать этот бой! Проклятый имперский принц же упрямый, как баран! Пока не убьет тебя – не успокоится!

Вампир коротко рассмеялся, склонив светлую голову с развевающимися волосами. Он выглядел бодрым и сильным, но на этот раз я заметила, что под разорванной рубашкой, которую он спокойным жестом дворянина пытался привести в надлежащий вид, запахивая обратно, зияла огромная рана, через которую было видно сердце.

Он должен был что-то ответить, по крайней мере его улыбающееся склоненное лицо к этому располагало, но он молчал.

И я поняла, что он просто не может ничего сказать.

Айден же тяжело и хрипло дышал, зажимая рукой все ту же рану в боку, но улыбался. Огненные крылья трепетали за его спиной, и, чуть прищурившись, я вдруг заметила, что благодаря им вокруг принца словно колышется невидимый магический кокон. Крылья защищали его!

– Что ж… – прошамкала старуха из своего угла, – Будешь должен мне, княжич Кровавого тюльпана… – зло проговорила она, а затем вдруг каким-то нелепым и ужасным образом оказалась за спиной Айдена, преодолевая тот самый невидимый кокон.

В тот же миг, как она это сделала, ее тщедушное тело начало гореть. Она истошно завопила сквозь зубы, но не двинулась с места, доставая откуда-то из-под полы своей длинной юбки тонкий чёрный кинжал. И уже через миг нанесла удар.

Айден, несомненно, заметил женщину, которая подкралась к нему сзади. Он был быстр, почти молниеносен, казалось, что прежняя сила вернулась к нему, и обернулся принц почти одновременно с движением ведьмы. Он обхватил ее горло, с силой сдавив горящее тело. На лбу страшной старухи в то же мгновение зажглась маленькая

золотая печать, испещренная символами. Затем она взорвалась, рассыпавшись золотыми искрами, и ведьма обратилась в пепел.

Вот только сам Айден будто удивлённо опустил голову вниз, глядя, как из его живота торчит рукоять кинжала.

Он достал её настолько быстро, что движение руки едва ли можно было заметить в воздухе. Будто от длительности нахождения лезвия в теле что-то зависит… А ведь обычно было наоборот: если лезвие быстро вынуть, это может вызвать кровотечение и смерть…

Все это я понимала каким-то отстраненным умом, границей разума осознавая, что вообще происходит.

Ведь из раны на животе принца хлынула кровь вместе с едва заметным чёрным дымом…

– Проклятье… – тихо выдохнул дракон, бросил на меня короткий взгляд, словно прощаясь, и упал на пол замертво.

Я закричала.

В это время стены башни начали дрожать, с потолка посыпалась каменная крошка, а скудная мебель в помещении начала падать на пол.

– Скорее, мы должны убраться отсюда, – резко проговорил вампир, одну руку протянув ко мне, а другой закрывая полой разорванной рубашки развороченную грудь.

Его голубые глаза были на диво спокойны и мрачны, и в них, кажется, впервые не светился кровавый свет.

Но мне было все равно. Я ринулась к принцу, в ужасе думая о том, что он должен быть еще жив. Не мог же он умереть так быстро! Я обязана была его спасти!

Вот сейчас я перенесу нас обратно в зал Чертога Огня, а там ему уже помогут… Все будет хорошо!

– Не трогай его, ты ему не поможешь, – как-то спокойно, без злобы сказал Ренвиэль. – Черное золото уже у него в крови.

– Какое черное золото? Иди ты знаешь куда со своим черным золотом! – взвизгнула я, отталкивая его руку.

Башня снова дрогнула и начала осыпаться сильнее.

Ренвиэль осмотрелся по сторонам, сдвинув брови.

– Магия оракула угасла, и башня это чувствует. Вот-вот стены схлопнутся, и все здесь превратится в руины. Старуха славно защитила свой дом. Пойдем, – приказал он, схватив меня за руку.

И я поняла, что он вот-вот просто утащит меня силой, как в первый раз.

– НЕТ! – прорычала я, вставая с колен и стиснув кулаки.

Внутри меня все горело. Было так больно, словно это я горю, словно это меня сжигает то самое черное вампирское пламя с фиолетовыми отблесками. Причем изнутри…

И едва я выдохнула это слово, наполненное ядом и моей болью, как с рук полился оранжевый огонь. Он тут же окружил меня и Айдена метровой стеной, и, едва попытавшись пройти сквозь нее, Ренвиэль резко отступил назад.

На его ладони, что коснулась огня, остался багрово-красный ожог.

Несколько мгновений вампир смотрел на меня с другой стороны колдовской стены и молчал. Его длинные белые волосы, развевающиеся за спиной, как плащ, медленно уменьшились в размерах, снова став обычными, едва прикрывающими уши. Руки тоже приобрели нормальный вид.

Стены задрожали и треснули, а мы так и смотрели друг на друга сквозь огненную стену.

– Ты умрешь тут, – сказал вдруг вампир, и я заметила, как на его бледном невозмутимом лице проскользнула тень каких-то эмоций. Прежде такие ярко-алые губы сейчас были светлыми, почти обескровленными. И они вдруг сжались. А черные брови над пронзительными глазами едва ощутимо сдвинулись.

У меня не хватило сил ответить ему хоть что-нибудь. В конце концов, не он убил Айдена, а старуха, хотя именно его действия послужили спусковым механизмом для всех последующих событий. И все же… убил не он. Если бы не ведьма, Ренвиэль, скорее всего, сам бы сейчас был мертв.

Сдавленные рыдания застряли в горле и вот-вот грозили вырваться наружу. Я едва стояла на ногах. В глазах щипало, а весь окружающий мир подернулся мокрой рябью с отблесками огня.

Но молчание было достаточным ответом.

– Как знаешь, Селина, – сказал тогда вампир и, бросив на меня последний взгляд, отвернулся и превратился в облако черного дыма.

В тот же миг внутри этого облака раздалось хлопанье крыльев летучих мышей, стали видны маленькие черные тельца, и все это с молниеносной скоростью вылетело в окно комнаты.

А я осталась одна возле моего принца…

Упала на колени рядом, не зная, как поступить. Дрожащей рукой коснулась артерии на его шее, пытаясь нащупать пульс, ток крови.

Но его не было.

Мое заклятье по переносу нас в Чертог Огня тоже рассеялось, едва я потеряла контроль над собой, и теперь мы вдвоем находились в разрушающейся башне, отделенный от окружающего мира только стеной пламени, с которым я не знала, что делать.

Слезы застилали взгляд, но я из последних сил старалась не реветь. Стоит впасть в истерику, как мне однозначно не удастся выбраться отсюда и уж тем более вынести Айдена.

Но я не чувствовала биения его сердца, и это доводило меня до крайней степени отчаяния. Бледное лицо приобрело оттенок синевы, а рана от кинжала в боку стала пугающе-черной.

– Я должна что-то сделать, должна, – тихо шептала я, стараясь не допускать мысли о том, что все кончено. Это финал истории.

Моей, его – неважно.

В этот момент я вдруг поняла, что меня совершенно не пугает тот факт, что я нахожусь в обрушающейся комнате старой ведьмы и вот-вот мне на голову просто упадет кусок потолка весом в пару тонн. Меня не пугает то, что я никогда не вернусь в свой родной мир и прочая ерунда.

А вот смерть Айдена, дракона, который, по сути, совершенно чужой для меня, да и знакомы мы меньше месяца, вызывает у меня внутри ощущение локального конца света. Я испытывала почти физическую боль, когда смотрела в его красивое сильное лицо с волевым подбородком, ставшее мертвенно-бледным. В его закрытые глаза, которые еще пару минут назад пылали так ярко…

– Ты должен выжить, ты меня слышишь? – прошипела я, склонившись к принцу и зло взглянув в его безучастное лицо. Я схватила его за плечи и встряхнула. – Попробуй только оставить меня тут одну! Кто обещал мне, что я могу ему доверять? Разве можно тебе доверять, если ты способен бросить собственную аару в обрушающейся башне?

Айден не ответил.

В этот момент потолок раскололся надвое, и сверху совсем рядом с нами упал огромный каменный валун. С улицы начал раздаваться

скрипучий грохот, как будто башня накренялась.

А я наконец осознала, что нам конец. Слезы беззвучно потекли по щекам, грудь дрожала от судорожного дыхания, которое бывает, когда плачешь.

Айден был мертв. А я вот-вот должна была оказаться погребенной под завалами вместе с ним.

Вот только в последний момент я повернула голову, чтобы еще раз коснуться руки принца, и заметила, как его пальцы медленно шевельнулись…

Очередной кусок стены с грохотом упал рядом, потолок окончательно раскололся надвое. Часть башни, в которой было расположено окно, начала наклоняться, а затем и вовсе посыпалась вниз.

У нас оставалось очень мало времени. Более того, я с трудом понимала, почему мы вообще до сих пор не похоронены под камнями.

Вот только ещё более явственно я понимала другое: у Айдена очень мало времени, ещё меньше, чем нам обоим выделила обрушающаяся башня.

Края раны в его боку стали черными, и дым, который в первый момент после удара повалил из тела, совершенно ясно давал понять: он действительно отравлен. Если в ближайшее время не принять противоядие, то всё будет напрасно. Если прямо сейчас я начну снова пытаться открыть пространственный переход, пока я буду совершенствовать собственные навыки, Айден просто умрет.

Чудом было уже то, что я видела, как шевелилась его рука! При этом я изо всех сил старалась верить, что мне это не показалось.

Грохот разрушающейся башни становился всё громче, а я никак не могла понять, что же мне делать. Возможно, все же было бы верным решением переместиться в Чертог Огня и переложить все заботы по лечению принца на его слуг, придворных медиков, очередных старейшин или кого-нибудь ещё.

Вот только я нутром чувствовала, что всё это не поможет! Словно где-то под рёбрами у меня росло холодное предчувствие. Тонкими щупальцами оно вгрызалось в мышцы, расползалось по мне, сковывая мысли липким страхом приближающейся смерти.

Поэтому вместо того, чтобы снова попытаться повторить эксплозию, я понадеялась, что моей чудом проснувшейся магии будут

доступны и другие фокусы, кроме перемещений.

Наверняка для того, чтобы освоить магическую медицину, нужен особый навык, и делать это я не пыталась даже мысленно. Кроме того, очень трудно вылечить человека, внутри которого яд. Поэтому первоочередное и самое главное, что я должна была сейчас сделать, – это нейтрализовать отраву.

– Огонь, у меня есть огонь, – неровно проговорила я, лишь краем сознания замечая, как дрожит и срывается собственный голос. Оглянулась по сторонам, осматривая пламя, которое все еще окружало нас с принцем, и инстинктивно надеясь, что оно мне подчинится и в более тонкой работе.

Хотелось думать, что у меня нет другого выхода. У меня действительно не было! Вот только очень высокой была вероятность и того, что принятое мной сейчас решение окончательно убьет дарка.

Дрожащими кончиками пальцев я прикоснулась к чёрной ране, стараясь не смотреть в бледное лицо, не обращать внимания на абсолютно бездыханное тело. А затем представила, как с моих рук точно в тонкое отверстие от лезвия течет жидкий огонь. Я концентрировалась изо всех сил, не замечая, когда крупные куски камня от башни начали падать мне на спину и голову, когда из рассеченной кожи на лбу на лицо потекла кровь.

Я представляла, как пламя, проистекающее из моего тела, становится универсальным заклятием, выжигающим любой яд, но сохраняющим здоровые ткани. Не знала, насколько подобное вообще было реально. Понятия не имела, сработает ли. Ведь какой бы глупостью это все ни казалось мне, человеку из двадцать первого века, я пыталась играть по местным правилам. И хотя мне не была знакома ни одна магическая печать, я не знала принципов плетения волшебных рун, которые с помощью тысячи ворсинок-символов образуют "шкуры" колдовства, все равно надеялась. Мне оставалось лишь верить, что умение русалки ворожить без всего этого сложного набора инструментов поможет мне и здесь.

Кончики пальцев начало покалывать. А затем прямо на моих глазах образовалось несколько тоненьких струек оранжевого цвета. Они вспыхивали, распространяя вокруг пугающий свет и тепло, а затем стекали на обнаженный живот принца.

С ужасом я наблюдала, как в месте соприкосновения струек с кожей образуется ярко-красный ожог.

У меня что-то не получалось.

Ледяной ужас сковал каждую мышцу, но, к сожалению, остановиться у меня не было никакой возможности. Мы с принцем могли умереть в любую секунду под завалами башни.

Однако было нечто еще, что невероятно успокаивало меня, позволяя дышать сквозь сжатое горло. Если от моего пламени оставался ожог, значит, Айдан действительно ещё жив! Его тело реагирует на жар: кровь приливает к коже и придает ей специфический оттенок. Если же принц был бы мёртв, то огонь лишь опалил бы плоть!

Однако, к счастью, пугающие струйки пламени не оставляли после себя чёрных обугленных следов. Значит, то, что я делала, хоть и обжигало дарка, но не могло принести непоправимый вред.

С новыми силами я продолжил работу, стараясь ускориться, представляя, как огонь утекает в тело Айдана и уничтожает чёрную отраву.

Прошло несколько мгновений, и струйки послушались, исчезнув в недрах раны.

Все. Я больше ничего не могла сделать.

Ещё один огромный кусок стены дрогнул и откололся от башни. Теперь с двух сторон от нас я видела вечернее небо. Ветер гулял по обрушающейся комнате, трепал мои волосы, шевелил пряди волос принца, создавая призрачную иллюзию жизни.

Секунда.

Ещё одна.

Айден не просыпался. А я почувствовала, как холодное отчаяние наконец полностью обволокло меня изнутри.

– Неужели все бесполезно?.. – тихо прошептала я, больше не в силах бороться со слезами. Огонь с моих пальцев больше не тек, потому что сил вдруг как-то резко не осталось. И пламя, что окружало у нас, тоже медленно затухло. В груди разрасталось ощущение чудовищного опустошения, и мне вдруг стало абсолютно всё равно, что будет дальше. Не было возможности даже встать.

Я положила голову на грудь дарка, тихо всхлипнув. Она была все еще теплой, как прежде… но уже не горячей. Слёзы текли на его обнаженную кожу, а я была не в состоянии их остановить.

На сознание начала наваливаться приятная чернота, обещающая унести меня далеко-далеко отсюда. Туда, где нет умирающего принца и разрушающейся башни. Туда, где тихо и спокойно и не надо принимать страшных решений.

Моргнув, чтобы напоследок убрать слёзы из глаз, я бросила короткий взгляд на рану Айдена и с отстраненным удивлением заметила, что её края больше не чёрные.

Что-то радостное всколыхнулось в сердце, но было уже не способно достигнуть угасающего сознания.

Только уплывая в холодную черноту, я заметила, как где-то в стороне одновременно зажглось несколько огненных всполохов.

Последний моей мыслью было то, что башня колдуньи, видимо, на посошок перед обрушением решила взорваться магией.

И на этом мой разум окончательно уплыл в заоблачные дали без надежды вернуться обратно.

Глава 3

Открыла глаза я поздним вечером. И оказалось, что это вечер следующего дня за тем, в конце которого мы с Айденом должны были умереть.

Я лежала на широкой мягкой кровати, утопая в невероятном пуховом матрасе, подобного которому никогда прежде не видела. Он буквально обнимал меня со всех сторон, а я плавала в нём, словно в пушистом облаке. Просыпаться совершенно не хотелось, открывать слипшиеся и будто бы засыпанные песком глаза – тем более.

Кто-то заботливо накрыл меня одеялком, на ощупь – шёлковым, а подушечка пахла луговыми травами.

И, честно говоря, я провалялась бы ещё пару суток как минимум в этом райском гнездышке, если бы у меня на груди не лежал кирпич и не похрапывал при этом.

С трудом я разлепила сонные глаза и, со стоном выдохнув, посмотрела на одеяло. Кирпичом оказался довольно сопящий зверек со знакомой чёрной шерстью, отливающей колдовской зеленцой.

– Ух ты, привет, красавчик! – воскликнула я, с трудом улыбаясь. Лицо казалось то ли разбитым, то ли поцарапанным. – Что-то я не припомню, чтобы ты весил так много!

Неторопливо выпрямляясь, я аккуратно пощекотала зверька за ушком, чтобы тот поскорее проснулся. Впрочем, создавалось впечатление, что он и не спал вовсе, а только прикидывался. Но стоило мне начать его гладить, как он тут же встрепенулся, и из груди его донесся очень странный звук, больше похожий на рычание.

– Ах ты, мой грозный ирлис, – усмехнулась я, угадывая в этом рычании довольное мурлыканье. – Так ты ждал меня, мой маленький друг? То есть – мой большой друг, мой большой и очень тяжёлый друг!

Ирлис фыркнул и сам ткнулся мордой мне в руку. Ну натуральный кот! И кто вообще решил, что такие, как он, грозны и злы? У меня не было ни малейшей причины, чтобы заподозрить в этом ласковом существе дикого зверя.

Затем я всё-таки повернула голову, боковым зрением уловив в углу комнаты какое-то шевеление.

– Ох, ну наконец-то ты проснулась! – всполошилась девушка, в которой я с некоторым трудом узнала главную аару.

В комнате царил полумрак, и в этой темноте не сразу угадывались благородные и красивые черты женщины. Но как только она вышла на скупой свет встающей за окном луны, ошибиться уже стало невозможно.

Валира была всё так же прекрасна, как и прежде, разве что её длинные чёрные волосы казались немного всклокоченными да гладкое лицо без единой морщины на этот раз выглядело слегка помятым.

Именно Валира спустя пару минут и объяснила мне, что прошли уже сутки с тех пор, как в Чертог Огня вернулись шестеро братьев Айдена, перенеся нас с ним из разрушенной башни оракула вампиров.

От этой новости гудел весь замок, но меня, само собой, интересовал несколько другой вопрос.

– А что с Седьмым принцем, он жив?

Валира немного нахмурилась и с удивлением взглянула на меня.

– Конечно, жив, разве может простое ранение нанести хоть сколько-нибудь серьезный вред истинному дракону? Ну, конечно, сперва все немного перепугались, потому что принц был без сознания. А это, скажу я тебе, большая редкость! Ты знаешь, какая у драконов регенерация? Совершенно бешеная! Я иногда как порежусь где-нибудь или наступлю на острый камень, так, клянусь, больше всего на свете мечтаю быть драконом. Ну хотя бы даркессой! – Она усмехнулась, приложив тонкую ладошку к губам.

– Так что с Айденом? – не выдержала я, прерывая этот словесный поток. Ирлис как-то странно среагировал на мой выпад, повернул голову в сторону аары и зарычал.

Валира отшатнулась и обиженно надула губы.

– Прекрати натравливать на меня своего зверя! Я, между прочим, целые сутки с тобой здесь сижу, наблюдая, чтобы тебе не стало хуже.

– Прости, пожалуйста, – выдохнула я, чувствуя укол стыда. – Но я действительно очень переживаю. С Айденом сейчас всё в порядке, к нему можно прийти?

Одной рукой я сгребла зверька и пододвинула к себе поближе. Только после этого главная аара согласилась снова сеть ко мне на кровать и продолжить рассказ.

– Ну, вообще-то, он до сих пор не пришел в сознание. Но медики говорят, что его раны быстро затягиваются и продолжительный обморок – лишь последствие сильного энергетического истощения. Так что он должен очнуться в самое ближайшее время. Страшнее другое: никто не знает, что с вами двумя произошло. И раз ты проснулась, совсем скоро к тебе нагрянут принцы. Я должна тебя предупредить…

Валира как-то немного покраснела, и на последних словах её ровная речь сбилась.

Признаться, от прозвучавшей новости мне тоже стало не по себе. Я ещё не привыкла и с обычными-то дарками общаться, а уж с принцами целой империи…

– Никак нельзя отсрочить это занимательное и, безусловно, очень льстящее моему самолюбию событие? – неторопливо спросила я. – Мне бы хотелось сперва хотя бы навестить Айдена.

После того как я третий раз назвала Седьмого принца и повелителя королевства Огня простым укороченным именем, всё-таки заметила, как бровь Валиры удивленно приподнялась. Она взглянула на меня по-новому, с легким недоверием.

– Айденион Огненнокрылый охраняются денно и нощно. Возле него все медики Чертога, а вход запрещён его братьями. В конце концов, повелитель Йенлавей без сознания. И он не простой дарк. Чтобы кто-нибудь не причинил ему вреда, пока он не может за себя постоять, его неотступно охраняют.

– Но… – отрывисто выдохнула я, осознав свою оплошность с именем и стараясь исправиться. Оставалось надеяться, что мои слова аара спишет на умопомрачение. – Разве может кто-то причинить вред имперскому принцу в его же собственном доме?

– О! – засмеялась женщина, но я услышала в этом смехе крохотные осколки ярости. – У нашего принца много врагов. Об этом не принято говорить, но у текущей власти есть оппозиция. Среди дарков есть те, которые считают, что истинные драконы не должны сидеть на тронах империи. Никто не знает, кто входит в эту оппозицию. Само собой, предатели не станут выдавать своих имён. Кто-то подозревает старейшин, кто-то первых министров государства. Скорее всего, в оппозицию входят и те и другие. Так вот существует

мнение, что они способны перейти в наступление в любой момент. А слабость Седьмого принца – это очень хороший шанс проявить себя.

– Но это же ужасно! Я должна срочно увидеть Айден…иона! – выдохнула я, начиная подозревать, что вампир Ренвиэль, возможно, не просто так напал на принца в башне оракула. В конце концов, персоны, близкие к трону государств, никогда не делают ничего просто так. Княжич Шеллаэрде поддался эмоциям, когда вызвал на бой Айдена. Однако его эмоции теперь казались мне на сто процентов соответствующими давно обдуманным планам.

Айден когда-то рассказывал, что с вампирским княжеством у Новой Райялари не самые хорошие отношения. Вампиры претендуют на власть на острове Королевства Огня, и, возможно, смерть Седьмого принца, управляющего этим островом, была бы им очень выгодна.

Всё казалось логично, вот только одно никак невозможно было понять. Какую в этом роль должна была сыграть я и почему посол Шеллаэрде выкрал из Чертога именно меня?..

Впрочем, возможно, я была лишь пешкой в этой игре, пешкой, которая должна была приманить более статусную и сильную фигуру. Как, в общем-то, всё и произошло в итоге.

– Нет, это совершенно невозможно, – покачала головой Валира, – я советую тебе побыстрее оставить эту мысль. Комнаты принца тщательно охраняются, а за нарушение приказа тебя могут серьезно наказать.

Я сжала губы, испытывая настолько сильный внутренний протест, что аж дышать стало трудно.

Ирлис у меня на животе снова возмущенно зарычал, повернув голову к ааре.

– Нет, ну это уже никуда не годится! – возмутилась женщина. – Если этот фрукт не прекратит брызгать на меня своим соком, честное слово, я… я… – Валира сдвинула брови, возмущенно размахивая тонкими пальчиками, унизанными перстнями. – Я его съем! – закончила она свою метафору, тыкая длинным ногтем в зверька.

Ирлис опешил от такой наглости, наклонил голову чуть назад, а затем из-под его верхней губы появились клыки.

– Знаешь что, – быстро проговорила я, стараясь помирить их, – а давай ты придумаешь ему имя? Может быть, тогда вы с ним

подружитесь? Я всё никак не могу решить как этого красавца будут звать. Но уверена, ты смогла бы придумать очень красивое прозвище!

Главная аара мне нравилась несмотря на то, что мы казались совершенно разными. И даже несмотря на то, что я испытывала к ней лёгкое чувство ревности – ведь когда-то она была любовницей моего принца… дарка, от которого я совершенно лишилась здравого рассудка.

Однако даже если смотреть на ситуацию с рациональной точки зрения, оставалось верным одно: мне нужно было иметь в Чертоге Огня хоть одного друга. Ирлис, конечно, тоже неплохой товарищ, но вряд ли мне удастся в трудные минуты поговорить с ним по душам или услышать внятный совет. А главная аара в атрисе самого Седьмого принца могла быть не только интересным собеседником, но и очень важным звеном, связывающим меня со всем дворцом.

Да и девушкой она была доброй, чего говорить.

– Придумать имя? – снова всплеснула тонкими пальчиками она, и большие золотые кольца в её ушах восторженно дернулись. – Ты правда разрешишь мне придумать ему имя? Это… это так здорово!

Она на мгновение затихла, а потом её взгляд сделался задумчивым.

– Когда-то давным-давно у меня было животное – маленькая ручная мышка по кличке Шуша. Мне было всего пять, в этом возрасте нас впервые учат обращаться в волков. Помню, братья смеялись надо мной…

Я вздрогнула и неожиданно вспомнила то, что Валира сказала мне в первый день нашей встречи.

Она была оборотнем.

Я окинула скептическим взглядом главную арру, пытаясь предположить, какие из черт её внешности могли хоть сколько-нибудь напоминать волчьи. Но женщина, сидящая передо мной, была ослепительно красива, и зверь не угадывался ни в чем.

– Почему же братья смеялись над тобой? – тихонько спросила я, когда Валира замолкла, погрузившись в собственные мысли.

Она резко вскинула на меня острый взгляд и продолжила:

– Нас учили не только перекидываться, но и охотиться. Среди нашего клана издревле было больше всего отшельников, которые предпочитали и вовсе большую часть жизни проводить в облике волка.

Мы чтим память предков, и потому зверь для нас всегда считался священным. Как и всё, что ему сопутствует.

Я сдвинула брови, попытавшись понять, о чём она говорит. Но Валира пояснила сама:

– Мы, дети, должны были охотиться на мелких зверей и убивать их.

По спине прокатилась морозная дрожь.

– Не удивляйся, – немного горько усмехнулась женщина. – Для волка убивать – нормально. Перекинувшись в хищника, человек гораздо более подвержен инстинктам. Это для тебя может показаться дикостью, но для зверя инстинкты – это ритм жизни. Поэтому во время очередной пробежки со своей стаей поймать кролика, разорвать и съесть его – это в порядке вещей.

– Этому у вас учат детей? – осторожно спросила я, и Валира слегка нахмурилась.

– В охоте нет ничего ужасного, ты бы поняла это, если бы у тебя внутри жил волк. Но плохо тогда, когда зверь становится сильнее человека. Когда желание волка перекрывают людской разум… И у нас в клане это случалось часто… это даже приветствовалось, потому что было принято взращивать силу, а не слабость.

Она сделала короткую паузу, а потом грустно закончила:

– Поэтому, когда один из братьев в волчьей ипостаси поймал мою Шушу и загрыз, его за это лишь похвалили. А я с тех пор никогда не заводила животных и никому… никому не давала имён. Потому что, когда ты даёшь кому-то имя, ты передаешь и часть себя.

Я вздрогнула, испытав странное ощущение от её слов. Будто дежавю.

Но что именно это было? Мне никак не удавалось поймать ускользающее воспоминание.

– Спасибо, что рассказала, теперь я буду больше знать о нравах оборотней, – осторожно выбирая слова, проговорила я.

Простым расширением кругозора тут и не пахло, конечно, я скорее только что была в очередной раз шокирована до глубины души, но показывать этого не стоило.

– И ты не передумала, чтобы я выбрала имя для твоего ирлиса? – скептически приподняла бровь аара.

– Конечно, нет, – улыбнулась я, почесав зверька за ухом. Тот недоверчиво смотрел на аару, но больше не рычал. Я решила, что это хороший знак и в целом зверёк не против моей задумки. – Только, когда будешь выбирать, не забудь спросить у самого ирлиса, нравится ли ему твой вариант. Мне кажется… это важный пункт.

Мои губы дрогнули в улыбке, стоило поймать ответный, чуть прищуренный взгляд животного.

Он явно был невероятно умен.

– Да, похоже на правду, – задумчиво проговорила Валира. – Тогда давай скорее приступим!

От радостного предвкушения она даже руками всплеснула и чуть подалась вперед. А ирлис впервые за последнее время никак не среагировал на её приближение и лишь с большим любопытством стал глядеть на женщину.

– Как насчет… нет, это не то, – начала предлагать Валира, постепенно хмурясь. – А может… нет, тоже не то…

И даже подалась назад, словно сникнув после первого порыва.

Мне-то казалось, вот сейчас она начнёт перебирать какие-нибудь дурацкие имена, а зверёк в ответ будет шипеть, демонстрируя острый ум и подтверждая мои догадки.

Но все оказалось совсем не так.

Если бы ещё месяц назад кто-то сказал мне, что я буду разговаривать с наполовину котом – наполовину белкой, словно с простым человеком, я, вероятно, вызвала бы этому шутнику карету скорой помощи. А сейчас создавалось впечатление, что в этом нет абсолютно ничего удивительного. Словно всё колдовское и иррациональное в этом мире уже прочно въелось в меня, перестав вызывать логичное удивление. Если до сих пор я и считала себя здесь чужой, то только потому, что так оно и было, однако сами законы этого мира уже не казались мне чем-то странным. Наоборот, они были очень логичны, обоснованы и структурированы, мне оставалось лишь до конца изучить все правила и формулы, чтобы хаос превратился в порядок.

– А может быть… – продолжала размышления Валира, – нет, ну это уже совсем какая-то чушь.

Аара всё сильнее мрачнела, невероятно серьезно подходя к вопросу выбора имени. Она не хотела ошибиться, для неё это не было

игрой. И тогда мне стало кристально ясно, что мой собственный выбор “крестницы” для ирлиса был как никогда верен.

Однако озвучить мне кличку животного Валира так и не успела. Когда в её глазах наконец-то осветилась вспышка принятого решения, прямо в нашей комнате материализовалось шесть последовательных магических всполохов. По полу, потолку и воздуху заплясали колдовские буквы, концентрические круги образовали руна печатей.

А Валира стремительно упала на колени, склонив голову.

Недалеко от моей кровати из разноцветных вихрей вышли имперские принцы во главе с самим дофином.

Я едва успела вскочить на ноги и кое-как поправить помятое домашнее платье, в которое меня бог знает кто нарядил, как тут же оказалась окружена шестью громадными, полностью одетыми мужчинами.

Сердце застряло в горле, пару раз глухо стукнувшись там, будто для проформы, и окончательно затихнув.

– Значит, вот как выглядит новая аара, вместе с которой чуть не погиб чистокровный дракон и Седьмой принц империи? – раздался голос одного из мужчин.

Сложилось впечатление, что говорил он с легкой издевкой или даже угрозой. И стоило взглянуть в резкое, будто вырубленное из камня мужское лицо, как это впечатление подтвердилось.

Принц, который начал разговор, имел короткие непослушные волосы, падающие на глаза. Сперва показалось, что они были почти рыжими, однако на самом деле это оказалось не так. Я привыкла к тому, что рыжим людям свойствен совершенно конкретный тип кожи, они слегка бледные, с морковным оттенком в ресницах и бровях. Но мужчина, стоящий передо мной, был совсем другим: его кожа была смуглой, как и у остальных братьев. А чуть волнистые пряди, скрывающие острый и резкий взгляд, всё же оставались русыми, но с очень сильным, почти нереально-оранжевым оттенком.

– Это точно она? – спросил второй мужчина, стоящий совсем рядом. Он был довольно привлекателен и, как ни странно, невероятно похож на первого. Такие же непослушные волосы, только чуть длиннее, почти касались плеч и были черными. Лишь пара десятков тонких прядей имела похожий русо-оранжевый оттенок, будто над стилем этого красавчика поработал умелый парикмахер.

Я едва не улыбнулась, представив, что могла бы пошутить на этот счёт, вот только жесткий и довольно опасный взгляд этого мужчины гарантированно заставлял держать язык за зубами.

Да и, признаться, глупо было бы шутить над одним из имперских принцев. Поэтому я просто прикусила губу и стала смотреть дальше.

Сперва следовало познакомиться с каждым из них, понять иерархию их отношений, если возможно, узнать, к кому прислушивается большинство… Теоретически это могло помочь, если я окажусь в опасной ситуации.

Всё это я понимала скорее инстинктивно, продолжая молча ждать, как будут разворачиваться события дальше.

Валира все ещё стояла, склонив голову почти до самой земли, и никто не торопился её поднимать. Вероятно, мне тоже стоило таким образом поприветствовать принцев, однако глупый внутренний протест не давал мне даже шевельнуться. В конце концов, принцы сами ко мне явились, даже не постучавшись! А я, между прочим, их не звала!

В общем, не слишком логично, но от стресса и неожиданности двинуться я все равно не могла.

Спасибо, хоть подождали немного перед “прибытием” и не застали меня голой…

Впрочем, повернув голову влево и встретившись с подозрительным веселым и хитрым взглядом третьего брата, я уже не была так уверена, что их появление разумно выверено по часам. Если прежде у меня ещё была надежда, что принцы специально пришли на десяток минут позже моего пробуждения, чтобы дать мне время привести себя в порядок, то теперь же казалось, что по крайней мере один из них явно планировал сюрприз.

Это был довольно худой мужчина с тугими, будто канаты, мышцами. Жилистый, широкоплечий и стройный, он не делал никаких резких движений, сложив руки на груди и кончиками пальцев задумчиво потирая подбородок. У него, как и у Айдена, были длинные черные волосы, вот только они казались слегка перепутанными, как шерсть зверя, и даже немного летящими, кружащими в воздухе, словно каждый отдельный волосок был гораздо легче положенного. Но это ещё не всё! Потому что его колдовские черные пряди каким-то

неведомым образом будто светились изнутри ядовито-зеленым! Точно такими же были и его глаза.

Впервые я видела настолько яркий, ядовито-травянистый цвет! Радужки третьего принца словно светились изнутри, и иногда даже казалось, что это они каким-то неведомым образом бросают отблески на волосы.

Пронзенная, как стрелой, внезапным сходством, я посмотрела на ирлиса, который спрыгнул с моих рук пару минут назад. Зверёк переместился на бархатное кресло у стены и сейчас внимательно следил за происходящим. А я с удивлением разглядывала его обсидианово-чёрную шерсть с зелёными переливами. Она была так сильно похожа на волосы третьего брата, что меня даже пробрал легкий озноб.

Снова взглянув на этого самого брата, я неожиданно поймала его насмешливый ядовитый взгляд.

Мужчина улыбнулся и едва заметно кивнул! Клянусь, кивнул мне! А ещё он явно видел, как я смотрю на зверька…

Обдумать случившееся не было ни капли свободного времени, потому что вперёд вышел четвёртый мой гость, и в нём оказалось трудно не узнать официального наследника Новой Райялари.

– Мое имя Элайдарион Золотой Закат, – с еле уловимым кивком проговорил этот мужчина, облаченный в потрясающую белую мантию, подбитую чёрным мехом и красной тканью. Под ней дофин был одет в чёрную жилетку с золотыми узорами, сквозь которую виднелась распахнутая серебристо-белая рубашка. На её острых отворотах были начертаны какие-то символы, а на груди висело несколько цепей из знакомо блестящего черного металла.

Волосы дофина были удивительного солнечного цвета. Именно их жёлтое золото отдаленно напоминало рыжину первых двух братьев. Вот что было между ними общего – вот этот вот странный искрящийся оттенок, переходящий то в утренний свет, то в карамель янтаря.

– Селина, не так ли? – продолжал единственный блондин из этой шестерки. – Надеюсь, ты уже пришла в себя. У нас к тебе есть несколько вопросов.

С этими словами он начал медленно стягивать белоснежные шелковые перчатки со своих рук, через мгновение уже отбросив их на комод в сторону.

Я даже слегка вздрогнула, словно этот жест был подготовкой к чему-то неприятному, хотя, судя по всему, ничего особенного он не означал.

– Не надо с ней церемониться, Элайдар! – перебил самый первый, почти рыжий дарк, и его неожиданно темные брови сдвинулись. – Мы и так ждали сутки, пока она тут отлеживалась, вместо того чтобы сразу же вызнать все детали случившегося!

– Спокойнее, Гленхейд, – даже не взглянув на него, ответил дофин, продолжая пристально смотреть на меня. – Хвала Яросветной, Айденион жив и идет на поправку. Ему ничего не угрожает, значит, и торопиться некуда.

“Ага, поэтому к моей кровати и явились без предупреждения сразу шестеро мужиков…” – нервно усмехнулось у меня в голове что-то вроде внутреннего голоса. Тоненького такого голоса, вконец закошмаренного сюрпризами этого мира.

Я все сильнее чувствовала себя кроликом, которого уже почти освежевали и вот-вот наденут на вертел.

– Ты можешь идти, – добавил он, едва не огорошив меня этим заявлением. Я едва успела обрадоваться, как он добавил: – Валира.

Главная аара тут же разогнулась и снова поклонилась, прежде чем выскользнуть из покоев, будто ее и не было. Разве что взгляд на меня бросила прощальный и очень испуганный.

После него мне стало еще более не по себе…

– Я не собираюсь ждать, пока какая-то сопливая девчонка придёт в себя и соизволит открыть рот, – раздраженно бросил мужчина, которого дофин назвал Гленхейдом. Затем он тряхнул короткими желтовато-рыжими волосами и, сжав губы, резко шагнул ко мне.

Что-то холодное ухнуло в желудок, когда его сильные пальцы обхватили мое лицо и резко задрали вверх, заставив посмотреть на Гленхейда.

– Отвечай: кто напал на Айдениона Огненнокрылого? Кто посмел бросить вызов одному из имперских принцев? – проговорил он, сдвинув брови.

Весь вид этого мужчины говорил о том, что он в бешенстве. И всё же, позволив себе короткую паузу, чтобы рассмотреть его получше, я не увидела в его глазах желания придушить меня или сделать что-

нибудь плохое. Скорее, он просто был возмущен случившимся. А еще, очень может быть, волновался за брата…

Поэтому, несмотря на всю опасность ситуации, я сделала вывод, что этот принц, возможно, вовсе не такой ужасный, как кажется.

– На Айдениона Огненнокрылого напал вампир, – проговорила я хрипло. Во рту пересохло. – Ренвиэль Эстерийский. И ему помогала женщина, ведьма-оракул по имени Се… – голос совершенно осип, но, негромко кашлянув, я сумела договорить: – Селина.

Едва я закончила, как Гленхейд резко отпустил меня и выпрямился.

– Значит, это правда… – проговорил он сквозь зубы. – Проклятые кровососы пошли в наступление. Я говорил, что никому из них нельзя доверять! О чём они вообще думают? Давно пора было растереть в пепел и пустить по ветру их прогнившие задницы!

Он развернулся так резко, будто вот-вот кого-нибудь ударит. Однако принц всего лишь отошёл в сторону и начал раздраженно мерить шагами комнату.

– Какой ты нетерпеливый, брат, – покачал головой дофин и сам подошёл ко мне. Золотые волосы упали на глаза, сделав его лицо почти ангельским. Впрочем, резкая линия подбородка и не менее жесткий, чем у остальных братьев, взгляд говорили о том, что если передо мной и ангел, то это ангел-воин. – Расскажи подробнее, Селина, как всё произошло и почему княжич Шеллаэрде решил напасть? Известны ли тебе его мотивы?

После этих слов Элайдарион спокойно пододвинул ко мне один из стульев, отбросил мантию и сел так близко, что невольно захотелось податься назад.

Впрочем, по крайней мере, дофин империи страха у меня не вызывал.

Последовав его примеру, рядом расположился сперва еще один принц, который до этого все время молчал. У него были длинные черные волосы и мягкий, какой-то почти ласковый взгляд.

С другой стороны, перевернув стул спинкой вперед, игриво-неформально сел самый последний, шестой принц. Из всех братьев у него были самые короткие волосы.

Собственно, это все, что мне пока удалось запомнить из их внешности, потому что пока никто из них не торопился со мной

заговорить. Однако они не излучали агрессии, и мне этого было достаточно.

– Это… довольно долгая история, – сбивчиво начала говорить я, чувствуя себя неловко под шестью острыми мужскими взглядами.

К счастью, Гленхейд с тем братом, который был более всего на него похож, остались у стены, вдали от меня, и это не могло не радовать.

Таинственный зеленоглазый принц и вовсе держался в стороне ото всех, наблюдая за происходящим с блуждающей улыбкой на лице.

– Мы не торопимся, Селина, – мягко, но уверенно проговорил дофин, сцепив в замок руки, унизанные перстнями. – И помни, что мы должны узнать все детали. Абсолютно все.

Я глубоко вздохнула, пытаясь собраться с мыслями и понять, с чего начать рассказ.

С того, как Ренвиэль встретил меня в доме скорняка и спас от отрубания руки?

А может, с того, как он выкрал меня из зала Чертога Огня, когда Мельгорион вдруг начал проявлять ко мне странный интерес в отсутствии Седьмого принца?..

И потом все же приняла решение.

– Все началось с того, как Главный старейшина Мельгорион решил показать мне свой драконий облик, а заодно продемонстрировать окрестности королевства Огня…

Едва я начала говорить, как несколько темных бровей удивленно взлетели вверх, но надо отдать должное даже Гленхейду: меня больше никто не перебивал.

Поэтому через бесконечно долгое время, когда я успела поведать и о спрыгивании в озеро, и о русалке, и о возвращении в Чертог, и о похищении вампиром со всеми последующими событиями, в комнате воцарилась гробовая тишина, а взгляды, направленные на меня, стали еще острее прежнего. Я почти чувствовала, как они лезвиями проникают под кожу, пытаясь вызнать, правду ли я говорю.

– Что ж… – проговорил наконец Элайдарион, сжав губы. – Спасибо за рассказ, аара… А нам предстоит серьезно подумать…

Мне казалось, что он говорит это только потому, что должен что-то сказать. Но на самом же деле у него не хватало слов, чтобы выразить свои мысли.

– Подумать? Подумать?! – воскликнул Гленхейд из своего угла, а ближайший к нему брат положил ему руку на плечо. Только это и остановило, судя по всему, крайне вспыльчивого дракона от того, чтобы ринуться в нашу сторону, ломая по дороге мебель. – Эти твари использовали черное золото! Против чистокровного! Мы должны сегодня же выступать! Стереть их проклятый Кровавый Крестострел с лица Йенлавей!

– Не торопись, Глен, – покачал опущенной головой дофин. Его брови были задумчиво сдвинуты.

– Ты всегда говоришь мне “не торопись”! – зашипел тот. – И даже сейчас будешь продолжать, когда на одного из нас было совершено покушение? Серьезно?!

– Мне тоже кажется это странным, – вступился за него брат.

– А не кажется ли вам странным, как Айден выжил после черного золота у себя в животе? – приподнял бровь Элайдарион, недоверчиво взглянув сперва на них, а затем на меня.

Я с ног до головы покрылась мурашками.

Не хватало еще, чтобы мне не поверили.

– Я не лгу, – сказала на всякий случай, собравшись с последними силами, чтобы не отвести взгляда от дофина.

Тот чуть прищурился, но покачал головой.

– Как по мне – звучит правдоподобно, учитывая, что Айден, чистокровный дракон с потрясающей регенерацией, до сих пор не приходит в сознание, – махнул рукой тот из принцев, что сидел рядом с наследником престола. Он повернул голову к Элайдариону, и в его длинных черных волосах блеснули удивительные золотые нити. – Я склонен поверить девочке, ведь от любой другой хвори наш брат уже давно оправился бы.

После этого он посмотрел на меня и еле заметно улыбнулся.

Мне захотелось улыбнуться в ответ – жаль, момент был не самый подходящий.

– Думаю, нам придется все это тщательно изучить, Ольгердарион, – нахмурился дофин, – если тебе не сложно, сообщи медикам о подозрении на черное золото. Пусть они еще раз все проверят.

– Само собой, – кивнул тот, вставая, и следом за ним встал и брат с короткими волосами.

– А я навещу Айдена, раз такое дело, – мрачно добавил он.

– Конечно, твои способности пригодятся, – кивнул дофин, пока эти двое исчезали.

– А могу я навестить Айдениона? – хрипло проговорила я, не удержав рвущийся изнутри вопрос.

Но вместо ответа Элайдарион вдруг протянул ко мне руку, и в тот же миг прямо напротив моей груди вспыхнула золотая печать. Дофин перечеркнул ее указательным пальцем, и она рассыпалась на тысячу искр.

А мне вдруг стало ясно: эта печать была со мной все то время, что я вела рассказ для братьев. И только сейчас наследник Райялари сделал ее видимой, а затем разрушил…

– Что это? – выдохнула я тихо.

В комнате воцарилась тишина.

– Ничего особенного, – спокойно ответил Элайдарион, откинувшись назад на стуле. Он сцепил руки в замок, внимательно посмотрев на меня. – Совершенно ничего, аара Селина…

Каждый из оставшихся в комнате мужчин смотрел на меня так же молчаливо и задумчиво. Словно я сделала что-то не так или они думали о чем-то одном, чего я понять никак не могла.

С каждой секундой мне становилось все более и более не по себе. Но в какой-то момент гнетущая тишина была разрушена тихим смешком со стороны стены.

Я резко взглянула на обладателя этого довольно-таки ядовитого звука, чтобы без удивления определить в нем все того же Гленхейда.

Мужчина покачал головой, отчего желтовато-оранжевые волосы упали на глаза и скрыли лицо.

– Кто бы мог подумать, – фыркнул он, коротко на меня посмотрев. Затем отвернулся и просто исчез в вихре пламени.

Его ближайший брат, которого, кажется, звали Ольгерд или как-то так, тоже явно был чем-то недоволен. Не сводя с меня напряженного внимания еще несколько секунд, он тоже развернулся, сверкнув рыжеватыми прядями в черных волосах, и исчез следом за Гленом.

Я все ждала, что мне кто-то что-то пояснит, но, судя по всему, просто так болтать с обычной аарой не принято у принцев Новой Райялари.

“Вот разве что заниматься с ними любовью без спроса – это можно…” – мелькнула шальная мысль, материализовав в памяти Айдена, и я невольно нервно усмехнулась, очень надеясь, правда, что остальные братья от него все же отличаются. Или, может быть, я хотя бы не придусь им по вкусу.

– Отдыхай, аара Селина, – проговорил тем временем дофин империи, махнув тяжелым плащом. Стоило ему встать, как многочисленные украшения из желтого и черного металла на его одежде начали сверкать и переливаться. – Надеюсь, мы не слишком потревожили тебя. Уходим, Сирглин, – бросил он последнему брату, тому, с колдовскими зелеными глазами, что все еще стоял где-то далеко в углу комнаты. Он вел себя так тихо и незаметно, что я почти успела забыть о его присутствии.

Элайдарион начал отворачиваться от меня, и я поняла, что вот-вот он тоже исчезнет и никто так и не ответит на мой вопрос.

– Так как насчет Айдениона? Могу я…

– Нет, не можешь, – резко ответил золотоволосый принц, бросив через плечо. – Если то, что ты сказала, правда хоть наполовину, то жизнь Седьмого принца висит на волоске. После черного золота почти невозможно выжить.

Он на несколько мгновений замолчал, а затем почему-то снова добавил:

– Почти…

Словно это что-то должно было значить! Но что?

После этого он махнул последнему брату по имени Сирглинарион, и черное пламя, закрутившись вихрем с золотыми всполохами, унесло его прочь.

Я должна была остаться одна… Вот только… последний брат никуда не ушел.

– Ваше светлейшество?.. – выдохнула я, когда стало ясно, что Сирглин даже не планировал следовать за дофином и остальными. – Вы хотели что-то спросить?

Мужчина медленно отделился от стены, шагнув ко мне, и за ним странным черным облаком летели его волосы, едва заметно полыхая изнутри пугающей зеленью. Такие же зеленые глаза сверкали ярко-ярко, а я с изумлением обнаружила, что их хозяин держит на руках моего ирлиса, невозмутимо поглаживая его, как домашнего кота.

Злобный зверь, который прежде кидался на всех, кроме меня, издавал знакомый звук жутковатого рычания, в котором угадывалось мурлыкание. Глаза хищника были довольно прищурены, но сквозь узкие прорези все равно виднелась колдовская зелень – один в один как у Ольгерда.

Вместе они смотрелись пугающе и завораживающе одновременно.

– Хотел посмотреть на тебя поближе, таинственная девочка из другого мира.

Я сглотнула ком в пересохшем горле.

Сразу же вспомнилось, с чего началось мое похищение Ренвиэлем. С рассказа Мельгориона! Он представил меня всему драконьему двору как таинственную и опасную колдунью людского рода, которая впервые сумела воспользоваться эксплозией драконов. И, конечно, принцы не могли об этом не узнать.

Вот только как Сирглин понял, что я из другого мира?.. Об этом никто не мог ему рассказать.

– С чего вы…

– Знаешь, самые сильные драконы, чистокровные, умеют путешествовать между мирами, но люди на это не способны. Поэтому никто из нас никогда не пытался брать людей из другого мира с собой в этот. Не ровен час, ваше тело при переходе растворится, не выдержав напора высшей магии. Тиаре должно спокойно проходить сквозь вены колдующего…

С этими словами он протянул руку к моей груди, и, затаив дыхание, я уже почти почувствовала его прикосновение.

Ирлис на другой руке принца сидел тихо и урчал, поглядывая на меня совершенно спокойно.

– Иначе оно разорвет колдуна, – закончил Сирглин так, словно ничего ужасного не говорил, и убрал ладонь, так и не коснувшись меня.

Вот только в том месте, куда он вот-вот должен был положить пальцы, осталось призрачное покалывание.

Ирлис окончательно поднял голову и вознамерился переползти ко мне. А я, между прочим, уже почти записала его в предатели.

Принц дождался, пока зверек поменял дислокацию, и, чуть склонив голову набок, продолжил:

– Ты не понимаешь, как много рассказала нам сегодня, верно? Да и откуда тебе понимать. Не каждый из моих братьев-то понял все до конца, – усмехнулся он, и в его зеленых глазах вспыхнул огонь. Как у Айдена иногда бывало, словно драконья кровь давала о себе знать.

Я потихоньку привыкала к этим метоморфозам, хотя для меня, человека с Земли, нечто подобное всегда казалось максимум частью кинематографа.

– Я старалась ничего не скрывать, – призналась честно, надеясь, что хоть этот брат мне поверит.

– Я знаю, что ты не лжешь, и для этого мне не нужны никакие печати, – с немного дикой, немного хищной улыбкой ответил он. – Айден тоже умеет чувствовать ложь, хотя использует для этого всего лишь свое драконье чутье. Он может ошибиться.

Все в его словах будто говорило: "Я же не ошибаюсь". И, признаться, у меня имелась склонность ему поверить.

– Элайдар предпочитает не прислушиваться к чувствам, быть уверенным в происходящем. Поэтому он полностью полагается на магию, – продолжал Сирглинарион, не отрывая от меня чуть насмешливого взгляда. – И поэтому сейчас он на завалах башни оракула – открывает печать Времяворота. И скоро узнает, что ты действительно не солгала, даже несмотря на то, что печать Истины осталась чистой и он должен был понять это сразу.

– Значит, та печать, которую зажёг дофин, была печатью Истины? Она должна была подтвердить мои слова? – выдохнула я, ухватившись за фразу принца.

– И да, и нет, – расплывчато проговорил он. А затем ответил то, что я услышать совсем не ожидала: – Элайдар хотел понять, действительно ли ты – человек, – проговорил он, мягко улыбнувшись, и шагнул ко мне еще ближе.

Теперь между нами было не более полушага.

Мне очень хотелось отпрянуть назад, но я не отступала перед Айденом, не стану и перед его братом. Сирглин вызывал у меня внутри инстинктивный трепет непонимания, словно в нем было скрыто от глаз нечто очень важное, что обязательно нужно узнать. Понять.

Но сделать это нет никакой возможности.

– А разве я могу быть кем-то другим? – выдохнула я, не веря своим ушам и глядя в пронзительные зеленые глаза, ядовитый огонь в

которых будто бы едва заметно циркулировал по кругу. Странное впечатление, засасывающее внутрь.

– Конечно, нет, – тихо усмехнулся он вопреки всем предыдущим словам.

А затем вдруг поднял руку и кончиками пальцев потянулся к моей щеке.

Я вздрогнула, но опять он остановился буквально в нескольких миллиметрах от кожи, которую начало стремительно покалывать.

Мурашки побежали по спине, когда улыбка принца стала шире. Его черные волосы, мрачным облаком окружающие лицо, сами собой начали двигаться, медленно, но неотступно, напоминая непонятное живое существо.

– Ведь то, что ты способна говорить с русалками, вполне нормально для человека, – неторопливо добавил он, не переставая улыбаться. – То, что понимаешь чужой язык, никогда его не изучав, – вполне обыденно. Как, говоришь, звали ту русалку?

– Я не пом… – начала было я, чуть ли не замороженная его странными словами, которые звучали абсурдно.

– Может быть, Иаршеллавира? – спросил он, безупречно повторяя загадочное произношение имени, точно так, как говорила мне сама русалка, с легким рычанием, переходящим будто бы в журчание воды. Я даже онемела на миг.

– Д-да, – проговорила, едва меня слегка отпустило. – А откуда вы знаете?

Принц иронично приподнял острую черную бровь и склонил голову набок. Потом шевельнул пальцами у меня возле лица, откидывая назад несколько прядей волос.

Улыбка на его лице стала чуть ли не восторженной. Меня же с ног до головы пробрала дрожь, пока я пыталась понять, куда направлен жгучий взгляд его зеленых глаз и что принца так веселит.

– Нетрудно догадаться, – наконец пожал плечами Сирглин, убрав руку и сцепив обе за спиной. – Ведь только подводная царица может растереть твой ключ тиаре… в пыль.

– Что?.. – ахнула я, невольно схватившись за грудь в том месте, где, как мне казалось, должен был находиться источник магии, который тут называли “ключ тиаре”.

Не то чтобы я была сильно привязана к органу, о котором никогда не знала. Но сама мысль о том, что у тебя что-то забрали, ужасна от начала и до конца. А мне-то казалось, что русалка помогала!

– У меня уничтожен источник? – едва шевеля дрожащими губами, проговорила я, глядя на улыбающегося принца. Мне же самой вдруг захотелось плакать.

Глупость. Я никогда не обладала магией, и страдать по тому, с чем не знакома, так нелогично.

Но мне с каждым мгновением становилось все более грустно.

Только как же возможно все это? Неужели Сирглин говорил правду?

– Уничтожен вчистую, – кивнул мужчина, и черное живое облако его волос всколыхнулось яркой зеленью, тут же погаснув.

– Это… ужасно… – не смогла я не поделиться с ним своими мыслями. Они буквально вырвались сами.

– Думаешь? – снова приподнял бровь он. – А твой источник прежде тебе сильно помогал?

Я открыла было рот и тут же закрыла.

– Нет… Но я хотела бы научиться колдовать… Мне всегда хотелось.

– Зачем тебе это? – будто бы в насмешку прозвучал вопрос.

Но я все же ответила, бросив который взгляд на ирлиса, уткнувшегося мне в подмышку, и пытаясь поймать ускользающую идею. Бесполезно.

– Ведь, обладая волшебной силой, можно кому-нибудь помочь, – тут же вспомнила я истекающего кровью Айдена. Черный клинок в его ране и ускользающее дыхание.

Сердце сжалось.

– Ну так помогай без ключа, – хмыкнул Сирглин, и чуть диковатая улыбка снова озарила смуглое лицо. А затем он вдруг наклонился ко мне и прошептал прямо на ухо, шевеля горячим дыханием мои волосы: – Тем более что теперь для тебя это гораздо проще…

После этих слов он резко отступил и распахнул руки в стороны, не сводя с меня насмешливо горящих глаз. А я ошеломленно наблюдала, как с кончиков его пальцев на пол полился изумрудный огонь.

Мгновение – и весь принц начал обращаться в зеленовато-черные клубы дыма, а уже те стали закручиваться в знакомые спирали. Я поняла, что он вот-вот исчезнет.

При этом вокруг него так и не зажглось ни единой печати…

А я смотрела очень внимательно. Ведь, казалось, именно этого и хотел дарк, все еще улыбающийся в огне.

– Какое у вас полное имя, принц? – быстро бросила я, пока он не испарился.

Улыбка на хитрых изогнутых губах…

– Сирглинарион… Отравленное сердце.

Холодок обвил позвоночник, а пламя принца почти полностью почернело. Только призрачные зеленые глаза продолжали пронзительно сверкать из тьмы.

Но мне нужно было еще кое-что. Всего одно!

– Правда, что вы сказали про меня? – воскликнула я, даже привстав на цыпочках, будто это могло позволить мне дольше видеть ускользающего мужчину. – Правда, что все произошедшее со мной – это нормально для человека?

Мне почудилось, что глаза Сирглина Отравленного сердца снова стали насмешливыми.

– Нет… – прозвучало из черноты колдовских спиралей. – Конечно, нет…

И все исчезло. А я осталась совершенно одна и полностью сбитая с толку.

Нужно было все обдумать. Я обязана была понять, что он вообще имел в виду под всем сказанным. Почему так странно себя вел, говорил иносказаниями…

Он же назвал мою русалку царицей!

Удивительно.

Покачав головой, я села на так и не убранную кровать со скомканным одеялом и, переложив ирлиса на подушку рядом, попыталась прокрутить в голове минувший разговор.

И вот тогда мне вдруг пришло в голову нечто, показавшееся очень важным: пару минут назад, странно касаясь моих волос, Сирглин смотрел вовсе не на них, а на мои серьги!!!

Я дотронулась до черных украшений, которые когда-то были серебряными, и аккуратно сняла одну с уха. Металлические завитки

красиво переливались в свете огня из камина и были неожиданно теплыми.

Где-то внутри зажглась тревожная мысль: пока я тут обдумываю свою жизнь да рассматриваю чью-то ювелирную работу, Айден у себя в покоях может в любой момент умереть… И я не просто ничем не помогу ему, так еще и не увижу перед смертью.

И это так сильно напугало меня, что стало ясно одно: я доберусь до Седьмого принца, чего бы мне это ни стоило.

И сделаю это прямо сейчас.

Глава 4

Элайдарион Золотой Закат

Дофин Великой империи Новой Райялари стоял возле развалин старой башни, что раньше принадлежала оракулу Шеллаэрде. Она находилась на окраине Кровавого крестострела, восьмиконечной звезды, составляющей периметр древнего вампирского княжества. В вершине самого северного луча когда-то стоял одинокий маяк, где поселилась ведьма, которая уже много сотен лет не могла найти упокоения.

И вот теперь, похоже, нашла.

Солнечные волосы принца, окольцованные тонким обручем из черного золота, развевались на ветру, переливаясь в лунном свете не хуже драгоценного металла. Его широкоплечая фигура возвышалась среди разломов каменных стен словно драгоценность, случайно оброненная среди безликого гранита скал.

Его не должно быть здесь, ведь сутки назад Шеллаэрде официально объявили свои границы закрытыми, фактически перейдя если не на военное положение с Новой Райялари, то на агрессивный нейтралитет.

Теперь появление в пределах Кровавого крестострела любого дарка означало нарушение границ и попытку начала войны.

Но дофин империи никак не мог не прийти. Потому что он обязан был узнать, что произошло на самом деле, пока следы сотворенного тут колдовства окончательно не развеялись, как это всегда происходило со временем.

Говорят, его отец, император Вайларион Черная Смерть, мог нарисовать руно Времяворота, развернув его на любой срок в прошлое. Узнать даже то, что произошло годы назад.

Но сил Элайдариона на это не хватало… никогда не хватало. Несмотря на то, что он был одним из сильнейших драконов в мире. Чистокровный. Самый старший из семи братьев, в некотором роде он считался самым могучим среди них.

Хотя были и те, кто считал иначе… В любом случае его ключ тиаре был способен накапливать поистине чудовищную мощь.

Элайдарион мог принудить горы сойти со своих мест, мановением руки высушить море, заставить все вокруг пылать огнем на тысячи километров… И все же его сила была не безгранична.

Например, камнем преткновения была одна из самых сложных печатей пятого уровня – Времяворот. Она могла четко показать ему прошлое только ближайших нескольких дней. Дальше ткань времени начинала дрожать все сильнее, чем глубже в минувшее пытался углубиться принц. Пока, наконец, заклятие полностью не разваливалось.

Именно поэтому прямо сейчас дофин империи был здесь – на еще свежих развалинах. Несмотря на опасность обнаружения. Ведь если кто-либо из детей Ночи нашел бы тут драконьего принца, конфликт не заставил бы себя ждать. Дарки превратились бы в нарушителей границ, несмотря на то, что, по сути, были в своем праве. Ведь если девчонка не солгала, то княжич Шеллаэрде – Ренвиэль Эстерийский – УЖЕ развязал войну, напав на Седьмого принца Новой Райялари.

Но политика Йенлавей всегда была чуть сложнее, чем хотелось бы.

Если агрессорами выступят дарки, то к вампирам присоединятся оборотни и шерблайды, которые и так только и ждут, чтобы вгрызться кому-нибудь в горло. На сторону кровососов встанут и другие нелюди и колдоморфы. Русалки, сирены, кикиморы, гидры, мелкие и крупные народы Чащи.

Конечно, даже при таком раскладе дарки, скорее всего, будут сильнее, несмотря на скромную численность Крылатого племени. Ведь спустя несколько сотен лет после рождения империи, после невероятного возрождения драконов, буквально восставших из пепла, их так и не стало слишком много. Сейчас общее количество дарков ненамного превышало две тысячи.

Но этого было бы достаточно, чтобы превратить весь Йенлавей в пылающее кострище без единой живой души.

Но что будет с остальной империей?.. О мире и спокойной жизни можно будет забыть. Все, что построили их родители, канет во мрак веков.

Каждый из семи братьев прекрасно знал, что репутация Крылатого племени в глазах остальных рас империи должна быть

идеальной. Только это ограждало их от бунтов и неспокойствия. От катастроф.

Именно поэтому агрессорами должны были выступить вампиры и Шеллаэрде. Только тогда дарки получили бы молчаливое одобрение на их… уничтожение.

А для этого сперва нужно доказать, что Ренвиэль Эстерийский напал первый.

– Красивая луна, правда? – раздался голос позади Элайдариона.

Принц вздрогнул, но не обернулся, мгновенно узнавая шестого брата – Сирглина. Он всегда умел появляться незаметно, и сперва эта невероятная особенность ужасно бесила дофина. Невозможно было предугадать, где тот появится в следующий момент, и еще сложнее представить, что взбредет в его хитрую голову.

Но одного нельзя было отнять: Сирглинарион Отравленное сердце обладал поистине незаменимыми способностями. И никогда не отказывал в помощи.

– Не знаю, красива ли она, – ответил негромко Элайдар. – Я не обратил внимания. Слишком занят был руном Времяворота.

– Ну и как? – неторопливо подходя сзади, поинтересовался брат так, словно спрашивал, вкусен ли был сегодня ужин.

Изо всех сил Элайдар старался не повернуться, чтобы начать отслеживать передвижение брата. Нет, не было такого, чтобы он не доверял Сирглину или боялся его. Но дофин очень не любил, когда что-то ускользало от его контроля и понимания, а Шестой принц умудрялся именно это делать с завидным постоянством.

– Печать подтвердила все, что сказала аара Селина, – ответил Элайдарион, опустив взгляд на острые разломы камней. Затем выбрал себе один из кусков, что был наиболее горизонтальный, и сел на него, направив взгляд на луну.

Как и говорил брат, она была прекрасна. Круглая, как серебряный тельм, и сверкающая, словно ночное солнце.

– Потрясающе, – присаживаясь рядом, выдохнул Сирглин таким бесцветным голосом, словно изначально знал, что так оно и есть.

Элайдар стиснул зубы и нахмурился.

– Вот только это невозможно, – проговорил он мрачно.

– Почему? – повернул к нему голову брат, и его темная бровь удивленно изогнулась.

Дофин чуть было не вспылил.

Действительно, почему?!

Может, потому, что от черного золота не может вылечить ничто?..

Может, потому, что простой человеческой колдунье никогда не хватило бы сил на драконью эксплозию?

Или, может быть, потому, что у оракула Шеллаэрде никак не должно было оказаться смертоносного кинжала, ведь на все черное золото наложен строжайший запрет?

– Печать ведь не лжет, – добавил Сирглин, словно это должно было убедить Элайдара.

– Не лжет, конечно, – фыркнул дофин. – Вот только девчонка может быть свято уверена в том, что говорит: мол, то был отравленный черный клинок. А по факту это вполне мог оказаться простой кинжал, приправленный магией оракула. Печать Времяворота не показывает, что за оружие использовала старая ведьма.

Сирглин снова посмотрел на брата, несколько мгновений ничего не говоря. Его странные волосы, к которым даже после стольких лет было сложно привыкнуть, чуть всколыхнулись и коротко вспыхнули зеленью. Словно грозовой разряд.

– К тому же, судя по увиденному мной, между Айденом и княжичем разгорелась ссора. Они действительно дрались, – продолжал дофин, прокручивая в голове все то, что недавно увидел. – Вот только это вовсе не повод для войны. Ведь удар кинжалом нанесла старуха. Ренвиэль мог вовсе не желать смерти Седьмому принцу, всего лишь отстаивая поединком свое право на женщину. Мельгорион ведь говорил, что княжич предъявлял право Крови. И если так оно и есть, аару придется отдать.

– Ты шутишь, я надеюсь? – уточнил Сирглин, и теперь уже обе его брови были насмешливо подняты.

– Похоже, что я шучу? – чуть громче, чем следовало, переспросил дофин, тряхнув золотыми волосами, что даже в лунном свете светили, как маленькое солнце.

Положение было хуже некуда. И дофин это слишком хорошо понимал. Ему до зубного скрежета хотелось отомстить вампирам. Собственными руками придушить клыкастого блондина за то, что Айден едва ли не при смерти.

Но существовала отличная от нуля вероятность, что даркам придется еще и официально извиняться перед Шеллаэрдэ… за то, что Седьмой принц нарушил право Крови, свято чтимое у детей Ночи.

– А если все же правда все то, что сказала Селина? – снова отстраненно-мечтательным голосом спросил Сирглин. И краем глаза дофин заметил, что тот уже невозмутимо жует стебелек дракон-травы, которую неизвестно где раздобыл.

Несколько мгновений Элайдар даже не знал, что ответить.

– Правда? – выдохнул он наконец, совершенно шокированный словами Шестого принца, чутью которого, вообще-то, он всегда привык доверять. Именно поэтому и позвал сюда сегодня именно его, а не кого-то из оставшихся братьев. Несмотря на то, что с тем же Ольгердарионом найти общий язык ему было гораздо проще. – То есть, по-твоему, правда то, что человеческая аара выжгла из тела дракона черное золото? Просто вот так взяла и выжгла, потому что захотела? Я просто не пойму, ты подскажи мне, братишка… – все сильнее горячился Элайдар, хотя и пытался сохранять спокойствие. Он содрал с головы тонкий золотой обруч и отбросил в сторону, потому что начало казаться, будто легкий символ власти сдавливает ему виски. – Или, может, она просто много тренировалась в этой магии, поэтому у нее все получилось с первого раза, да? Наверняка же у людей где-то есть школа, в которой они втыкают в дарков отравленные кинжалы, а потом спасают их от неминуемой гибели!

Сирглин никак не отреагировал на его выпад, продолжая жевать травинку и смотреть на луну.

Несколько мгновений Элайдар глядел на него, ожидая ответа, но заметил лишь, как брат пожимает плечами и протягивает ему еще один стебель дракон-травы.

Дофин нахмурился. Он не особенно любил это растение, потому что его наркотические свойства были слишком хорошо известны. Но, глядя на протянутую руку брата, в этот раз почему-то… просто взял предложенное. Положил кисло-сладкий лист в рот и задумчиво размял зубами.

Спустя буквально несколько мгновений ярость ушла. Элайдар ожидал, что разум может затуманиться, даже опасался этого, рассчитывая выбросить траву в тот же миг, как ее действие покажется опасным, но неожиданно ничего, кроме расслабления, не ощутил.

А потому просто вздохнул и спросил:

– Если аара сказала правду, тогда кто, по-твоему, перед нами? Кто она, Сирглин? Новая королева? Человеческая девчонка – новая королева драконов? Ведь черное золото за все века существования Крылатого племени умела сжигать только наша мать.

Элайдар внимательно взглянул на брата, надеясь, что на этот раз тот ответит. Потому что сам Первый принц Новой Райялари не имел ни малейшей идеи, как это все понимать.

Сирглин лишь улыбнулся и вдруг проговорил:

– Ревнуешь?

– Что? – Элайдариона бросило в жар, потому что он уже догадывался, куда клонит собеседник.

– Если Селина и впрямь носит в себе благословение Яросветной – силу королевы драконов, то тебе трона не видать… без нее. Империей будет править Айден, – закончил Сирглин чуть насмешливо, тщательно отслеживая реакцию брата.

Элайдарион запихнул в рот очередной лист и покачал головой.

Раздражение ушло, словно его и не было.

Ведь самым большим и самым тщательно скрытым от глаз разочарованием дофина империи было то, что никто из братьев не понимал его по-настоящему. Не чувствовал того, что за каждого из них Элайдар готов был отдать последнюю каплю крови. Не задумываясь.

Несмотря на все их ссоры и ругань, несмотря на непонимание и различие характеров, разные судьбы и огромный срок жизни, прожитый бок о бок, для Первого принца по прозвищу Золотой Закат не было никого во всем мире важнее братьев.

Но он никогда не сказал бы об этом вслух, считая эмоции слабостью. Братья должны были чувствовать это сами.

– Я не ревную Райялари к Айдену, – ответил тогда Элайдар спокойно, откинувшись назад на острый камень, углы которого он вдруг совершенно перестал замечать. Может, это листья дракон-травы так подействовали или ему просто захотелось поговорить с Шестым принцем по душам, но в этот раз он не стал скрывать правду. – Да, меня готовили к трону, но… семья для меня важнее. Всегда была важнее, Сирглин. Если Айден станет императором… я первый поддержу его.

Шестой принц кивнул, не глядя на дофина.

Элайдарион был даже рад, что брат не повернул к нему головы. Говорить тогда было гораздо проще. Тем более Первый принц отчего-то был уверен, что Сирглин никогда и никому ничего не расскажет. Не в его это было характере.

Даже если по-хорошему и скрывать-то тут нечего.

– Если Айден станет императором, ты поддержишь его, но при этом ты не уверен, что так поступят и остальные… – задумчиво протянул Сирглин, все еще глядя на луну. И дофин империи вздрогнул. – Поэтому мы с тобой вдвоем, не так ли?

Мрачный кивок золотоволосой головы почти потонул в ночной тьме.

– Мельгор не зря обратил внимание на эту девчонку, – продолжал неторопливо Сирглин, и Элайдар стиснул зубы, внимательно прислушиваясь к словам брата. Тот никогда не упоминал ничего просто так. Вот только и разговорить его было далеко не просто. – Главный старейшина не ошибается. А ведь он до сих пор планирует забрать ее себе. Так что если Сизый Пепел что-то разглядел в ней, то это неспроста.

– И Ренвиэль неспроста похитил ее, – продолжил мысль брата Первый принц. – Мы и сами видим, что в этой странной ааре таится много секретов, это не заметил бы лишь слепой. Вот только насколько серьезны эти секреты? Настолько ли, что мы заговорили о силе королевы?..

– Не бойся гнева богов, брат, – ухмыльнулся Сирглин, пожевывая тростинку. Его зеленые глаза едва заметно замерцали в темноте. – Спрашивай точнее: как в человеке может быть сила Яросветной девы? Вот главный вопрос, не так ли? Ведь наша богиня никогда не обращала свой взор на людей. Сила королевы драконов создана лишь для Крылатого племени. Яросветная ненавидит людей.

– Вряд ли это до сих пор так, – сдвинул брови Элайдарион. – После того как весь наш род возродился из людей… Хотя, несмотря на то, что многие наши собратья назвали бы сейчас мои слова богохульством, все же я добавлю. Может быть, Яросветная уже и нас ненавидит? Ведь мы давно не те, что были много веков назад. Даже в нас с тобой есть человеческая кровь. Что говорить об остальных дарках?.. Мы уже давно не ее дети…

– Ты начал рассуждать как философ, – усмехнулся Сирглин и вдруг отобрал у брата тростинку.

Дофин сдвинул брови, но через мгновение кивнул, решив, что и впрямь для него достаточно. Когда все сердце лезет наружу сквозь грудную клетку, ничего хорошего из этого выйти не может.

– Человек не способен обладать драконьей магией, – покачал головой он тогда, продолжая размышления. – Даже если Яросветная оставила нас, вряд ли она устремит свое покровительство на людей – детей Луноночной матери. Да и у Селины лишь четвертый уровень магии, с таким сильного колдовства не сотворишь. И уж мощью королевы там и не пахнет. Я ведь просмотрел ее ключ, пока она рассказывала нам о произошедшем.

Сирглин молча слушал и кивал, хотя вряд ли это можно было назвать согласием или чем-то вроде того.

– Он, безусловно, четвертый, ее ключ тиаре, – продолжал дофин. – Или когда-то был четвертым. Сейчас-то он пуст и едва мерцает, словно его и вовсе нет. Видимо, катастрофа с башней ранила аару. Возможно, оракул сжёг ее магию изнутри, не знаю, говорят, старая кровопийца это умела.

Сирглин промолчал и на этот раз, хотя Элайдарион готов был поклясться, что видит в уголках его губ призрачную улыбку. Словно он… умалчивал о чем-то.

– Мы должны ограничить к девочке доступ посторонних, – сказал тогда Первый принц, отчаявшись услышать хоть что-то. – Забирать ее у Айдена и изучать мы не имеем права, но не позволить другим ее забрать – вполне можем… пока. Кстати, именно поэтому я хотел попросить тебя развернуть сеть запретительных печатей над атрисом. У тебя они получаются лучше всего. Сможешь?

– Смогу, – охотно кивнул Сирглин.

Он никогда не отказывал, и Элайдар об этом знал.

– Спасибо. Тогда иди, мы и так здесь задержались, – проговорил дофин, вставая с камня. – Но жду тебя через час в Золотом Чертоге на совещании. Прибудут все министры, главы родов и домов. Нужно как можно быстрее принять решение, что делать с Шеллаэрдэ. Все запланированные переговоры с ними отныне отменяются, как ты сам понимаешь. Я уже отдал приказ перейти на военное положение.

Патрули на границе с Кровавым крестострелом увеличены втрое… но это не только с нашей стороны. Все говорит о том, что будет война.

– Я это понимаю, брат. И я приду, – спокойно отозвался Шестой принц. Развернулся и исчез в вихре магии, хотя Элайдарион, как ни старался, не сумел рассмотреть ни одной печати.

Нахмурившись, он отвернулся, не глядя бросая под ноги привычное руно драконьей эксплозии. Его собственная печать мгновенно вспыхнула ярким золотом, и дофин исчез, не забыв прихватить с собой обруч на голову. Отточенным движением надевая украшение обратно, он все сильнее мрачнел. И не только оттого, что в очередной раз не смог отследить магию Сирглина, но и от того, какие перспективы на будущее рисовал перед ними Рок.

Впрочем, предположить, как все повернется дальше, он все равно ни за что бы не смог.

Глава 5

Селина

Признаться, после того, как Сирглинарион сказал, что мой источник магии полностью уничтожен царицей русалок, некоторое время я пребывала в абсолютном культурном и некультурном шоке. А потом вспомнила, что мне впервые в жизни удалась магия именно после того, как Иаршеллавира что-то сделала с моим телом.

Получается, даже если она разрушила у меня внутри что-то важное, то это лишь помогло. Ведь я не просто сотворила какое-то колдовство – я повторила эксплозию драконов. А по словам Айдена, это одна из самых сложных магических формул!

В общем, я пришла к выводу, что ничего ужасного, скорее всего, не произошло и, раз я колдую без какого-то там “ключа тиаре”, этот самый ключ мне не очень-то и нужен. А значит, я могу попробовать переместиться к Айдену с помощью магии, минуя все запреты принцев.

В любом случае это оставалось единственным способом, ведь если палаты Седьмого принца охраняются, то попасть туда обычным путем – заранее проигранная партия.

А я планировала выиграть.

Обдумав таким образом теорию, я столкнулась с тем, что к практике перейти тоже не так-то просто. Возможно, гораздо проще было бы и вовсе отвлечь охрану Айдена, уболтать или уговорить, зайдя таким образом в его комнаты, чем найти способ воззвать к таинственной силе, что, по словам русалки, есть в моей крови.

Как сотворить колдовство, если тебя никто и никогда этому не учил?

Иаршеллавира говорила, что я должна четко представить конечный пункт назначения, куда меня обязана вывести эксплозия. Но как это сделать, если я никогда не была в покоях Седьмого принца?..

Создавалось впечатление, что эта задача из разряда неразрешимых.

Однако я все еще была настроена серьезно, а таинственные черные сережки, что теперь не покидали моих мыслей, сейчас будто

подогревали решимость, при этом совершенно реально согревая мочки подозрительным теплом.

В общем, стараясь не обращать внимания на эту странность, я бродила по комнате туда-обратно.

К слову сказать, покои мне были выделены действительно совершенно невероятные. В них было целых три комнаты, ванная и огромный балкон, выходящий прямо в цветущий сад. Должно быть, днем там потрясающе красиво, но сейчас за высоким ажурным окном расстилалась сапфировая ночь, а красотами интерьера я не слишком любовалась, полностью сосредоточенная на своих мыслях.

Впрочем, беспокойно расхаживая по помещению, кое-чем из местного убранства я все-таки успела воспользоваться. Обнаружив в одной из стен странные золотые ручки, торчащие буквально из мягких тканевых обоев, которыми тут было обито все вокруг, я коснулась их и потянула. Пытаясь понять, для чего они могут понадобиться в таком необычном месте, я тянула их до тех пор, пока передо мной неожиданно не открылся невероятных размеров шкаф. В нем висело почти два десятка нарядов, среди которых половина была мягкой и более простой, будто домашней, а другая половина – с длинными шлейфами, струящимися подолами и потрясающей вышивкой. То есть явно предназначенные для официальных мероприятий. Кроме того, внутри шкафа обнаружилось несколько рядов обуви, расшитой каменьями, но без каблуков, баночки с кремами, целый стеллаж с косметикой и сундучок с… драгоценными украшениями.

Я на миг лишилась дара речи, откинув назад расписную крышку.

Вот, получается, откуда у главной аары столько колец и сережек! Вероятно, где-то в ее комнате тоже припрятан такой же дивный ларец.

На миг мне стало даже как-то не по себе. Хотя, попытавшись вспомнить, носили ли другие аары столько побрякушек, я так и не смогла этого сделать.

Впрочем, пользоваться чем-либо из этого богатства я все равно не собиралась. Однако переодеться во что-нибудь свежее не мешало бы. При этом, сколько бы ни искала, обнаружить в волшебном шкафу что-нибудь брючное не удалось. Поэтому, выбрав самое мягкое платье с запахом и поясом на восточный манер, я продолжила размышления, выхаживая туда-сюда по комнате, словно это могло помочь мне переместиться к принцу.

Пару раз я замирала у кресла или окна, закрывала глаза и старалась сконцентрироваться, вызывая в памяти ощущения, предшествующие эксплозии драконов.

Покалывание кончиков пальцев… Жар в венах… Тепло между лопаток…

И с ладоней на пол действительно начинал капать огонь.

Это было все еще жутко – как в первый раз. Словно вот-вот пламя обожжет мне руки, а затем и вовсе перекинется на ковер или занавески, поглощая все вокруг и превращая в пепел.

В моменты особенно острых приступов страха пламя гасло, словно чувствовало эмоции, как живое существо.

Тогда я приступала к колдовству заново, хотя с каждым разом и ощущала все большую и большую усталость.

На третий раз у меня, наконец, начало получаться не впадать в ужас. Рецепт оказался прост: в момент истечения пламени я чуть-чуть отворачивала голову в сторону, видя ядовито-оранжевую стихию только боковым зрением и концентрируясь на чем-то постороннем. На красивой золотистой вазе или лепнине в форме дивных цветов на потолке… Тогда огонь переставал исчезать.

Однако оставалась последняя проблема: эксплозия должна была привести меня к принцу. Но едва волшебное пламя соткалось в крупное бесформенное озеро перед моими ногами, как я поняла, что внутри него ничего нет. А сам огонь не становится вихрем, в центре которого в прошлый раз виднелась противоположная сторона пространственного перехода. Словно конец тоннеля, который ты обязательно должен видеть, никак не появляется.

А если у тоннеля нет конца, то что произойдет, если шагнуть в него?.. А что случится, если нет и самого тоннеля, а я двинусь в каменную пустоту?..

Ведь сколько бы я ни представляла абстрактную комнату Седьмого принца, я понятия не имела, где она и как выглядит.

– Бесполезно, – выдохнула я с раздражением, и ирлис сонно рыкнул с моей кровати, словно был со мной абсолютно солидарен. – Что, мешаю спать? – с усталой улыбкой проговорила я, повернув к нему голову.

Опасный зверек свернулся калачиком на одеяле, как безупречное пятно тьмы среди шелковых подушек.

В ответ ирлис склонил голову набок и снова зевнул. Затем выпрямился, потянувшись, распушил хвост и, спрыгнув с кровати, потрусил куда-то в угол.

– Глянь, какой недотрога, – хмыкнула я, – ну не буду я больше колдовать, не переживай. Можешь возвращаться и снова засыпать! – проговорила я. – Все равно сил больше нет. Похоже, придется прорываться к Айдену через охрану…

Попытки колдовать изрядно выматывали. Хотя и казалось, что гораздо сильнее я чувствовала усталость оттого, что ничего не вышло.

На мои слова зверь ничего не ответил. Он просто подошел к высокому напольному зеркалу в тяжелой металлической раме в форме тысячи маленьких золотых драконов с глазами-рубинами. Эти драконы извивались в самые причудливые позы, в итоге образуя тот самый овал, что удерживал зеркало.

– Потрясающая работа, кстати, – проговорила я, понимая, что прежде не обращала внимания на этот предмет мебели. Подошла ближе, внимательно разглядывая дракончиков, что были не больше ладони. – Смотри, тут этих хвостатых целая сотня, наверно…

Опустила голову к ирлису, замечая, как тот продолжает тереться о зеркало и внимательно глядеть на меня. Колдовские зеленые глаза в полумраке помещения вдруг таинственно засверкали. До мурашек.

Я старательно делала вид, что не замечаю, а то ведь где это видано, чтобы домашнее животное пугало собственную хозяйку?

Но когда я в очередной раз отвернулась, несмотря на то, что ирлис продолжал выразительно на меня глядеть, снизу раздался какой-то треск. Я быстро взглянула на зверька, и оказалось, что огромный пушистый хвост, которым он трется о зеркальную гладь, искрится тысячей мелких зеленоватых молний… Словно статическое электричество с ядовито-изумрудным отблеском.

И вот тогда меня вдруг осенило:

– Слушай… – выдохнула я, даже на миг забывая о диковинном хвосте ирлиса. – А что, если это зеркало тоже может показать мне Айдена?..

И посмотрела на свое отражение в огромной, безупречно чистой поверхности, не замечая, как мой хищный зверек фыркает, смешно шевеля усами, и уходит обратно на кровать.

Я же в этот момент коснулась сперва рамы, а потом и вовсе прохладной глади стекла, прошептав:

– Покажись, Айденион Огненнокрылый, Седьмой принц Новой Райялари… что оплел мое сердце, словно ветви шиповника… – добавила глухо и тихо, водя пальцами по своему отражению. – И приятно, и иглы из плоти не вытащить…

И в тот же миг вместо испуганной девушки с широко распахнутыми глазами оказалась огромная, полная тьмы комната с широкой кроватью без ножек, на которой спал белый, как смерть, Айден.

Мой Айден…

На миг я забыла, как дышать. Казалось, вот он, протяни руку – и дотронешься. Уберешь черную прядь с влажного лба, разгладишь складку, залегшую между темных бровей…

Я коснулась пальцем стекла, но под кожей была лишь прохлада зеркала.

Словно почувствовав мое прикосновение, принц вздрогнул во сне и нахмурился, отвернув голову к распахнутому окну, из которого лился призрачный свет луны.

Я пригляделась внимательнее и поняла, что этой комнаты я и впрямь прежде не видела. Заглянув через зеркало в каждый доступный уголок помещения, убедилась, что в обозримом пространстве никого нет. Впрочем, гарантировать точно, что где-то неподалеку не спит, скажем, сиделка или медик, я все равно не могла.

Но меня это уже не могло остановить. Когда цель была столь близка, сложно было отказаться от ее воплощения. Я уже шагнула на самый край и готова была спрыгнуть…

С пальцев снова потек огонь, и сейчас, в четвертый раз, он был гораздо послушнее. Я уже почти не боялась, что в случае неудачи стихия обернется против меня.

Почти не боялась.

Поэтому, едва я четко воспроизвела перед глазами комнату, в которой лежал Айден, магия, струящаяся у меня изнутри, тут же стала принимать очертания вихря, внутри которого мелькнула постель Седьмого имперского принца!

Радость подскочила к горлу, едва не заставив меня сбиться с настроя. Поэтому, не давая себе времени на размышления, я просто

шагнула в разверзшуюся огненную тьму.

Где-то в другой жизни, далеко в прошлом, в котором я привыкла размечать и выверять каждый шаг, мне бы и в голову не пришло проводить над собой любого рода сомнительные эксперименты. Тем более такие, исход которых может быть смертелен.

Ведь в случае неудачи огненное колдовство, как пить дать, было способно меня разорвать или сжечь. Это чувствовалось нутром, каждой клеточкой тела.

Но сейчас я гораздо сильнее переживала о другом человеке.

Поэтому, едва колдовской вихрь утих у меня за спиной, а я поняла, что уже давно нахожусь не в своей комнате, я мгновенно забыла обо всем, что беспокоило меня еще пару минут назад. Я ринулась к кровати, на которой неподвижно лежал принц, и… замерла.

Аккуратно села на край, откинула ту самую прядь волос с лица Айдена и осторожно коснулась лба.

Принц не шелохнулся, только сдвинул брови во сне. Его кожа оказалась ужасно горячей.

Я отдернула руку почти в ужасе, осознавая, что у него жар, и не слабый. Казалось, нужно кого-то позвать, предпринять хоть что-нибудь, может быть дать ему лекарство, снижающее температуру.

Вот только что-то подсказывало: в Новой Райялари нет ни парацетамола, ни ибупрофена, ни даже нимесулида. Если доктора до сих пор не сбили жар, значит, это невозможно.

Или просто ему стало хуже и об этом еще никто не знает?..

Меня начала захлестывать паника.

Айден действительно выглядел плохо: бледный, осунувшийся, горячий. Было не слишком похоже на то, что драконья кровь вот-вот излечит своего хозяина.

Я аккуратно откинула одеяло, чтобы посмотреть, что с раной. Оказалось, что ее очень тщательно перебинтовали, кровь, судя по всему, остановилась, бинты оставались белоснежно чистыми. Это радовало! Как и то, что свободно просматривающаяся кожа над бинтами была светлой, без черных разводов, которые появились от яда после удара кинжалом.

Можно было надеяться, что каким-то неведомым образом мой огонь все же выжег отраву из раны. Вот только, скорее всего, в организме все же что-то осталось, возможно, какая-то часть черного

золота проникла в кровь и теперь курсировала по венам, не давая принцу прийти в себя.

На вопрос: “Почему Айден еще не очнулся?” – только это объяснение приходило в голову. Ведь драконы якобы обладают повышенной регенерацией, а значит, сам удар, скорее всего, не принес бы столь разрушительных последствий.

Впрочем, я могла лишь гадать.

Оставив принца на пару минут, я нашла в огромной ванной комнате рядом тонкий мягкий платок и каменную чашу, которую наполнила холодной водой из кувшина. Намочила ткань и положила принцу на лоб, не слишком надеясь, что это поможет. А затем осторожно легла рядом, забравшись к нему под одеяло и аккуратно положив ладонь на обнаженную мужскую грудь. Чуть выше раны.

Когда-то в детстве я верила, что если очень захотеть, то можно ладонями “высосать” чужую боль или забрать болезнь. Теперь же мне хотелось думать, что если моя новообретенная чудо-сила способна прожечь дыру в пространстве и уничтожить яд в чужой ране, то, может быть, она сумеет и придать сил Айдену.

Глубоко вздохнув, я закрыла глаза, концентрируясь, как учила Иаршеллавира, лишь на одном желании.

Вылечить.

Вот только едва я это сделала, как случилось нечто невероятное. И вовсе не то, на что я рассчитывала.

Я почувствовала, как проваливаюсь в какую-то вязкую темноту, то и дело освещаемую огненными всполохами: горячими красными, ядовито-оранжевыми и раскаленно-желтыми. Начало слепить глаза, кожу обжигало пугающим теплом, а затем… я открыла глаза на цветущей поляне рядом с беседкой из белоснежного камня. Мягкий ветерок играл моими волосами, шевелил тонкую шелковистую ткань, свисающую с крыши беседки. Неподалеку мерно журчал фонтан с кристально-чистой водой, пели птицы… А в нескольких метрах правее стоял Айден.

На нем были свободные черные брюки, расшитые золотом, и тонкий ремень с острыми металлическими вставками и пряжкой в форме рубинового драконьего глаза. Густые черные волосы разметались на ветру, падая на широкую обнаженную спину, увитую

тугими мышцами, кольца-браслеты, сверкающие пламенно-красным золотом, обхватывали крупные бицепсы.

Он стоял ко мне спиной, глядя куда-то вдаль, в бесконечность голубого неба. А я не могла понять, что происходит. Не верила своим глазам.

– Айден… – прошептала, чувствуя, как голос срывается.

Если это все иллюзия, сумасшествие или сон, я хотела бы, чтобы он длился вечно.

– Айден!!! – крикнула громко, и тут же принц обернулся, а его глаза, полные черно-красного огня, широко распахнулись.

– Селина, – выдохнул и ринулся ко мне через все разделяющее нас расстояние. Я побежала ему навстречу и уже через обжигающую долю секунды была в его объятиях, ощущая, как вот-вот разорвется сердце, едва различая его лицо сквозь рябь, застилающую глаза.

– Айден… Айден… Айден… – шептала я как мантру, как заклинание, сжимая пальцы на его спине, не замечая, как ногти входят в кожу.

Я не могла принять тот факт, что принц мне не кажется. Ум отказывался верить в происходящее, поясняя, что все вокруг лишь сон. И, похоже, я просто уснула рядом с дарком и теперь вижу невероятно реалистичный… обман.

– Айден… – пробормотала я, стиснув зубы, и из глаз все же полились слезы.

Только в этот момент мне вдруг стало ясно, насколько сильно я переживала, боялась, что Седьмой принц этой проклятой драконьей империи не очнется.

Мы ведь чуть не погибли всего какие-нибудь сутки назад. Казалось, весь мир разрушался, пока на нас сыпались острые камни башни… а Айден умирал у меня на руках.

Мы почти умерли оба.

А теперь он стоял передо мной, дышал, крепко обнимая меня сильными горячими руками, и его сердце громко и быстро билось у меня под щекой.

– Селина, как ты тут оказалась? Это что, галлюцинация? – тихо проговорил принц, заставив меня запрокинуть голову назад. Он вглядывался в мое лицо с беспокойством и непониманием.

На фантазию это походило все меньше.

По крайней мере, хотелось думать, что моему больному воображению вовсе незачем придумывать испуганного принца. Лучше бы оно выдумало счастливого и довольного.

Но Айден словно был в не меньшем шоке, чем я.

Он обхватил мои щеки ладонями, быстро покрывая их поцелуями, а я чувствовала, как его губы размывают слезы по моему лицу.

– Ну же, перестань, если это мой горячечный бред, то ты явно не должна плакать, – болезненно улыбнулся мужчина, и словно кто-то полоснул мне ножом по сердцу. Он будто повторял мои собственные мысли.

– Это не бред, Айден, – выдохнула я, окончательно понимая, что каким-то неведомым образом передо мной был настоящий дарк. Не вымышленный. – Это действительно я. Я лежу сейчас рядом с тобой, бесчувственным, на кровати. Мне хотелось хоть чем-то помочь тебе, и я… сначала этот кинжал, потом огонь, и казалось, раз мне удалось… – все слова перемешались, голос начал сбиваться, пока я, всхлипывая, пыталась связать мысли в предложения.

– Тише, перестань, – выдохнул Айден и вдруг накрыл мои губы своими, прижимая к себе с такой силой, что мне стало трудно дышать.

А дышать и не хотелось. Лишь бы он вот так держал меня и не отпускал никогда.

Все же через пару почти бесконечных мгновений я отстранилась от него сама, беспокойно опуская взгляд на его грудную клетку и руками ощупывая гладкий рельеф без единой царапины. На нем не было ни следа от ран.

– Как же это? Ничего нет… – проговорила я.

– И не должно быть, – покачал головой принц, на этот раз снова обнимая меня и прижимая мою голову к своей груди, зарываясь пальцами в волосах и выдыхая слова мне в макушку: – Это ментальный мир моего сознания. Здесь все так, как я того желаю.

– То есть это не по-настоящему? – спросила я, все еще побаиваясь, что схожу с ума.

– Ты в моем сознании, Селина, – ответил дарк. – Это непросто. Помнишь, как я пришел в твой разум, когда искал тебя? После того, как ты сбежала из Логова Мотыльков?

– Да, – кивнула я, и впрямь вспоминая то жаркое видение, в котором принц обещал меня наказать, если я не вернусь. Наказание,

признаться, было горячим… Весьма.

– Так вот теперь тебе удалось проникнуть в мое, – продолжал мужчина, поглаживая меня по голове. – Раньше считалось, что это способность исключительно редкая… Даже не все дарки могут ею похвастать. Знаю, что подобной силой обладает, например, Мельгорион Сизый Пепел. И я.

– И все? – выдохнула ошеломленно.

– Теперь, кажется, еще и ты, – улыбнулся принц, снова заставив меня посмотреть на себя. – Если, конечно, мне это все не кажется…

Он улыбался, но как-то подозрительно невесело. Провел пальцами по моему лицу, обводя контур и спускаясь к губам. Задержался там, большим пальцем очертя нижнюю и чуть надавив, вынуждая меня распахнуть губы.

В тот же миг от этого простого, совершенно незначительного движения меня будто прожгло насквозь. Жар прилил к щекам, ударил в низ живота горячей молнией.

– Ты же сказал, что только драконы способны на это?.. – выдохнула я, уже думая совершенно о другом. Например, о том, как сладко он прижимает меня к себе, как горят мои ладони, касающиеся его кожи, как твердо становится…

– Да, только драконы, – перебил мои мысли принц, спускаясь большим пальцем по шее вниз, а затем обеими руками вдруг обхватывая мои бедра и вдавливая в собственное, ставшее голодно-напряженным тело.

Дрожь прошла по позвоночнику, свиваясь горячими спиралями где-то под желудком.

– Также как только драконы способны на эксплозию и вообще никто не способен выжечь черное золото из чьего бы то ни было тела, – продолжил он, осматривая меня глазами, что с каждой долей секунды темнели все сильнее. А потом вдруг коснулся лбом моего лба и выдохнул, закрыв глаза: – Как же я соскучился… Думал, больше не увижу тебя…

И тут же поднял меня в воздух, заставив обхватить себя ногами.

Я вскрикнула от неожиданности, пытаясь понять, что случилось, потому что все вокруг задрожало от быстрых шагов принца.

Глухой удар выбил воздух из легких: у меня за спиной оказалось что-то жесткое. Перед глазами потемнело от желания, от осознания

того, насколько я сама изголодалась по близости этого мужчины. По ощущению, что он со мной, во мне… по страсти, смывающей все мысли, оставляющей только ослепительную жажду и искрящееся в крови наслаждение, дающее яркое и неоспоримое понимание: мы оба живы.

Живы.

Поэтому, когда Айден начал исступленно покрывать поцелуями основание моей шеи, касаясь, с жадностью прикусывая самые чувствительные точки над ключицей, у меня хватило сил лишь тихо застонать в ответ, откидывая голову назад. Между бедрами свело судорогой желания, живот скрутило от ноющей пульсации, нехватки… *его*.

Я свела ноги, сильнее обхватывая принца, и в тот же миг почувствовала, как он опускает руку вниз. Раздался щелчок пряжки ремня, и Айден поднял ладонь к моим бедрам, коснувшись кожи, лишенной нижнего белья.

В этом дурацком мире не было нижнего белья. Были восхитительные ткани, удивительные отделки драгоценностями, тончайшие вышивки и материалы, которые трудно себе даже вообразить. Тут существовали летающие автомобили и светильники, работающие без электричества. Но… нижнего белья в моем волшебном шкафу не нашлось.

А потому рука Айдена совершенно беспрепятственно проникла к самому потаенному месту, раздвинув складочки и коснувшись жаркого, влажного огня моего тела, вырвав у меня из горла жалкий всхлип.

Принц прошелся подушечками пальцев туда и обратно, едва касаясь, скорее дразня, чем лаская. Одновременно прикусывая меня за нижнюю губу и улыбаясь, как мог бы улыбаться хищник, дорвавшийся до добычи.

Снова призрачное скольжение – и из груди, конвульсивно сжимающейся от рваного дыхания, вырвался стон. Айден улыбнулся еще шире и горячим языком обвел мои губы, облизывая меня каким-то звериным, страстным движением, от которого захотелось кричать.

Одно движение за другим, не поцелуй и не секс – лишь прелюдия, погружающая в медитативное состояние растущего, накаляющегося безумия. Голода, с которым уже невозможно бороться.

А затем я вдруг почувствовала, что там, внизу, по самым чувствительным точкам скользит уже не его рука, а горячая твердая плоть, еще сильнее сводя меня с ума.

Но не только я была на грани помешательства. Сам Айден дышал тяжело и прерывисто, а его ладони, двигающиеся по моему телу, были напряжены, как натянутая до предела гитарная струна. Вот только, к сожалению, принц явно умел контролировать себя гораздо лучше меня.

– Красивая, страстная… моя… – прошептал он, удерживая в ладони мое лицо и горящими глазами разглядывая все, что мелькало в зеркале моих эмоций.

Было неловко оттого, что он смотрит на меня, словно отслеживая каждую реакцию. Но мне ни за что не пришло бы в голову его оттолкнуть. Я просто не смогла бы. Наоборот, мне хотелось сказать ему, насколько сильно он был мне нужен на самом деле. Как плохо мне было без него… Но я боялась.

Ведь я все еще была для него простой аарой. Служанкой и любовницей принца… А он для меня – чем-то гораздо большим. Тысячекратно большим.

Впрочем, он явно и не ждал от меня признаний. Сейчас был совсем иной момент, и мне хотелось, чтобы принц его хотя бы запомнил… А потому, ужасно краснея, я собралась с силами и прошептала:

– Хочу тебя, сейчас… – выдохнула, распахнув глаза и встречаясь с его голодным, диким взглядом зверя.

Дракона.

В тот же миг он накрыл мои губы, проникая одновременно в мой рот горячим языком, а там, внизу, наполняя меня собой до отказа. До самого конца. До крика, сорвавшегося даже сквозь полностью закрытый жадным поцелуем рот.

Я сжала ноги, заставляя его двигаться сильнее с каждым ударом бешено колотящегося сердца, в такт которому он стал входить в мое тело, толкая меня в жесткую стену и безупречно удерживая в руках, словно в этом не было ничего необычного или сложного. И ускользающим сознанием еще успевая заметить, как закрываются его собственные глаза, а дыхание становится еще более рваным. Как распахиваются красивые губы, когда ему становится трудно дышать,

когда о спокойствии можно забыть, а вместе с горячим воздухом из его легких вырывается почти хриплое рычание-стон. В этот момент я стала ощущать, как напрягается его плоть внутри меня, как вместе с тяжелеющим дыханием, окрашенным в низкий голос, движения дарка начали ускоряться, очень быстро подводя меня к самой острой грани.

В какой-то миг я уже потеряла возможность наблюдать за принцем, потому что калено-белая спираль удовольствия натянулась до последнего предела. Я почувствовала, как пальцы Айдена напрягаются на моей коже, после них явно останутся следы.

Сладкие. Желанные.

Я ощутила, как одна его рука сжимает мой затылок, заставляя меня еще сильнее чувствовать себя в его власти.

В Его…

В этот миг тянущая и пульсирующая спираль удовольствия наконец разорвалась на яркий свет и разлетающуюся картечь, на шквал ураганного ветра и искры исступления, от которых все вокруг на пару десятков бесконечных секунд перестало существовать. Почти в то же время я почувствовала, как внутри меня разливается жар Айдена и как затихает он вместе со мной, тяжело и сладко дыша куда-то мне в шею.

– Моя… – прошептал он хрипло, едва ли не вымученно. – Как же я тебя ждал…

– Значит, я не зря пришла? – выдохнула я, с легкой ноткой веселья взглянув на Айдена.

Медленно принц поднял голову и посмотрел на меня, неожиданно ответив:

– А вот это как раз нет, Селина. Ты пришла очень зря…

Глава 6

– Что? Но почему? – сбивчиво проговорила я, чувствуя, как мрачнеет принц.

От него, как всегда, с ног до головы веяло властью, мощью, и несмотря на то, как все внутри меня тянулось к нему, я все равно не могла не ощущать эту силу, не реагировать и не опасаться ее инстинктивно.

– Потому что стоит кому-то узнать о твоей выходке, и тебя запрут в темнице так быстро, что не успеешь крикнуть: “Я не виновата”.

– Но…

– Какие но, Селина? – прищурился Айден, впрочем не выпуская меня из рук, и это малость успокаивало. Когда он был вот так близко, когда я все еще ощущала его словно саму себя, мне было не так страшно. – Скажи, разве мои покои не закрыты и не охраняются? Разве братья не перекрыли всю башню Зари, чтобы ни одна душа не проникла к раненому имперскому принцу? Готов поспорить, что так и есть.

– Д-д-да, судя по всему, перекрыли, – неуверенно выдохнула я. – Так ты помнишь все, что произошло после оракула? – попыталась перевести тему я. – Вроде бы ты был без сознания.

Хитрость удалась не слишком хорошо.

Айден осторожно поставил меня на ноги, медленно запахивая полы моего платья и с какой-то медитативной отстраненностью завязывая пояс, поглаживая пальцами завитушки рисунка в районе моего живота.

А затем снова посмотрел на меня. Огненно-красные глаза ушли в угольную черноту, словно лава внутри них застыла, приобретя цвет холодного камня. Только где-то в глубине виднелись крохотные трещинки, сквозь которые просачивался алый свет.

– Я чувствую, что происходит вокруг моего тела, но с большим трудом, – ответил он наконец. – По-хорошему я должен быть полностью без сознания. На грани смерти. Но поскольку я обладаю легкой ментальной магией, то могу управлять собственным разумом. И

наблюдать за происходящим со стороны. Поэтому да, Селина, я знаю, что творится вокруг. И знаю, что ты спасла мне жизнь.

Несколько мгновений он не отрываясь смотрел на меня, и на его лице больше не было улыбки.

У меня внутри все сжалось, натягиваясь от напряжения.

– И знаю, что ты чуть не погибла при этом, – добавил он тихо. Его взгляд, казалось, пронзал насквозь, Айден даже не моргал… – Вряд ли я смогу отплатить тебе за это, Селина.

– Мне и не нуж…

– Но я, по крайней мере, могу взять с тебя обещание никогда больше не пытаться прийти сюда. Никогда не пытаться больше лечить меня. Ты поняла?

– Но я же…

– Ты поняла? – снова перебил он, крепко обхватив мой подбородок и не давая шелохнуться.

Под кожу будто нырнула стая раскаленных рыб.

– Ты там умираешь, один, – тихо прошептала я дрогнувшими губами, – а я даже не имею права к тебе прийти…

Строгое лицо принца будто бы на миг смягчилось, и в темных глазах проскользнуло что-то болезненное.

И он вдруг обнял меня, крепко прижимая к своей груди, зарываясь носом в моих волосах, и ответил:

– Ты не должна беспокоиться обо мне. Кто я для тебя? Всего лишь дарк, который не спрашивал твоего мнения… Который забрал тебя себе, не удосужившись узнать, хочешь ли этого ты сама…

Голос Седьмого принца впервые в жизни показался мне… надломленным. И от этого все внутри меня затрещало, готовое вывернуться наизнанку, лишь бы было не так. Лишь бы он снова улыбался.

– Но я хочу, – проговорила еле слышно, едва шевеля губами.

Признаваться в своих чувствах всегда сложно. Особенно когда эти чувства такие противоречивые.

Айден действительно никогда не спрашивал. Однако так уж вышло, что он понравился мне с первой встречи, с первого взгляда, несмотря на все то ужасное, что происходило с нами и вокруг. А затем я доподлинно узнала, что он вовсе не настолько плох, как кажется. Да, Седьмой принц был властным, самоуверенным и даже местами

возмутительно наглым типом. Но он также был добрым и ласковым, а еще он всегда меня веселил. И защищал, хотя, по сути, в этом мире его жизнь считалась тысячекратно дороже моей. Но Айдену, казалось, не было до этого никакого дела.

Вероятно, будь на его месте кто-либо другой, все сложилось бы иначе. Вероятно, если бы дарком, укравшим меня, оказался, например, Мельгорион, я не испытывала бы к нему ровным счетом ничего. И, скорее всего, уже давно попыталась бы сбежать.

Но моим дарком был Айден. Айденион Огненнокрылый.

И это все меняло.

Принц тем временем обхватил мое лицо ладонями, целуя на этот раз медленно и осторожно, словно это могло мне повредить. Словно он сам мог меня повредить или сломать.

Но ломало меня совсем другое.

– Моя боевая драконица, – болезненно улыбнулся он, едва касаясь моих губ.

– К сожалению, я не драконица, Айден, – сдвинув брови, ответила тихо, чувствуя растущий внутренний протест. – И я не буду давать тебе обещаний не приходить. Даже если ты ждешь, что я покорюсь, как должна бы покориться твоя аара. Я не простая аара, Айден… Айденион Огненнокрылый.

Принц мягко усмехнулся, покачав головой.

– Ты не даркесса, Селина, это правда. И действительно не простая аара. Это я понял уже давно, хотя мне пока и не ясно, что с тобой не так. Почему рядом с тобой все не так…

Уголки его губ снова дрогнули, когда он провел рукой по моим растрепавшимся волосам и зажал кончики между пальцами.

Я опустила взгляд на его ладонь, с некоторым уже привычным удивлением замечая, что мои пряди в его руке уже давно не того цвета, что прежде.

– Ты обладаешь силой, которой обладать не должна и близко, – продолжил Айден задумчиво, хоть и довольно мрачно. – И при этом ты человек, это бесспорно. Не драконица. Ты пахнешь как человек, твоя кровь – кровь человека.

Я невольно стиснула зубы.

– Спасибо, что напоминаешь о том, какие мы разные, принц. Не бойся… я помню.

Мне хотелось сказать это с гордостью. Словно я пытаюсь дать ему понять, что не стыжусь этого. Что я горжусь тем, что являюсь человеком. И не нужно мне ничего иного.

Но почему-то не вышло. И, сглотнув болезненный ком в горле, я вдруг поняла почему.

Никто не говорил мне, никто не объяснял до конца правил этого мира, но с самого начала пребывания здесь все вокруг твердило об одном: Айден – драконий принц, а я лишь вещь. Человек, ценность которого несоизмерима с ценностью дракона.

А значит, и быть рядом с ним я не могу. Не имею права.

Обычно, безответно влюбляясь в кого-то, мы инстинктивно размышляем о будущем, мечтаем о том, чего, может быть, никогда и не случится, однако о том, что случиться все же может.

Но если вдруг окажется так, что я и впрямь влюбилась в Айдениона Огненнокрылого, то в этом мире мне запрещено даже мечтать. Потому что он не просто принц, он – огромное крылатое существо, изрыгающее огонь и летающее под облаками. А я… крохотное животное с двумя ножками и ручками где-то далеко внизу.

Однако несмотря на все мои печальные размышления, ввергающие все глубже и глубже в бездну отчаяния, принц вдруг сдвинул брови и, скривив губы в подобии улыбки, проговорил нечто неожиданное, прижав меня крепче и как-то конвульсивно сжимая ладонь в волосах у меня на затылке:

– А знаешь, я не люблю драконицы, Селина. Они все вздорные, надменные и гордые, словно орлицы, несущие яйца из черного золота. А могу тебя уверить, скорлупа драконьих яиц вовсе не из него…

Его грудная клетка слегка затряслась, и, чуть отодвинувшись, я с изумлением поняла, что он смеется.

– Ты шутишь? – выдохнула я.

– Нисколько, – покачал он головой. – Точно тебе говорю, не из золота.

– Драконы правда откладывают яйца? – не поверила я, сразу представив, как обычная даркесса, выглядящая как человек, вдруг вместо ребенка рожает яйцо.

Но Айден объяснил:

– Только в драконьем облике. Такова древняя традиция, которую завещала Крылатому племени сама Яросветная дева.

Принц взял меня за руку и завел в белоснежную беседку, о колонну которой мы, оказывается, и опирались пару минут назад. Внутри на низком желтовато-золотом каменном столе, испещренном изумрудными прожилками, стояла темная бутыль, опечатанная алым сургучом, бокалы и крупная клубника в вазе.

И, даже понимая, что все это не настоящее, я испытала вполне реальный голод. Да и ощущения в этом ментальном мире оказались вполне реалистичными.

– Говорят, таково было проклятие, наложенное Ясноземным старцем на нас – детей Яросветной девы. Драконы, которых она создала, оказались тысячекратно сильнее людей, при этом по желанию в них же и превращаясь. Это показалось богам нечестным и разозлило их. Тогда Ясноземный создал закон, по которому дракон может выносить свое дитя только в истинном облике. В ином случае на него обрушится ужасная кара – проклятие Рока.

– Что же это за проклятие? – ужаснулась я, пока принц наливал мне в бокал прозрачное, бурлящее аппетитными пузырьками вино.

Законы этого мира казались все страшнее. А близость к богам выглядела совершенно удивительной.

– Никто не знает, – пожал плечами Айден, наливая и себе. – Говорят только, что сила проклятия зависит от силы самого рожденного младенца. Для кого-то это может быть… вроде увечья. Как у людей, например, бывает, рождается больной ребенок. Так и у нас.

– То есть, скажем, может родиться дракончик… с каким-то физическим недостатком?

Айден покачал головой.

– Нет, физиология драконов идеальна, мы почти не болеем благодаря колоссальной магии, заключенной в нашей крови. Но из дракона, рожденного под сенью проклятия, может вырасти, к примеру, сумасшедший убийца. Но это вовсе не обязательно, Рок может настигнуть дракона и иначе. Такой ребенок может, например, стать патологически неудачливым. Или и вовсе лет в двадцать он может вдруг оказаться под действием неизвестной болезни и едва не умереть… навсегда изменившись.

– Драконы же не болеют, – пробормотала, совершенно сбитая с толку.

То, что рассказывал Айден, звучало какой-то необоснованной жестокостью. Если и впрямь один из местных богов наказал весь драконий род подобной гадостью в виде проклятья, то это, должно быть, ужасно злой бог.

С другой стороны, если думать об этом как о равновесии, то… все немного вставало на свои места. Люди сами по себе могли родиться с болезнью или сумасшествием. Даже с неудачливостью. А драконы, получается, изначально самими создателями были задуманы как более сильные, выносливые и безупречные существа. Должно же было и у них оказаться какое-то слабое место?..

Однако закон равновесия в данном случае выглядел чересчур трагично. Тем более когда Айден вдруг ни с того ни с сего начал рассказывать о нем как о факте, задевшем его лично.

Сердце пропустило удар.

– Драконы не болеют обычными болезнями, – тем временем кивнул принц. – Поэтому, если кто-то из нас сляжет, сразу становится ясно, что это результат какой-то магии. Или Рока.

После этих слов он невозмутимо отпил вина и взглянул на меня. Дарк выглядел безмятежно спокойным, но не уверена, что таковым являлся. Я же и вовсе начала серьезно нервничать.

– А ты был рождён человеком или драконом? – спросила я чуть хрипло.

Айден выдержал истинно трагическую паузу, а затем, улыбнувшись одной половиной рта, кивнул.

– Драконом. В нашей семье слишком хорошо известно о том, что бывает, если нарушать божественные законы. Поэтому моя мать, хоть когда-то в прошлом и являлась человеком, вынашивала всех моих братьев в драконьем теле. По два года на каждого ребенка.

– По два года?! – ахнула я, ужаснувшись от перспективы, развернувшейся перед драконицами. Два года с животом!

У меня как-то на старой работе была подруга, которая пропахала секретарем до девятого месяца беременности. Говорила, что деньги ей очень нужны, и тянула до последнего, каким-то образом уломав начальника, чтобы и декретные ей выплатил, и на работе оставил неофициально. В итоге чуть не родила прямо в офисе с кипой документов в руках. Так вот даже эти несчастные девять месяцев

дались ей весьма непросто. В конце срока уже и ходить было тяжело, и даже сидеть трудновато.

Так что же будет, если вынашивать ребенка два года?..

– Это ужасно, – честно призналась я.

– Вот и некоторые драконицы не выдерживали, – кивнул Айден мрачно.

И я в очередной раз поняла, что есть нечто, о чем он мне ещё не рассказал.

– Ты что-то скрываешь, да? – приподняла я бровь, думая, что он станет отпираться. Но оказалось, что он и не думал.

– Ни в коем случае. Ты совсем ничего не знаешь о нашем мире, о нас, – задумчиво объяснил он, взяв одну ягоду и поднеся к моим губам. – Я подумал, что ты хотела бы узнать меня лучше. История моей семьи мало кому доступна, все же я принц, – ухмыльнулся неожиданно он. А затем добавил, когда я погрузила зубы в мягкую ягодную плоть: – После того, что ты для меня сделала, я могу отплатить тебе хотя бы правдой…

Его глаза на миг потемнели, пока он глядел на мои губы, обхватывающие лакомство, но, быстро моргнув, Айден отвел взгляд в сторону, продолжив:

– Сила проклятья зависит от того, насколько силен ребенок, попавший под его действие. То есть в какой-то степени это уникальная божественная задумка: снять проклятие невозможно, разве что лишив магии самого подвергшегося воздействию ребенка. А лишить магии дракона – это равносильно убийству.

– Так кто из твоей семьи носит в себе это проклятье? – уточнила я, решив, что не могла ошибиться. Раз принц решил рассказать мне эту историю, то наверняка она имеет какой-то глубинный смысл.

Оказалось, что это и впрямь так. Глубинный смысл был во всей истории Крылатого племени. И чуть позже я поняла, что проклятие Ясноземного старца связано даже со мной. Вот только пока об этом не знал и сам Айден, спокойно рассказывающий о древних богах.

– Под действием проклятья когда-то давно был мой отец. Император Вайларион Черная Смерть, – ответил принц.

– Император? – ахнула я. – Который исчез?

– Ушел в другие миры, – кивнул Айден.

– Но… и как это отразилось на нем? – спросила я, сгорая от любопытства.

Хотелось надеяться, что раз все в их семье живы и здоровы, то ничего особенно страшного не произошло.

Но я опять ошиблась.

– Отец был рожден человеком, – продолжал Айден, – и при этом его чешуя чисто-черная. Ты, наверно, плохо понимаешь, о чем я говорю, я все время забываю, насколько мало тебе известно о нашем мире.

Он обвел кончиком пальца мое лицо, задержавшись возле уголка губ и не сводя с него же глаз.

Признаться, разговаривать в таком положении становилось все сложнее. Когда Айдену вздумывалось касаться меня, каждый раз между нами будто вспыхивали невидимые искры.

Я с трудом проглотила кусок клубники, стремительно теряя аппетит и приобретая совершенно другие желания, несмотря на то, чем мы с принцем только что занимались.

– Черная чешуя на заре жизни была лишь у одного дракона – у Громтуманного мужа, бога-супруга Яросветной девы. Он был самым первым и самым сильным из всех драконов. С тех пор чем больше вкраплений черного цвета есть в чешуе дракона, тем сильнее в нем мощь нашего божественного Отца. Так вот у Вайлариона чешуя была черной, как самая темная ночь.

– Он был настолько силен? – завороженно спросила я.

– Невообразимо, – кивнул Айден. – И поэтому проклятие Рока, что поселилось в нем, тоже оказалось невероятным и доселе невиданным.

– Что же с ним стало? – в ужасе проговорила я, предчувствуя ужасный исход этой истории.

– С ним – ничего, – мрачно ответил Айден. – Но погибли все, кто был когда-то с ним связан. Все, кого он знал. Все, кто знали… короля драконов.

– Как это возможно?.. – хрипло прошептала я, больше всего на свете не ожидая именно этого ответа.

Айден пожал мощными плечами.

– Это было еще до моего рождения. До рождения всех моих братьев и до становления Новой Райялари. Была другая империя –

империя людей – и старая Райялари, полная чистокровными драконами. Напряжение между людьми и Крылатым племенем росло годами, и однажды случилось так, что мой отец просто покинул своих подданных, устав от вечных мелких распрей, от всего того, что происходило вокруг него в то нелегкое время. А когда он вернулся спустя несколько лет… оказалось, что люди вырезали всех драконов. Всех до единого. Он остался последним. Так Рок настиг его.

У меня не было слов, чтобы ответить. Я боялась лишний раз вздохнуть. И все же не могла не спросить:

– Как же вышло, что сейчас драконы снова живы? Помнится, Мельгорион рассказывал о том, что в тела людей начали вселяться драконьи души. То есть это были души погибших драконов?

– Все верно, – кивнул принц. – Именно поэтому нас всех теперь зовут дарками – драконами с человеческой кровью.

Я замерла, нахмурившись, пытаясь поймать ускользающую мысль.

– И у дарков четвертый уровень магии, не так ли? – приподняла бровь я, тут же замечая, каким напряженным и серьезным становится лицо принца.

– Да.

Сердце пропустило удар.

Я обладала четвертым уровнем магии.

У меня в венах текла человеческая кровь.

И мне были доступны способности, которыми прежде владели лишь драконы.

Так что, если?..

– Айден, а вдруг у меня внутри тоже какой-нибудь драконий дух? – с нервным смешком спросила я, отставив дрожащий бокал с вином на стол. – Неспроста же вот это вот все! – Я обвела дрожащими руками окружающее пространство, намекая на все случившееся с нами за прошедшие дни.

И как бы мне хотелось, чтобы Седьмой принц покачал головой и рассмеялся! Чтобы начал говорить, что я сошла с ума.

Но он молчал. И оставался слишком серьезен для того, чтобы я могла расслабиться.

А мне совершенно не хотелось, чтобы внутри меня жила какая-нибудь крылатая девица! А может, вообще мужик! Старый и

возмутительно наглый, как и все драконы!

– Я думал об этом, – неторопливо проговорил принц, подтверждая мои самые неприятные догадки. – Вот только откуда бы этому духу взяться? Когда мои родители возрождали Крылатое племя, для слияния человека и драконьего духа требовался сложнейший ритуал. Сейчас ничего подобного больше не проводят, это считается кощунством.

– Кощунством? Почему?

– Потому что тогда, много веков назад, ритуал Слияния был единственным способом возродить наш народ. Способом, который никогда не одобряли боги, но другого выхода просто не было. Сейчас, когда Новая Райялари успешно существует, объединив множество рас и магических существ, создание новых дарков не требуется. Конечно, среди нас есть те, кто открыто выступает за подобное увеличение численности Крылатого племени. Но большинство дарков, включая старейшин, резко против. Ведь на заре Новой Райялари в число тех, кто хотел стать драконом, входили только самые преданные приверженцы моего отца-императора. Это люди, которые шли за ним в бой, проливали свою кровь. Таким образом они заслужили право перерождения.

– А сейчас, получается, достаточно благородных людей для этой цели уже не находится, верно? – приподняла бровь я.

В принципе, то, о чем говорил принц, было вполне логично. Учитывая, что люди в этой империи носили гораздо более низкий статус, чем дарки, стать дарками им бы никто не позволил.

Айден только молча кивнул.

– Да и дело не только в этом, – добавил он вдруг. – Ведь сейчас мы говорим о тебе, а не обо всех остальных. Ты прибыла в Йенлавей из другого мира. В тебе никак не могло бы оказаться драконьей души. По крайней мере, мы бы это как-нибудь заметили. – Он протянул руку и накрыл мою ладонь.

Оказалось, что я уже несколько минут нервно мяла уголок собственного платья и даже не замечала этого.

– А что, если нет?.. – выдохнула я, замерев и внимательно глядя на принца.

Айден сдвинул темные брови. Алое пламя в глазах вспыхнуло.

Кожу будто бы заколола сотня маленьких раскаленных молний.

– Пока я валяюсь в постели, мне это никак не определить наверняка, Селина, – покачал головой мужчина и стиснул зубы.

Похоже, принцу нравилась эта ситуация ничуть не больше, чем мне. Вот только почему? Мне-то, понятно, не хотелось делить свое тело еще с кем-то. Но Айдену какая разница?..

– Ты не хочешь, чтобы я становилась драконом, да? – спросила я, приподняв бровь. – Тогда я перестану быть твоей ааро́й, верно? Ты тогда будешь уже не такой властный и весь из себя ужасный принц дарков?

Инстинктивно я ждала, что Айден разозлится, но он неожиданно рассмеялся. Откинулся назад на скамейке и так громко и заливисто захохотал, что даже мне невольно стало весело.

Черные волосы рассыпались по плечам и спинке скамьи, а золотое солнце бросало на них желтые блики, перескакивая дальше и теряясь в итоге на смуглой коже.

Когда принц немного успокоился, он вдруг резко притянул меня к себе, одним сильным движением обхватывая за талию и поднимая в воздух, будто я для него была не более чем набитой ватой плюшевой игрушкой, а не человеком из плоти и крови.

Он пересадил меня себе на колени, чуть подавшись вперед так, что я была вынуждена обхватить его за шею, чтобы не упасть. В тот же миг за его спиной распахнулись те самые огромные огненно-алые крылья, которые он так скрывал ото всех… кроме меня.

А сам Айден при этом улыбался, нависая надо мной в игривых лучах солнца, что соперничали светом с огнем за его спиной.

– Я всегда буду властным принцем дарков, – проговорил он, с легким рычанием мурлыкая и опускаясь к моим губам. – Только надеюсь, что не таким уж и ужасным…

С этими словами он накрыл мои губы, проникнув ладонью к моему затылку, тем самым полностью удерживая меня над землей. И я больше не боялась упасть, чувствуя, как его мягкие губы ласково касаются моих, а горячий язык, играя, проникает внутрь меня. Не подавляя и ничего не требуя, но так уверенно и сильно, что где-то в подсознании становилось ясно: захоти я вырваться – и не получится.

Но я и не хотела. Я снова чувствовала, каким безупречно твердым он стал в один миг, как сжимаются его пальцы на моих бедрах и как

все сильнее с каждой секундой он вдавливает меня в собственное разгоряченное тело…

Дышать стало тяжело, под желудком разлилось раскаленное марево, опускающееся все ниже ноющим голодом.

Грудная клетка Айдена начала двигаться быстрее, тяжелее. Его зубы прикусили мою нижнюю губу, во все стороны от разгоряченного мужского тела будто хлынуло пламенем нестерпимой жажды.

– Селина… – выдохнул дарк, на миг отстранившись, касаясь меня лбом, но не открывая глаз. – Тебе пора… мы и так потеряли кучу времени, а тебя могут в любой момент обнаружить возле моего бесполезного бесчувственного тела.

– Не бесполезного! – воскликнула я возмущенно.

Айден чуть нахмурился, уголки его губ слегка недовольно изогнулись.

Похоже, вынужденное беспамятство сильно раздражало Седьмого принца.

– Неважно, – бросил он, сжимая волосы на моем затылке и заставляя меня смотреть в его красно-огненные глаза. – Запомни две вещи, Селина. Первая: ты больше не появишься возле моего тела. Ни при каких обстоятельствах.

– Что? Нет! – взвизгнула я, и принц ощутимо вдавил меня в себя, скользнув сквозь мягкую ткань брюк напряженной плотью по самым чувствительным точкам у меня между ног. Я ведь сидела… прямо на нем.

Зубы впились в нижнюю губу – мне удалось не издать ни звука.

– Ты не придешь, – добавил принц, серьезно глядя на меня пылающими огненными глазами. – Или, обещаю, я тебя накажу. Даже если будешь умолять этого не делать.

– Но, Айден!..

– И второе, – невозмутимо прервал он поток моих возмущений, – при первой удобной возможности ты навестишь одного из моих братьев… Сирглинариона. Ты же видела их всех, сможешь узнать того, который тебе требуется? Нужно попросить аудиенции через императорского секретаря.

– Но… зачем?

Я нахмурилась. Видеться с братьями Айдена хотелось меньше всего.

– Помни главное: тебе нужен только Сирглин. Другие – нет.

– Но что я буду ему говорить? – все меньше и меньше понимала я ход его мыслей.

Принц вздохнул, не сводя с меня серьезного взгляда.

– Ты должна попросить его… взглянуть в твою душу. Это может сделать только он. И только он способен сохранить тайну…

Сердце пропустило удар. Я слишком хорошо помнила, какой странной была наша последняя встреча с Сирглином Отравленным сердцем.

– Может, как-нибудь подождем, пока ты не проснешься?.. – с надеждой спросила я, но Айден только болезненно улыбнулся и покачал головой.

– Я бы хотел, чтобы так и было. Но после черного золота не просыпаются, Селина, – еле слышно выдохнул он, невесомо проведя ладонью по моим волосам.

Под ребрами полоснуло такой резкой болью, что расхотелось даже дышать. На глазах навернулись слезы. Сами собой. Словно только что произошло самое ужасное, что только могло случиться со мной в жизни.

Но это ведь еще не произошло, ведь так? Ничего ужасного ведь не случилось и все еще будет хорошо!

– Не говори так, – покачала головой я, протирая глаза, пока из них не полилось водопадом все то, что раздирало меня изнутри.

Айден снова улыбнулся и, медленно склонившись ко мне, коснулся поцелуем кончика моего носа… А затем все вспыхнуло ослепительным светом, от которого хотелось зажмуриться, скрыться, спрятаться хоть куда-нибудь. Потому что я в тот же миг поняла, что после этого света рядом со мной уже не будет моего принца.

Глава 7

Когда я открыла глаза, все так и вышло. Айден лежал рядом, но он больше не улыбался мне. Его лицо было бледным и бесчувственным, как и прежде. А живот стягивала белоснежная повязка.

Я легла на бок, повернувшись к нему лицом, и осторожно протянула руку, коснувшись кончиками пальцев щеки дарка. Его кожа была теплой, чуть горячее моей – как всегда. Как тогда, когда с ним все было хорошо. И только легкая, немного колючая щетина, затемнившая подбородок, говорила о том, что с принцем что-то не так. Обычно Айден брился начисто…

И в этот момент я вдруг заметила, что с моей ладони льется едва различимый свет. Легким желтоватым дымом он ложился на лицо принца и мгновенно впитывался в кожу, исчезая без следа.

Я замерла, не зная, что и думать. А потом почувствовала, как щекочет что-то внутри, будто по венам текут незаметные маленькие ручейки. Почти так же, как перед эксплозией!

Я боялась вздохнуть, чтобы не спугнуть этот свет, но стоило мне чуть отстраниться, как он исчез.

Но ведь это значит, что у меня получилось! Свет лечил Айдена!

В этот момент я совершенно точно поняла, что несмотря на все предостережения принца все равно еще вернусь к нему в комнату. И пусть делает со мной, что хочет!

Однако в этот момент где-то далеко за дверьми в коридоре раздались чьи-то голоса.

Сердце глухо ударило в горло, ладони вспотели.

Меня вот-вот могли заметить тут!

Я подскочила с постели, в ужасе встряхивая ладонями, чтобы с них полился огонь. В этот момент у меня уже и в мыслях не было его бояться, как прежде. Я прыгнула бы в это колдовское пламя не глядя!

Но процесс шел ужасно медленно. Не то чтобы у меня не получалось: ладони начали зудеть сразу же, как я представила собственные покои. Вот только огонь начал стекать на пол буквально какими-то детскими струйками!!!

У меня от страха, кажется, зашевелились волосы. Голоса за дверью становились все громче и громче, стали слышны шаги и слова:

– Да, думаю, стоит еще раз проверить, вы правы, мой принц, – звучал незнакомый мужской голос.

– И поскорее. Брат отравлен, в этом нет никаких сомнений. Княжич Шеллаэрдэ подтвердил, что проклятая оракул предательски напала на него, пока они с Седьмым принцем вели переговоры…

Этот второй голос я припоминала, он принадлежал одному из братьев, кажется самому дофину империи.

От ужаса бросило в жар. Что он подумает, когда увидит меня здесь? Что я пришла в одиночестве прикончить Айдена, пока никто не видит?

У царственных особ чего только на уме не бывает. Им же везде убийцы мерещатся.

Я зажмурилась, стараясь поярче представить свою мягкую постельку, расписной ковер с высоким ворсом, на стенах колдовские кристаллы в золотой оплетке в форме драконьих лап…

Послышался скрип двери.

Грудную клетку сжало спазмом адреналина.

Я распахнула глаза, чувствуя, что мне конец. И тут же увидела перед собой огненную воронку черно-золотого цвета. Я шагнула в нее так быстро, что даже не успела проверить, есть ли на другом ее конце вожделенные покои. Но через мгновение очутилась прямо возле собственной постели, буквально уперевшись в нее коленями и от неожиданности рухнув на пышное покрывало.

Портал эксплозии схлопнулся за спиной, а я, не давая себе возможности перевести дух, ринулась к огромному зеркалу в красивой раме из сотен маленьких дракончиков. Положила руку на стекло и прошептала: “Айден”.

В тот же миг в отражении появилась комната, которую я только что покинула, а у постели принца стояли двое мужчин. Один с бородой, перевязанной золотой цепью, второй – Элайдарион Золотой Закат. Я не ошиблась.

– Ну, что вы видите, дерье Аллуарион? – хмуро спросил Первый принц, склонив к Айдену светловолосую голову. Его тяжелый плащ за спиной упал вперед и скрыл от меня лицо больного.

Второй мужчина, которого звали Аллуарион, очевидно, был доктором. Я думала, что он сейчас поводит над Айденом руками, с них тоже польется какая-нибудь магия и все станет ясно. У них же тут кругом колдовство! Очень удобное изобретение, надо сказать.

Вот только медик зачем-то вытащил из небольшого сундучка что-то вроде скальпеля, полоснул по ладони принца и накапал несколько крупных алых капель на полностью прозрачную тарелку, лишь по краям украшенную какими-то змеящимися металлическими узорами.

И дальше сказал то, что мне услышать вовсе не хотелось.

– Кровь Седьмого принца почти чистая, но не до конца. В ней есть яд, – задумчиво пробубнил он, водя подушечками пальцев по краю тарелки. Диковинный узор загорался от его прикосновений и тут же снова гас. Зато кровь на прозрачном стекле тут же начинала исходить паром и странным образом менять цвет на… темный.

Я с трудом различала изменения с такого расстояния да еще и через зеркало, но, если хочешь что-то увидеть, будешь вглядываться изо всех сил. Именно поэтому я и сумела заметить, как алая кровь Айдена стала чуть более кирпичной. Местами даже уходящей в черный.

– Как ни странно, – продолжал доктор, – еще сегодня утром я готов был поклясться, что состояние Седьмого принца стабилизируется быстро. Но тогда я еще не ведал, что мы имеем дело с черным золотом. Теперь благодаря вам, Светлоликий, мы знаем, что искать. Это, – он потряс тарелкой, – называется Язык Ясноземного Старца. Блюдо изготовлено из редкого прозрачного обсидиана, вулканического стекла, только он безупречно реагирует на прикосновение черного золота. Поэтому теперь сомнений быть не может: Седьмой принц и впрямь отравлен.

– Это я уже знаю и без вас, – холодно, но сдержанно процедил Элайдарион, сжав мощные, усыпанные перстнями пальцы в кулаки. – Что с перспективами? Стало ли ему лучше?

Медик поднял на дофина чуть усталый беспокойный взгляд и накапал на тарелку еще пару капель крови Айдена. Затем положил свободную руку ему на лоб и наконец резюмировал:

– С сегодняшнего утра его внешнее и внутреннее состояние словно бы и не изменилось. Но я сумею сказать, есть ли динамика,

только спустя хотя бы сутки. Око Ясноземного покажет, исчезает ли из крови черное золото.

– А это возможно? Чтобы черное золото исчезло само? – приподнял золотистую бровь Элайдарион.

Медик выдержал паузу, словно не хотел отвечать. Ведь ответ, судя по всему, был заранее известен им обоим.

– Такого не бывало. Вы и сами знаете, мой принц. От черного золота обычно умирают в первые минуты отравления.

Элайдарион дернулся, как от удара, закрыл глаза ладонью, другую руку положил на блестящий пояс и отвернулся. Вся его фигура демонстрировала напряжение.

– Но то, что он еще жив, дает нам надежду, – добавил медик. – Это небывалый случай…

Дофин резко поднял в воздух кисть, заставляя того замолкнуть.

Дарк Аллуарион тут же захлопнул рот, слегка дрожащей рукой схватившись за цепочки в своей бороде.

– Следите, – бросил, разворачиваясь, Элайдарион и вдруг замер, приподняв подбородок и нахмурившись. – А откуда тут столько тиаре в воздухе?

Медик заозирался по сторонам, а потом, пожав плечами, ответил:

– Много лекарей трудилось над выздоровлением Седьмого принца все прошлые сутки.

Дофин недоверчиво посмотрел на медика, а затем, не прощаясь, просто ушел в вихре огня. Почти сразу же вслед за ним через дверь ушел и Аллуарион.

А я снова коснулась зеркала, шепнув: “Исчезни”.

Вслед за моими словами прозрачное стекло подернулось рябью и вернуло мне мое собственное отражение.

К тому времени на улице уже давно стояла глубокая ночь. Долго еще я не могла успокоиться, из последних сил останавливая себя от того, чтобы прямо сейчас не вернуться в покои Айдена. Но потом все же решила, что это вряд ли пойдет ему на пользу. Я планировала вернуться туда на следующую ночь, чтобы снова подлечить раненое тело принца и попробовать уничтожить черное золото. Я все еще понятия не имела, как это происходит, но ведь сработало в первый раз? Должно было сработать и во второй.

Однако прямо сейчас после нескольких эксплозий я чувствовала себя ужасно истощенной. Попытки колдовать отнимали кучу сил, и тело ломило так, словно я как минимум пробежала десяток километров без остановки.

Поэтому примерно через час бесплодных переживаний я все-таки свалилась на кровать, забывшись беспокойным сном.

Утро наступило гораздо быстрее, чем мне бы хотелось. И в мои покои снова вошла довольная главная аара с подносом аппетитно шкварчащего завтрака.

– Похоже, меня приставили к тебе личной помощницей, – совершенно беззлобно проговорила женщина, поставив поднос на круглый каменный столик возле моей постели и откидывая на спину густой темный водопад волос. – Не то чтобы я была против, ведь в этом дворце бывает жутко скучно! – развела тонкими ладошками она. – Но ты бы хоть вставала пораньше, тут у нас все же принято работать, – закончила аара с хитрой ухмылкой. – Кстати, я пришла подобрать тебе какое-нибудь занятие, которое мы запишем в дворцовую книгу атриса.

– А это обязательно? – сонно пробормотала я, пытаясь выпутаться из перепутанного гнезда собственных волос. Похоже, я вертелась на постели все те несчастные пару часов, что мне оставались на сон.

– Конечно! – воскликнула Валира, распахнув большие, подведенные тонкой кирпичной линией глаза. – Иначе за что же тебе назначать жалование?

– Понятно, – выдохнула, принимаясь за завтрак с гораздо большим энтузиазмом, чем за разговор с болтливой аарой.

– Расскажи, чем ты хотела бы заняться, какие у тебя есть навыки? – начала она, доставая из подмышки красивый свиток, концы которого блестели золотом, а вниз с них свисали усыпанные драгоценными камушками цепочки. – Я могу помочь тебе, перечислить доступные варианты, но хотелось бы знать, что ты вообще умеешь. Иначе придется читать тебе до обеда.

Я глубоко вздохнула. Кусок вкусного тоста с перепелиными яйцами и какой-то аппетитной красной рыбой застрял в горле.

– Я умею многое. А чего не умею, тому быстро могу обучиться, – ответила нехотя.

– Так, пожалуй, придется читать, – фыркнула Валира, разворачивая свиток и глядя на меня с очевидным скепсисом.

Но прежде, чем она произнесла первое слово, я добавила:

– На своей предыдущей работе я писала статьи. Коротенькие репортажи или длинные очерки, эссе. Могла написать развернутый анализ, рецензию или художественный отзыв…

– Что, правда? – ахнула вдруг Валира, придвинувшись ко мне поближе и даже про свиток забыв.

– Ну да, – пожала плечами я, вспоминая, как вела колонку “Новостей и сенсаций в Торговом Доме “Витязь”. Новостей там было ничтожно мало, а сенсаций – еще меньше. Поэтому работа была не такой простой, как хотелось бы. Интересную информацию приходилось искать буквально как настоящего дракона в универмаге посуды, и в итоге все равно газета частенько представляла собой список уволенных сотрудников, новости о расширении штата или уведомление о грядущих праздниках.

А я-то мечтала совсем не о том…

– У нас очень мало девушек, которые в принципе умели бы читать. А уж писать что-то внятное тем более.

– Людей этому не учат? – удивилась я.

– Учат, – пожала плечами аара. – Но мало кто учится. Итак, давай вернемся к тебе. Ты, значит, умеешь писать статьи…

– Да, но когда-то мечтала вести свою личную колонку вроде: “Спросите у Селины”. – Я задумчиво провела рукой в воздухе, демонстрируя будто бы появляющееся там название рубрики.

И, как ни странно, между моих пальцев и впрямь мелькнули буквы неизвестного алфавита. Несколько мгновений они колыхались огненными чернилами, а затем потухли.

Валира шарахнулась назад, откинувшись на спинку стула, и, приоткрыв от изумления алые губы, во все глаза смотрела на сотворенное мной чудо.

Признаться, я была удивлена не меньше. Особенно когда поняла, что исчезнувшие буквы, хоть и были мне незнакомы, означали как раз: “Спросите у Селины”.

В этот момент я осознала, что на местном языке писать статьи у меня очень даже может не получиться. Я ведь никогда не пробовала использовать алфавит, которого не знаю!

– Так давай сделаем это! – вопреки моим мыслям воскликнула Валира. – В Огненном Чертоге как раз не хватает такого новшества! Мы станем первыми из всех Чертогов с собственной газетой! Восхитительно! А мне, может быть, даже премию выпишут за организацию, – с удовольствием добавила она, положив тонкую ладонь на пышную грудь.

Она была так рада, что даже жалко было расстраивать.

А еще довольно неуместно было бы говорить, что я не умею писать, после рассказа о множестве статей, вышедших из-под моего пера. Подозреваю, что это вызвало бы у аары много новых вопросов. Поэтому пришлось прикусить язык и кивнуть.

– Давай, я согласна, – проговорила, слегка краснея.

– Замечательно! Приступай сегодня же! – засуетилась женщина, от восторга буквально вертясь на стуле, словно у нее внутри шевелился уж. Золотые серьги-кольца затряслись и засверкали в ушах. – Я принесу все необходимое: бумагу, свитки, перья, чернила…

– И алфавит, – добавила я.

– Что? – удивилась аара.

– Ты не могла бы принести мне… лист бумаги с алфавитом? – попросила я, мечтая провалиться под землю от неловкости. – Ну, знаешь… я пишу не очень красиво, а так… вроде как пример перед глазами…

Объяснение получилось не слишком качественное, но, кажется, Валира поверила. Улыбнулась, махнув рукой, и проговорила:

– О, не переживай, учитывая, что у нас тут вообще мало кто умеет писать, твоя проблема – ерунда. Будет тебе алфавит! Я лично попрошу дарка-писаря, чтобы подготовил.

Она встала со стула и уже почти направилась было к выходу, как вдруг замерла неподалеку от шкафа, который я вчера обнаружила в стене. Дверцы были открыты, а на одной из полок, зарывшись в ворох содранных с вешалок платьев, довольно посапывал мой ирлис.

Я думала, что внимание аары привлек именно он, но оказалось, что это правда лишь отчасти.

– Ничего себе, как много у тебя драгоценностей! – воскликнула она, осторожно приближаясь к зверьку, чтобы не разбудить. – С ума сойти, никогда столько не видела! Это принц тебе пожаловал? А когда?

Я чуть нахмурилась, пытаясь понять, о чем она говорит. А потом вспомнила о сундуке, наполненном золотом, как пиратскими сокровищами.

– Они тут были, – ответила я задумчиво, пожав плечами. – У тебя разве такого нет?

– Вот уж нет, – хмыкнула Валира, бросив на меня насмешливый взгляд через плечо. – Ты странная, клянусь луной. Да если этот сундучок продать, можно купить целый маленький замок. Неужели каждой своей ааре принц стал бы дарить по замку?..

Она протянула руку, аккуратно кончиками пальцев зарывшись в сверкающие ожерелья и жемчужные бусы. Впрочем, надо отдать ей должное: главную аару Седьмого принца волновали не только украшения. Хотя многие на ее месте от такого богатства забыли бы обо всем на свете. Мне и самой стало не по себе.

Но Валира отвернулась от сундучка и осторожно протянула ладонь к спящему ирлису. Тот приоткрыл один зеленый глаз, давая понять, что внимательно следит за происходящим.

– А тебе не надо принести вкусненького завтрака? – с улыбкой спросила аара. – Может быть, сочную, только что ощипанную перепелку? Или даже три?

Ирлис, сперва насторожившийся от протянутой к нему руки, тут же поднял голову, что-то истово рявкнув. И клянусь, это было ужасно похоже на “да”.

Валира засмеялась, а затем все же коснулась черной головы зверя. Тот явно терпел, пристально заглядывая в глаза женщине, а затем переводя уж больно красноречивый взгляд на меня.

– Хорошая же у тебя хозяйка, – покачала головой я, вставая с постели. – Совсем забыла о тебе. Валира, если бы ты сказала, где найти еду моему другу, я могла бы и сама…

– О, пустяки, – махнула рукой аара, с удовольствием почесывая маленькую шерстяную каплю мрака, а тот выглядел так, словно из последних сил сдерживался от чего-то ответного. То ли от довольного урчания, то ли от того, чтобы откусить Валире пальцы. – Я принесу, не переживай.

А затем ее худые, чуть впавшие щеки неожиданно покрылись румянцем.

– А ты еще… ну… не назвала его? – неуверенно спросила она через несколько мгновений.

Я улыбнулась.

– Нет, – покачала головой. – Ждала тебя.

Признаться, последние часы мне было вообще не до ирлиса, каким бы удивительным и замечательным зверем он ни оказался. Но большая часть моих мыслей оставалась лишь о жизни Седьмого принца. А сам зверек словно бы и не имел ничего против. Не мешался, не привлекал внимания, вел себя так, словно это он тут хозяин, а вовсе не я.

– Имя уже готово, правда не знаю, понравится ли ему, – замялась женщина и нервно сжала тонкие пальчики.

Ее огромные глаза распахнулись и неуверенно посмотрели на меня.

Казалось ужасно нелепым, что главная аара Огненного Чертога, личная служанка самого принца, вдруг беспокоится из-за такого пустяка, как имя домашнему животному. Каким бы странным это животное ни было…

Я ободряюще улыбнулась, приняв как факт, что для Валиры это важное событие. А затем сжала ее руку.

Пожалуй, это было впервые с момента моего появления в Новой Райялари, чтобы я дружески коснулась кого-то, кроме Айдена.

– Ему понравится, я тебе точно говорю, – проговорила я уверенно.

Валира кивнула, а потом, чуть склонившись к ирлису, но не приближая лицо ближе, чем на полметра, негромко выдохнула:

– Можно я скажу тебе на ухо? – спросила она у него так, словно он понимал ее.

Я хотела было отговорить ее, ведь зверь мог ее просто-напросто изуродовать. Но Валира выглядела настолько напряженной, да и ирлис вроде не выказывал агрессии, что я решила промолчать. Впрочем, от страха за аару внутри все равно все сжалось.

Валира тем временем медленно склонилась к черному уху, поблескивающему колдовской зеленью, и что-то туда прошептала.

Ирлис ее не тронул, продолжая отслеживать горящими глазами каждое ее движение. И как только аара снова выпрямилась, пытаясь найти хоть какую-то реакцию в физиономии зверька, тот потянулся и зевнул.

– Ему не понравилось? – сдвинув брови домиком, спросила аара. На нее смотреть было жалко.

– Понятия не имею, – пожала плечами я, глядя, как ирлис спрыгнул с полки шкафа, прошелся между моими ногами и ногами аары. А затем невозмутимо обнял икру Валиры хвостом.

Я улыбнулась.

– Но, думаю, он не против!

Лицо аары засветилось так, словно ей подарили как минимум еще один сундук с драгоценностями.

– Правда?! – ахнула она и вдруг крепко обхватила меня, подпрыгивая на мысочках своих блестящих туфель. – Я так рада!

Улыбку мне сдержать не удалось, но я и не пыталась.

– Так что за имя ты ему дала?

Валира на миг замерла, хитро улыбаясь.

А потом ответила:

– Гвенвин. Многозначительно, правда? – И так довольно приподняла брови, что сразу стало ясно: я чего-то недопонимаю. Хотя слово и казалось подозрительно знакомым.

– Эм… наверно. А это что-то значит?

– Конечно! – Она склонила голову набок. – Все время забываю, что в этом дворце язык Старой Райялари знают только сами дарки и немного я! – гордо добавила она, явно планируя похвастаться. – “Гвен” переводится как “яд”. А ведь всем известно, что клыки ирлисов содержат смертоносный токсин. Поэтому они так опасны. Ну, если не считать того, что они и без яда могут разорвать добычу на куски за считаные минуты, – опасливо усмехнулась она, коротко взглянув на зверька, который уже перескочил на кровать и улегся там.

– Тогда действительно очень верное имя, – кивнула я, пытаясь припомнить, говорил ли мне об этой особенности ирлисов Айден. И похоже, что не говорил. Видимо, не знал, иначе, готова поклясться, привести в покои такого зверя принц бы не позволил.

А еще я снова уловила некую схожесть ирлиса с Шестым принцем Новой Райялари – с Сирглином. У него было слишком уж похожее прозвище: “Отравленное сердце”.

– Кстати, – неловко начала я, пытаясь понять, как бы мне поизящнее озвучить свою просьбу. Ведь мне нужно было встретиться с

ним, а я пока понятия не имела как. – Ты не знаешь, почему у Сирглинариона такое странное второе имя?

Валира подняла на меня удивленный взгляд.

– Ну, это вообще темная и старая история, – пожала плечами она. – Пойдем в сад? Я отдам распоряжение о том, чтобы Гвенвину принесли перепелок, а заодно расскажу тебе все, что знаю.

– Конечно! – обрадовалась я. – Только переоденусь.

Утро было в самом разгаре, и ночную сонливость как рукой сняло. За каких-нибудь пару минут я умылась и привела себя в порядок, переодевшись в одно из потрясающих платьев, что висели в шкафу, и на которых еще не успел поспать ирлис. На этот раз мне попалось персиково-желтое, в цвет моих волос, на которые этот мир явно крайне положительно влиял. Они стали гуще и словно бы длиннее, а уж блестели и вовсе как драгоценное сокровище. Я даже лишний раз старалась не смотреть в зеркало. Если однажды мне придется вернуться домой, вдруг они все выпадут? И буду вообще лысая, как яичко… В общем, я решила, что лучше к такому неожиданному подарку слишком не привыкать.

На улицу мы вышли через шикарный балкон размером в два моих роста. Потолки у них тут были очень высокие, но только у распахнутых дверей это ощущалось особенно ярко.

Мягкий шелк штор взлетел в воздух от приятного свежего ветерка, солнце упало на лицо, согревая ласковым теплом. В легкие ворвались запахи цветущих кустарников и деревьев.

Я вышла вслед за Валирой, которая со знанием дела направилась куда-то по узкой белоснежной дорожке. Помнится, в последний раз, когда мы выходили куда-то с ней вот так, меня унес прочь Мельгорион. Оставалось надеяться, что теперь этого не повторится.

– Не бойся, – бросила мне аара, словно уловив мои мысли, когда я стала отставать. – Атрис закрыт от мужчин приказом дофина империи.

– А, это радует, – бросила я в ответ, не сдержав улыбки.

Учитывая, что с главным старейшиной мы так и не виделись с последней встречи, что-то подсказывало: он может пожелать поговорить со мной. Ведь наверняка ему по крайней мере хочется узнать, какого дохлого енота я спрыгнула с его спины. А еще он что-то там говорил про то, чтобы сделать меня своей личной помощницей

или кем-то в этом роде… Оставалось только порадоваться, что ему это пока не удалось. Вероятно, принцы не разрешили.

Среди насущных проблем был еще посол Шеллаэрде – княжич Ренвиэль Эстерийский. Он тоже с какой-то стати вознамерился меня забрать, но, похоже, и ему пока не удалось договориться с принцами. А раз атрис закрыт от посещений, то можно было надеяться, что случайно мне его здесь не встретить.

Тяжело было принять тот факт, что я себе не принадлежала. Но, к сожалению, сейчас мою судьбу решали другие. Еще теплилась надежда, что в случае опасности мне все же удастся самой постоять за себя, не позволить никому решать мое будущее. Может быть, мне даже удастся использовать мои новые таинственные способности. Но, признаться, уверенность в этом была довольно мала.

Глава 8

Валира уже нашла какую-то служанку, похоже – аару рангом пониже, что-то быстро ей приказала, и та исчезла из поля зрения. А мы остановились возле небольшой клумбы с ослепительно красивыми белыми цветами. От них так сладко пахло, что начинала кружиться голова, но меж тем чем больше я вдыхала этот мягкий аромат, тем, казалось, лучше начинала себя чувствовать.

– Что это за цветы? – ахнула я, когда в венах забурлило так, словно я только что нарочно дышала быстро-быстро, перенасытив кровь кислородом.

– Чувствуешь их, да? Говорят, все маги чувствуют, – с легкой завистью в голосе ответила Валира и улыбнулась. – Это очень редкая и дорогая рассада. Цветы тиаре, высаженные тут нарочно, чтобы напитывать магией весь Чертог.

– Ух ты, прямо те самые цветы магии? – не поверила я своим глазам, опускаясь на корточки рядом с клумбой.

– Да, – кивнула аара. – Именно эти цветы по преданиям выросли из пролитой на землю крови Яросветной девы. И именно они наполнили наш пустой мир волшебством.

Я осторожно коснулась одного белого лепестка и почувствовала, как по всему телу пробежала волна колючих, как удары током, мурашек.

– Потрясающе, – выдохнула я, не в силах оторвать взгляд. – Они помогают даркам колдовать?

– Вроде бы так! Вообще, тиаре в большом количестве разлито именно в природе, а в каменных домах, дворцах и Чертогах его гораздо меньше. Иногда настолько мало, что маги не способны начертить ни одного руна. И вот поэтому Айденион Огненнокрылый когда-то и приказал посадить тут эти цветы. Чтобы можно было колдовать без опасений. Кроме того, они благотворно влияют на здоровье, поэтому больного Седьмого принца сейчас не увозят никуда отсюда. Магия цветов должна помочь ему восстановиться.

– Ясно, – кивнула я, мгновенно расстроившись, стоило Валире упомянуть болезнь Айдена.

– В саду атриса вообще много редких растений, – продолжала аара, ни капли не замечая моего настроения. – Паристурция, акацинария, иншуларден, скорпионий плющ, – говорила Валира, называя кучу странных слов, по всей видимости означавших те самые растения. Одновременно она показывала пальцем на соседние клумбы. А потом вдруг посмотрела на меня и резко замолчала, лишь через пару мгновений проговорив: – Ты хотела узнать про Сирглинариона? Садись на скамейку, я расскажу.

У меня аж перевернулось все внутри от любопытства. Как тут усидеть?

И все же я сделала, что требуется, и уселась на скамейку рядом с аарой.

Валира откинулась назад, положила ногу на ногу, покачивая красивой туфелькой без каблука, и заговорила:

– На самом деле правда не известна никому, кроме самих принцев да еще, наверное, императорской четы, пропавшей Луна знает сколько веков назад. Но говорят, что когда-то давным-давно, когда Шестой принц Новой Райялари только-только входил в силу, случилось ему отправиться в путешествие, после которого он просто пропал.

– Как пропал? – не поняла я. – Принц империи пропал?

– Да, вроде того, – кивнула Валира. – В основном на всяких там официальных мероприятиях каждого из принцев обязана сопровождать охрана из десятка преданных дарков. Однако так уж повелось, что большую часть времени этого не происходит.

– Почему?

– Потому что дарки почти всесильны, – пожала плечами аара. – Кроме того, среди сородичей драконьи принцы неприкосновенны, от людей они не привыкли ожидать предательства, а нелюди, судя по всему, не вызывают у них особых опасений ввиду более низкого уровня магии. Именно поэтому, несмотря на регламент, принцы очень часто пренебрегают собственной безопасностью. И вот в один из таких дней, когда Сирглинариона, как обычно, никто не сопровождал, он исчез. Прошло много дней, в течение которых его искала вся империя. И никто не мог обнаружить, даже несмотря на то, что искали его с помощью истинного имени.

Я вздрогнула, снова вспоминая разговор Ренвиэля и оракула о том, что Айден дал мне какое-то имя. За минувшее время среди прочих

переживаний я совсем забыла об этом. А сейчас вдруг показалось, что это должно быть нечто очень важное.

– Истинное имя… – проговорила я задумчиво. – Это некий символ, так ведь? Символ, вплетенный в колдовское руно, который должен гарантированно привести к конкретной цели?

– Все верно, – кивнула Валира. – У каждого дракона есть истинное имя, потому что его дают в детстве. Также его можно дать любому человеку или нелюдю, даже географическому месту. Всего лишь нужен специальный ритуал.

И вот тут меня резко прошило насквозь пониманием: ведь именно это, судя по всему, и сделал Айден тогда, в храме Яросветной девы! Как же я не догадалась раньше?

Впрочем, трудно догадаться о чем-то, не обладая полной информацией. Но теперь-то я знала правду… Вот только что мне это дает?..

Где-то на границе сознания всплыло еще одно воспоминание, совсем смутное, – о том же дне и часе, когда в божественном храме Айдена едва не убили неизвестные люди. У меня было страшное видение, в котором принц умер на моих руках. Именно в нем он произнес таинственную фразу на чужом языке, фразу, которую я обязана была повторить его братьям в случае его смерти.

Вот только правдиво ли это видение? Ведь на самом деле принц никогда мне ничего не говорил. Да и вообще, что за слова он тогда произнес?..

Я нахмурилась, пытаясь вспомнить, но в этот момент Валира продолжила говорить:

– Так вот имя не помогало. А это бывает только в двух случаях: либо принц был мертв, либо он сменил истинное имя. Кто-то дал ему другое.

– А это возможно? – удивилась я. – Мне казалось, что такое имя дается навсегда.

– Нет, – покачала головой аара. – Конечно же, нет. Просто ритуал очень сложен, делается по обоюдному согласию двух магов: колдующего и его объекта, при этом колдующий должен быть крайне сильным. А так как это большая редкость, то и сменить имя трудно.

– И что же получилось в итоге? Раз Шестой принц сейчас жив-здоров, значит, его имя действительно кто-то поменял?

– Да. – В этот момент аара хитро улыбнулась. – Я думаю, что это была женщина. По крайней мере, так говорят. Сирглинариона никто не видел более полугода, империя успела начать готовиться к официальному трауру, лишь императрица Амелион Златопламенная не желала соглашаться с тем, что один из ее младших сыновей мертв. Будто чувствовала, что это не так. И принц вернулся. Вот только он уже не был прежним. Сирглинарион выглядел иначе, много молчал, и от него разило совершенно другой магией. С драконами вообще все очень сложно, их силу трудно измерить, ключ тиаре глубоко скрыт. Но с Сирглинарионом стало все совсем непонятно. А еще… его чешуя изменила цвет.

– То есть его драконий облик поменялся? – удивилась я еще сильнее прежнего.

– Да. Когда-то Шестого принца звали Сирглинарион Лазурнокрылый. У него была сверкающая голубая чешуя, переливающаяся всеми цветами радуги. Но после того, как он вернулся, цвет необратимо изменился, стал глубоким зеленым, на солнце сверкающим сталью, а во тьме переходящим в ночную синеву. Его глаза то и дело стали излучать странный зеленый свет, а волосы будто-то жили собственной жизнью. Ну… ты видела. И никому принц не рассказывал, что с ним произошло. Словно что-то поранило его изнутри. С тех пор его и прозвали Отравленным сердцем. А Сирглинарион и не спорил, спокойно приняв новое имя. Истинное же имя его так никто и не знает.

– Какая странная история, – проговорила я негромко, чувствуя, как под кожей будто бы тихонько шевелится россыпь раскаленных угольков.

– Да, – подтвердила аара. – Я бы с ним лишний раз пересекаться не стала, – усмехнулась она. – Даже не знаю, согласилась ли бы поступить на службу в его атрис, если бы когда-то мне предложили именно это вместо атриса Айдениона Огненнокрылого.

– Ты же говоришь, что всему виной была какая-то женщина. Значит, ничего страшного не случилось, ведь так? К чему этот страх? – удивилась я, но все равно не смогла сдержать легкого беспокойства.

Валира тихо хмыкнула.

– Женщина-то, может быть, и женщина. Вот только она явно его едва не убила. Иначе как объяснить такую разительную перемену

характера и внешности? Знаешь, ирлисы ядовиты, потому что с рождения грызут магическую кору Верликтового дерева и едят его отравленные ягоды. Это дерево опасно не только если его употреблять, оно способно зачаровать даже того, кто просто находится рядом. От коры, ягод и листьев в воздух распространяется особая колдовская тиаре, имеющая легкий зеленоватый оттенок. Это тиаре, попадая на человеческую кожу, всасываясь в легкие, впитываясь через слизистые оболочки глаз, заставляет невольную жертву подчиняться желанию дерева. И есть плоды. Грызть кору. А затем умирать. Тогда в мертвых телах семена Верликта прорастают и дают жизнь новому древу. Так вот ирлисы приспособились игнорировать влияние ядовитой тиаре и едят Верликт нарочно, чтобы пропитаться токсинами изнутри и в будущем стать смертельно опасными хищниками. Ты улавливаешь связь?

Аара остановила свой рассказ так резко, что я не успела ничего сообразить. История настолько поразила меня, перекликаясь со всеми моими прошлыми мыслями и догадками, что от неожиданности всего открытого перехватило дух.

Я сумела только покачать головой, когда аара продолжила:

– Сирглинариона тоже кто-то отравил, и отравил изнутри. От него разит токсичной, опасной тиаре, и даже я, не маг, вижу ее. И предпочла бы держаться от Шестого принца подальше, потому что кто знает, что случится, стоит попасть под его гипнотическое влияние?..

Валира передернула плечами, а я глубоко вздохнула, собравшись с силами и проговорив:

– А ты не могла бы помочь мне с ним встретиться?

Аара резко повернула голову и воскликнула:

– Ты что, меня совсем не слушала?..

– Слушала-слушала, прости, – виновато улыбнулась я, наматывая волосы на указательный палец. – Но мне правда нужно.

– Зачем?! – всплеснула руками аара. – Он же… он… Или ты влюбилась?

– Что? – ахнула я. – Конечно, нет!

– Может, пока наш принц без сознания ты решила сменить атрис? – нарочито хмуро спросила Валира, сложив руки на груди.

А потом, видя, как я в ужасе замахала на нее, не зная, как переубедить, вдруг прыснула со смеху и закрыла рот тонкой ладошкой.

– Да брось, я пошутила, – фыркнула она. – Просто мне не хотелось бы, чтобы ты от нас уходила, зря я, что ли, тебе столько всего рассказываю? Да и кто, кроме тебя, будет писать для меня статьи в газету? Я уже даже название придумала, гляди…

Она вскочила со скамейки, театрально развела руки в стороны и продекламировала:

– Уважаемые дарки и даркессы, рады представить вашему вниманию удивительное и невероятное! Первую газету Огненного Чертога! Только у нас самые передовые и свежие новости, только у нас сплетни и секреты императорского двора Крылатого племени! Читайте и не говорите, что не читали! Интриги, тайны и вся истинная правда в новой колонке аары Селины – “Чешуйчатые утехи”!

На последних словах Валиры я неожиданно подавилась слюной. А все так хорошо начиналось!

– Эм… – кашлянув в кулак, начала я. – Давай немного другое название придумаем.

– Думаешь, звучит не очень? – приподняла темную, идеально выщипанную бровь Валира. И тут же предложила еще: – Тогда как тебе гордое и благородное – “Высокий перфоманс драконьих хвостов”?

Я начала краснеть.

Валира, видя, что я с сомнением качаю головой, продолжила выдавать все новые и новые варианты:

– А вот романтичное – “Экзистенциальность бытия на гребне позвоночника дарка”. Ну, в смысле, это о том, как прекрасен полет на драконе! Или вот: “Размер не имеет значения, или О самом главном у драконов”.

На мои удивленно взлетевшие брови Валира никак не отреагировала, разве что чуть лениво бросила:

– Ну это о размере крыльев в полете. Важное же дело! А вот еще мне очень нравится: “Банальные, зональные, эмоциональные и прочие – анальные расследования Огненного двора”. Детективная колонка бы вышла. Чудо, а не идея!

– Валирочка, милая, – впервые взмолилась я ааре, – можно название придумаю я сама? Все же колонку писать буду я. И к вечеру уже выдам тебе несколько вариантов. А ты пока скажешь мне, как

найти секретаря, который назначил бы мне аудиенцию у Шестого принца.

Аара надула губы и прищурилась. И все-таки через пару мгновений кивнула:

– Ты права, писать тебе. Хорошо, я согласна. В конце концов, я уже и так придумала имя твоему ирлису, называть еще и твою колонку новостей было бы совсем наглостью.

Она улыбнулась и, вздохнув, мгновенно успокоилась.

– А насчет Сирглинариона – не бойся, я сама запишу тебя к секретарю. Обычно у Шестого принца не бывает очередей на аудиенцию, ведь он редко следит за своим королевством. Говорят, за него правит несколько уполномоченных дарков, а сам Сирглинарион делает, что хочет… Впрочем, это могут быть только сплетни.

Валира пожала плечами.

– Ладно, ты еще погуляй, осмотрись вокруг, а я вечером к тебе зайду, чтобы сообщить, что и как. Когда тебе назначена встреча.

– Спасибо, Валира, – радостно поблагодарила я ее, схватив аару за руку.

Женщина добродушно улыбнулась, а затем, попрощавшись, направилась по своим делам. У меня же был в распоряжении целый день, чтобы немного прийти в себя после всего случившегося да еще, может быть, чуток изучить Чертог Айдениона Огненнокрылого. Или хотя бы его атрис.

Следующий час я провела, разгуливая по дивному саду, изучая растения, которых никогда прежде не встречала, вдыхая ароматы незнакомых цветов и пытаясь вспомнить, как их называла Валира. Все вокруг было настолько удивительным, что невольно хотелось улыбаться, но, к сожалению, никакие природные красоты не могли изменить того, что Айден находился без сознания. И фактически не имел шанса очнуться.

Проходя мимо очередной белоснежной беседки с ажурными стенами, я увидела за высоким деревом знакомого маленького мальчика. Кажется, именно он стоял в компании даркесс в большом зале, когда Мельгорион Сизый Пепел собирался прилюдно назначить меня своей служанкой или помощницей – я в целом так и не поняла.

Мальчику было не более десяти лет на вид, черные волосы падали на глубокие темные глаза, а светлое лицо казалось, на мой взгляд,

чересчур бледным. Впрочем, что я вообще знаю о детях дарков? Ничего. Может, у них тут это нормально.

Осторожно подходя ближе, я продолжала наблюдать, как малыш играет с какой-то крылатой игрушкой, и невольно задумалась о том, что это единственный ребенок, которого я видела во всем Огненном Чертоге. Были ли тут еще дети? И если нет, то где же живут все дети дарков?

Когда между нами с парнишкой осталось не больше дюжины шагов, он резко поднял голову и посмотрел на меня. Темные глаза под длинной челкой блеснули любопытством.

Я уже думала, что он отвернется и убежит или что-то в этом роде, но он вдруг помахал рукой и улыбнулся.

– Пусть солнце блестит на твоей чешуе! – воскликнул он, и я с трудом угадала в этой витиеватой фразе приветствие.

– Ага, и тебе… – улыбнулась я в ответ, от неожиданности не придумав ничего умнее. – Пусть ветер… дует в твои крылья.

– Эх! Вот бы и правда! – вдруг бросил он, а затем поднял свою крылатую игрушку, в которой я узнала маленького каменного дракона.

Мальчик сложил губы трубочкой и начал издавать звук, напоминающий то ли рычание, то ли шипение, судя по всему изображая голос дракона.

Я, правда, не припоминала, чтобы Мельгорион издавал нечто подобное, пока я на нем летела. Но, наверное, пацану лучше знать, это он ведь тут детеныш драконов.

– Как зовут твоего друга? – спросила я, кивнув на игрушку в руках ребенка.

– Это?.. – Мальчик с некоторым удивлением посмотрел на каменного дракончика и покачал головой. – У него нет имени. Видишь, он не имеет цвета?

– А почему? – удивилась я.

– Потому что цвет у него появится тогда же, когда и у меня. Я так решил, – твердо проговорил ребенок, отчего-то надув губы.

Я чуть склонила голову набок, пытаясь понять, что с этим пацаном не так. Что-то его беспокоило. Да, признаться, глядя на бледность его лица, я тоже чувствовала себя неспокойно.

– А у тебя есть имя? – спросила я тогда.

– Да, меня зовут Альтарион Хрустальный Свет, – ответил он и наконец снова посмотрел на меня.

Сперва его глаза казались мне темными, но сейчас, вглядевшись внимательнее, я поняла, что они серые и где-то на их дне и впрямь будто-то кружились острые хрустальные искры. Вот только… по сравнению с другими дарками, магия его взгляда была почти неразличима. Если не присматриваться, мальчик казался обычным человеком, тогда как любого дракона можно было легко отличить именно по особым радужкам.

– А как тебя зовут? – спросил он у меня.

– Селина, – улыбнулась я и, схватив его ладошку, с энтузиазмом потрясла. – Будем знакомы!

Паренек с удивлением воззрился на наши руки, явно не понимая, что это такое я делаю. До меня только через пару мгновений дошло, что в Новой Райялари не принято здороваться рукопожатием. Но я всегда так нервничала в присутствии детей, что все мысли вылетали из головы. Что-то внутри меня всегда тянулось к малышам, но, поскольку рядом со мной много лет не было ни одного ребенка, я понятия не имела, как себя с ними вести.

Впрочем, Альтарион неожиданно растянул губы от уха до уха и затряс мою руку в ответ.

– Будем знакомы! Я, кстати, видел тебя тогда в торжественном зале. Ты была очень напуганной.

Я поежилась, с неудовольствием вспоминая Главного старейшину и не зная, что из собственных ощущений можно рассказать мальчику-дракону.

– Да… Было неприятно, – в результате только и сумела выдохнуть я.

А что делать? Сейчас расскажу ему, что Мельгорион – отвратительный старик и чуть не отобрал меня у Седьмого принца, будто какую-то вещь, и что дальше? Парень покачает головой и передаст мои возмущения своим родственничкам?..

Нет уж, стоило держать язык за зубами.

Однако несмотря на все мои опасения Альтарион довольно забавно вздохнул, а потом бросил то, что от него ожидать вовсе не приходилось:

– Не люблю я этого Сизого… А вампиров и тем более. Но что поделаешь?.. Хорошо, что ты вернулась и с тобой все в порядке. Ты миленькая!

По сердцу будто бы кто-то поскреб острыми когтями.

Почему он заговорил о вампирах?..

– Хочешь поиграть с моим драконом? – предложил он и всунул мне в руки теплую и довольно тяжелую игрушку.

Я пригляделась внимательнее и поняла, что маленький ненастоящий дракон сделан вовсе не из тусклого камня по типу известняка, а из какого-то нежного и гладкого, вроде мрамора или даже сероватой слоновой кости. Когда мои ладони касались его, он светлел и начинал едва заметно поблескивать.

– С удовольствием! Вот спасибо, – проговорила я, стараясь не демонстрировать собственные мрачные размышления.

Затем издала несколько журчащих звуков, которые должны были изображать голос дракона, помахала игрушкой над головой мальчика, глядя, как он с восторгом смотрит на это действо, и спросила:

– Ты умеешь так же летать?

В этот момент мои серьги неожиданно нагрелись. Это было настолько ощутимо, что от удивления я едва не выронила каменного дракона. С трудом удалось не вскрикнуть и не напугать ребенка.

– Нет, я летать не умею, – покачал головой Альтарион и нахмурился. – Мама хочет, чтобы я как можно быстрее научился, но у меня пока не получается оборот.

– Вот как? А почему не получается? – осторожно спросила я, возвращая игрушку и растирая мочки, слегка обожженные серьгами. Снимать украшение я не стала, тем более что стоило до них дотронуться, как металл снова стал обычной температуры.

– Не знаю, – пожал плечами мальчик. – Говорят, у многих дарков так происходит в детстве. Мне дают специальные травы, чтобы я быстрее стал настоящим драконом, так что, уверен, скоро я полечу быстрее ветра! Вот увидишь!

– Наверняка так и будет, – заверила я мальчика, испытывая странное предчувствие. – Кстати, а где твоя мама или няня? Кто следит за тобой здесь?

– В основном няня, конечно, но сегодня мы вышли все вместе. Мама вон там. – Он указал рукой в какой-то особенно колючий

цветущий кустарник, и я сперва решила, что он перепутал. В такой густой растительности не может сидеть даркесса, если, конечно, она там нужду не справляет.

В любом случае мне не было до родительницы Альтариона никакого дела, совершенно не хотелось знакомиться с очередной драконицей, наверняка мнящей себя центром вселенной, а меня считающей всего лишь служанкой в Чертоге. Впрочем, фактически, конечно, она была бы права, но…

От этого желания знакомиться не прибавлялось.

– Ладно, я пой… – начала было говорить, как Альтарион вдруг схватил меня за руку и потянул в сторону кустов.

– Пойдем, покажу, тут есть очень забавная нора, – проговорил он, хихикнув. – Я ее сам нашел.

И через несколько шагов заставил меня прошмыгнуть в узкий проход между колоннами. Там в одном месте оказалось нечто вроде маленького лаза, ведущего прямо к осыпавшейся части стены Чертога. И сквозь листья можно было увидеть, что стена скрывает маленькое круглое помещение, наполненное дарками…

– Смотри, вон моя мама, в темно-сиреневом платье с блестящей накидкой. – Он ткнул пальцем в незнакомую темноволосую женщину.

Меж тем она стояла рядом с другой, которую я уже однажды видела в торжественном зале. Та была блондинкой и нравилась мне не больше, чем Мельгорион.

Кроме них я обнаружила множество мужчин в дорогих нарядах, в шелковых рубашках, подколотых крупными драгоценными камнями, с тростями, набалдашники которых сверкали золотом, и с искрящимися цепочками. Все они слушали одного, который стоял ко мне спиной, и узнать его никак не получалось.

Зато я услышала кое-что очень интересное.

Глава 9

– Мы так созданы, это в нашей крови, и никто этого не изменит, – спокойно говорил какой-то мужчина, чуть лениво поглаживая крышку карманных часов.

– Не спорю, – отозвался в ответ тот, что стоял ко мне спиной. – Но сколько можно терпеть? Как известно, в драконьей крови не только преданность королю и королеве, но еще упрямство. И главное – гордость. Разве это не так? – вкрадчиво спросил этот дарк каким-то подозрительно знакомым голосом, но я никак не могла понять, кому он принадлежал.

Остальные присутствующие согласно закивали.

– Гордость означает, что мы не позволяем управлять собой, – продолжал он. – Что не позволяем обманывать. – И легкий шум среди дарков усилился.

– Ты прав, – отозвалась та самая брюнетка, мама Альтариона. Она поправила прозрачную шаль на плечах и осторожно проговорила: – Но боги оставили нас. И что прикажешь делать в такой ситуации?

– Ты не должна думать так, Серфинарион, – покачал головой подозрительный незнакомец. И в этот момент кто-то участливо сжал плечо брюнетки. – А если так оно и есть, то разве не должны мы перестать ждать? Разве не должны брать судьбу в свои руки? Доколе мы будем, как бессловесные животные, делать только то, что нам говорят? Мы! Дети богов!!!

На последних словах он поднял голос, и дарки вокруг согласно зашумели. А затем к говорящему присоединился еще один мужчина.

– Мой друг верно все говорит, – кивнул он, приближаясь к центру круга. – Только освященный богами союз имеет право стоять во главе Крылатого племени. Только истинные император с императрицей. А если их нет, то почему мы должны слушать кого-то, кого нам навязали?

– Их не навязали, – возразил серьезный мужчина чуть в стороне, он казался совсем слегка, неуловимо старше остальных. – Семь принцев – дети императора Вайлариона Черной Смерти. Кто-то из них получит силу короля драконов. Это безусловный факт.

– Или нет, – пожала худыми плечами Серфинарион, – кто знает волю богов, которые от нас отвернулись? Сейчас они не дают крыльев нашим детям, а завтра не дадут нам нового короля.

В помещении снова поднялся шум, перекричать который удалось тому первому мужчине, которого я никак не могла узнать.

– Вот именно! – проговорил он. – И то, что мы все здесь собрались, говорит о том, что в глубине души каждый из нас это понимает. Почему мы должны беспрекословно подчиняться Семи принцам империи? Чем они лучше нас? Ведь ни в одном из них так и не проснулась сила короля! Чем они отличаются от нас? Только благородной кровью? А что же делает их кровь чище нашей?!

Шум становился все громче, вместе с тем как у меня внутри все покрывалось колючей коркой льда.

Я ужасно хотела узнать, чем же закончится эта ужасная встреча, но в этот момент Альтарион вдруг начал тихо кашлять. А когда я повернула к нему голову, оказалось, что он схватился за горло, в ужасе пытаясь вдохнуть.

– Что с тобой? – ахнула я, подхватывая мальчика, падающего наземь. С трудом удалось удержать его, чтобы не ударился головой о белоснежные каменные плиты, а затем оттащить к ближайшей скамейке.

Альтарион ничего не успел ответить мне, просто потеряв сознание.

Я громко закричала, зовя на помощь, не понимая, как такое вообще могло приключиться. Что с ним? Где его няня?

Но никто не приходил, сколько я ни звала. Сад атриса казался пугающе пустым. Словно все, кто в нем был прежде, сейчас собрались в тайном укрытии и обсуждали вопросы государственного переворота.

Нужно было срочно что-то делать, но я не имела ни малейшего представления, что именно. Как лечить побелевшего, будто смерть, ребенка?

Я попыталась закрыть глаза и сконцентрироваться, представляя, как огненная магия моих рук помогает Альтриону. Вот только у меня так и не появилось ни одной мысли, как на самом деле огонь может все исправить. На ребенке не было ни одной видимой раны, как на Айдене. Что я должна была вылечить?..

В результате, сколько бы я ни пыталась колдовать, у меня ничего не выходило.

Поспешно осмотревшись по сторонам, я попыталась найти хоть что-нибудь полезное вокруг. И внезапно обнаружила одну из клумб, на которые мне указывала Валира. На ней по краям небольшого искусственного пруда росли редкие маленькие цветочки потрясающего голубого цвета. В голове будто вживую раздался голос главной аары, произносящей диковинное название растения: “иншуларден”. А память неожиданно подсказала, где прежде я могла слышать это слово.

Скорняк Кормак, который хотел отрезать мне палец, говорил, что у него есть мазь от кикимор. Чудодейственное средство из цветов иншуларден, которые могут волшебным образом заживить любую рану.

Я не знала, как это сработает. Не представляла, какая часть растения используется кикиморами для изготовления мази и способны ли цветы помочь в случае с Альтрионом. Но мне нужен был хоть какой-нибудь способ, который я могла бы применить на практике, потому что спасать парня явно никто не собирался.

Поэтому я сорвала несколько голубых лепестков, растерла между пальцами и положила мальчику в рот. Прошло несколько бесконечных секунд, в течение которых я продолжала кричать и звать на помощь, но никто так и не появился. До тех самых пор, пока в один прекрасный момент Альтарион резко не поднял голову, с силой втянув воздух, и не начал выплевывать изо рта голубые лепестки.

Он быстро откашлялся, а бледность исчезла с лица. Вот тогда откуда-то со стороны к нам подскочила молодая женщина в дорогой одежде служанки и испуганно схватила мальчика.

– Альтрион, дорогой, ты в порядке? Опять обморок?! Какой кошмар! А ты что здесь делаешь? Что это у него во рту? – запричитала она, снимая с губ ребенка последний голубой листик. – Иншуларден? Ты с ума сошла?!

– Что значит с ума сошла? Я пыталась его вылечить! А где были вы? Вы же его няня? – возмущенно ответила я, даже не думая распинаться перед этой странной мамзелью. Пока она шлялась неизвестно где, я тут успела поседеть десять раз!

Однако, конечно, мысль о том, что я могла сделать что-то не так и навредить ребёнку, всё же грызла изнутри.

После моих слов женщина поджала губы и бросила на меня презрительный взгляд.

– Я была с госпожой, хотя тебя это вовсе не касается, аара.

Как она поняла, что я служанка принца, до меня так и не дошло. Хотя слова и прозвучали довольно обидно. В глазах этой нехорошей женщины так и сверкало, что перед ней всего лишь чья-то постельная грелка.

– Я торопилась как могла, а вот тебе кто позволил лезть к маленькому дарку, человеческая самка?

Нет, ну так меня ещё никто не оскорблял. Даже все слова растерялись. Вообще-то, объективно говоря, я действительно была человеческой самкой. Но прежде это не звучало так обидно.

– Всем известно, что иншуларден – это цветок, активизирующий физические силы человеческого организма, – начала она объяснять тем временем. – А ты, глупая девчонка, дала его дарку!

– И что теперь, я его отравила? – ахнула я, испугавшись, что действительно повредила мальчику.

Впрочем, когда я опустила голову и взглянула на самого ребёнка, который всё ещё сидел между нами двумя и поочередно глядел то на меня, то на свою няню, мне показалось, что ничего плохого с ним не произошло.

– А мне сдается, он даже выглядеть стал лучше, смотрите, и бледность исчезла, – задумчиво проговорила я, а потом коснулась руки Альтариона и спросила: – Как ты себя чувствуешь, с тобой всё в порядке?

– Да со мной всё нормально, не надо переживать, – воскликнул мальчик, обхватив мою руку своими маленькими пальчиками, а затем посмотрел на няню. – Делли, я хорошо себя чувствую, не беспокойся. И не надо ругаться, пожалуйста. Мне очень понравилась Селина. Я бы хотел, чтобы вы подружились.

Но даркесса, которую звали Делли, только бросила на меня хмурый взгляд, а затем ненатурально улыбнулась ребенку.

– Не переживай, мой хороший, мы подружимся, иди в Облачный зал, я через минуту тебя догоню. Тебе пора принять лекарство, мой дорогой.

– Хорошо, Дел, – бросил парнишка, затем попрощался со мной и, помахав рукой, быстро побежал в сторону Чертога.

А няня бросила на меня очередной полный раздражения взгляд.

– Если своей отвратительной выходкой ты испортила лечение маленького дарка, тебе придётся за это ответить перед Советом Старейшин.

Я стиснула зубы: нет, это уже совсем никуда не годилось.

– Полагаю, отвечать мы будем вместе, Делли, – холодно проговорила я, и не думая бояться нахалки. – Только сперва я объясню, что мальчик едва не задохнулся у меня на руках, пока его няня находилась неизвестно где. И именно по этой причине мне пришлось применить единственное средство, о действенности которого я слышала.

Женщина шумно вздохнула и стиснула зубы, мой ответ ей явно не понравился.

– Для тебя я не Делли, а Делларион Шелест Лепестков, – гордо проговорила она. – Перед тобой младшая дочь Белириона Гранитной Скалы, и мне оказана честь следить за наследником Тралуриона и Серфинарион, дарков придворного круга Пятого имперского принца.

Она назвала так много имён, что у меня даже голова разболелась. Единственное, что я из всего этого вынесла, так это тот факт, что родословная самой няни явно была очень слабенькой.

– Я, так и быть, снизойду до объяснений, раз твоя собственная голова не в состоянии догадаться, какую ужасную ошибку ты сделала, – медленно цедила женщина. Однако мне показалось, что её запал слегка поуменьшился после того, как я пригрозила ей ответом перед старейшинами. – Альтарион пьет травы, заглушающие его человеческую природу. Это очень сложный комбинированный состав, который в некотором роде делает его организм слабее ради того, чтобы его магическая сила возросла.

Я нахмурилась, пытаясь сообразить, что она имеет в виду, и очень сильно надеясь, что мои догадки неверны.

Поэтому, пока она снова не начала говорить, я тут же переспросила:

– Это потому Альтарион был такой бледный и даже упал в обморок? Травы, которыми вы его пичкаете, отравляют? Они токсичны?

– Да что можешь знать о колдовских составах, созданных нашими медиками для наших детей, ты, человеческое… – она сделала паузу,

явно подбирая в голове наиболее унизительные варианты оскорблений, но в итоге остановилась почему-то не на самом жестком: —… существо?

– Теперь я понимаю, что, судя по всему, мальчик начал задыхаться не просто так, – ответила я внешне спокойно, хотя внутри спокойствия не было ни капли. – И цветок ему действительно помог. Поэтому, так и быть, можешь рассказывать, кому тебе вздумается, обо всем случившемся. Поверь, я найду что сказать в ответ.

С этими словами я многозначительно посмотрела на Далларион Шелест Лепестков и, развернувшись, пошла прочь. Как ни странно, няня не произнесла больше ни слова, хотя всю дорогу до Чертога я чувствовала на своей спине её прожигающий взгляд.

Но мне хотелось думать, что хотя бы частично она понимает мою правоту. Ведь на самом деле ситуация складывалась очень опасным образом. Пока маленький Альтарион хрипел у меня на руках, она вместе со своей госпожой, похоже, присутствовала на планировании государственного заговора. Теперь же, когда я каким-то чудом умудрилась спасти ребенку жизнь, она мало того, что не может предъявить мне какие-то претензии, ведь самой её не было на месте, так ещё и обязана сказать мне спасибо за то, что мальчик вообще дышит.

А ещё, судя по всему, я узнала о печальной особенности детей дарков. Что-то подсказывало мне: не только Альтарион не способен обрести крылья и стать настоящим драконом. Если медики Крылатого племени были вынуждены изобрести специальный ядовитый состав трав, заглушающий человеческую природу, значит, это далеко не первый случай. Вероятно, из-за того, что в дарках слилась человеческая природа с драконьим духом, им стало сложнее обуздать магию в собственной крови. А их дети не могут превратиться в драконов.

Оставалась небольшая надежда, что всё это я просто домыслила и где-то в моих рассуждениях закралась ошибка. Но шестое чувство подсказывало: все это правда. Шестое чувство, а еще едва заметно нагревшиеся серьги, удивительные терморегуляционные особенности которых я уже почти воспринимала как данность.

Вернувшись к себе в комнату, остаток дня я провела в изучении книжек, стоявших на полках, рассматривала диковинную мебель,

лепнину и украшения, а ещё вчитывалась в буквы алфавита, который мне принесла Валира.

Оказалось, что он состоит из сорока девяти букв, внешне отдаленно напоминающих турецкую вязь и китайские иероглифы. Каким образом я собралась писать на этом языке, не укладывалось в голове. Попытавшись на чистом листе воспроизвести хотя бы несколько букв, может быть даже сложить их в слова, я осознала, что это абсолютно гиблая затея.

У меня не было ни малейшего представления о том, как стоятся слова на драконьем языке, и уж тем более – как они пишутся. А тот факт, что на этом странном наречии я свободно разговаривала, ещё больше сводил меня с ума.

Как это происходило? Почему?

Я не понимала.

Когда за окном наступил вечер, в мою дверь постучали и на пороге снова появилась главная аара. Я постаралась поскорее спрятать листы, исписанные бесполезными кляксами, сделала вид, что ничего особенного не произошло и у меня всё в порядке.

Валира улыбнулась и проговорила:

– Я обо всём договорилась! Не поверишь, но стоило мне лишь только заикнуться секретарю о том, что ты ищешь встречи с шестым принцем, как он тут же появился передо мной, будто все слышал, представляешь?

Я не представляла. Но почему-то догадывалась, что у Сирглинариона Отравленного сердца было много скрытых талантов.

– Никогда не знаешь, чего ждать от этих дарков, – покачала головой женщина, схватившись за сердце. – В общем, он ждет тебя прямо сейчас!

– Отлично, спасибо тебе большое, – попыталась я успокоить дрожь в голосе. – А куда нужно идти?

– Никуда, – развела руками Валира. А затем просто протянула ладошку вперед.

На ней в самом центре блестело нечто удивительное.

Я не смогла сдержать удивлённого вздоха. Передо мной лежал самый восхитительный перстень, который я когда-либо видела. Впрочем, за исключением, наверное, того самого, что сейчас был на моём пальце. Перстня Седьмого принца.

В моём украшении цвета лазурного неба то и дело загорался огонь. Алые всполохи внутри камня смешивались с черными клубами магии, затем снова возвращая бриллианту небесно-голубой цвет. Как мои глаза.

А перстень, который мне протянула Валира, будто излучал зелёный свет. Он был создан из абсолютно черного металла, так же как мои кольцо и серьги. Теперь я подозревала, что всё это и есть Чёрное золото, то самое отравляющее вещество, из-за которого Айден не приходил в сознание. Мне было трудно понять, почему драконы делают украшения из такого опасного металла, но, видимо, в этом был какой-то скрытый смысл.

– Ух ты, а что мне с ним делать? – спросила я восхищенно, боясь притронуться к кольцу.

– Возьми, не бойся, он активируется, только если ты его наденешь, – ответила Валира. – Это артефакт, в который заложено несколько зарядов на эксплозию. Он перенесет тебя туда, где будет находиться шестой принц.

– Идти надо прямо сейчас, правильно я тебя поняла? – ещё раз уточнила я, лихорадочно соображая, достаточно ли хорошо я выгляжу для аудиенции у имперского принца.

– Да, он ждет, поторопись, – кивнула аара. – Только Сирглинарион попросил, чтобы ты вела себя тихо.

Хотелось отметить, что принцы все ужасно странные. Зачем вести себя тихо на аудиенции?..

Впрочем, кто я такая, чтобы спорить с дворцовым этикетом целого Крылатого племени?

– Конечно, я всё поняла, – кивнула я, осторожно забирая кольцо.

– Ух, ты такая смелая, – покачала головой Валира. И мне показалось, что она очень даже рада избавиться от этого украшения. – Я бы уже десять раз с ума сошла, если бы мне пришлось лично встречаться с Отравленным сердцем. Моё-то сердце ещё целое и я им весьма дорожу!

Она покачала головой и направилась к двери.

– Ну, не буду тебя отвлекать, всего хорошего.

Едва я кивнула, как за женщиной захлопнулась дверь, а кольцо практически само оказалось у меня на пальце.

Ослепительный изумрудно-зеленый камень сверкнул, а на его дне заклубились черные облака дыма. Не успела я и глазом моргнуть, как этот дым выплеснулся из украшения, окутав меня со всех сторон, а затем я просто оказалась совсем в другом месте.

На этот раз пространственный переход оказался не таким, как обычно, и это было странно. Не то чтобы я уже успела стать специалистом по эксплозии драконов, но прежде, кажется, подобная магия сопровождалась рычащим шумом, каким-то потрескиванием и вообще была довольна громкой. Я же переместилась настолько тихо, насколько это возможно. Просто что-то мелькнуло – и вот я уже очутилась в какой-то в просторной комнате. С одной стороны возвышалась широкая непроницаемая ширма, а с другой – стена и окно.

Я уже хотела было выйти из этого маленького уголка, куда меня вынесло заклятие, как вдруг услышала голоса и замерла.

В комнате разговаривало несколько мужчин, и предмет их разговора мне совершенно не понравился.

– Если что-либо не предпринять, уже завтра у нас начнётся война с Шеллаэрде, – прозвучал один знакомый голос, в котором я с трудом, но всё же узнала дофина империи.

– Я, конечно, всё понимаю, но этих клыкастых давно пора поставить на место, – отвечал другой голос, видимо принадлежащий ещё одному из братьев. Но поскольку я не успела близко познакомиться с ними всеми, разобрать, кто же именно говорил, не представлялось возможным.

– Война – это хорошо, но не в нашем случае, – снова раздался голос Элайдариона. – Мы не можем вступить с ними в военные действия, несмотря на то, что они сотворили с Айденом. Ты знаешь, что я больше всех хотел бы уничтожить Детей Ночи, стереть их проклятый Крестострел с лица Йенлавей. Вот только нам это грозит в итоге гораздо большими проблемами. Если мы начнём с вампирами открытую конфронтацию, то вслед за ними поднимутся и оборотни, и шерблайды, и колдоморфы Топей, и ещё Яросветная знает кто. Даже русалки, как пить дать, не останутся в своих озёрах.

– Ну насчёт русалок я бы поспорил, – прозвучал мягкий весёлый голос, в котором я легко опознала Сирглинариона.

Что-то ёкнуло в груди. Появилась шальная мысль выйти, обозначить своё присутствие, но что-то подсказывало: неспроста кольцо вынесло меня именно сюда. За высокую темную ширму, за которой меня почему-то никто не видел и не слышал. Драконы обладают потрясающей чувствительностью, однако никто из них не ощутил моего присутствия. Судя по всему, Шестой принц хотел оставить меня незамеченной.

А значит, я должна была сидеть смирно и слушать.

– Да дело не в русалках, тебе ли не знать! – повысил голос дофин. – Дети Ночи нам уже как кость в горле. Но мы не можем позволить им отобрать этот остров. Сейчас, когда Айденион без сознания, у них появился уникальный шанс перевесить чашу весов в свою сторону. Официально у Королевства Огня сейчас нет повелителя. Я даже не имею права назначить временного, потому что это право лишь императора.

– Тогда у нас есть только один выход, не так ли? – мягко проговорил Сирглинарион, и вокруг тут же повисла напряженная тишина.

– Ты сам скажешь или вытягивать из тебя клещами? – прохладно и с легким раздражением спросил дофин.

– По-моему, все очевидно, мы должны предложить Шеллаэрде альтернативу, некую… вещь, ценой которой будет жесткий пакт о ненападении. Если после подписи этого пакта он будет нарушен Детьми Ночи, никто из нелюдей и колдоморфов уже не осудит нас за уничтожение Кровавого Крестострела.

– Какое прекрасное решение! – с издевкой воскликнул еще какой-то мужчина. Тоже, видимо, один из братьев. – И как это никто раньше до него не додумался? Ах да, наверно, потому и не додумался, что это бред! Князь вампиров не станет подписывать подобный документ никогда в жизни. А жизнь у него, между прочим, бессмертная!

Я осторожно приподнялась на носочках, потому что вдруг заметила прямо над головой в ширме небольшое отверстие. Как раз будто бы для того, чтобы подглядывать!

Сирглинарион выглядел невозмутимо. Он снова стоял возле стены, чуть в стороне от пяти остальных братьев. Глядел в окно, сцепив руки на груди, и изредка улыбался, бросая взгляды на раздраженных принцев.

Только Элайдарион, встряхнув золотыми волосами, скрепленными на лбу тонким черным обручем, смотрел на Шестого принца напряженно и сосредоточенно.

– У тебя есть план, не так ли? – спросил дофин тогда.

И Сирглин кивнул.

– Князь, может, ничего и не подпишет. А вот княжич – запросто. Готов поспорить, что он и отца убедит, если предложить ему достаточную цену.

– Да что ты? – воскликнул снова один из раздраженных братьев. Тот, у которого русые волосы отдавали в ядовитую рыжину. Кажется, Гленхейдлион. – И мы можем заплатить ему такую цену? У нас есть что предложить пресытившемуся жизнью вампирскому щенку?

– Есть, – кивнул Сирглинарион и вдруг через весь зал посмотрел на меня так, что я едва не упала на ширму. – Мы предложим ему новую аару Седьмого принца.

– Ты с ума сошёл? Что за чушь? – переспросил Элайдарион.

– Действительно, кроме того, что отдавать чужую аару – возмутительная наглость, так это ещё и не имеет никакого смысла, – заметил другой брат, у которого в чёрных волосах перепутались огненно-красные пряди. – С какой стати княжичу Шеллаэрде заключать пакт о ненападении всего-навсего из-за какой-то человеческой девчонки?

Сирглин на него даже не взглянул. Он невозмутимо посмотрел на дофина и улыбнулся, проговорив:

– Попробуй ему это предложить, брат. В любом случае – нет так нет, я не настаиваю. Ты же у нас официальный наследник трона империи, тебе и решать.

Снова комната вокруг словно разом лишилась всех звуков. И теперь казалось, что пустота внутри меня звенит и разрастается вместе с этой тишиной.

Почему Шестой принц это предложил?..

Почему он выбрал меня в качестве разменной монеты?..

И почему на самом деле я так важна для княжича вампиров?..

Судя по всему, всё это было не просто так. Айден хотел, чтобы я увиделась с Шестым принцем, чтобы он взглянул в мою душу или что-то в этом роде. Вот только Сирглинарион уже давно успел меня осмотреть. Мы встречались с ним лично, и наверняка он имел

возможность понять что-то такое, чего не понял никто другой. Иначе как объяснить, что на откуп вампирам он предложил именно меня? Похоже, Сирглинарион прекрасно знал, для чего я им нужна. Осознавал какую-то скрытую важность моей жизни для Ренвиэля.

Об этой же странной важности догадывался и главный старейшина Мельгорион. Хотя у него все предположения, вероятно, пока оставались на уровне интуиции.

Но что же это за такой страшный секрет, который я скрываю, сама того не осознавая?..

Тишина все нарастала, если может нарастать то, чего нет.

Я же поняла, что понятия не имею, что делать дальше. Ощущение колючего предательства болезненно сдавило сердце.

С силой стиснув зубы, я закрыла глаза, пытаясь подавить приступ паники и расстройства. Нужно было что-то делать!

Показываться принцам не хотелось. Вряд ли они примут меня с распростертыми объятиями, а после начнут уверять, что со мной ничего не случится. И так ясно, что всем присутствующим наплевать на мою судьбу, а значит, и защиты тут искать не стоит.

Я опустила взгляд на руку, где возле кольца Айдена тускло и призрачно светился перстень Сирглинариона. В раздражении я коснулась его пальцами, мечтая снять мерзкое украшение и бросить подальше. Однако стоило прикоснуться к нему, как всё вокруг завертелось, и я вновь оказалась в своей комнате.

За окном уже был поздний вечер, дело шло к ночи. У меня не было ни одной мысли, как поступить дальше. Что делать, кому рассказать обо всём услышанном?

Казалось, что я была одна на всём белом свете, а тени вокруг только сгущались.

Сперва я думала, что сегодня, встретившись с Шестым принцем, попрошу у него поддержки. Может быть, узнаю, почему же вокруг меня происходят все эти странные события. Я хотела рассказать ему, что виделась с Айденом в его ментальном мире, а ещё поделиться информацией о заговоре, который удалось подслушать утром. Заодно спросить, зачем дарки поят ядом маленьких детей и можно ли с этим что-то сделать.

Теперь же оказалось, что на самом деле я совершенно одна и рассказать это все мне некому. Сирглинарион мне вовсе не друг.

На глазах навернулись злые слёзы. Я снова в ярости попыталась снять его кольцо. Вот только оно больше не поддавалось. Точно так же прилипнув намёртво, как и кольцо Айдена, перстень из черного золота накрепко обхватил средний палец моей левой руки.

Выхода не было. Я упала на кровать, раскинув руки в стороны, и закрыла глаза, стараясь успокоиться. Истерика ещё никому не помогла найти выход из положения и вряд ли поможет мне. Пролежав так не меньше часа, я обнаружила, что солнце окончательно село и цветущий сад за окном залила темная непроглядная ночь.

В этот момент я резко встала с кровати и подошла к огромному напольному зеркалу, черная металлическая рама которого была увита тысячью маленьких дракончиков. Уверенно коснувшись рукой своего отражения, я прошептала: "Айден".

Стекло подернулось дымкой, тут же послушно явив мне моего принца.

Он всё так же лежал на широкой постели, и его длинные чёрные волосы окружали бледное лицо облаком мрака. Тяжёлое одеяло прикрывало только ноги, а грудь и живот, перевязанный белоснежными бинтами, оставались на виду.

Сердце защемило. Я поняла, что просто обязана увидеть его снова, услышать голос, а дальше пусть хоть весь мир рухнет. Пусть для него я всего лишь простая аара, одна из двух десятков девушек его атриса, но для меня он уже давно был кем-то тысячекратно большим.

Я уже обещала себе, что вернусь вылечить его, а значит, сделаю это.

К тому же, кроме него, мне совершенно некому рассказать обо всем, что происходит вокруг. Ведь только для Айдена все это время я имела хоть какую-то важность. Только он был готов спасать меня отовсюду и помогать. Даже дал обещание помочь вернуться домой… Хотя не обязан был.

Опустив глаза вниз, я с изумлением обнаружила, что с моих пальцев уже давно капает колдовское пламя. Огненные всполохи закрутились в маленький вихрь, на другом конце которого я увидела резную стойку кровати Седьмого принца. Спокойно шагнув в полыхающую черноту, словно делала это сотни раз, через долю секунды я оказалась в знакомых покоях.

Хвала богам, вокруг никого не было и мертвая тишина наполняла комнату.

Стоило взглянуть на принца, как грудную клетку зажало спазмом. Болезненный жар лизнул рёбра, поднялся к горлу, едва не хлынув слезами из глаз.

Айден был всё так же бледен, как и прежде, и его широкая сильная грудная клетка едва поднималась.

Опустившись рядом с ним, я осторожно залезла под одеяло, укрыв принца получше, положила ладонь чуть выше его раны и проследила, чтобы мои пальцы начали светиться едва заметным желтоватым светом.

Один раз мой огонь уже выжег яд. Я не позволяла себе думать, что второй раз у меня ничего не получится. Поэтому, абсолютно уверенная в действенности метода, я закрыла глаза, надеясь вот-вот проникнуть в сознание своего принца.

Не знаю, как это должно было произойти и по каким законам действовала его странная ментальная магия. Но стоило мне невесомо коснуться губами его щеки, как мир завертелся.

Это было не так же, как с эксплозией. Нет, наоборот. Меня не засасывало огненным вихрем, я не чувствовала вокруг дрожащие ткани пространства. Просто будто кто-то легонько толкнул меня в спину с края обрыва и я полетела вниз. А вместо соприкосновения с землёй открыла глаза совсем в другом мире.

– То есть ты все же решила, что можешь ослушаться приказа своего повелителя, правильно я тебя понимаю? – раздался вкрадчивый опасный голос, от которого по спине прокатилась волна мурашек. А я едва сумела сдержать крик радости.

А затем кто-то обхватил меня со спины и жарко поцеловал в шею.

Вокруг расстилался приятный полумрак, и где-то в углу горел романтический свет красного фонаря. Прямо передо мной оказалась огромная кровать с алым балдахином, украшенным кружевами и бахромой, ноги утопали в высоком ворсе мягкого ковра.

Обстановка этого места так разительно отличалась от предыдущего, что я невольно затаила дыхание, чувствуя, как губы принца медленно спускаются по моей шее к плечу.

– Я же предупреждала, что всё равно приду, – проговорила тихо, щурясь от удовольствия.

Горячие руки дарка обхватили меня сзади и двинулись к животу. Его пальцы то и дело слегка сжимали мою кожу, и от каждого прикосновения тело словно бил легкий ток.

Оказалось, что я так ждала этого момента, так сильно соскучилась, что мигом из головы вылетело всё, что занимало меня последние сутки. Поблекло значение предательства, зреющего в сердце Крылатого племени, был совершенно неважен Сирглинарион Отравленное сердце, предложивший отдать меня вампирам. Да и вообще всё на свете, казалось, абсолютно потеряло всяческую важность.

Оставался только он – Седьмой имперский принц Новой Райялари. Айденион Огненнокрылый… который тоже явно скучал по мне.

Радость затопила каждую клеточку моего тела.

– Ну, раз так, значит, ты готова к тому, что последует наказание, не правда ли, моя самоуверенная и непослушная девочка? – бархатно проговорил он, и я услышала в его голосе зарождающиеся хриплые нотки.

В это время его руки спустились ниже, к самому основанию живота, а затем еще дальше. Подняли подол длинного платья и коснулись обнаженной кожи.

Я прикусила губу, чтобы не издать ни звука. Не показать, как сильно меня возбуждает эта игра, насколько я в восторге от всего происходящего. И что если бы знала раньше, как горячо делается лишь от одной мысли о наказании Седьмого принца, то, наверное, не слушалась и перечила постоянно.

Ураганное восхитительное безумие смешивалось во мне с щемящим, нестерпимо-болезненным чувством, которое я старательно гнала подальше. Ведь где-то внутри меня, очень-очень глубоко, прочно пустила корни ядовитая мысль, что Айден может не проснуться никогда. И сейчас каждое его движение я воспринимала многократно острее. Каждый оттенок его низкого голоса будто мягким пером щекотал мои нервы. Каждый его вдох, который я слышала, чувствовала, ощущала, прикасаясь спиной к его широкой груди, превращался в музыку желания.

Когда руки принца опустились совершенно бесстыдно низко, я закрыла глаза и задержала дыхание, предвкушая следующее

прикосновение. Именно в этот момент он резко развернул меня к себе лицом и обхватил пальцами подбородок.

– Как ты думаешь, дорогая, почему я просил тебя не приходить? – обманчиво мягко проговорил он. Так мог бы спрашивать огромный змей у маленькой мышки, мол, зачем она подбежала к его норе?..

Я распахнула глаза и встретилась с обжигающим огненно-красным взглядом. Радужки Айдена пылали, вокруг чёрного зрачка вспыхивали и перемешивались рубиновые и обсидиановые языки пламени.

Нечасто мне доводилось видеть такое в колдовских глазах принца.

Я невольно вздрогнула и еле слышно ответила:

– Потому что ты беспокоишься за меня? Но ведь я тоже беспокоюсь за те…

Он не дал мне договорить, закрыв мой рот кончиком указательного пальца.

От этого прикосновения губы мгновенно начали гореть. Будто нарочно, после этого Айден медленно провёл по ним, в итоге погрузив ладонь в волосы, а большим пальцем касаясь щеки. Словно удерживая моё лицо, чтобы не отвернулась.

Но я и не могла отвернуться: взгляд принца приковывал, гипнотизировал, как взгляд зверя.

– Дело в том, Селина, – медленно проговорил он, на одно короткое мгновение уделив все свое внимание моим губам. Но тут же, заново посмотрев мне в глаза, продолжил: – Когда ты применяешь экспозицию и проникаешь в мои покои, после тебя в комнате разливается остаточная тиаре. Если кому-то придет в голову проверить, откуда взялись эти рваные следы магии, тебя мигом раскусят. Ты это понимаешь?

Сердце пропустило удар.

Я прекрасно понимала.

– Понятия не имею, как так вышло, что эксплозия легко поддается тебе, – говорил мужчина, легонько поглаживая меня большим пальцем. – Признаться, я надеялся, что те первые разы, когда ты удачно колдовала, были случайностью. Но не срослось.

– Ты надеялся, что у меня перестанет получаться колдовство? – возмущенно спросила я, пытаясь переключить его внимание. – Это возмутительно!

Я даже всплеснула руками, но Айден тут же перехватил их, крепко зажав мои запястья.

На его губах появилась широкая предвкушающая улыбка.

Меня начала бить мелкая дрожь, и одновременно с тем я почувствовала, как жар поднимается вверх от самого основания моего живота. Грудную клетку едва ощутимо зажало, дыхание сделалось отрывистым и быстрым.

– Да, я надеялся, – совершенно спокойно ответил принц, продолжая улыбаться. – Потому что тогда ты не пришла бы больше ко мне. И не подставила себя.

В этот момент он вдруг свел мои руки вместе и соединил вокруг них собственные пальцы, будто бы настоящие живые кандалы.

А когда он отпустил их, оказалось, что на месте его ладоней появилась яркая золотая цепь. Он действительно меня связал!

Одним коротким движением Айден понял конец цепи вместе с моими кистями, закрепив за стойку огромной кровати.

Я подергала звенья и поняла, что освободиться не смогу.

– Это не смешно, Айден! – воскликнула я, чувствуя, как жар приливает к щекам, к груди, льется раскаленной лавой вниз, к бедрам.

Принц ничего не ответил, с удовольствием разглядывая меня и мое уязвимое положение. Затем он осторожно коснулся моей шеи, проведя короткую горячую линию вниз, к самому основанию декольте платья.

Я едва не забыла, как дышать, потому что только от этого короткого, едва ощутимого движения меня начала бить крупная дрожь.

Хорошо, что я была одета!

Однако едва палец Айдана коснулся моего платья, как, не встретив никакого сопротивления, неожиданно двинулся дальше! Я не могла понять, что происходит, пока не опустила голову вниз и не увидела, что лёгкий мягкий корсет распадается на части, а вслед за ним рвется и юбка. Словно принц действовал не рукой, а невероятно острым ножом.

Не прошло и нескольких мгновений, как прекрасная ткань была полностью разрезана. Мягкими волнами она упала к ногам, оставляя меня совершенно голой.

Горячие угли просыпались под кожу. Каждая мышца зазвенела от напряжения, от возбуждения, вспыхнувшего под мгновенно

потемневшим взглядом принца.

На короткий миг он приоткрыл рот, словно хотел что-то сказать, но ни одного слова так и не сорвалось с языка. Вместо этого Айден облизал губы, будто случайно или в каком-то темном предвкушении, а затем медленно поднял руку и коснулся моего соска.

Напряженного, твердого как камень и торчащего вверх.

Мне могло бы стать стыдно… если бы не было так горячо.

Однако в этот миг Айдан вдруг убрал обе руки за спину, сцепив их там, приподнял подбородок и властно, как-то по-учительски на меня взглянул.

– Раз уж ты, самоуверенная и дерзкая аара, поступила по-своему, – начал он, – то и мне придётся поступить так же. Сегодня я научу тебя одному фокусу, после которого никто и никогда уже не заметит и не узнает, что ты использовала тиаре.

– Что, правда? – ахнула я. – Прямо сейчас?

– Должен же я как-то тебя обезопасить, раз сама ты об этом не думаешь? – приподнял остро изломанную бровь он. При этом глаза с черно-алыми всполохами как-то подозрительно блеснули.

С большим трудом мне удалось подавить вздох разочарования. Совершенно не хотелось учиться в таком положении! И в таком состоянии…

Жажда ощутить новое его прикосновение была настолько сильна, что я уже была на волосок от того, чтобы попросить об этом.

Но дальше произошло совсем уж нечто из ряда вон. Пытаясь настроить себя на скучную лекцию в крайне неудобной и унизительной позе, что явно должна была стать частью наказания, я вдруг поняла, что принципы обучения у Айдена-преподавателя оказались, мягко говоря, нестандартными.

Он неожиданно коснулся моего живота, провел ладонью вниз, оставляя вспыхивающий след где-то у меня под кожей, а затем без предупреждения и паузы легко проник мне между ног.

Я резко набрала воздух в легкие, широко распахнув глаза.

Айден остановился, но всего на миг, внимательно всматриваясь в мои глаза темным горящим взглядом.

А затем там, внизу, самая чувствительная точка, набухшая, тянущая желанием, проскользнула между двух его пальцев, вырвав у меня короткий стон.

После этого он медленно склонился ко мне и, пока я шумно хватала воздух губами, низким и тихим голосом прошептал, касаясь моего уха:

– Для начала, моя милая ученица, тебе придется оказаться очень-очень возбужденной…

– Что?.. Зачем?.. – только и хватило сил спросить у меня.

Всё внутри мгновенно связалось прочным узлом напряжения, мышцы сжало спазмом. Я едва выталкивала из себя слова.

– Всё очень просто, моя сладкая, – со скрытой улыбкой проговорил принц и снова скользнул пальцами у меня между ног.

Я дернулась, закрыв глаза и подавив вскрик.

– Я буду использовать силу твоего возбуждения, – с видимым удовольствием протянул он, а потом осторожно, но ощутимо прикусил меня за мочку уха. – Помимо того, что один из самых наглядных примеров для нашего случая, дорогая, это еще и прекрасное наказание. Уверен, ты оценишь.

Если можно покрываться мурашками изнутри, то наверняка прямо сейчас это произошло со мной.

С этими словами он снова чуть отстранился, его рука у меня между ног аккуратно скользнула по влажным складочкам и едва заметно двинулась внутрь.

Я задержала дыхание, чувствуя, как меня буквально начинает колотить от нахлынувшего желания.

– Пожалуй, для начала хватит, – тихо выдохнул принц и медленно убрал руку, так и не дав мне того, что требовалось.

Айден поторопился отвернуться, но я успела заметить, как лихорадочно заблестел его взгляд, как напряглись безупречные мышцы на его плечах и руках.

Однако, когда он снова посмотрел на меня, его лицо выражало идеальные уверенность и спокойствие.

Словно бы жарко в этой комнате было лишь мне…

Но теперь я знала, что это не так.

– Обучение будет непростым, но я надеюсь, что ты запомнишь все с первого раза, – проговорил принц, внимательно глядя на меня. – Тем более что другого выхода нет.

С этими словами он поднял руку и осторожно, нарочито медленно начал чертить в воздухе колдовское руно.

– Эта печать довольно простая, и всё же внимательно вглядись в символы, – сказал принц, выводя последний знак внутри трех концентрических кругов.

Это действительно оказался не такой уж сложный рисунок. Лучше всего я запомнила тонкую симпатичную розу в самом центре изображения.

– Роза – это символ, который может сделать всё невидимое видимым, – проговорил дарк и шагнул ко мне. На этот раз он не касался меня руками, опираясь о стойку балдахина за моей спиной, однако же я все равно отчетливо ощущала его дыхание на своей коже. И если бы он сделал всего лишь одно легкое небольшое движение в мою сторону, наши тела бы соприкоснулись.

Однако Айден будто бы нарочно не трогал меня больше. Зато его голос… его проклятый бархатный голос касался меня, ласкал ничуть не хуже рук.

А ещё в один момент, когда он склонился к моему лицу, длинные черные волосы упали на мою обнаженную кожу, заставив на секунду зажмуриться от удовольствия.

В ноздри ударил знакомый тонкий аромат, горячий и дикий, от которого всегда кружилась голова. Этот миг не стал исключением.

– Внимательно, Селина, – негромко проговорил Айден, но на моём имени его голос внезапно сорвался на хрип, прошедший током по моим нервам. – Эта печать, как я уже сказал, может сделать видимым то, что ты сама пожелаешь. Активируй её прямо сейчас и представь…

Он на долю секунды сделал паузу, а затем его голос стал тише и глубже, проникновенней:

– Когда будешь активировать печать, представь, что твоё возбуждение материально…

– Что? – удивилась я. – Но как это сделать?

В этот момент губы принца опустились на моё плечо, а его рука коснулась треугольника у меня между ног.

Его пальцы больше не проникали внутрь, осторожно и трепетно поглаживая нежную кожу вокруг, дразня, вызывая такой острый прилив желания, что мне стало трудно думать.

Я переступила с ноги на ногу, пытаясь изменить положение, пытаясь заставить его руку действовать более жестко, желая ощутить

его полнее. Но Айден лишь нарочно дразнил меня, не позволяя получить желаемое.

– Делай то, что я говорю, если хочешь, чтобы урок кончился хоть чуточку быстрее, – проговорил принц, сдавив кончиками пальцев мой сосок.

Я тихо вскрикнула и закрыла глаза, стараясь сделать то, что он просит. Что-то там про мое возбуждение, материальность и активацию печати…

Я смутно представляла, что происходит. Но поскольку саму печать Айден уже давно начертил и она до сих пор мерцала тусклым дымчатым светом, мне не оставалось ничего сложного, кроме как послать импульс огненной силы в эту призрачную монетку.

Я так и сделала, а когда открыла глаза, с изумлением обнаружила, что воздух вокруг нас начал наполняться сиренево-алым пушистым туманом. Мгновение – и эти облака заволокли все вокруг в непосредственной близости от меня.

– Это… мое возбуждение? – тихо проговорила я, страшно смущаясь, и пальцы принца тут же вновь двинулись вниз… к напряженной точке моего желания. Раз за разом они начали выводить горячие круги, вырывая у меня из горла охрипшее дыхание. И с каждой секундой этот удивительный сиренево-алый туман становился всё более густым и объемным.

– Ты и сама знаешь ответ на этот вопрос, не так ли? – бархатно проговорил принц, судорожно и глубоко вздохнув. – Это твоя страсть…

Пальцы его правой руки выводили невидимые умопомрачительные узоры между моих бедер, а левая рука так сильно сжала стойку балдахина у меня над головой, что в какой-то момент я услышала скрип натянутой цепи и треск дерева. Однако в ту секунду я не могла думать ни о чём другом, кроме своего собственного безумия, которое только увеличивалось и увеличивалось.

Я снова закрыла глаза, уже с трудом дыша сквозь срывающиеся с губ стоны. Тогда Айден снова убрал руку, вырвав у меня из горла жалобный стон возмущения.

– Урок ещё не закончен, дорогая, – медленно вздохнув, сказал принц и отошел в самый центр колдовских облаков. Я лишь успела заметить, что кисти его рук были крепко сжаты в кулаки. – Следующее

задание, которое ты должна будешь выполнить, называется "Конденсация магии".

– Что это? – глухо спросила я, с трудом шевеля пересохшим языком.

На губах Айдена мелькнула и исчезла улыбка. Он взмахнул рукой, и тут же на его ладони очутился маленький прозрачный цветок на ножке, напоминающий крохотный бокал вина. Лепестки цветка распустились в стороны, открывая круглую чашу.

– Пары магии, – начал говорить дарк, – обладают похожими свойствами с парами любого газа. Чтобы начать процесс конденсации, тебе нужно понизить температуру.

– Понизить температуру магии? – выдохнула я, чувствуя, что совершенно запуталась. Да какой там запуталась – я уже давно находилась в самой глубине бездны абсолютно непонятной информации.

– Возбуждение, превращенное тобой в пары магии, выделялось из твоей кожи, светилось в глазах, распространялось с помощью дыхания, – вкрадчивым голосом говорил принц, словно пытался очаровать меня словами. У него получалось. – Благодаря твоему колдовству страсть стала осязаемой. И если прежде это была некая эфемерная структура, то сейчас она получила плотность, концентрацию и силу. Точно так же тиаре разливается вокруг нас постоянно, ведь когда-то это был лишь запах божественного цветка. Мы не видим тиаре, как не видим и много чего другого. Но это не значит, что этого всего нет.

– Ты превратил моё возбуждение в магию? – приподняла бровь я.

Айден неожиданно пожал плечами и загадочно улыбнулся.

– Это сделал не я, а ты, – с этими словами он поднял ладонь и на моих глазах зачерпнул часть сиреневого тумана, как взбитые сливки, расположив все это аккурат над маленьким хрустальным цветком.

Едва он это сделал, как над его пальцами образовалась еще одна печать, которую он активировал уже самостоятельно. Она тоже была крайне простой и чем-то напоминала предыдущую. А ещё такую, с помощью которой он когда-то разжигал огонь в камине.

Только на этот раз вместо розы и ещё каких-то посторонних символов в самом центре круга была изображена снежинка.

В тот же миг откуда-то повеяло свежестью и легким холодом. А сиреневый туман начал концентрироваться, превращаться в капли и падать в бокал.

Почти сразу же на хрустальном дне начала появляться красивая винно-фиолетовая жидкость.

– Продолжай, – вдруг бросил принц и, шагнув ко мне, резко опустился на колени.

– Что продолжать? – немного нервно бросила я, – весь туман теперь уже в твоём бокале!

В этот момент Айден обхватил мои ноги под коленями и, заставив вскрикнуть, положил себе на плечи. Теперь меня удерживали над полом только его сильные руки и цепь, которая до сих пор была зафиксирована на вершине стойки балдахина.

Губы принца без предисловий коснулись самого чувствительного места между моих ног.

Я стиснула зубы от прошившего позвоночник удовольствия. Как удар током, как молния по нервам… Перед глазами мгновенно потемнело, когда его язык прошелся между моих влажных складочек и осторожно, совсем едва-едва скользнул внутрь.

– Что ты, как же?.. – выдохнула я, мучаясь от нехватки воздуха в сжатой спазмом груди. Жар горячей волной облизнул тело, лавиной прокатившись от настойчивых ласк принца верх к моему горлу, громко пульсирующим вискам и снова ухнув вниз.

– Не отвлекайся, – раздался низкий и отрывистый голос, от которого мне стало еще горячее. – Ты должна повторить увиденное… или я становлюсь.

Я широко раскрыла глаза, пытаясь понять, о чём он говорит, ведь весь туман только что сконцентрировался в его хрустальном цветке. Но, как оказалось, стоило дарку коснуться меня, как сиреневый дым начал появляться вновь.

Я прикусила нижнюю губу, пьянея от того, как его язык ласкает по кругу напряженную вершинку, как подключаются его пальцы, проникают меня, лаская изнутри, касаясь таких точек, о которых, казалось, знал только один Седьмой принц. Меня трясло от дикого пряного наслаждения. Я всё ближе и ближе подбиралась к острому восхитительному безумию, за границей которого был бы бешеный ураган и мириады звёзд.

Вот только едва я начинала терять контроль, как принц замедлялся нарочно. Меня бросало в жар, трясло, вся кожа покрылась влажной испариной, и я поняла, что Айден не прекратит меня мучить, пока я не сделаю то, что он хочет.

Поэтому, через силу сконцентрировавшись, я сажала зубы, попытавшись мысленно вновь представить ту печать со снежинкой внутри. Некоторым образом она напоминала мои собственные серьги, зиму, этот Новый год и то, как я оказалась в этом мире.

Поэтому мысленно воспроизвести снежное колдовское руно для меня не составило никакого труда. Миг – и я наполнила печать силой так, словно делала это всю жизнь.

Монетка вспыхнула и засветилась золотом.

Наверное, сыграло роль то, что я очень хотела, чтобы у меня получилось. А может быть, то, что с тех пор, как русалка что-то со мной сотворила, магия стала выливаться из моих пальцев, как из опрокинутого кувшина. Совершенно без каких-либо усилий. Колдовать стало так же просто, как, например, петь.

Поэтому, едва золотое колдовское руно загорелось в воздухе, мне оставалось лишь мысленно направить сиренево-алые облака в хрустальный бокал.

Всё снова вышло идеально, и через долю секунды комната опять была девственно чиста, а волшебный цветок-бокал стоял на столе, наполненный до краев диковинной жидкостью.

Едва у меня всё получилось, как в душе вспыхнула едва сдерживаемая радость. Хотелось хлопать в ладоши, но мои руки до сих пор были связаны. А еще хотелось поторопить губы принца… которые вдруг полностью остановились, и горячий язык последний раз прошелся по моей напряженной гиперчувствительной плоти.

– Эй, ты же обещал! – воскликнула я, чувствую почти боль от нереализованного голода.

Я вся горела, как в лихорадке, восстановить сбитое отрывистое дыхание уже просто не представлялось возможным. Каждую нервную клеточку моего тела жгло и покалывало.

Но Айден только улыбнулся в ответ. Он выпрямился, встав на ноги, подошёл к столу и взял наполненный бокал с опасным колдовским вином. Затем невозмутимо освободил мои руки от цепей и, не сводя с меня горящих глаз, сделал короткий глоток.

Алые радужки мгновенно вспыхнули, а затем стали почти полностью черными.

Он медленно облизал губы, продолжая глядеть на меня так, славно вот-вот собирался съесть.

Сердце подскочило к горлу, а затем упало вниз, рассыпавшись в основании живота раскаленными осколками.

– Пей, – выдохнул он и протянул мне бокал. Там внутри оставалась почти вся накопленная жидкость, за исключением одного-единственного глотка.

– Не хочу, – нахмурилась я, даже не думая брать протянутое.

– Думаешь, я пытаюсь тебя отравить? – ухмыльнулся он, а потом силой вставил мне в руку цветок. Взгляд принца тем временем упал на мою грудь, затем скользнул по животу и остановился где-то внизу…

Как ручеек жидкой лавы по моей коже.

– Нет, но…

– Пей! – властно бросил он, вонзив совершенно чёрный взгляд в мои глаза.

Я вздрогнула, но на этот раз противиться не смогла.

А в бокале действительно оказалось вино. По вкусу как сладкий напиток из черной смородины, украшенный пьянящей выдержанной ноткой. И жгучей мятой в послевкусии…

Вот только едва колдовское зелье достигло моего желудка, как меня будто бы с ног до головы окутало пламя. Я едва не закричала. Вот только это было пламя не боли, огонь не обжигал. Просто показалось, что разом все мое тело превратилось в живой нерв. Низ живота скрутило, самые чувствительные точки внутри начали пульсировать, будто прямо сейчас их кто-то ласкал. Каждая эрогенная зона из тех, которые я знала, и тех, о которых даже не догадывалась, начала зудеть, настойчиво требуя прикосновения. Я вся была как один большой оголенный провод, который вот-вот коротнет.

Но даже сейчас я осознавала, что причиной было вовсе не вино, а один-единственный человек, который сейчас стоял напротив меня и смотрел совершенно черными глазами.

Бокал выпал у меня из рук, с тихим звоном ударившись об пол. А я всё не могла отвести взгляд от Айдена. От его идеальной фигуры, от самого красивого лица в мире, от безупречной линии подбородка, алых чувственных губ и пронзительных глаз. Хотелось зарываться пальцами

в его длинные черные волосы, ногтями царапать смуглую кожу, лишь бы заставить его быть ближе ко мне.

Я стояла на ногах из последних сил, не набрасываясь на него и не делая ни малейшей попытки показать, как сильно я схожу по нему с ума. Все мои чувства к нему словно выросли до предела, обрели свой максимум, свой экстремум.

Мне хотелось кричать от того, как сильно нужно было ощутить его внутри себя.

И хотелось плакать оттого, что я поняла, насколько на самом деле стала им одержима.

Потому что страсть всегда остаётся лишь страстью, но она должна быть на чем-то основана. Если это лишь похоть, то можно сменить объект желания, но суть останется прежней. А что, если тебе не нужен никто другой на всем белом свете? Да и на черном тоже. И на красном, и на огненном…

Сейчас на месте Айдена я не могла бы представить никого другого. Мне не был нужен никто.

Только он.

Только Седьмой принц Новой Райялари.

В этот момент Айден резко шагнул ко мне, как тигр, совершивший последний прыжок к своей жертве, сжимая в горячих руках, покрывая поцелуями мои губы, щеки, шею, спускаясь на плечи и горло. Целуя, кусая, оставляя следы от горячих прикосновений…

Он был как хищник, который искал способ разодрать добычу максимально быстро.

Он был как наркотик, без которого я могла впасть в кому.

Дарк поднял меня, будто пушинку, заставляя обхватить себя ногами, и в тот же момент проник внутрь. Вошёл, наполняя собой, толкаясь так жарко и сильно, что из горла тут же вырвался громкий стон. Всё внутри меня пылало. Я так долго ждала этого, что достаточно было сделать несколько резких, глубоких движений, после которых меня словно разорвало на части криками исступления.

Именно в этот момент я поняла, что только сейчас Айден донес меня до кровати, уронив на простыни. Уже содрогаясь от раскаленной лавы наслаждения, отравляющей сладким ядом каждую частичку моего тела, я поняла, что до этого момента он и сам не мог сделать и шагу, с силой овладевая моим телом прямо у стойки постели.

Но Айден не остановился и теперь. Одной рукой он зарылся пальцами в мои волосы, с силой сжав, погружаясь носом в пряди и тяжело дыша, шепча мне на ухо что-то невнятное, горячее, от чего кружило голову.

А потом двигался внутри меня ещё сильнее, наполняя собой, растягивая, овладевая и заставляя забывать себя от текуче жгучего наслаждения. Снова и снова.

До самого рассвета… если в мире его сознания вообще существовала смена дня и ночи.

Мне было всё равно, даже если бы рассвет никогда не настал.

Когда через несколько часов или дней я просто обнаружила себя в его объятиях под тёплым одеялом, мне уже не надо было ничего другого. Главное, что он был рядом – мой принц.

Вот только, к сожалению, вместе со здравым рассудком ко мне возвращались и воспоминания. И в какой-то момент я невозмутимо произнесла:

– Сирглинарион, к которому ты меня отправил, решил отдать меня Ренвиэлю.

– Что?! – громко воскликнул Айден, резко сев на кровати. – А раньше ты этого сказать не могла?!

– Как я могла хоть что-то сказать тебе раньше, когда… – запнулась и покраснела. В груди вспыхнул лёгкий огонёк жара, я невольно облизнула губы.

Айден мгновенно перехватил это движение, и его глаза загорелись. Впрочем, это ни капли не изменило хмурого выражения лица, напряжённые брови не раздвинулись обратно, а губы не перестали быть сжатыми.

– Ты должна была сказать сразу же, – резко проговорил принц, откидывая одеяло и вставая с кровати. – Рассказывай всё, что там произошло.

Я невольно загляделась на обнаженную фигуру дарка, однако, как только он бросил на меня очередной жёсткий и тяжёлый взгляд, пришлось мигом отвернуться как ни в чем не бывало.

Когда я вновь осмелилась искоса посмотреть на него, приготовившись рассказывать, оказалось, что на принце уже надеты плотно облегающие черные брюки, подпоясанные ремнем с черными

звеньями, и распахнутая рубашка, застегнутая лишь на одну пуговицу внизу живота.

Просвещать Айдена пришлось долго, я не стала умалчивать ничего. Подробно поведала события всего прошедшего дня, начиная от прогулки по саду атриса. Упомянула заговор, о котором услышала сквозь кусты, не забыла и про мальчика, который едва не погиб у меня на руках, и, наконец, перешла к рассказу о Сирглинарионе и его проклятом кольце.

В этот момент Айден резко посмотрел на мою руку, резко приблизился и обхватил мои пальцы. Как я и говорила, на них сверкало теперь два кольца.

Дарк потянул за перстень Сирглинариона, но он не поддался даже здесь – в ментальном мире сознания.

– Не снимается, – констатировала я очевидное. – Как и твоё, между прочим. А ведь я хотела его тебе вернуть. Это у вас, у братьев, так принято, да? Дарить подарки, от которых невозможно избавиться?

– Хочешь избавиться от моего кольца? – приподнял бровь Айден, и меня вдруг прошиб холодный пот. Ведь на самом деле как раз этого-то я и не хотела.

Может, потому и не упоминала последнее время в разговоре это украшение, инстинктивно хотела, чтобы со мной осталась хотя бы маленькая частичка Седьмого принца.

Но Айден, судя по всему, увидел испуганное выражение, промелькнувшее на моём лице, и все же едва заметно улыбнулся.

– Кольцо, которое я тебе отдал, теперь твоё, не нужно его снимать.

– Оно что-то означает? – приподняла я бровь, пытаясь понять скрытый смысл подарка, на которой я, судя по всему, напросилась сама.

Ну и пусть! В животе уже помимо моей воли разлилось радостное тепло.

Айден пару секунд молча смотрел на меня, не произнося ни слова.

– Да, это кольцо означает, что ты находишься под моей защитой. На нём лежит печать Принадлежности, которую сможет считать любой маг и правоохранитель на улицах империи, а ещё оно… неважно.

Признаться, я не совсем поняла, что это сейчас было. Он пытался сказать что-то еще?..

– Просто считай, что в случае беды ты можешь продемонстрировать это кольцо в любом месте, куда бы тебя ни занесла судьба. Никто не посмеет тронуть тебя, зная, что ты собственность Седьмого принца империи.

– Собственность? – произнесла я и думала, что у меня вышло это совершенно спокойно. Будто бы мне все равно. Но стоило слову сорваться с губ, как голос почему-то дрогнул и стал выше на целый тон.

Айден стиснул зубы, не отводя от меня напряженного взгляда, но так и не поправился. Он сказал только то, что хотел сказать.

Я ведь аара, всего лишь служанка и любовница.

Однако, сделав вид, что ничего не заметила, я отвернулась, взглянув на красивый красный фонарь в резном абажуре, зажженный под потолком. И почти сразу продолжила разговор:

– А как насчёт кольца твоего брата? Я теперь и его собственность тоже? А скоро ещё стану собственностью вампирского княжича, правильно я понимаю?

Айден стиснул зубы и, не успела я договорить, рявкнул на всю комнату:

– Нет!

Мне даже послышался драконий рык.

Я быстро посмотрела на него, но он уже был совершенно спокоен. Только глаза бешено горели.

– Я не знаю, что задумал мой брат, – неторопливо проговорил дарк. – Но… стоит признать, прежде он не подставлял меня никогда. Не предавал. Кольцо, которое он тебе дал, тоже имеет печать Принадлежности. Это означает, что ты находишься под его защитой точно так же, как и под моей. С такими артефактами, если кто-то попробует причинить тебе зло, это будет означать официальный смертельный приговор. Или объявление войны, если рискнуть захочет официальное лицо.

– В свете всего сказанного, так здорово, что меня хотят отдать именно княжичу вампиров, – с нарочитым восторгом прокомментировала я, – ведь именно они те самые существа, которые уже давно мечтают развязать с вами войну!

Мне показалось, что в этот момент Седьмой принц слегка побледнел.

– Нет, – всё же ответил он через мгновение. – Этого не случится. У Детей Ночи и так есть прекрасный шанс начать войну, пока я лежу в коме. Нападение на наследника Шеллаэрде – чем не повод? Ведь я угрожал Ренвиэлю. Мог его убить. А если Кровавый Крестострел до сих пор не развернул военные действия, значит, князь преследует совершенно другую цель. И тогда, как бы это меня ни раздражало, защита Сирглинариона лишней не будет. Понять, что задумал Шестой принц, очень сложно, Селина. У него всегда есть что-то на уме. Так что я бы на твоём месте не пытался избавиться от колец. И остается только надеяться, что я прав…

Он нахмурился и сжал челюсти перед тем, как отвернуться.

– Что ж, хорошо, остался только Рейнвиэль, не так ли? – спросила я, пытаясь улыбнуться. На самом деле ни капли веселья не было у меня внутри. И совершенно не грела мысль о том, что я снова превращаюсь в пешку в чужой игре, на которую у всех вокруг слишком много планов. Кто-то мечтает вывести её с поля, кто-то – вернуть. Мне же хотелось дойти до конца доски, чтобы превратиться в ферзя всем назло.

– Я не знаю, для чего Сирглинарион предложил отдать тебя княжичу, – покачал головой Айдан и внезапно сел на постели рядом. Положил руку на моё плечо, а затем осторожно убрал волосы от лица. Так ласково и нежно, что у меня на долю секунды защемило сердце. Принц сдвинул брови, и на его лице проскочило совершенно явное чувство сожаления. Словно он и хотел бы что-то сделать, что-то изменить… но как это возможно, если на самом деле прямо сейчас он лежит в коме на собственной кровати?..

Из меня вдруг разом исчезла вся обида.

Я хотя бы имела призрачную тень свободы, хотя бы немного могла управлять своей жизнью. Айден же чувствовал себя беспомощнее куклы. И я поняла это вдруг настолько явно, что мне стало стыдно.

– Я надеюсь, что братья не согласятся, – продолжил он мрачно. – По закону они не имеют права это делать. В королевстве Огня повелитель – я. Вся власть принадлежит мне и моему будущему роду – роду Седьмого принца. Даже дофин империи не может распоряжаться здесь, – жестко проговорил он, а я услышала в его голосе нотки рычания. – Вот только… Я лежу в постели, словно живой труп.

Он резко встал и развернулся, отойдя прочь. А я только и смогла вскрикнуть:

– Айден, постой. – Протянула руку, чтобы схватить его, но не успела. – Я знаю, что ты помог бы мне, если бы сумел. Но я по крайней мере должна была рассказать тебе обо всём случившемся.

– Ты поступила правильно, – кивнул принц. – И хотел бы я сказать, чтобы ты делала так постоянно. Чтобы приносила мне свежие новости и сплетни, чтобы рассказывала обо всём, что происходит вокруг… чтобы приходила поцеловать меня, а я мог бы обнять тебя и спрятать ото всех в своих руках… – закончил он низко и неровно.

В этот момент, кажется, сердце у меня в груди перестало биться совсем.

Айден встал напротив огромного окна, с другой стороны которого начало появляться крохотное оранжевое солнце. Сейчас я видела широкую спину дарка, его длинные черные волосы, рассыпавшиеся по плечам. На прядях цвета воронова крыла играл рассвет, а мне стало ясно, что, скорее всего, в реальном мире тоже вот-вот наступит утро.

Вот только этот миг, в котором впервые, кажется, Айден сказал мне что-то настоящее, хотелось продлить до бесконечности.

– Селина, – начал принц медленно, и я почувствовала: то, что он скажет дальше, мне совершенно не понравится. Ведь это не нравилось и ему самому. – Если так получится, что ты окажешься во власти Ренвиэля, не спорь с ним.

– Что?.. – ахнула я, чувствуя, как будто сердце, болтающееся на верёвочке у меня в груди, вдруг оборвалось и упало.

А дальше принц начал говорить нечто уж совершенно ужасное.

– Ренвиэль Эстерийский – не маленький мальчик. Он княжич Шеллаэрде, наследник престола и официальный посол всего вампирского мира. Он единственный сын нынешнего Кровавого князя и будущий новый Кровавый князь. И при всем его высоком статусе можно сказать, что ему разрешено творить всё что вздумается. Наследников, а тем более *единственных* наследников престола обычно оберегают со всех сторон, не допускают их до самостоятельной жизни, не дают совершать ошибок или промахов. Но для Ренвиэля правил не существует и никогда не существовало. Он может явиться в Королевство Огня под прикрытием, нарушив все договоренности, может на месяц занять какой-нибудь людской бар вместе со своими

верными приспешниками и наводить страх на всю округу. Несмотря на то, что официально вампирам это запрещено.

Я вспомнила тот первый день, когда мне не посчастливилось попасть в Новую Райялари. Вспомнила, как убегала из Логова Мотыльков и впервые увидела сквозь высокую стеклянную витрину красные глаза вампира.

Всё внутри тут же покрылась холодной изморозью страха.

– Но если это запрещено, неужели нет никакой возможности наказать его?

– Вампиры умеют воздействовать на разум, – покачал головой принц. – И все люди, которые могли бы рассказать об их бесчинствах, либо забывают о случившемся, либо умирают. Вампирам невозможно предъявить какие-либо претензии или ультиматумы. Они не оставляют следов и никому не подчиняются.

– Неужели нет на них никакой управы? – возмущенно выдохнула я.

– Когда-то давно – была, – кивнул принц. – Вампиры – нелюди, и издревле они подчиняются королю и королеве драконов, как и все прочие существа, кроме людей. Но около трех сотен лет назад Вайларион Черная Смерть и Амелион Златопламенная ушли из нашего мира. И вампиры отделились от Новой Райялари, создав собственное независимое княжество. Теперь официально их невозможно призвать к ответу, потому что в нашей империи нет новых повелителей, обладающих силой королей Крылатого племени.

– Это я примерно поняла, – нахмурилась я. – У вас не были провозглашены новые император с императрицей, и от этого все проблемы. Но, может быть, стоило тогда это сделать? Пусть бы твой брат сел на престол… Элайдарион ведь и так дофин, наследник?

Айден покачал головой.

– Имеет значение колдовская сила, которая передается с благословением Яросветной девы. Не регалии, а только сила. Элайдарион не обладает силой короля, как и никто из нас… Поэтому вампиры не станут подчиняться ему.

– Ясно, – тихо выдохнула я.

Правила в драконьей империи были действительно жутко сложными. Даже на трон толком не сесть, если тебя богиня не

благословит. А где ее взять, эту богиню?.. Может, ее и нет уже давно, как и исчезнувшей императорской четы?..

Конечно, вслух я этого всего спрашивать не стала.

– Поэтому я ещё раз говорю тебе, – продолжал принц мрачно, сквозь стиснутые зубы, – если вдруг так получится, что ты окажешься во власти Рэнвиэля Эстерийского, не зли его и постарайся ничем не вывести из себя. Делай только то, что он говорит. Потому что…

Его голос запнулся, и я увидела издали, как ладони сжались в кулаки.

– …он вполне способен сотворить всё, что захочет, и без твоего желания. Но при таком варианте для тебя все может кончиться гораздо хуже.

– Но…

Я не знала, что сказать, потому что слова дарка повергли меня едва ли не в священный ужас.

– Неужели этого никак не избежать?.. – выдохнула я тихо.

И тогда Айден медленно развернулся и посмотрел на меня. Если прежде я думала, что он спокоен, то сейчас начала сомневаться. От дарка вдруг начала ощущаться такая мощная волна оглушительной силы, скрытой за багрово-алыми глазами, что в комнате стало трудно дышать.

– Высшего вампира слишком трудно убить, Селина… – обманчиво мягко проговорил мужчина. – Почти невозможно для простого человека. Ты ничего не сможешь сделать.

Едва уловимо он сделал упор на слове "ты", и я поняла, что в этот момент больше всего на свете он думает о том, как побыстрее очнуться. И как самому придушить княжича.

А я вот не думала, что убивать наследника соседнего вражеского государства – хорошая идея. Но мне стало чуточку легче, самую малость, потому что, может быть, теперь у Айдена появится ещё один стимул очнуться побыстрее.

Я даже сумела немного улыбнуться.

– Я вынужден просить тебя ещё об одном, – неожиданно добавил он. – Вновь. Чтобы ты больше не приходила, Селина. Сейчас послушай меня внимательно, потому что ты со мной уже очень много времени, пора уходить.

Я успела только открыть рот, как он поднял вверх палец, призывая меня замолчать.

– Ты вот-вот очнешься в моих покоях. Вспомни тот урок, которому я пытался тебя научить, и попробуй сделать видимой разлитую в воздухе тиаре. После этого тебе нужно будет её сжечь. Поскольку ты уже каким-то невероятным образом используешь эксплозию, Печать огня тебе не понадобится, я полагаю. Именно поэтому я тебе ее и не показывал. Просто вызови пламя и сожги всю магию, ставшую материальной. Так ты уничтожишь за собой следы.

Я немного подумала, вспоминая, что на самом деле и так прекрасно представляю Печать огня, но не стала этого говорить. Просто осторожно спросила:

– Но ведь исчезнут лишь следы, которые появятся от моего попадания в твою комнату. А что делать с теми следами, которые появятся после моего ухода?

Айден внимательно оглядел меня, приподняв бровь, и улыбнулся.

– Правильно соображаешь, Селина, – одобрительно кивнул он. – К сожалению, эти следы тебе уничтожить не удастся и хороший маг всё равно сумеет их отследить. Остается надеяться лишь на то, что большая часть остаточной тиаре после следующего перемещения всё же будет разлита именно в твоей комнате. Заклятия оставляют следы по большей части там, где они завершились, а не там, где были начаты.

Я снова кивнула. Не хотелось заводить разговор о том, что вряд ли у меня получится всё то, что он тут мне сегодня продемонстрировал. Я же не вундеркинд, чтобы схватывать на лету, да еще и без тренировки!

К тому же у меня были вопросы и поважнее мастерства.

– А как насчет заговора против принцев, о котором я тебе рассказала?

Айден пожал широкими плечами, его лицо приобрело холодный отстраненный оттенок. Мне вдруг показалось, что если бы те дарки, которые скрылись за чертой зачарованного здания, увидели вдруг сейчас это выражение лица, им самим расхотелось бы что-то там замышлять.

– К сожалению основных действующих лиц ты распознать не сумела. Я не знаю имен врагов и не могу даже примерно сказать тебе, от каких дарков держаться подальше. Поэтому могу лишь дать совет

держаться подальше ото всех. Но, скорее всего, этого совета ты придерживалась и раньше, – вяло улыбнулся он.

– Да при чём здесь я, в конце концов? – удивилась, не вполне понимая. – Ведь кто-то хочет свергнуть тебя с братьями! И по крайней мере мать маленького Альтариона ты наверняка знаешь… Нужно что-нибудь сделать с ней, рассказать хотя бы дофину империи!

Айзен строго посмотрел на меня и покачал головой.

– Не вздумай ничего говорить, даже рот не открывай.

Я вздрогнула от его резких слов и невольно обхватила себя руками. Но принц тут же смягчился, объяснив:

– Твоё слово против слова даркессы не будет иметь ровным счётом никакого веса. Даже не думай никому рассказывать о том, что слышала.

– Значит, мне просто сидеть сложа руки? – насупилась я, в очередной раз чувствуя свою полную беспомощность и ничтожность.

– Если хочешь остаться живой, то да. – В этот момент принц вдруг медленно подошел ко мне и осторожно обнял. – Я не смогу защитить тебя в ближайшее время, как бы мне это ни было желанно. Поверь, больше всего на свете мне хочется… прийти в себя. Чтобы никто больше не имел даже малейший мысли причинить тебе вред… но я не могу.

Под его прикосновениями я начала мелко дрожать. И до меня вдруг дошло, что из всего моего разговора, среди всех тех важных новостей, которые я рассказала сегодня Айдену, больше всего его волновало то, что кто-то может мне навредить. И даже зреющий заговор практически никак не затронул принца.

– Так беспокоишься об обычной ааре? – тихо спросила я, уткнувшись в его широкую грудную клетку.

От Айдена пахло огнём, и даже один этот запах, горячий и дикий, обжигал меня раскаленным свинцом, пролившимся по внутренним органам.

Мне ужасно хотелось услышать ответ на свой вопрос. Но Седьмой принц Новой Райялари не произнёс ни слова, просто продолжал прижимать к себе, ероша ладонью мои волосы и шевеля их на макушке своим дыханием.

– Тебе пора, – еле слышно произнес он. – Совсем скоро утро.

В тот же миг всё вокруг начало будто бы проваливаться куда-то в бездну. Я ещё стояла в объятьях Айдена, ещё ощущала его руки на своей спине, но уже видела, как стены его вымышленной ментальной комнаты пошли трещинами и стали расползаться, будто нарисованные краской рисунки.

В самый последний момент я взглянула в огненные глаза, которые смотрели на меня неотрывно, и замерла. Губы Айдена шевельнулись, почудилось, что он что-то сказал. Что-то ужасно важное, трогательно знакомое. А еще щемяще нежное и безумно невероятное.

Но я уже ничего не услышала. А затем просто очутилась вновь на кровати рядом с его бесчувственным телом.

За окном и впрямь оглушительно быстро занимался рассвет. Возможно, именно в это время медики захотят навестить своего подопечного, и мне нужно было торопиться убраться отсюда. А ещё замести за собой следы.

Не знаю, что помогло мне – везение, или, может быть, странный урок Айдена оказался и впрямь действенным, – но всё, что он мне поведал, я провернула с ловкостью и почти без труда. Все мои мысли были заняты той самой последней фразой, которую я так и не услышала.

Появление остаточной тиаре, разлитой в воздухе этой комнаты, не произвело на меня никакого впечатления. Я просто пару раз взмахнула рукой, глядя, как с моих пальцев капает знакомое жидкое пламя, и вся материализованная магия исчезла.

А через мгновение я уже находилась в собственных покоях, пытаясь придумать, что же делать дальше.

В этот момент я ещё не знала, что прямо сейчас братья Седьмого принца уже фактически решили мою судьбу.

Глава 10

За час до этого момента.

– И все же я думаю, что твое предложение – не лучшее решение в нашем случае, – медленно проговорил Элайдарион.

Несмотря на то, что дело шло к рассвету и вся ночь уже была позади, он так и не ложился спать. Все прошедшие часы он провел, изучая документы по дипломатическим договоренностям с Шеллаэрде, пытаясь найти решение проблемы. Надеясь обнаружить пункт, который был бы уже нарушен княжеством вампиров. Что-нибудь такое, от чего можно было бы отталкиваться в официальных переговорах в попытке надавить на вражеское государство.

На данный момент у них был лишь смертельно раненный Айденион и слова Ренвиэля о том, что на него было совершено вероломное нападение вышеуказанного Седьмого принца. При этом страшное ранение Айдену было нанесено оракулом, которая вообще никогда не относилась к вампирскому княжеству, даром что жила на их территории уже более трех сотен лет.

То есть предъявить претензии было вроде бы не к кому. Зато Шеллаэрде много чего имел им предъявить.

Отбросив десятки изученных документов, Элайдарион так ничего и не нашел. Однако, даже несмотря на это, он все еще не хотел отдавать княжичу вампиров девушку, ради которой его брат разорвал сильнейшее руно пятого уровня. Это произошло в тот день, когда они всемером составили септаграмму магии своими телами, чтобы патрулировать империю. Не нужно было считаться одним из лучших умов Райялари, чтобы понять: ради простой аары Айденион никогда бы так не поступил. А это означало, что женщина для него слишком важна.

Если брат однажды очнется, на что дофин не переставал надеяться, опасаясь даже думать об обратном, он будет в бешенстве, обнаружив девушку у вампиров.

– Почему же? – невозмутимо и с легкой ленцой в голосе спросил Сирглинарион.

Он сидел в кресле у камина, прикрыв глаза, и, если не приглядываться, создавалось впечатление, что он и вовсе спит.

Однако его волосы продолжали едва заметно светиться призрачной зеленью и иногда колыхаться, словно из окна дул ветер. Это означало, что Шестой принц очень даже в сознании и наверняка внимательно следит за всем происходящим.

– Потому что Айденион явно дорожит этой Селиной, – спокойно ответил дофин, поднимаясь из-за стола. – А я не собираюсь вредить собственному брату.

Он с хлопком закрыл толстый том законов Шеллаэрде и отвернулся.

Отравленное сердце даже не шелохнулся.

– А и не надо вредить, – ответил он через мгновение так же текуче и мягко, как прежде. – Пусть аара Селина сама выбирает. Разве у нас аар принято принуждать?

Элайдарион повернулся к брату так резко, что пара книг упала со стола.

– В смысле?

– В прямом, – ответил Шестой принц, наконец открыв глаза. – Аара не рабыня, не правда ли, Элайдар? Если она пожелает сменить хозяина, разве вправе мы ей мешать?.. Пусть княжич Ренвиэль предложит ей свою защиту и покровительство, и посмотрим, какой выбор она сделает.

– С чего ей менять покровительство? – мрачно спросил дофин, нахмурившись. Он видел, что Сирглинарион что-то задумал, но, как и прежде, понять ход его мыслей было слишком сложно.

Колдовской зеленый свет вспыхнул в глазах Сирглина и потух.

Если бы Элайдарион не знал Шестого принца так хорошо, его бы точно хорошенько встряхнуло от увиденного. Однако официальный наследник престола был довольно близок с братом… и помнил, что с тем произошло. И потому остался совершенно спокоен.

Похвастаться подобной выдержкой и осведомленностью могли очень немногие. Если точнее, Первый принц был всего лишь одним из четверых существ во всей империи, кто знал правду.

Отравленное сердце тем временем продолжал:

– Разреши нашему уважаемому послу Шеллаэрде пользоваться услугами аары, но на двух условиях. Первое: он будет обязан каждый

день возвращать ее в Чертог Огня, если девушка сама не пожелает обратного, – неторопливо и будто-то бы со скрытой улыбкой говорил он. – И второе: официально Селина перейдет под его покровительство, опять же только если сама того захочет.

Элайдарион нахмурился еще сильнее.

– Но…

– Возьми Кровавую клятву, – продолжил Сирглинарион, и на его губах и впрямь появилась улыбка. – Тогда княжич выполнит все в точности и не подумает умыкнуть красавицу к себе.

– И ты думаешь, что Ренвиэль ее даст? – приподнял бровь дофин. – Зачем ему это делать?

– Даст, – кивнул Шестой принц. – Чувствую… сердцем.

Улыбка стала по-настоящему широкой.

– Тем, которое у тебя отравлено, или другим? – беззлобно хмыкнул Элайдар.

– Тем самым, другого у меня нет, ты же знаешь.

– И если он согласится… – вернулся к серьезной теме дофин, но брат за него продолжил:

– То, сделав так, как я говорю, ты одновременно заставишь Шеллаэрде подписать пакт о ненападении, ничего не дав взамен. Потому что официально аара Селина останется в своем атрисе. А уж если она уйдет по собственному желанию, то ты уже не будешь иметь к этому никакого отношения.

Элайдарион резко выдохнул и упал обратно в кресло.

– Твой план ужасен, – низко проговорил он, протягивая руку к чистому листу бумаги. В руке тут же вспыхнуло из пламени чернильное перо. – Он мог прийти в голову только тебе, клянусь Громтуманным.

– Но мой план сработает, – приподнял черную бровь Сирглинарион, а затем встал с кресла и направился прямиком к его столу, не сводя глаз с пера, что уже выводило буквы приказа.

– Даже не сомневаюсь, – вздохнул дофин империи, ставя свою подпись внизу листа. Вслед за красивой размашистой закорючкой рядом на нежной карамельно-желтой бумаге сам собой вспыхнул золотой дракон. Он свернулся полукругом, огибая подпись волшебным хвостом, как неподделываемая истинная печать. – Так и быть, ты меня уговорил. С сегодняшнего дня клыкастый мерзавец сможет входить в

покои аары Селины. Атрис Седьмого принца будет официально открыт для Ренвиэля Эстерийского, посла Шеллаэрде, на рассвете… А когда Айден очнется, ты будешь объясняться перед ним сам.

С этими словами дофин империи протянул документ брату, и тот с легким шутливым поклоном его принял.

– Защитные печати будут скорректированы раньше, чем взойдет солнце, мой принц, – мягко проговорил Сирглинарион, и на его губах все еще была улыбка.

Элайдарион повернул голову к окну, наблюдая, как первые лучи светила уже появляются над горизонтом.

– Как же ты собрался успеть? – усмехнулся он, но, когда вновь вернул взгляд Шестому принцу, оказалось, что в комнате его уже не было.

Он исчез так тихо, как и всегда. И ничто не указывало на то, что он вообще тут был: осколочной тиаре эксплозии не разливалось в воздухе, а инертная тиаре, медленно растекающаяся вокруг и обычно реагирующая на вспыхивающие заклятья легкой рябью, сейчас была спокойна, как в штиль.

Все указывало на то, что эту ночь в своем кабинете Элайдарион провел совершенно один. И только с чернильного пера вниз капнула одна густая черная клякса прямо на стол, еще хранящий призрачный след исчезнувшего документа.

*** * ***

Селина

Первым делом этим утром я решила принять ванну. Усталость не ощущалась, несмотря на то, что всю ночь я провела возле Айдена. Вероятно, пока мы находились в его ментальном мире, там же успели отоспаться. Теперь я была бодра и свежа, но предчувствовала, что грядущий день будет вовсе не так спокоен, как хотелось бы. Шестой имперский принц по прозвищу Отравленное Сердце сделал меня то ли частью какой-то непонятной ловушки для вампиров, то ли странной дипломатической хитрости. Оставалось ясно одно: легко мне сегодня не будет.

Поэтому, стараясь морально подготовиться к неприятным сюрпризам, я залезла в огромную, сверкающую медью ванну и набрала воды, что вытекала прямо из красивых квадратных отверстий в стене. Никаких вентилей тут не было, всё приводилось в действие с помощью прикосновения к красивым камням, напоминающим маленькие фонарики. Они тут же зажигались приятным розоватым или голубым светом, сигнализируя о включении горячей или холодной воды.

Также рядом на золотистом бортике стоял удивительный прибор с множеством пружинок внутри, скрытых за прозрачным ограненным стеклом. Стоило мне коснуться его пальцами, нажать какую-то кнопочку, как он завибрировал, наполнился водой и на моих глазах стал выпускать пузыри прямо в ванну.

Хотелось захлопать в ладоши и засмеяться, словно мне было лет десять. Я вдруг подумала, что если бы у меня были дети, то им бы наверняка очень понравилось тут. Огненный Чертог был прекрасным местом! Очень красивым и полным волшебства. Жаль только, что для простых людей вроде меня большая часть волшебства здесь была злой…

Стараясь не погружаться в мрачные мысли и не вспоминать о том, что сердце Огненного Чертога – Айденион Огненнокрылый – сейчас в коме и не приходит в себя, я опустилась в горячую ванну и закрыла глаза.

Следующие полчаса были одними из самых спокойных и прекрасных моментов, что я провела здесь. Мне удалось многое обдумать и даже принять кое-какие решения относительно собственного поведения с имперскими принцами и княжичем Ренвиэлем.

Поэтому, выходя из ванны, обернутая в пушистое и тёплое полотенце, я уже не ощущала себя просто слабой человеческой девушкой в холодном драконьем дворце. Мне было действительно хорошо, и оставалось совсем немного до того, чтобы почувствовать себя как дома.

Сама себе я в этом, конечно, не признавалась, но о родной квартирке в собственном мире я уже почти не вспоминала. Меня там никто не ждал, кроме работы и коллег, с которыми бок о бок я

проводила все свое свободное время. А это, признаться, весьма сомнительная причина для ностальгии.

Здесь у меня был Айден. Несмотря на все неурядицы и проблемы, мысли о нем острым рыболовным крюком пронзили мое сердце, и другой конец удочки был в руках самого принца. Так что вздумай я попытаться навсегда его покинуть, и невидимая леска натянулась бы, и вместе с этим крюком вырвалось бы и сердце.

Едва я вышла из ванны, задумчиво вытирая волосы и безуспешно пытаясь найти в груди хоть пару капель тоски по дому, как увидела в своей комнате незнакомую девушку.

– Ой, вы кто? – выдохнула я, резко остановившись и испытав укол страха.

– Прошу прощения, я ваша новая служанка, – с поклоном ответила незнакомка, пока я её рассматривала. – Меня зовут Марлина.

Действительно, на девушке была довольно простая одежда красно-коричневого цвета с золотой вышивкой. Платье больше напоминало униформу, чем наряд аары. Похоже, нежданная гостья и впрямь принадлежала к числу прислуги, вот только странно, что прежде видеть ее мне не доводилось.

– А что вы здесь делаете, Марлина? – уточнила я, хотя в целом, судя по подносу в её руках, и так всё было понятно.

– Мне отдали приказ принести вам завтрак, аара Селина, – с еще одним поклоном спокойно ответила служанка и поставила поднос на прикроватный столик.

Прежде завтрак мне приносила Валира, и как-то я не задавалась вопросом, входит ли это в её обязанности. Но, если подумать, всё встало на свои места. Вряд ли главная аара в атрисе Седьмого принца и повелителя Королевства Огня обязана была разносить завтраки остальным аарам. А значит, ее место неизменно должна была занять другая девушка. Либо мне следовало питаться самостоятельно в какой-нибудь местной столовой.

Но есть ли такая в Чертоге Огня?..

Мне никто не рассказывал и посещать ничего не требовал.

– Хорошо, спасибо большое, Марлина, – кивнула я, постаравшись улыбнуться.

– Вам что-нибудь ещё нужно? – спросила девушка и после того, как я покачала головой, молча ушла.

Признаться, есть мне хотелось страшно. Колдовство, которым я занималась как минимум половину прошедшей ночи, забирало ужасно много сил. И если к некоторому опустошению после эксплозии я уже привыкла, то лечение Айдена высасывало дополнительно всю оставшуюся энергию.

Я чувствовала себя так, словно не ела неделю!

Однако прежде, чем приступать к еде, я решила сперва одеться и привести себя в порядок. Что-то подсказывало: в покое меня не оставят и в любую минуту в мою комнату снова может кто-нибудь нагрянуть.

Очень не хотелось показаться голышом перед очередными посетителями. Поэтому, резко распахнув дверцы чудесного платяного шкафа, я приготовилась вновь задержать дыхание, лицезрея прекраснейшие наряды в своей жизни. Однако поразили меня вовсе не они…

…а ирлис, развалившийся на полке прямо на модных тканях!

Зверь счастливо посапывал, будто бы не обращая на меня ни капли внимания. Более того, перед его узкой чёрной мордочкой лежала маленькая обглоданная кость. Прямо на дивном полупрозрачном подоле из серебристой органзы!

У меня воздух вышел из груди от такой наглости и от жалости к прекрасному наряду. Но совершенно неожиданно, заметив мое возмущение, Гвенвин умудрился сделать такую невинную мордочку, что прогонять его резко расхотелось.

Ирлис распахнул оба своих вытянутых колдовских глаза и взглянул на меня колдовской зеленью.

– Ну и что ты себе позволяешь, хамская твоя физиономия? – проговорила я, уперев руки в бока и не давая себя очаровать окончательно. – Ты посмотри, какое красивое платье испортил!

Ирвис слегка лениво приподнял голову и действительно огляделся, словно понимал, что я говорю. Затем вальяжно помялся на ткани, что можно было счесть за пожатие плеч, приподнял лапу и вытащил откуда-то из-под хвоста целую, почти совсем не пожеванную мясную ножку! Протянул мне, шлепнув ещё одно пятно на серую органзу, и с чувством выполненного долга уложил морду на лапы.

– Да, теперь вопросов нет, – выдохнула я, закрывая глаза ладонью, лишь бы не видеть этого ужаса. – Ну и ладно, спасибо, что хоть не всю

одежду испортил, а только половину… – проговорила, протягивая руку к одному из нарядов, что висел подальше от наглого животного.

Это оказалось легкое платье из тончайшего светло-розового шелка, подпоясанное красивой золотой цепочкой. Недолго рассматривая раздобытое сокровище, я осторожно надела его и подошла к зеркалу.

Тонкий, но чуть усиленный лиф красиво очерчивал грудь, демонстрируя довольно глубокое декольте. Золотая цепочка на поясе неожиданно хорошо контрастировала с волосами, распустившимися по плечам незнакомыми солнечными волнами.

С момента своего попадания в этот мир на волосы я старалась не смотреть. Потому что стоило подойти к зеркалу, как оказывалось, что они будто бы стали длиннее и ярче. Теперь от моей довольно-таки обычной русой шевелюры, как я любила говаривать: с персиковым отливом, совершенно ничего не осталось, кроме этого самого отлива. Сейчас шевелюра была ярко-золотой, отдающей в розовый.

И если бы я не видела этот цвет собственными глазами, сказала бы, что привиделось.

И теперь девушка в зеркале выглядела ужасно знакомой и чужой одновременно. Не верилось, что вот так могу выглядеть… я.

Но, немного встряхнувшись, я отбросила пагубное самолюбование, постаравшись не зацикливаться на собственной внешности, пока это не вошло в привычку, и стала озираться по сторонам в поисках любимых и по совместительству единственных сережек.

Нахмурилась, вспоминая, куда положила украшение перед тем, как пойти в ванную, и вдруг обнаружила… что их нет на месте.

– Это еще что за фокусы… – выдохнула, думая, что перегрелась в горячей воде.

Я быстро обежала всю комнату, заглянула под кровать и в ванную, но украшения нигде не было!

А затем резко замерла, вспомнив необычную служанку, которая сегодня принесла завтрак.

– Очень странно, – выдохнула тихо, краем глаза замечая, что ирлис наконец-то выпрыгнул из шкафа, и обратившись к засоне: – А вот ты, между прочим, мог бы и проследить за странными субъектами,

проникающими в наши с тобой покои! – бросила я ему, кусая губы. Серёжки действительно было очень жалко.

Ирлис дернул хвостом, даже не думая глядеть мою сторону. Затем красноречиво зевнул.

– Да-да, я поняла, что ты очень сладко спал, – проговорила я расстроенно и села на кровать. – Что же теперь делать? Не могу же я обвинять кого-то в воровстве, не имея к тому никаких доказательств? Может быть, я действительно сама потеряла эти серёжки? Вдруг они завалились куда-нибудь за матрас или вообще ты их утащил? – погладила я за ухом черного зверька.

По всему выходило, что украшение могло деться совершенно куда угодно.

Но ирлис тут же убрал от меня голову и фыркнул. А стоило мне протянуть руку к тарелке с едой, как он взял и вдруг прыгнул на поднос, перевернув его на ковёр.

– Эй, ты что творишь?! – взвизгнула я. – Ты не представляешь, как мне есть хочется! – возмутилась я уже совершенно расстроенно, вскочив с кровати. – Ну и что мне теперь делать? Есть с ковра? Хорошо хоть, платье не испачкал…

Я отошла от постели, понятия не имея, как поступить дальше. По-хорошему, было бы неплохо найти тазик, губку и какие-нибудь чистящие средства, потом прибраться тут, однако что-то мне подсказывало: среди дорогущих платьев и сундучков с украшениями вряд ли завалялись несколько швабр с половыми тряпками.

– Прекрасно… просто прекрасно, – пробормотала я устало, закрыв глаза.

И вдруг почувствовала на своей шее прохладное до мурашек дыхание. А затем услышала тихий бархатистый голос, от которого всё внутри начало потихоньку переворачиваться:

– Согласен… действительно прекрасна…

А в следующий миг к моему уху едва заметно прикоснулись чужие губы. Осторожно, едва ощутимо и будто случайно.

Я резко повернула голову, уже зная, кого увижу перед собой.

За спиной раздалось тихое шипение Гвенвина.

– Ренвиэль Эстерийский, – выдохнула я, однако все еще не веря своим глазам.

Но это была правда. Передо мной действительно стоял наследный княжич вампирского государства.

– Давно не виделись, моя сладкая девочка, – проговорил он мягко, взяв меня за руку и прикоснувшись губами к тыльной стороне ладони.

Меня бросило в дрожь. Кончики пальцев похолодели, а внутри, где-то под желудком, словно свилось змеиное кольцо ядовитого жара.

Дикие, хрустально голубые глаза напротив смотрели на меня, не отрываясь.

Ренвиэль Эстерийский был невероятно красив, но такой морозной и злой красотой, о грани которой, казалось, можно обрезаться. Его льдисто-белые волосы падали на глаза, едва прикрывая уши, но лежали в столь идеальном порядке, будто он был статуей, высеченной из мрамора. С одной стороны прямо под острыми кончиками снежных прядей виднелась длинная сережка, блестящая голубым кристаллом. Падая на нее, свет преломлялся на разноцветные блики, играющие затем на мощной мускулистой шее и широких плечах, спрятанных под бело-голубым камзолом.

В этот миг княжич замер, медленно переведя взгляд на зажатую в собственных пальцах добычу.

Я невольно посмотрела на свою руку вслед за ним и с трудом сдержала улыбку. Ренвиэль глядел на два разноцветных кольца, обхватывающих мои пальцы.

Перстни имперских принцев: Айдена и Сирглинариона.

В душе всколыхнулась мрачная радость. Я впервые была счастлива носить два этих возмутительный символа, означающих мою принадлежность мужчинам, словно вещи.

Однако либо княжич прекрасно держал себя в руках, либо его это нисколько не смутило, потому что на мягких алых губах продолжала алеть опасная улыбка.

– Что вы здесь делаете? Как попали в мою комнату? – осторожно спросила я, стараясь не выдать страха и какого-то сковывающего чувства внутри.

– Я соскучился, этого мало? – игриво ответил он, приподняв темные брови. – А проник сюда без особого труда, – добавил, изящным движением указав в сторону двери.

Я посмотрела туда же и заметила, что дверь действительно приоткрыта. Будто она вообще никогда не была заперта.

– Ко мне теперь можно входить всем, кому попало? – возмущенно выдохнула я, вспоминая утреннюю служанку и собственные исчезнувшие серьги.

– Кому попало? – переспросил вампир, и его чёрные с изломом брови нарочито удивленно взлетели вверх. – Я могу и обидеться, моя драгоценная.

Я вздрогнула и наконец высвободила собственную руку из его захвата. Княжич нехотя отпустил, выпрямился и сцепил кисти за спиной.

– Я не имела в виду вас, Ренвиэль, – осторожно проговорила, понятия не имея, как нужно обращаться к вампирскому наследнику престола. – Хотя и вы тоже, насколько я понимаю, не должны находиться утром в покоях девушки, состоящей в атрисе драконьего принца, разве не так?

– О, моя дорогая, давай уже перейдем на "ты", – промурлыкал чуть хрипло вампир, шагнув ещё ближе и злостно нарушая мое личное пространство.

В горле мгновенно пересохло, и я почувствовала, как меня будто бы ледяным кольцом окружает его холодный, едва заметный запах. Тонкий, как морозная игла, входящий в легкие… мешающий дышать, лишающий мыслей…

– Развею твои сомнения, моя красавица, – проговорил он с легкой вибрацией, вырывающейся из горла, – с сегодняшнего дня вход в твои покои мне официально разрешён. Принцы отказались от тебя – обидно, правда?

Сердце больно кольнуло, несмотря на то, что сказанное Ренвиэлем было мне уже известно. Сирглинарион ясно дал понять, что нечто подобное произойдет в ближайшие дни. Я, правда, надеялась, что времени у меня будет побольше…

– Значит… меня уже сделали вашей собственностью… – кивнула я совершенно бесцветно.

Вампир таинственно улыбнулся.

– Не "вашей", а "твоей", мы же договорились, – проговорил он, а я почувствовала, как земля уходит из-под ног.

Значит, правда… Я больше не была аарой Седьмого принца Новой Райялари.

Перед глазами всё закружилась, и на миг мне показалось, что я вот-вот упаду.

– Что же теперь? – выдохнула, ощутив, как ладонь Рэнвиэля мягко скользнула по моей пояснице. Вампир ещё не прижимал меня к себе, однако уже обнимал. – Я должна буду жить у вас… у тебя? В Шеллаэрде?..

Все мысли перемешались.

В голове болезненно пульсировали слова Айдана о том, что я должна выполнять все приказания вампирского княжича. Иначе мне же будет хуже.

Однако, не дожидаясь ответа, я все же высвободилась из рук вампира, сделав полшага назад. Даже если этот странный тип и имел какие-то планы на меня, я ещё пока не сдалась окончательно.

Ренвиэль склонил голову набок, с каким-то мрачным любопытством осматривая меня с ног до головы. Будто изучал мою реакцию или пытался прочесть мысли.

– Тебе не нужно бояться меня, Селина, – спокойно сказал он вдруг, словно сделал для себя какие-то выводы.

Но в этот момент я каким-то шестым чувством поняла, что прямо сейчас в его словах действительно не было лжи или чего-то скрытого. Он говорил совершенно прямо и откровенно.

– Я не драконий принц, – продолжал он, демонстративно не пытаясь больше приблизиться и глядя прямо в глаза. Пристально, внимательно. – Во мне не течёт кровь дарков, а под ребрами не пульсирует вздорный и наглый драконий дух, который только и жаждет показать, что он главнее всех. Мне совершенно незачем принуждать тебя и привязывать к себе.

Я моргнула, не вполне понимая, о чем он говорит, и внезапно увидела перед собой совершенно другого Ренвиэля.

Человека.

Нет, внешне он не изменился, но мне стало ясно другое. Ведь даже если учесть, что княжич Шеллаэрде – вампир, физически он мне гораздо ближе, чем любой из дарков, организм которых отличался от людского. Ренвиэль был человеком… хотя бы в некотором роде. Айден же со своими братьями были детьми истинного чистокровного дракона. Сына богов, как здесь было принято говорить.

А боги от людей всегда были чересчур далеки.

В этот момент в руках вампира вдруг что-то засветилось и замерцало. Я опустила взгляд, невольного поражаясь удивительной красоте волшбы, которую он решил сотворить. Княжич сдвинул ладони, почти соприкасаясь ими, но оставив узкое пространство, внутри которого начали бить маленькие молнии. Запахло озоном, а затем из серебристого тумана начал выступать потрясающе красивый цветок.

Красный тюльпан. Крупный, усыпанный крохотными капельками росы, словно бриллиантами, он привлекал взгляд и источал тонкий аромат, который хотелось вдыхать сильнее и сильнее.

Ренвиэль протянул мне цветок с лёгким поклоном, словно подарок какой-нибудь высокопоставленной особе. При этом он продолжал исподлобья глядеть на меня глубокими голубыми глазами, в которых за последнее время ни разу не мелькнул пугающий алый свет.

– Что это? – выдохнула я еле слышно. Ужасно хотелось взять подарок, подобного которому я не видела никогда в жизни.

Однако внутреннее опасение никуда не делось.

– Не бойся, – выпрямившись, сказал мужчина, и на его губах снова мелькнула понимающая улыбка. Осторожно он взял одну из моих ладоней и сам вложил в нее цветок. – Этот тюльпан – символ Шеллаэрде. Его изображение нанесено на гербы нашего княжества, мой отец носит такой же в своих петлицах.

– Спасибо, – только и сумела проговорить я.

Никак не могла понять, что означал этот подарок и что хотел этим сказать вампирский княжич. Но на ощупь цветок оказался словно живой. Алые лепестки распахнулись красивым веером, а внутри золотисто-черные тычинки тихонько покачивались, разбрасывая вокруг искрящиеся блики.

– Ты позволишь?.. – тихо спросил Ренвиэль, вдруг забирая у меня цветок и делая несколько шагов мне за спину.

Сердце ударило в горло, кончики пальцев дрогнули и похолодели.

В этот момент я вдруг почувствовала себя косулей, за спину которой крадется тигр. Наверное, это был какой-то древний инстинкт – не подпускать к незащищенным тылам опасного хищника.

Однако я не нашла ни одного убедительного аргумента, чтобы отказать княжичу, хотя и понятия не имела, что он собирается сделать.

Где-то в стороне снова раздалось предупреждающее шипение ирлиса, но зверь явно не торопился нападать, не чувствуя от моего нового гостя никакой агрессии.

Это одновременно раздражало и пугало.

– Да… конечно… – неуверенно проговорила я, уже чувствуя, как Ренвиэль касается моих волос. Это было очень странное ощущение, когда пряди скользнули по плечам и начали медленно подниматься. Когда ловкие и осторожные мужские пальцы проникли сквозь локоны, касаясь моей кожи, слегка поглаживая и вытягивая волны волос вверх.

По спине пробежала волна мурашек, и я ничего не могла с этим поделать. Ренвиэль делал с моей прической что-то возмутительное, и при этом возмутительно приятное.

Однако когда я уже готова была развернуться и попросить его меня не трогать, чтобы лишний раз не проникаться доверием к врагу, княжич что-то там закрепил у меня на голове, пряди стянулись, и, уверенно положив руки мне на плечи, словно имел на это право, вампир развернул меня к зеркалу.

– Смотри, красавица, – шепнул он, пока мурашки бежали по коже от его прикосновения.

А я уже и так смотрела. Видела, что из отражения на меня глядит смущенная девушка золотыми волосами, аккуратно и тщательно собранными в удивительную прическу, увенчанную волшебным красным тюльпаном.

– Смотри внимательно… – зачем-то добавил вампир тихим голосом, проникшим в меня словно наркотик – прямо в кровь.

Ренвиэль встал совсем рядом со мной, возвышаясь над моим левым плечом буквально на пару сантиметров позади. При этом он взял меня за руку, слегка склонив голову к шее. Будто бы хотел что-то сказать или…

Меня бросило в дрожь, я не могла оторвать взгляд от отражения.

Тончайшее светло-розовое платье, подпоясанное золотой цепью, стало выглядеть не просто нарядным, а каким-то торжественно бальным. Тюльпан в моих волосах рассыпал вокруг мельчайшую золотую пыль, а сам его цвет неуловимо переместился в сторону розоватого, будто нарочно для того, чтобы гармонировать с остальным нарядом.

Но это ещё полбеды. Княжич Ренвиэль, стоящий так близко и держащий меня за руку, теперь выглядел моим идеальным спутником. На его серебристо голубом камзоле сбоку я заметила изображение того самого тюльпана, что украшал мою прическу и являлся символом всего вампирского княжества. Серебристые волосы мужчины едва ощутимо касались меня и так же хорошо сочетались с его нарядом, как мои золотые сочетались с моим.

Княжич выглядел ослепительно красивым, и, как ни странно, я рядом с ним смотрелось ничуть не хуже, напротив удивительно гармонично вписываясь в пару для наследника вампирского престола.

Не знаю, откуда в моей голове взялись эти мысли и образы. Может быть, я сошла с ума. А может, решение драконьих принцев отдать меня настолько сильно выбило из колеи, что я почти решила послать всех драконов подальше и поселиться в Шеллаэрде.

Встряхнув головой и зажмурившись, я постаралась вспомнить, о чём думала всего несколько минут назад. В сознании разливался какой-то сладкий дурман, и размышлять не хотелось вообще ни о чём.

Как ни пыталась я вспомнить, почему прежде меня так раздражал и пугал Ренвиэль, мне это не удалось. Я даже подумала было, что он применил какое-нибудь вампирское внушение и мне требуется немедленно от него избавиться. Однако, мысленно удостоверившись, что я всё ещё схожу с ума по Айдену и помню о том, что он находится в коме, слегка успокоилась.

"Ничего не произойдет, если я буду постоянно вспоминать своего драконьего принца, – попыталась убедить я себя. – Моя главная цель сейчас – чтобы Ренвиэль не закусил мной на обед и чтобы Айдан наконец пришел в себя. Тогда он наверняка сможет меня освободить… А дальше хоть трава не расти".

Получалось, что в остальном мне бояться нечего. Никакое вампирское внушение мне нипочём, правда ведь?..

Я снова взглянула через зеркало на княжича и, увидев, что он улыбается, неожиданно улыбнулась в ответ.

По крайней мере, в данный момент Ренвиэль не проявлял ко мне никакой агрессии, вел себя очень культурно и приятно. Я даже подумала, что познакомься мы при каких-то иных обстоятельствах, он вполне мог бы мне понравиться. Конечно, если бы к тому времени мое сердце уже не было занято Айденионом Огненнокрылым.

– Как насчет маленькой экскурсии, красавица? – проворковал мне на ухо вампир, и на этот раз я даже не вздрогнула, когда почувствовала прикосновение его дыхания к своей коже.

Это уже не было ни страшно, ни неприятно.

– Почему бы и нет?.. – пожала оголенными плечами я, заметив, как по ним скользнул взгляд Ренвиэля. И хрусталь голубых глаз на миг стал алым.

Я вдруг подумала, что алый очень даже идёт его снежному образу.

Ренвиэль чуть склонил голову набок, не отрывая от меня пристального взгляда. И вдруг широко улыбнулся, обнажив острые белые клыки.

Несколько отстраненно я отметила про себя, что должна была бы испугаться. Но страх так и не пришёл, даже когда княжич Шеллаэрде вдруг вспыхнул облаком тьмы, разлетевшись на тысячу маленьких летучих мышей, и, подхватив меня, погрузил весь мир в черноту.

Снова открыла глаза я уже совсем в другом месте. То, что мы очутились в замке самого вампирского княжича, стало ясно с первой же минуты. И если Чертог Огня, в котором правил Айден, буквально дышал жизнью, огнем и животной, хищной силой, то замок Ренвиэля Эстерийского был уже гораздо более похож на человеческий. Черные стены уходили ввысь, смыкаясь полукруглым каменным сводом. Он, в свою очередь, был украшен великолепной лепниной и удивительными картинами, изображающими прекрасных дев и рыцарей в доспехах. Зал, раскинувшийся вокруг, не поражал гигантскими размерами, однако он тоже был велик. И дело было, видимо, в том, что сделан этот зал был для людей, а не для громадных и нечеловечески сильных драконов.

Дивные ромбовидные окна украшали разноцветные витражи, сквозь которые красиво проникал солнечный свет. Преломляясь на десятки и сотни разноцветных лучей, он украшал зал лучше всякого волшебства. В самом центре под потолком висела настолько мощная люстра, что казалось, если она упадёт, то вполне может прибить человек двадцать разом. Вся она была уставлена толстыми восковыми свечами, что дополнительно наполняли зал приятным желтым мерцанием.

Мраморный пол был выложен плиткой в форме аккуратных летучих мышей, чьи черные и алые крылья перемежались в хаотичном

порядке. Диковинный рисунок направлял взгляд куда-то вперед, туда, куда будто бы летели эти создания ночи. И там, вдали, стоял совершенно великолепный трон из черного полупрозрачного камня, внутри которого, словно вены, протянулись алые нити.

Но больше всего меня поразил не дворец с его внутренним убранством, а люди, что были внутри него. Потому что Ренвиэль Эстерийский привел меня вовсе не в пустую залу, как мне бы того хотелось. А буквально в наполненный вампирами муравейник.

Едва мы появились у дверей огромного помещения, как все присутствующие начали расходиться в стороны, почтительно склоняя головы. Нас приветствовали светлолицые женщины в ослепительных платьях и мужчины в дорогих костюмах. И что самое странное… никто из них не удивлялся нашему появлению. И никто не смотрел на меня свысока, как это было в Чертоге дарков.

А я приглядывалась. За время, проведенное в этом мире, я так привыкла к снисходительному презрению в глазах драконов и дракониц, что сейчас буквально кожей ощущала разницу. Странную, ничем не объяснимую и непонятную.

А ещё в самом конце длинного зала на том самом троне, внутри которого протянулись кровавые жилы, сидел мужчина, отдаленно напоминающий Ренвиэля. Он не был стар, и на вид ему легко можно было дать около сорока лет. Однако чем ближе мы подходили, тем все более мрачной и древней силой наполнялся воздух вокруг.

Я вдруг подумала, что если когда-то Ренвиэль казался мне истинно опасным, то я серьезно ошиблась. Потому что по-настоящему опасным был вот этот незнакомец.

Как и у княжича, у мужчины на троне были длинные белые волосы, разве что заплетенные в толстую косу, широкие плечи обтягивал чёрный, расшитый серебром камзол, с правой стороны в петлице которого и впрямь сверкал алый тюльпан. Почти точно такой же, как у меня в причёске!

Стало ужасно не по себе. Я оглядела зал в поисках похожего украшения на остальных гостях или придворных. Но, как ни странно, не нашла ничего даже немного похожего. У некоторых дам в прическах сверкали розы, у других – камелии или орхидеи. Мужчины предпочитали украшать свои костюмы серебряными бляшками и

камнями. У некоторых на поясе висели кинжалы, являвшиеся и вовсе единственным предметом гордости.

Мы шли по залу всё дальше и дальше, и я вдруг с отстраненным удивлением поняла, что мне ни капли не страшно. Смутное беспокойство не стягивало нервы в жесткий узел, не сдавливало горло, а всего лишь оседало в сознании лёгкой туманной дымкой, которую можно было легко преодолеть. Поэтому, когда мы остановились всего лишь в нескольких метрах от каменного трона и мужчины, что сидел на нём, я спокойно посмотрела в его холодные голубые глаза, легко выдерживая ответный взгляд.

Шестое чувство царапнуло сердце короткой мыслью, что так быть не должно.

– О Темнейший, – начал говорить Ренвиэль, и в его обычно таком мягком и вкрадчивом голосе зазвучала непривычная властность и сила. – Да будут ночи твои темны, а годы – длинны. С радостью представляю тебе свою спутницу – прекрасную Селину, похитившую мое сердце.

С этими словами он склонил голову и слегка потянул меня за руку, чтобы я сделала то же самое. Я машинально повторила этот жест и через мгновение, когда мы оба выпрямились, заметила, как по моей фигуре заскользил любопытный, тяжелый взгляд князя.

То, что на троне сидел отец Ренвиэля, было совершенно очевидно. Слишком уж они были похожи. Но вот то, что у вампиров, оказывается, существует кровное родство, стало сюрпризом.

– Рад приветствовать тебя, прекрасная Селина, – повторил князь обращение своего сына, и мне снова стало не по себе. – Надеюсь, тебе у нас понравится, – добавил он, как мне показалось, безо всякой иронии или какого-то скрытого намека.

И это было уже чересчур странно.

Хотелось прямо сейчас повернуться к Ренвиэлю и прямо здесь заставить его объяснить, что происходит. Останавливали только десятки пристальных взглядов, направленных со всех сторон, и один – самый острый – от самого князя Шеллаэрде.

– Благодарю, – только и сумела проговорить я, кусая губы, чтобы хоть немного привести себя в адекватное состояние.

Предчувствие снова царапнуло сердце.

Ренвиэль поклонился, мягко заставив и меня сделать то же, и стал разворачиваться, чтобы уйти прочь. Я бросила последний взгляд на повелителя вампиров, обнаружив, что позади его трона, оказывается, расположился целый бассейн, который сейчас почему-то был пуст.

Затем мы повторили свой путь через весь этот длинный зал, на протяжении которого придворные снова нам кланялись, и вышли прочь через широкие черные двери из фигурно выкованного металла.

Как только моя нога переступила широкий порог, в тот же миг рядом опять вспыхнуло черное облако, и Ренвиэль обратился облаком летучих мышей. Стало ясно, что вся прогулка была лишь данью церемониям и местному этикету. Только совершенно непонятно, зачем княжич Шеллаэрде только что официально представил меня повелителю вампиров и всему двору.

Все это я отмечала у себя в голове отстраненно, какой-то задней мыслью, потому что в реальном времени со мной творилось нечто настолько новое и необычное, что думать о чем-то другом было слишком сложно.

Ведь я тоже стала черным облаком!

Прежде колдовство Ренвиэля проходило для меня незаметно, непонятно, потому что по большей части я испытывала сковывающий сердце ужас. Такой сильный, что не могла нормально соображать и наблюдать.

Теперь же мне было совершенно не страшно, видимо, человек привыкает ко всему… Поэтому я в полной мере ощутила, как мое тело меняет форму и будто бы вовсе исчезает, растворяясь холодной тьмой. Однако стоило прислушаться, мысленно замереть на секунду, как я услышала шелест крови и тихие, мягкие хлопки десятков маленьких крыльев…

Моих крыльев.

Я с трудом открыла глаза, которые оказались по привычке зажмурены, и увидела, что мир вокруг окрасился в красный. Небо и земля двигались ослепительно быстро, и где-то внизу лестница сменялась каменным полом, пол – зелёной лужайкой, залитой солнцем, а трава с алыми тюльпанами – мягким угольно-черным ковром.

В этот момент тьма и кровавый свет, в который почему-то окрасился мир, исчезли, и я вновь стояла на собственных ногах в

комнате, где на этот раз мы были с Ренвиэлем одни. И пока было совершенно неясно, для чего мы перенеслись сюда.

– Располагайся, милая, – проговорил снова бархатный голос за спиной, едва шевеля мои волосы.

Я не обернулась, с интересом разглядывая окружающую обстановку.

Передо мной была относительно небольшая прямоугольная комната, с одной стороны которой стена превращалась в великолепный полукруглый балкон, с крыши которого падали вниз тонкие изумрудные лианы с белоснежными цветами.

А на самом балконе стоял накрытый на двоих стол. На багрово-красной скатерти блестели серебром тарелки, столовые приборы и даже бокалы. Все – из блестящего, кое-где отделанного черным металла. Кубки были инкрустированы алыми камнями, ложки и вилки – тонкой и гладкой эмалью, напоминающей кровь.

Но больше всего привлекла мое внимание еда, а не удивительные приборы. После ночи с Айденом я не успела позавтракать, спасибо Гвенвину! И вот теперь при виде сочных утиных ножек, истекающих золотистым соком, кувшина вина, десятка тостов с зеленью и крючочками креветок у меня буквально потемнело перед глазами.

– Угощайся, – проговорил Ренвиэль, легонько подталкивая меня в спину, – это все для тебя.

– Для меня? Одной? – переспросила я, кажется слишком громко сглотнув и глянув через плечо на княжича.

Ренвиэль широко улыбнулся. Так широко, что из-под алых губ снова сверкнули клыки.

– Боюсь, если позавтракать решу я, то тебе будет уже не до утки с трюфелями, – чуть хрипло рассмеялся вампир и почти силой усадил меня за стол.

Едва до меня дошло, что имелось в виду, как Ренвиэль уже сел напротив и невозмутимо схватил кувшин с вином, наполняя бокалы.

Однако, несмотря на очевидный намек, я снова как-то не особенно впечатлилась перспективой быть укушенной, гораздо больше внимания уделяя приготовленному для меня позднему завтраку.

Следующие несколько минут княжич сидел молча, а я не обращала на него ни малейшего внимания, потому что казалось, если прямо сейчас не съем хотя бы половину приготовленной утки, упаду в

голодный обморок прямо здесь. И что тогда помешает моему новому клыкастому хозяину отужинать бесчувственной мной?

В общем, мысли меня посещали самые рациональные и ни капли не романтичные. Даже учитывая всю красоту заготовленного сюрприза, восхитительного подаренного тюльпана и дивного вкуса утки.

Едва болезненный голод, наконец, ушел, я смогла думать рационально, ни на что не отвлекаясь. Более того, тот факт, что я почему-то совершенно перестала бояться вампира, вдруг позволил мне рассмотреть сложившуюся ситуацию со всех сторон, не вплетая в нее собственные переживания. А еще – попытаться понять, почему же это все вообще происходит.

Что-то внутри настойчиво напомнило, что, вообще-то, при первой встрече Ренвиэль уже пытался мной перекусить. А потом и вовсе украл и притащил к полумертвому оракулу в надежде дать мне колдовское имя без моего желания.

Но просчитался.

И вот теперь я здесь. В его замке, в вампирском княжестве, представленная его отцу как его спутница, похитившая сердце наследника престола.

Не странно ли? Не многовато ли для одной скромной служанки?

Я отодвинула от себя тарелку с едой и, поставив локти на стол, уперла подбородок в сцепленные ладони, внимательно взглянув на беловолосого княжича.

Создавалось впечатление, что Ренвиэль всеми силами пытался уверить меня в собственном… расположении? Увлеченности? Влюбленности?..

В том, что я ему интересна.

Он сменил тактику. В его действиях больше не было нарочитого запугивания или безразличия на грани жестокости. Он начал дарить подарки, кормить и обходиться со мной, как с принцессой.

И если это не ухаживания за возлюбленной, то что?

Потому что в ухаживания верилось слабо.

– Чего ты добиваешься?

– Как тебе еда? – спросили мы одновременно.

Ренвиэль улыбнулся. Из-под алой верхней губы как-то игриво сверкнули клыки, которые вампир даже не пытался скрывать, в

отличие от своих истинных мотивов.

– Ты первая, – кивнул он, скопировав мою позу и положив подбородок на сцепленные руки.

Я удивленно приподняла бровь, прищурившись.

– Утка – блеск, паштет – огонь, вино – вообще сказка, – выдала я, не отводя взгляда от блестящих голубых глаз.

Ренвиэль даже не моргал.

– Полагаю, что так и есть, – проговорил он неторопливо, – по крайней мере, это лучше, чем отравленный омлет, рассыпанный по ковру в твоей спальне. Дарки так не любят тебя, что хотят отравить?

Он сказал это все так невозмутимо, словно размышлял о бессмысленности сочетания салатовых кружев на лиловой юбке или нелепости турнюра в моде современных вампиров.

– Что ты сказал? Отравленный омлет?.. – выдохнула я, мгновенно вспоминая завтрак, который уронил на пол сегодня утром мой ирлис. Завтрак, от потери которого у меня сердце три раза кровью облилось, а желудок скрутился узелком. – Моя едва была отравлена?!

– А ты не знала? – с легкой иронией спросил княжич, приподняв бровь. – Я думал, ты потому и не стала его есть. От омлета так фонило эребулой, что не заметить было трудно.

– Я понятия не имею, что это такое и как оно пахнет, – проговорила я ошарашенно. – Эта эребула… меня убила бы?

На мгновение в сознание закралась мысль, что вампир лжет. Может, пытается запугать, но зачем?..

Страх все равно не пришел. Судя по всему, это была часть вампирского влияния, и теперь я вдруг ощутила это совершенно точно. На что еще, интересно, Ренвиэль умел воздействовать?..

– Не убила бы, – покачал головой княжич. – Из корней эребулы добывается особое масло. Его легко добавить в любое блюдо, где масло и так входит в рецепт. Подмена будет незаметна для любого, чье обоняние недостаточно развито. Для людей в первую очередь.

– Так что со мной было бы, если бы я все же позавтракала? – настойчиво выдохнула я, даже подавшись вперед.

Улыбка на губах княжича стала едва заметно шире.

– Ярость, – ответил он несколько туманно. – Ты была бы в бешенстве примерно десять часов. Любая мелочь была бы способна

вывести тебя из равновесия, выключить разумную часть твоего сознания.

Я откинулась назад на стуле, так до конца и не веря. Однако тот факт, что Гвенвин лишил меня сомнительного удовольствия попробовать завтрак с сюрпризом, говорил о том, что Ренвиэль, скорее всего, не лжет. Ирлис меня защитил, ведь его обоняние гораздо лучше моего. Оставалось неясно только, откуда ему известен запах этой эребулы, ну да это уже не слишком важно. То, что мой диковинный зверь понимает гораздо больше, чем прикидывается, я узнала уже давно.

Также в копилку правдивости слов княжича можно было кинуть одну монету за факт появления в моих покоях новой служанки и еще одну – за пропажу сережек.

Вряд ли все это лишь череда совпадений. Скорее уж чья-то диверсия в мой адрес. Только вот чья?..

И вот тут у меня вдруг появился еще один вопрос к вампирскому наследничку.

– Как ты проник в мои покои? – спросила я, сдвинув брови и вспоминая, что и новая служанка сделала это легко и невозмутимо. А ведь Валира говорила, что сам Айден накладывал на мою дверь защитные заклинания, препятствующие появлению врагов.

Ренвиэль мгновенно понял, что я имею в виду. А вот то, что он решил не лгать, меня даже слегка удивило:

– После того как Айденион Огненнокрылый впал в кому от черного золота, печати, которыми он защитил твои покои, сломались, – проговорил он, на этот раз без улыбки. А затем пригубил вина из своего бокала.

Алые губы заблестели, и он неторопливо их облизал.

– Полагаю, что не только я сумел воспользоваться сложившейся ситуацией, не так ли?.. – приподняв бровь, спросил он. – Кто-то хочет тебе навредить, моя хорошая. Хочешь, я найду его и убью?

Он снова отпил из бокала и спокойно поставил его на стол. Металлическая ножка мягко легла на шелковую скатерть.

– Благодарю, – сжала губы я. – Полагаю, что если навредить мне хочет кто-то из дарков, то у тебя все равно не получится выполнить свое обещание, – фыркнула я в итоге.

И потянулась за кувшином, чтобы самостоятельно налить себе вина в опустевший бокал.

Ренвиэль поднялся так быстро, что я едва успела заметить. Выхватил у меня кувшин и, расположившись за левым плечом, медленно наполнил серебро чаши.

Когда пузатый кувшин так же тихо приземлился на стол, княжич склонился к моему уху и, опершись о столешницу по обеим сторонам от меня, выдохнул:

– Не стоит недооценивать меня, милая Селина… Убить дарка не так уж сложно… Тем более если делать это ради такой красивой женщины…

Горячее дыхание коснулось моей кожи, и вопреки ощущениям повеяло колючей стужей. Воздух вокруг, казалось, начал потрескивать от растущего напряжения.

Я на миг закрыла глаза, пытаясь прислушаться к тому, что происходит внутри меня, и… резко развернулась, взглянув в льдины мужских глаз.

Между нами оказалось не более ладони звенящего воздуха.

– Зачем я тебе нужна, Ренвиэль Эстерийский? – спросила я прямо и твердо, совершенно уверенная, что больше ему меня с мысли не сбить. И надеясь, что не ошибусь.

– Какие непростые вопросы ты задаешь, Селина, – ответил мужчина негромко, а затем вдруг обхватил мою ладонь, потянув на себя и заставив встать. – Разве знает сокол, почему он летает под облаками? Разве знает смертоволк, почему вынужден разрывать горло косуле, чтобы не умереть от голода?

– Ты сам отвечаешь на свои вопросы, Ренвиэль.

– Зови меня Рэн, – оборвал он, направляясь на широкий каменный балкон.

И через мгновение передо мной как на ладони раскинулся весь Шеллаэрде. Оказалось, что комната, в которой мы находились, располагалась на самой вершине огромной черной башни. До земли тут было так далеко, что перехватывало дыхание. Прохладный воздух щекотал ноздри, и казалось, вот-вот можно будет дотронуться до облаков.

А еще я видела вдали множество домов. Больших и маленьких, каменных и деревянных. Они располагались на приличном расстоянии

от замка, словно дворец повелителей вампирского княжества нарочно выстроили подальше от жилищ простых горожан. У меня вдруг закралась мысль о том, что в этих домах могут вести свой скромный быт… люди. А вовсе не вампиры. Слишком уж обыкновенными смотрелись эти места.

– Не думаю, Селина, – проговорил тем временем Ренвиэль, вдруг отпустив мою руку и опершись локтями о перила балкона. В один миг он стал выглядеть… почти нормальным.

Хрустально-голубые глаза устремили взгляд вдаль, и где-то на их дне тонули отблески янтарного солнца, неуловимо приобретая алый оттенок. Легкий ветерок трепал белые, как снег, волосы. Золотыми бликами переливался кристалл в сережке княжича.

Он больше не смотрел на меня, и мне мгновенно стало легче. Словно невидимый груз упал с плеч.

Это оказалось настолько странным, что мигом заставило задуматься о том, насколько же велика его сила, что даже взгляд так тяжело ощущать на своей коже.

С Айденом все было иначе. Его сила не придавливала, не разрушала. Может быть, кого-то другого, но не меня. Вокруг него распространялась аура власти, напоминающая по ощущениям… огонь, который согревает каждый нерв в твоем теле. Он может и обжечь, но со мной такого не происходило никогда.

Сила же Ренвиэля с первой минуты нашей встречи была совершенно непонятной. Чужой.

Только сейчас, когда он вдруг начал говорить со мной, будто со старой знакомой, я получила возможность узнать его чуть лучше.

– Этот замок, в котором мы находимся, – центр Кровавого Крестострела, символической восьмилучевой звезды, каждый луч которой – это одно Алое графство с населением в несколько тысяч вампиров и еще больше – людей. Восемь высших вампиров, Алых графов, подчиняются моему отцу – повелителю Шеллаэре. Это огромная сила, Селина.

– Что ты хочешь этим сказать? – негромко проговорила я и шагнула ближе к перилам балкона.

Ренвиэль бросил на меня короткий острый взгляд и снова посмотрел вдаль. Однако даже после него внутри будто остался холодный след.

На вопрос вампир не ответил, вместо этого проговорив:

– Шеллаэрде могло бы защитить тебя от кого угодно. Могло бы стать твоей крепостью.

– Но мне не нужна защита, – сдвинула брови я.

– Точно? – переспросил тут же княжич. – А то мне казалось, что в Чертоге Огня тебе не слишком-то рады.

Он повернулся ко мне вполоборота и, приняв вальяжную, расслабленную позу, добавил:

– Или, может, я ошибаюсь? И ты вовсе не бесправная служанка в доме своих хозяев?

Он коротко кивнул в сторону мой ладони, и я вздрогнула, опустив взгляд на два блестящих перстня.

– Наверняка эти красивые побрякушки, на которых стоят печати имперских принцев, даже невозможно снять, – все говорил и говорил он, заставляя меня хмуриться и мрачнеть. – То есть по своей воле ты выбрать свою судьбу не сможешь, Селина. И ты знаешь, что я прав.

– Зачем ты мне это говоришь? – выдохнула я, чувствуя себя так, словно он только что наступил на пару моих больных мозолей.

Ведь даже для Айдена я была всего лишь любовницей, что уж говорить об остальных. Это в моем мире, если девушка нравится парню, а он – ей, они вроде как равноценные партнеры. А в Райялари я не более чем прислуга, греющая постель хозяина.

Однако снова, несмотря на прямой вопрос, Ренвиэль не торопился пояснить свои мотивы. И все же он медленно, но верно двигался к цели.

– Несколько веков назад Шеллаэрде отделилось от Новой Райялари именно по этой причине, Селина, – спокойно говорил княжич. – Потому что вампиры не желали быть чьей-то вещью. Придатком к империи самовлюбленных ящериц, решивших, что они могут править миром.

– Ящериц? – фыркнула я, представив реакцию Айдена на это прозвище.

Хороша ящерица с пятнадцатиметровым размахом крыльев.

Ренвиэль пожал плечами, едва заметно усмехнувшись. Однако улыбка тронула губы едва-едва.

– Ты хочешь того же, чего когда-то хотели и мы, – продолжал вампир. – Мы с тобой похожи.

На этот раз фыркнула я.

– Поэтому ты как-то заколдовал меня, что я даже высоты не ощущаю? – с мрачным весельем спросила, на секунду перевесившись через перила балкона.

Высота была просто головокружительной. И несмотря на то, что прежде в подобной ситуации я испытала бы если не ужас, то серьезный рациональный страх, то сейчас не чувствовала ровным счетом ничего.

Я думала, Ренвиэль смутится, что его воздействие было обнаружено. Однако он даже бровью не повел.

Вот наглый тип!

Вместо извинений он улыбнулся самую малость шире, не сводя с меня голубых кристаллов своих глаз.

– Я тебя не заколдовывал, – проговорил он, и кончики клыков блеснули из-под алых губ. – А что, милая Селина, ты уже чувствуешь, как ужасно хочется оказаться в моих объятиях?

От этой наглости у меня аж дар речи пропал. Но когда вампир улыбнулся еще шире и шагнул ко мне, по-тигриному мягко, но настойчиво скользнув рукой на мою талию, я не нашла ничего лучше, как с силой ударить его в грудь.

– А вот и нет! Еще чего! – возмутилась я, окончательно взяв себя в руки и осознав, что странный мороз по коже, который появлялся у меня от близкого присутствия княжича, больше не появляется. Я уже не теряла самообладания и не забывала, о чем думала минуту назад.

Ренвиэль отошел на полшага и громко рассмеялся низким грудным смехом. Вампир вовсе не казался расстроенным.

– Что смешного? – выдохнула я, сложив руки на груди.

– Ты… такая дикая, – наконец проговорил он, – словно ирлис, только вчера выбравшийся из своей чащи.

– Это оскорбление? – прищурилась я, но Ренвиэль только покачал головой. А потом, как-то незаметно вздохнув, ответил: – Я не пытался задурить тебе голову, хотя, полагаю, это было бы несложно, учитывая твою магическую несостоятельность, – серьезно ответил он. – Но воздействие на твой разум и впрямь имеет место быть, и я восхищен, что ты его заметила.

– Ага, значит, все же заколдовал! – воскликнула я, ткнув пальцем в мягкую голубоватую ткань его камзола.

Губы Ренвиэля дрогнули, а затем он просто перехватил мою руку и резко уничтожил все то небольшое расстояние между нами, что еще минуту назад дарило призрачное ощущение уверенности.

– Ничего подобного, – повторил он. – Цветок в твоих волосах…

Он медленно поднял вторую руку и вынул у меня из прически розовато-алый тюльпан.

– Это Кровавый тюльпан Шеллаэрде, – медленно проговорил он, крутя тонкий стебелек между пальцами, пока я зачарованно смотрела на тоненькие тычинки, разбрасывающие вокруг едва заметную золотую пыль. – Редчайшее растение, выведенное в оранжерее нашими селекционерами. Подобного не растет нигде во всем мире. Он обладает особыми свойствами…

С этими словами княжич вдруг поднял другую руку, в которой все еще держал мою кисть, и неторопливо поднес к своим губам, оставив поцелуй на самом сгибе.

Я вздрогнула, чувствуя, как его прикосновение обжигает кожу. Попыталась отнять руку обратно и… не встретила сопротивления. Вампир отпустил меня мгновенно, продолжая говорить:

– Но Кровавый тюльпан не способен вызвать приязнь. Он лишь заглушает страх и переживания. Позволяет мыслить здраво, а иногда и бесстрашно. Лишает слабостей. Поэтому мой отец никогда не снимает его со своей одежды. Поэтому он является символом нашей династии.

Я прищурилась.

– И больше ничего? – спросила подозрительно, старательно прислушиваясь к себе.

Признаться, если задуматься, то и впрямь больше ничего особенного я за собой не наблюдала. Если убрать полное отсутствие даже самого минимального беспокойства, я казалась себе совершенно прежней.

– Ничего, – кивнул вампир. – Сперва от воздействия цветка мысли могут слегка перемешиваться, но, как только аромат прочно оседает в крови, разум становится кристально чистым.

– Зачем же ты это сделал?

– Разве не понятно? – приподнял бровь он, но на этот раз как-то доверительно, что ли… И невесело улыбнулся. – Ты же меня боялась. А мне это ни к чему.

– Вот как? – выдохнула я с легким возмущением. – Так тебе же нравилось, что я тебя боюсь, разве нет? Не надо пытаться меня обмануть… снова! Надо же, какой добрый вампир, какой ласковый и обходительный! Папе представил, двор княжеский показал, и покормил вкусно, и защиту предложил! Не вампир прямо-таки, а конфета!

Сказала и, вырвав из рук княжича цветок, выбросила его с балкона вниз.

Не знаю, то ли мне вино наконец ударило в голову, то ли от высоты в голове помутилось, но понесло меня откровенно и сильно. Похоже, увиливания Ренвиэля окончательно исчерпали мое терпение, и в один прекрасный момент нервы таки затрещали по швам.

Тем более что и цветок вдруг перестал помогать…

Ренвиэль проследил за растением, и в его глазах на миг мелькнула тень тоски. Но исчезла она довольно быстро.

И в этот самый миг произошло нечто, что уловить моим разгоряченным разумом удалось не сразу. А именно: вампир вдруг так быстро сменил положение, обогнув меня и прижав своим телом к перилам балкона, что я едва не закричала.

Сердце ударило в горло, потому что, едва повернув голову и взглянув вниз, я поняла, что почти зависла над бездной, придавленная и удерживаемая только близостью вампирского княжича.

– Да, мне нравилось, что ты боишься, – хрипло и низко проговорил он, сильнее вдавливая меня в перила, заставляя еще дальше отклоняться назад. – Тебе же тоже нравится испытывать страх, разве нет? Ты же для этого выбросила тюльпан… Нравится осознавать, что еще секунда – и ты умрешь? Давай, почувствуй… Ты же так хотела чувствовать то, чего я тебя лишил…

Его слова одновременно больно резали и будто давали понять что-то важное. Но из-за ослепляющего ужаса я не могла сообразить, что именно. Мысль, что я в любой момент могу полететь вниз, в бескрайнюю даль основания башни, буквально вколачивалась мне в сердце раскаленными гвоздями, заставляя сжиматься от ужаса.

С цветком действительно было легче соображать. Но цветка больше не было.

– Ну… что же ты молчишь?.. – чуть тише выдохнул княжич, склонившись к моей шее, а я не могла даже шевельнуться. Боялась

вздохнуть.

Контраст момента ужаса с моментом бесстрашия, который ускользнул минуту назад, был слишком разителен.

Я не могла вымолвить ни слова. А потом с отвращением к себе почувствовала, как в уголках глаз появились слезы бессилия и страха.

В ту же секунду Ренвиэль меня отпустил, одним резким движением отпихнув от края балкона. Усадил обратно за стол и налил вина, вложив в руки бокал.

Когда дрожащими пальцами я поднесла его к губам и глотнула, услышала его спокойный голос:

– Я не чудовище, Селина. Я всего лишь высший вампир.

– Это не одно и то же? – сквозь зубы спросила я, сделав еще один глоток, и заметила, как сжались челюсти княжича. Он моргнул, задержав глаза закрытыми на миг дольше.

Я его обидела. Но в этот момент мне было настолько наплевать, что сложно даже передать.

– Чего бы ты ни думала обо мне, я не получаю удовольствия, видя, как женщина страдает. Страдание – это уродство. В нем нет ничего привлекательного, – спокойно проговорил он, и на этот раз, похоже, не лгал. На его лице не было ни намека на улыбку.

– А в страхе, значит, есть? – приподняла бровь я, когда заметила, что руки уже чуть меньше дрожат.

Стало ясно, что он блефовал. Снова просто пугал меня…

Уголок губ Ренвиэля дернулся, а в глазах появился знакомый блеск.

– Если страх смешан с удовольствием, то, бесспорно, да.

Я встряхнула головой, стараясь не думать о том, на что он намекает.

– Ты ничего не знаешь об удовольствии, – бросила я скорее от обиды, чем действительно для того, чтобы продолжить этот диалог. В голове внезапно всплыло лицо Айдена. Смуглое, очерченное черным водопадом волос… Его живые огненно-красные глаза, в которых тонули обсидиановые икры… Его голос, от которого все внутри покрывалось раскаленными мурашками…

Когда я вновь посмотрела на княжича, оказалось, что он улыбается. В очередной раз, когда мои слова должны были его оскорбить, они лишь развеселили.

– Не думаю, что ты можешь судить, не попробовав, – ухмыльнулся он низко и дерзко.

– И не подумаю попробовать! – фыркнула я в ответ и отвернулась.

– Давай договоримся, упрямая, но умная девочка, – не собирался сдаваться княжич, еще шире улыбаясь. – Ты ведь умная, не так ли? И сама сможешь принять решение, безо всяких дарков и их принцев, правда?

Я насторожилась: что-то уж больно подозрительно звучали его слова.

Ренвиэль, увидев, что я слушаю его внимательно, тут же продолжил, не дожидаясь моего ответа:

– Я обещаю тебе защиту. Обещаю вырвать из когтей любого дарка. Убить любого, кто обидит тебя. Ты будешь сама вершить свою судьбу, Селина. Я даже не буду напрашиваться стать твоим господином вместо Айдениона Огненнокрылого. Ты будешь сама себе хозяйкой.

– Какие… странные общения. С чего ты взял, что они мне нужны?

Ренвиэль ни капли не смутился.

– Если моя помощь тебе не понадобится, то и пользоваться ею тебя никто не принуждает. Со всех сторон выгода, не так ли? – Голубые глаза снова блеснули.

– И что же я должна буду дать тебе взамен защиты, если ты даже не планируешь делать меня своей служанкой, или как тут у вас это называется?.. – проговорила я неуверенно, вспоминая, что в Королевстве Огня каждый, кто не может защитить себя сам, должен иметь над собой власть более сильного.

Ренвиэль выдержал паузу, медленно приложив бокал к алым губам и не сводя с меня горящих глаз. Словно в замедленной съемке я увидела, как он делает глоток, почти ощущая, как вино согревает изнутри его горло. И в этот самый миг его глаза на секунду зажглись алым.

– Всего лишь одно желание, – ответил он наконец.

И серебряный бокал глухо ударил о мягкую скатерть.

– Что? Какое желание? – сдвинула я брови.

Губы Ренвиэля дрогнули в улыбке.

– Узнаешь, когда согласишься.

– Вот уж и не подумаю! – воскликнула я, вскочив из-за стола. – Кто знает, что ты попросишь? Убить кого-нибудь, переспать с тобой

или снова дать мне колдовское имя, как тогда… у оракула, – я сбилась, резко расстроившись, когда перед глазами всплыло бледное лицо Айдена и кинжал из черного золота, испачканный его кровью.

Челюсти сжались, на коже выступил холодный пот.

Определенно, Кровавый тюльпан ограждал меня от переживаний и страхов. И теперь, когда его не было, я снова чувствовала, как сердце трещит от самого ужасного воспоминания в моей жизни.

– Обещаю, что не буду просить ничего из перечисленного тобой, – пожал плечами Ренвиэль. – Не буду требовать выйти за меня замуж или стать моей рабыней, служанкой или собственностью. Ты останешься верна себе, как я и обещал.

Я резко взглянула в его глаза, пытаясь найти там следы лжи. Но голубые льды его радужек были, как всегда, бесстрастны и почти болезненно остры.

Однако я все равно его почти не слышала, глядя в бледное лицо и вспоминая, как он дрался с моим драконьим принцем.

Моим.

Моим…

– Ты собирался убить Айдениона тогда, в логове Оракула, не так ли? – выдохнула я, не разжимая челюстей, которые свело будто судорогой.

Взгляд вампира посерьезнел, брови дрогнули, готовые сдвинуться, но лицо осталось неподвижным.

Только вековые льды еще сильнее похолодели.

– У меня вообще не было в планах драться с принцем Райялари, Селина. Не забывай, что это Айденион явился к лаиссе. Айденион ударил первым.

– Он защищал меня! – воскликнула я, всплеснув руками. – Он забирал меня после того, как ты выкрал меня из его замка!

– То есть после того, как я забрал *его собственность*? Из *его замка*? Это тебя так злит? – переспросил Ренвиэль, неторопливо вставая из-за стола и снова подходя ко мне. Но на этот раз он больше не улыбался. Его руки были сцеплены за спиной.

Вот только каждое его слово будто било тонким кинжалом в самое сердце.

“*Его собственность…*”

– Айденион Огненнокрылый явился к оракулу Шеллаэрде, чтобы забрать назад то, что принадлежит ему. Как вещь, – продолжал вампир все глубже вгонять кинжал. – Чтобы никто не смел бросать тень на честь драконьего принца. Чтобы никто не смел посягать на то, что принадлежит повелителю дарков Королевства Огня…

– Нет, – покачала я головой, не понимая, почему губы трясутся. – Он не поэтому пришел меня забрать… – Взгляд сам собой запутался в рисунке ковра.

– А почему же? – нарочито удивленно спросил княжич и осторожно коснулся моего подбородка, заставив взглянуть на себя. – Может, потому, что любит тебя? Человеческую аару, связать жизнь с которой ему запрещено законом старейшин? Девушку, которая навсегда останется только служанкой в его дворце даже после того, как он женится на какой-нибудь благородной даркессе вроде Ильнарион Ночной Искры?

– Женится?.. – выдохнула я невольно, не успев остановить себя.

– Обязательно женится, – серьезно сказал Ренвиэль, и снова я безуспешно искала улыбку на его алых губах. Насмешку в льдистых глазах.

Ее там не было. Он говорил совершенно откровенно.

А я чувствовала чудовищное жжение где-то под ребрами. Словно кинжал уже вынули из груди и теперь из нее хлещет кровь.

Я резко отвернулась от Ренвиэля и отошла к балкону, но, не переступив порога, прислонилась плечом к дверному проему. Мне нужно было немножко воздуха. Совсем чуть-чуть.

– Мне незачем лгать тебе, Селина, – между тем раздалось из-за спины. – Я хочу, чтобы ты мне верила. А потому от меня ты услышишь только правду. И я не стану давить на тебя, – добавил он, и краем глаза я заметила, что он оперся на дверной проем балкона с другой стороны, также глядя в бесконечность голубого неба. – Ты сама поймешь, что рядом с Айденионом Огненнокрылым тебе нет места.

– Но…

Я хотела что-то сказать, поспорить с ним. Доказать, что все не так и Айден любит меня так же, как я его. Но правда была в том, что Айден никогда не признавался мне в любви. Это лишь моя выдумка или мечта – с какой стороны ни посмотри, обман.

Я влюбилась в драконьего принца с первого взгляда. С того мига, как утонула в колдовских глазах цвета алого пламени с черными всполохами. С той секунды, как увидела улыбку на его губах и услышала голос, от которого под кожей будто сплетались раскаленные змейки.

Но для Айдена я была лишь необычной девчонкой, которую он выкупил из Логова Мотыльков – местного борделя. Может быть, интересной – в силу моей иномирной природы. Может быть, где-то привлекательной, покуда он еще не успел со мной наиграться… Вот только было понятно, что таких аар, как я, у повелителя Королевства Огня целый атрис. Больше двух дюжин девушек!

– Не нужно давать ответ сейчас, – покачал блондинистой головой вампир, и ветер заиграл в снежных прядях. – Я хочу, чтобы ты пообещала мне желание. Сама. И я не сделаю ничего такого, что было бы тебе неприятно или принесло ненужные и опасные последствия. Ничего такого, о чем ты могла бы пожалеть. Не так уж страшно, правда?..

Он повернул ко мне голову и еле заметно улыбнулся.

– И ты не скажешь, что за желание? – приподняла бровь я.

– Не скажу, – шире улыбнулся он. – Но взамен выполню любое твое. Сделаю так, чтобы никто не смог тебе навредить, Селина.

Я пожала плечами и отвернулась.

– Хочу обратно в атрис, – проговорила, глядя, как далеко в небе две маленькие точки-птицы кружат друг напротив друга, словно в неведомом танце.

Сердце тоскливо защемило.

– Могу отнести тебя прямо сейчас, – проговорил вампир спокойно, чем чрезвычайно меня удивил.

– Разве я могу отправиться обратно? – выдохнула я недоверчиво.

Мне-то казалось, что я окончательно сделалась собственностью Ренвиэля и все разговоры, которые он тут вел о свободе, – это вроде как обещание на будущее. А оказывалось, что он и сейчас меня совершенно не держит.

Но почему?..

– Можешь в любой момент, – кивнул вампир. – Знаешь… пожалуй, я даже не буду пытаться вернуть тебя.

Сдвинув брови, я взглянула в его светлое лицо, пытаясь понять, что он имеет в виду. Ведь если Ренвиэль подписал соглашение с Элайдарионом, то ему нет смысла отпускать меня. Он теряет преимущество, ради которого согласился на условия дарков.

В это время княжич шагнул ко мне, взяв мою ладонь. Но едва я напряглась, гадая, чего этот вампир там опять удумал, как он просто застегнул мне на запястье маленький тонкий браслет. Это была скромная золотая цепочка, привычно желтая, солнечная и яркая. А на ней поблескивал один-единственный маленький камушек-капля кроваво-красного цвета.

Как капля крови…

Однако со стороны украшение не казалось ни дорогим, ни богатым, даже слегка теряясь на фоне крупных перстней из черного золота, которые мне подарили драконьи принцы.

– На эту цепочку никто не обратит внимания в Чертоге Огня, – пояснил вдруг Ренвиэль, демонстративно убрав руки за спину и больше меня не касаясь. – На звенья наложена простенькая печать отвода глаз.

– И все? – удивилась я, опасаясь, что подарок будет содержать в себе какое-нибудь новое неприятное колдовство вроде порабощения разума или заклинания страсти. От этого вампира можно было ожидать чего угодно!

Однако, сколько я ни прислушивалась к ощущениям, пытаясь разгадать тайну подарка, ничего не чувствовала, кроме скуки и желания отвернуться от украшения.

Очень необычно! Но, похоже, печать на цепочке и впрямь работала!

– Не совсем, – покачал головой Ренвиэль. – Вот этот гранат, – он кивнул на камушек, который я покрутила между пальцев, – позволит тебе позвать меня. Это моя собственная капля крови, особым образом превращенная в минерал. Секрет его изготовления известен только в моей семье. Поэтому, если позовешь, я услышу.

– Позову? – переспросила я, прищурившись.

– Позовешь, – утвердительно кивнул вампир, и белоснежные клыки снова сверкнули из-под улыбающихся губ. Словно он был уверен в том, что говорит. – Когда тебе понадобится моя помощь, взамен которой ты будешь готова отдать мне одно желание, – добавил

он. – А рано или поздно помощь тебе обязательно понадобится в том змеином гнезде, куда ты так хочешь вернуться.

– Драконьем гнезде, – зачем-то поправила я, и Ренвиэль улыбнулся шире. – И зря ты так уверен. Полагаю, что этот подарок мне не понадобится.

– И все же не снимай его… хотя бы до тех пор, пока не очнется Седьмой принц, – проговорил Ренвиэль. – После этого к тебе вернется защитник, которого ты так жаждешь, и тогда, так и быть, можешь выкинуть мой подарок. Но до этого момента… обещай не снимать.

– И тогда ты перестанешь неожиданно появляться в моих покоях, как негаданно подхваченная простуда?

Ренвиэль сжал губы, но не перестал улыбаться.

– Клянусь. Не приду, пока не позовешь.

Я фыркнула, тряхнув рукой и позволяя цепочке свободно болтаться на запястье.

– Ну, тогда прощай, Ренвиэль Эстерийский, – помахала я ему, разворачиваясь и, почти не глядя, проливая на пол струю жидкого колдовского огня, мгновенно скрутившегося в спираль. – Вряд ли свидимся еще когда-нибудь, – проговорила я, шагая внутрь портала, что вел в мою комнату в Чертоге Огня.

И уже не слыша, как вампир, не двинувшись с места, тихо бросил:

– Наивная девочка…

Глава 11

Весь оставшийся день я провела в размышлениях о случившемся. Слова вампира не выходили у меня из головы, и как бы сильно я ни хотела забыть о них, маленький червячок тоски где-то в самой глубине души настойчиво прогрызал болезненную дыру. Для Айдена я была никем. И с каждым пройденным часом эта мысль все прочнее въедалась в мое сердце, отравляя все внутри.

Едва я вывалилась из портала, тяжело дыша, как мне на руки прыгнул ирлис, больно вцепившись когтями в кожу. Я хотела было его пристукнуть и даже открыла рот, чтобы накричать, как вдруг поняла, что он просто беспокоился. Огромные зелёные глаза были широко распахнуты и слегка светились, большим пушистым хвостом зверь обхватил мою шею так сильно, что в первый момент мне показалось, будто он хочет меня задушить. А потом бедолага и вовсе начал громко и звонко рычать, сипло подмяукивая.

Я тихо вздохнула и погладила Гвенвина между ушами.

– А вот ты сам виноват, что отдал меня вампиру, – сказала я еле слышно. – Кто даже ухом не повел, когда блондинистый княжич уволок меня бог весть куда? Кто?..

Пока я отчитывала бедное животное, он свернулся калачиком и неожиданно прижал уши. Выглядел до крайности виновато.

Весь оставшийся день, словно пытаясь искупить свою провинность, Гвенвин не отходил от меня ни на шаг, а я не торопилась покидать собственные покои.

Пару раз заходила Валира, приносила обед и ужин, спрашивала, не приготовила ли я ей какую-нибудь интересную статью. И, честно говоря, после всего свалившегося на мою голову о местной литературной колонке Огненного Чертога я думала в последнюю очередь.

Однако отрабатывать место в атрисе мне, видимо, все же было нужно. Да и стоило признать: писать статьи – гораздо лучше, чем, скажем, мыть полы или прислуживать какому-нибудь дарку или даркессе во время обеда. Поэтому, когда возле меня оказалась кипа новеньких и плотных листов красивого желтоватого цвета да золотое

перо с удивительными глянцево-чёрными чернилами, я не смогла отказать себе в удовольствии немного поработать.

И тут же оказалось, что привычная работа удивительно помогает избавить голову от дурных переживаний! Спустя десяток минут я уже не так сильно нервничала, стоило погрузиться в привычное любимое дело.

Оставалась лишь одна проблема: писать на местном языке я так и не научилась. Однако после примерно часа бесплодных мучений выдать из себя хоть что-нибудь, я наконец додумалась до особой хитрости. Прежде чем написать какое-нибудь слово, я проговаривала его вслух. Сперва мозг обрабатывал мысль на моём родном языке, я затем губы как-то сами собой произносили задуманное на языке Новой Райялари. Уже после этого я старательно прислушивалась к прозвучавшим звукам и пыталась обнаружить среди драконьего алфавита их интерпретацию.

Получился очень спорный и сложный путь изучения письменности, но, к сожалению, другого не предвиделось, а признаться кому-то в том, что я не из этого мира, до сих пор было нельзя. Разве что поискать помощи у вампирского княжича: он-то, похоже, и так всё про меня знает, однако у него я стала бы просить помощи в последнюю очередь.

Разрисовав каракулями первые несколько листов, я вдруг обнаружила, что чем больше вывожу по бумаге неизвестные буквы, тем всё более знакомыми они кажутся. К концу пятого или шестого листа я писала уже довольно быстро, подбирая буквы практически с ходу, словно всегда их знала.

Определённо, это снова было действие магии, которая на этот раз каким-то образом встраивалась не только в мое произношение, но и в моторику рук. Ужасно удобный эффект, без которого мне пришлось бы трудно в этом мире. Интересно, со всеми путешественниками между мирами это происходит? Айден точно должен знать ответ на этот вопрос. Оставалось только дождаться, пока он проснется, чтобы спросить…

Постаравшись побыстрее забыть о лежащем в коме принце, я глубже погрузилась в первую статью для Чертога Огня. И уже к позднему вечеру у меня был более-менее готов сносный небольшой текст.

К этому моменту ко мне в покои как раз снова пришла Валира, и с некоторым беспокойством я передала ей статью. Все же у меня не было никакой уверенности в том, что я не ошиблась с написанием слов. Большую часть того, что выводила моя рука, я понимала только инстинктивно. Мозг же продолжал обрабатывать мысли на моем родном языке, а глаза с изумлением наблюдали, как рука выводит этот текст на языке драконов.

– Ух ты, статья готова! – восхитилась аара, пробегая взглядом строчки и не замечая, как я краснею и бледнею в ожидании ее вердикта. А то как скажет сейчас, мол: “Что это ты тут за белиберду понаписала, Селина?” И потом доказывай ей, что я в своем уме…

Но, кажется, пронесло, потому что Валира разулыбалась и порывисто меня обняла.

– А как ты газету решила назвать? – вдруг уточнила она, заглядывая в верхнюю часть листа. – Так… “Шепот Огненного Чертога”… Ну, неплохо звучит, между прочим! Сразу понятно, откуда крылья растут. Можно будет газету в другие Чертоги отправлять, пусть обзавидуются, – радостно хмыкнула женщина, знакомым жестом всплеснув украшенными браслетами кистями. – Так, а название колонки: “Голос Черного золота”… Хм…

Она сдвинула брови, задумавшись.

– Какое странное название, – проговорила через минуту. – Ты в нем уверена? Мрачновато звучит. Может, лучше что-то вроде того, что предлагала я? Ну, там, “Чешуйчатые утехи”, например? Или вот придумала еще намедни: “Отбрось свой хвост, или новостной компост”. Классная рифма, да?

Я с трудом удержала серьезное выражение лица, а вот Гвенвин откуда-то из-под кровати выразительно кашлянул. Я бы даже поспорила, что это смех, если бы думала, что ирлис способен оценить человеческий юмор.

Новостной компост! Она хотела назвать колонку новостей как мусорную кучу!

– М-м-м, Валира, я оценила твою идею, но мне кажется, что тематика моих статей не слишком подходит для шуток, – покачала головой я, стараясь быть предельно серьезной.

– Правда? – удивилась девушка, накрутив густой темный локон на тонкий пальчик, и снова вчиталась в текст. – Ой, а я и не заметила, о

чем ты пишешь… Действительно… на шутки не слишком похоже. Тут у тебя целых три статьи. А ты уверена, что, если запустить их в Чертоге, у нас не будет проблем? Я все же думала, что ты напишешь нечто попроще…

Темные, идеально выщипанные брови главной аары сошлись на переносице.

Я пожала плечами.

– Мне кажется, не стоит начинать и тем самым портить твою задумку низкосортными юмористическими новостями. О чем писать, если не о дарках? Останется только насобирать автобиографических историй о похождениях местных конюхов или выставить за сенсацию рассказ кота, искупавшегося в кувшине молока на кухне Чертога.

Валира показательно закивала.

– Ты права, конечно права. А в какой же последовательности выпустить статьи? Я уже заказала у дарка-металлурга печатный пресс, чтобы создать нашу первую газету. Собрала служанок и слуг, которые будут заниматься печатью. Так что осталось лишь выдать им задание.

– Ты серьезно подошла к делу, – улыбнулась я, подсовывая ей листы статей в правильном порядке. – Вот так можно выпускать. Будет интересно.

– Хорошо, как скажешь, – кивнула женщина, тряхнув пышной шевелюрой. – Я-то в этом мало чего понимаю, зато прекрасно умею организовывать. Кстати, не хочешь пройтись со мной по Чертогу, поглядеть место, где будет располагаться наша новая типография? – радостно спросила она, всплеснув руками и едва не выронив все бумаги. – Я там так здорово все украсила!

Я на секунду задумалась, прикидывая, что до заката остался еще примерно час и я прекрасно успею немного пройтись вместе с Валирой. А затем вернусь к себе, и у меня еще останется уйма времени, чтобы снова навестить Айдена.

Лишать Седьмого принца своего общества я не намеревалась. Пусть мне все еще было тяжело от мысли, что поселил в моей голове Ренвиэль, но я не собиралась отказываться от лечения дарка. Я не думала о том, помогает ли мое лечение, или это все самообман. Если был хоть малейший шанс, что принцу становится легче, то я была готова ради него рискнуть.

– Хорошо, с удовольствием все посмотрю! – кивнула я, и Валира уже потащила меня за руку к двери.

– Прекрасно! – проговорила она, почти не обращая внимания на мои скромные попытки сопротивляться и двигаться самостоятельно, потому что тяжелая тушка ирлиса уже с разбегу прыгнула мне на плечо и умостила там свою немаленькую пятую точку. Длинный черный хвост обернулся вокруг моей шеи, когти вошли в плечо.

– Ой, Гвенвин пойдет с нами? – удивилась Валира, но не преминула улыбнуться. – Будет веселее! Я уже рассказывала слугам про ирлиса, но, представляешь, мне никто не поверил! Мол, откуда в Чертоге Огня взяться такой опасной твари!

Она засмеялась, а Гвенвин зашипел.

– Эй, не обижайся, – виновато усмехнулась Валира, почесав зверя за ухом, и тот ей неожиданно это позволил, продолжая изо всех сил вцепляться мне в плечо. – Это же не я сказала, клянусь, я уверяла всех, что ты прелесть!

– Да уж, такая прелесть, – выдавила я через силу, – у меня, небось, уже рваная рана возле шеи… – пробурчала я, но на меня явно никто не обращал внимания.

К этому времени мы вышли в коридор, освещенный со всех сторон красивыми светильниками, изготовленными из тонкого гибкого металла. Неизвестный мастер изогнул его в форме переплетенных стеблей с аккуратными листиками, а на конце стеблей виднелись огненно-алые цветы. Как раз они и горели, обозначая внутри себя прозрачные круглые камни-сферы, излучающие свет.

Некоторое время в коридоре раздавался только голос Валиры, ее звонкий смех и пофыркивание ирлиса. Да еще немного были слышны наши собственные шаги, тонущие в мягком и высоком ворсе ковра. В этот час в громадных переходах Чертога совсем никого не было. Однако едва я успела расслабиться и забыть про возможность встретить в коридоре какого-нибудь ненужного дарка или даркессу, как именно это и произошло.

Я едва носом не наткнулась на женщину, в которой было невозможно не узнать дракона в человеческом обличье.

– Приветствуем вас, Ильнарион Ночная Искра, – раздалось сбоку подобострастное.

Я повернула голову и увидела, как Валира склоняется в низком поклоне, опустив взгляд в пол. И мне вроде как надо было сделать то же самое. Я даже собиралась! Потому что решила не высовываться, не отсвечивать и не искать приключений на свои нижние “девяносто”.

Вот только не смогла. Потому что внезапно увидела нечто совершенно возмутительное.

Эта драконица со снежно-белыми, прекрасными, как зимний рассвет, волосами держала в руке мои сережки! Едва мы поравнялись с ней в коридоре, как ее маленькая ручка с моим украшением опустилась вниз и пальцы сжались, обхватывая драгоценность так, что ее вовсе перестало быть видно.

Но я успела заметить!

Сердце ударило в горло, возмущение брызнуло в кровь едкой отравой.

Я постаралась глубоко вздохнуть и успокоиться.

Может, мне привиделось?.. Разве может какая-то даркесса ходить по Чертогу с моими сережками? Какой в этом смысл?..

Нет, совершенно точно – никакого.

Тем временем эта дама оглядела меня снисходительным и явно пренебрежительным взглядом, в котором, впрочем, явственно чувствовался тот же морозный холод, что будто потрескивал на кончиках ее волос.

– А тебя не учили манерам, аара? – приподняла тонкую, идеально черную бровь она.

Валира будто случайно пихнула меня локтем.

Ирлис на плече заурчал, но не двинулся с места. Только Ильнарион окинула зверя немного удивленным взглядом.

И если прежде я еще собиралась поклониться и вроде как отдать дань местному этикету, то именно в этот момент я вспомнила слова Ренвиэля Эстерийского. Ведь он говорил именно об этой даркессе, когда упомянул возможную жену Айдена! Ильнарион Ночная Искра!

Я задержала дыхание, чувствуя, как на глаза падает белая пелена то ли ярости, то ли раздражения, то ли чего-то еще. Желудок будто клещами сдавило, и внутри разлилось что-то горячее. Ядовитое.

Кажется, никогда прежде я не испытывала ничего подобного. Впрочем, и без особого опыта было ясно, что это ревность. Настолько чудовищная и злая, что дышать стало тяжело.

Однако я еще успокаивала себя тем, что Ильнарион в моих чувствах никак не виновата. В конце концов, ревность – это плод недоверия к человеку, которым ты дорожишь. А причина недоверия к этому чувству имеет весьма опосредованное отношение.

Если бы Айден любил меня… мне было бы плевать на Ильнарион.

Однако сейчас соображать удавалось с большим трудом. Сквозь стиснутые зубы я через силу проговорила:

– Не учили. Да и кому учить? У нас, людей, ни образования, ни воспитания. Сплошное недоразумение…

Я услышала, как Валира рядом резко выдохнула.

Хвост Гвенвина прошелся по моей щеке.

Ильнарион приподняла тонкую бровь.

– Я так и подумала, – проговорила она, скривившись, и уже собралась направиться прочь мимо нас. Даже сделала пару шагов, почти поравнявшись со мной.

Можно было вздохнуть свободно и порадоваться, что инцидент исчерпан. Моя наглость не возымела никаких последствий, свезло и все такое.

Однако прямо в этот момент из-за поворота коридора выскочила еще одна девушка. Подбежала к Ильнарион, остановив ту на полпути, и, склонив голову, сказала:

– Госпожа, приехали новые ткани из пригорода, вас ожидают для осмотра.

Даркесса приподняла подбородок, кивнув истинно по-королевски.

Вот только меня уже не интересовало, насколько пафосно Ильнарион ведет себя в роли благородной даркессы, которой нет дела до простых аар. Гораздо больше волновала та девушка, что стояла возле нее, склонив голову.

Это была та самая служанка, что приносила мне еду в приснопамятное утро пропажи сережек! А судя по тому, какой красноречивый взгляд она бросила на меня, едва разогнув спину, я в своих догадках не ошиблась: это она отравила мой завтрак и она украла драгоценность!

Пока под ребрами закипала волна праведного гнева, взгляд сам выхватывал из одежды служанки какие-то странные незначительные детали. Длинное платье, напоминающее форму прислуги, рукава до

локтя, белоснежная бархатная оторочка и необычные голубые звездочки, вышитые на поясе и воротнике. Точно такие же, какие свисали с золотых браслетов Ильнарион!

И если это не было случайностью, то вполне могло оказаться чем-то вроде герба Ночной Искры. Тогда все сходилось и серьги, которые я заметила в руке Ильнарион, мне не почудились. Потому что их ей доставила личная служанка, перед этим побывав в моих покоях!

Бросив на меня очередной пренебрежительный взгляд, даркесса собралась развернуться и уйти прочь.

– Хорошо, пойдем со мной, Эрина, – деловито проговорила она, беря беспокойно оглядывающуюся служанку под локоть.

Именно в этот момент я схватила Ильнарион за руку, в которой она до сих пор что-то сжимала, и, потянув на себя, сказала:

– Не так быстро. Сперва скажите мне, уважаемая Искра, что у вас делают мои серьги?

Даркесса так широко распахнула глаза, вырвав кисть, что казалось будто они сейчас выпадут.

Ирлис спрыгнул с моего плеча, потому что при таких движениях удержаться там не было уже никакой возможности.

– Что ты себе позволяешь, грязная бродяжка? – взвизгнула она, но так ловко выкрутилась из моего захвата, что оставалось только локти кусать. – Как ты посмела ко мне прикоснуться?

– Я же говорила, что у нас, у людей, ни образования, ни воспитания, и мы понятия не имеем, кого можно хватать, а кого нет, – спокойно ответила я, снова пытаясь схватить ее руку, которую она все сильнее хотела избавить от моего посягательства.

– Селина, ты что творишь? – прошипела сбоку Валира, пытаясь оттянуть меня назад.

И только служанка Ильнарион смотрела на меня испуганно и нервно, сделав шаг в сторону и даже не думая помогать своей госпоже.

Ирлис шипел откуда-то снизу, судя по всему, еще сильнее пугая ту девушку.

– Я собираюсь забрать то, что было украдено из моей комнаты, – легко объяснила я.

– Ты обвиняешь меня в воровстве? – ахнула даркесса, выпрямившись и посмотрев с испепеляющим возмущением. – Как ты смеешь?

– Нет, ну по третьему кругу я объяснять не буду, – покачала я головой. – Отдайте серьги. И, так и быть, я сделаю вид, что не заметила, как ваша служанка пыталась меня отравить.

– Отравить? – одновременно выдохнула Валира и возмущенно проговорила Ильнарион.

– Не слишком ли ты много на себя берешь, бродяжка? – добавила даркесса. – Кому надо тебя травить? Тем более что и доказательств у тебя никаких нет!

Действительно, доказательств не было. Когда я вернулась в свои покои после встречи с Ренвиэлем, на полу уже не было ни следа отравленной еды. Кто-то все убрал.

Однако следовало заметить, что человек, на чьей совести нет преступления, о доказательствах вспоминать не станет.

Ильнарион определенно прекрасно знала, о чем я говорю. И в том, что эта Эрина действительно ее служанка, я не ошиблась.

– Если я лгу, то прямо сейчас при главной ааре атриса Седьмого принца покажите, что у вас в левой руке, – мрачно сказала я, отойдя на полшага назад, но не слишком далеко. Чтобы в любой момент успеть забрать свое украшение обратно… или располосовать лицо этой нахалки.

Несмотря на то, что я все еще старалась сохранять видимость спокойствия, все внутри меня кипело. Я была настолько зла, что даже кончики пальцев начали привычно зудеть. Как тогда, когда огненная магия изливалась с них на землю, образуя для меня пространственный портал.

Сейчас эксплозия драконов была не нужна, но вибрацию силы я ощущала как никогда ярко.

На мою просьбу Ильнарион ответила снисходительным смешком. И первое мгновение она и не думала выполнять то, что я потребовала. Мне уже казалось, что она и вовсе исчезнет, оставив меня без ответов и без украшения.

Однако даркесса вдруг протянула руку вперед и легко распахнула пальцы.

С замиранием сердца я увидела на ее ладони свои серьги.

– Это принадлежит мне, – ответила эта мерзавка невозмутимо. – А у тебя есть какие-то сомнения?

– Что?.. – ахнула я от такой наглости. – Это мои серьги! И на мне их видела половина Чертога Огня! Что ты на это скажешь?

О том, чтобы называть гадину на “вы”, я наконец забыла. Больше это выносить было невозможно.

Я взглянула на Валиру, чьи брови сдвинулись. Она, несомненно, помнила, как я носила это украшение в первые дни своего появления в Чертоге. И теперь в ее молчаливом внимании тоже читался вопрос.

– Скажу, что ты лгунья и воровка, – пожав острыми плечами, выглядывающими из платья с низким декольте, проговорила Ильнарион. – Откуда у человеческой оборванки могут быть серьги из черного золота? Металла, который стоит баснословно дорого? К тому же это еще и зачарованный артефакт. А такие украшения и вовсе доступны лишь избранным. В чье число ты, простая аара, само собой, не входишь. Если ты и носила эти серьги… то только потому, что украла их у меня.

– Что?.. – второй раз выдохнула я, белея от ярости.

Никогда прежде я не испытывала таких острых чувств. Все, что было со мной в прошлой жизни, в прошлом мире, словно подернулось пеленой нереальности и теперь трещало, готовое расколоться на осколки. Я всегда была спокойным и тихим человеком, не слишком-то умеющим злиться, ревновать или испытывать испепеляющую страсть. У меня была простая и незамысловатая жизнь, в которой я не конфликтовала с коллегами и предпочитала заканчивать любой спор полюбовно, даже если чувствовала внутри протест.

Но в этом мире с первого дня попадания со мной начали происходить такие тревожные и опасные события, что с каждым днем сердце начинало все сильнее дрожать от новых, слишком сильных чувств.

Я не понимала, как с ними жить. Не умела контролировать и не знала, как их проявлять.

Когда каждый шаг будто на лезвии кинжала, окружающий мир становится ослепляюще ярким… И иногда мне казалось, что я уже не вижу ничего вокруг.

Теперь Валира смотрела на меня с не меньшим удивлением, чем на даркессу. А я чувствовала, что еще немного – и случится что-то непоправимое.

– Это мои серьги. И ты прекрасно знаешь это, Искра. Знаешь, потому что сегодня утром твоя служанка пришла в мои покои, принесла мне отравленный завтрак и забрала их. Так что это ты лгунья и воровка. А я расскажу об этом на весь Чертог Огня. Поверь мне. Доказать это будет несложно. Особенно когда очнется Айден и скажет тебе, что эти серьги были на мне в день нашей первой встречи.

Не знаю, что больше разозлило Ильнарион – моя угроза разоблачить ее или то, что я назвала Седьмого принца коротким именем. Скорее всего, второй вариант. Но в следующий миг все напускное безразличие и пренебрежение моей скромной особой слетело с лица даркессы, обнажив ее истинные чувства. Светлая кожа покрылась алыми пятнами ярости, еще более заметными в обрамлении снежных, сверкающих как корона волос. Губы искривились, и женщина зашипела:

– Ах ты, грязная, мерзкая человеческая подстилка, как ты смеешь угрожать мне? Ильнарион Ночной Искре?

С этими словами она шагнула вперед, и я ощутила, как воздух вокруг нее начал накаляться. Не то чтобы я была сильна в магии, но инстинкты тут же взвились, словно змеи, которым наступили на хвост. Я чувствовала, что даркесса может начать колдовать.

В то же время моя собственная сила все сильнее накалялась от злости и непонимания, от обиды, что все случилось так, а не иначе. От несправедливости слов Ильнарион.

– Подстилка? – выдохнула я, старательно стискивая кулаки, чтобы попросту не засветить ими куда-нибудь промеж глаз даркессы. – Да у меня мужчина-то всего один был. А у тебя?

Вопрос не требовал ответа. Он просто был брошен в пылу ссоры, но Ильнарион мгновенно изменилась в лице. Она сперва побледнела, а затем как будто приняла какое-то решение, и вдруг возле нее вспыхнуло небольшое руно печати. Оно довольно быстро наполнилось силой, засветилось золотом. И тут же мой пояс опутала какая-то полупрозрачная веревка, другой конец которой оказался в руке даркессы.

– Пойдем-ка со мной, маленькая дрянь, – проговорила Ильнарион, потянув меня за собой.

Но у меня не было ни малейшего желания куда-то идти, а уж тем более в таком виде. А еще я уже едва дышала от бешенства.

– Прогуляешься в одиночестве, – бросила я сквозь зубы, обхватывая рукой странную веревку и просто дергая за нее.

Кисть начало жечь, словно я дотронулась до чего-то очень горячего. Но, как ни странно, полупрозрачные нити тут же развеялись как дым! Растаяли, как тонкий мягкий снег.

– Что? Какого дохлого… – Ильнарион не успела договорить, проглотив, очевидно, все рвущиеся изнутри ругательства. А затем просто схватила меня за запястье. – Я сказала, что ты пойдешь со мной!

– И не подумаю, – почти прорычала я в ответ, свободной рукой стиснув пальцы на ее предплечье, пытаясь отодрать от себя ее захват.

И в этот миг даркесса закричала. А я с изумлением заметила, как моя ладонь на ее руке начала гореть. Из-под пальцев полился жидкий огонь.

– Как ты смела напасть на меня, тварь? – заверещала женщина, совершенно перестав походить на саму себя. Красивое лицо превратилось в уродливую маску, светлые волосы словно разом потускнели. Ильнарион отскочила от меня на два шага, прижимая к себе раненую руку, на которой я с изумлением увидела ярко-красные пугающие ожоги. Кожа превращалась в волдыри буквально на глазах. – Это нападение на даркессу! Ты посмела угрожать моей жизни! – верещала женщина, и, честно говоря, глядя на обожженную руку, я была склонна согласиться с её абсурдным утверждением.

Похоже, я и впрямь напала на неё и едва не лишила предплечья.

Только как это у меня вышло?..

Под рёбрами всё еще клокотала ярость, свернувшись горячим клубком, однако с каждой пройденной секундой становилась всё глуше, словно я медленно осознавала, к чему она уже привела, и успокаивалась.

– Плохо, это очень плохо, – выдохнула рядом Валира, схватившись за голову. На неё было жалко смотреть. Она побледнела как мел.

А я всё никак не могла придумать, что делать дальше.

Гвенвин тем временем отошел от служанки, деловито нашипел на даркессу и встал у моих ног. Похоже, он не чувствовал больше никакой опасности от беловолосой драконицы. Видимо, решил, что я прекрасно справилась и сама.

Что ж, он был прав. В драке я оказалась хороша. Вот только как теперь быть с последствиями?..

Ильнарион же продолжала верещать, и события развивались гораздо быстрее, чем я могла за ними уследить, а тем более проконтролировать.

– Эрина, вызывай стражу! – прорычала женщина, распрямляя спину. В её глазах горел огонь ненависти, теперь уже совершенно ничем не прикрытый.

Служанка порывисто поклонилась, повернула на руке какой-то браслет и тут же исчезла в вихре бледненького слабенького пламени. Очевидно, у неё был артефакт, зачарованный на эксплозию дракона! Очень может быть, что сегодня утром она повторно проникла в мои покои, чтобы прибрать следы яда, именно с помощью него!

– А тебе, Валира… – медленно проговорила Ильнарион, и на ее губах зажглась злая улыбка. – С этой секунды запрещен выход за пределы атриса. Ты меня поняла?

Аара поклонилась ещё ниже, не смея поднять взгляд на драконицу.

– Ушла с глаз моих! – прорычала даркесса, и Валира поспешила исполнить приказ, бросив на меня виноватый взгляд.

А дальше всё завертелось слишком быстро. Не успела я издать и звука, как в коридоре вспыхнуло пламя и появились два дарка. Они были одеты в очень странные костюмы, отдаленно напоминающие легкие доспехи. На плечах у них сверкали металлические чешуйки, пояса были украшены золотыми прочными звеньями. Тёмные волосы мужчин были строго убраны назад в прочные тугие хвосты, а взгляды их оставались строгими и спокойными.

– Отведите эту женщину в казематы Чертога, – грозно повелела драконица, продемонстрировав красный ожог на руке. – Она посмела напасть на меня и должна быть наказана.

Несмотря на то что Ильнарион явно была в своём праве, стражники не спешили сразу же исполнять приказ. Они оглядели меня с ног до головы, и один из них даже сумел произнести:

– Насколько я вижу, это аара Седьмого принца. Только Айденион Огненнокрылый имеет право наказывать или поощрять её.

К сожалению, Ильнарион было явно этим не убедить. Она выпрямилась, гордо приподняв подбородок, и в один миг вернула себе

всё самообладание. А затем властно проговорила:

– То есть, по-вашему, простая человеческая аара имеет право нападать на женщину драконьей крови? Она пыталась меня убить, – жестко припечатали ее слова. – И она должна быть наказана.

Даркесса больше не кричала и не шипела. Она приказывала. И ее голос действительно имел способность убеждать.

Один из стражников снова оглядел меня с ног до головы, и я увидела, что на этот раз услышанное ему не понравилось. Он махнул другому рукой, меня схватили и тут же потащили куда-то по коридору.

Мне не оставили возможности оправдаться.

– Тебе это даром не пройдет, Ильнарион Ночная Искра, – тихо пообещала я, посмотрев на драконицу через плечо. У меня не было никакой возможности защитить себя или переубедить стражников. И так ясно, что любые слова пропали бы втуне. Здесь, как и везде, действовал закон сильнейшего, и мое слово по сравнению со словом даркессы не весило ровным счетом ничего. В данном случае я гарантированно проиграла.

Коридор вел всё дальше и дальше, изгибался и петлял до тех пор, пока стражники не вывели меня к узкой лестнице, на которую прежде в Чертоге я не наталкивалась. Это был один из дальних углов замка, куда я ещё не успела дойти и, честно говоря, вряд ли по своему желанию когда-нибудь дошла бы. Здесь было темно и мрачно, в коридоре совершенно не было окон, а магические светильники или даже самые обычные лампады здесь почему-то не горели.

Дарки вели меня всё ниже и ниже, пока вокруг не начало становиться прохладно и как-то пугающе сыро. Теперь на каждые пятьдесят шагов нам на пути встречался один масляный фонарь, свисающий с потолка. Я начала замечать по обеим сторонам коридора одинокие клетки с решетчатыми дверьми. За некоторыми из них слышались голоса и какие-то звуки.

Здесь было довольно узко и совершенно не хватило бы места для настоящего дракона. Вероятно, тут держали провинившихся заключённых из людского рода или из рода нелюдей, может быть оборотней или каких-нибудь подобных существ.

Доведя до меня до одной из камер, которая ничем не отличалась от остальных, один из стражников молча открыл дверь и уже через секунду захлопнул её за моей спиной.

Сказать, что в первые мгновения здесь мне было страшно, – ничего не сказать. Камера представляла собой совершенно крохотное помещение, в котором, впрочем, располагалась одна каменная кровать с матрасом и такой же каменный столик, с другой стороны от которого за небольшой ширмой зияла дырка в полу для естественных нужд. Как ни странно, вокруг оказалось совсем не грязно, и у меня создавалось впечатление, что чистота тут поддерживалась исключительно магией. Матрас был явно не новый, залежавшийся и темно-серый, однако он совершенно ничем не пах, хотя я опасалась худшего. Дырка в полу тоже была абсолютно лишена каких-либо следов человеческого пребывания.

Немного поразмыслив, я поняла, что в целом паниковать не стоит. Если не считать моего с трудом успокаивающего бешенства, ничего особенно страшного не произошло. Наручниками к стене меня не приковали, плетьми не избили, в свинарнике жить не заставили. А то, что в этой комнате было значительно меньше удобств, чем в моей практически королевской опочивальне, – так это мелочи.

По крайней мере, именно так я пыталась себя успокоить, присаживаясь на свое новое, не слишком удобное ложе.

Окон в камере, само собой, не было, и я могла лишь инстинктивно предположить, что за стеной давно опустилась ночь. Было трудно представить, что прямо сейчас я должна лечь тут спать или, может быть, хотя бы попытаться обустроиться, приготовившись провести в камере длительный промежуток времени. Успокоиться не получалось, поэтому я стала изучать каменный мешок, в котором мне довелось очутиться.

Нарезав пару десятков кругов по камере и не обнаружив в стенах никаких потаенных отверстий, я подошла к двери и негромко позвала:

– Эй, есть тут кто-нибудь?

Сперва мне никто не ответил. Но уже после третьего подобного вопроса я услышала ответ:

– Ух ты, прислали новую куколку! Как тебя звать? – раздался довольный мужской голос с характерной прокуренной хрипотцой.

По спине прокатились колючие мурашки.

– Меня зовут Селина, а тебя? – стараясь не тушеваться, ответила я.

– А я Урвел. Ты человек, да? – как-то странно хохотнул он.

– Да, а ты… нет?

Снова этот хохот.

– Нет, милая, я оборотень. Хотя думаю, что скоро мы с тобой сумеем познакомиться поближе.

– Что ты имеешь в виду? – спросила я, чувствуя, как по спине вниз спускается предательский холодок.

– Ой, ну я не буду портить тебе сюрприз, дорогуша. “Кольцо” уже через четыре часа, – пробасил он, а вслед за этим в коридоре раздался громкий окрик:

– Отставить разговоры!

Судя по всему, где-то поблизости дежурил охранник, что, впрочем, было совсем не странно, в отличие от последних слов моего соседа.

Сколько бы ещё я ни пыталась привлечь его внимание тихим шёпотом, он больше не отзывался. Зато она мои настойчивые вопрошания все же появился тот самый охранник и с силой ударил чем-то тяжёлым по моей двери.

– Новенькая, ты не знаешь правил, как я погляжу, – прорычал тот зло, однако неожиданно в этом голосе я услышала звонкие нотки. Похоже, охраняла нас женщина! – Так я тебя просвещу! Если ты будешь шуметь после отбоя, я лично отхожу твою спину палками. Впрочем, для этого вовсе не обязательно нарушать режим! Если тебе так сильно хочется почувствовать мою любовь, просто попроси! Отмудохаю тебя авансом!

После этих слов женщина исчезла, а я снова осталась в оглушающей тишине, от которой нервничать я стала еще пуще прежнего.

В какой-то момент я даже подумала было перенестись к Айдену и рассказать ему обо всём, что случилось. Но быстро поняла, что это плохое решение. Как седьмой принц может помочь мне, находясь без сознания? Единственное, чего я добилась бы, наябедничав на Ильнарион, – это того, что мой дарк начал бы лишний раз переживать и злиться. Но мою проблему-то это никак не решит!

Впрочем, явиться к принцу я всегда успею.

Следующей моей мыслью было вовсе сбежать. Ведь теоретически, если тут нет никакой защиты от магии, я сумею использовать экспозицию драконов, и тогда никакие решётки меня не

удержат. Если эти казематы были придуманы для людей, значит, защиты от драконов тут в теории быть не должно. Эксплозия – это высшая магия, использовать её могут только дарки.

Поэтому побег оставался пока единственным рабочим вариантом. Однако и в этом плане были минусы. Бежать-то мне было некуда! Стоит только вернуться в свои покои, как меня немедленно найдут. И второй раз уже вряд ли упрячут в человеческую тюрьму.

Можно было и вовсе убежать из Чертога Огня. Для этого, конечно, пришлось бы представить мысленно какое-то место, находящееся вдали от замка. И представить его нужно было очень хорошо и чётко. На память сразу приходило не так много вариантов. Сперва – Логово Мотыльков, где мне, конечно же, делать нечего, затем хижина скорняка, в которой, очень может быть, до сих пор лежит его труп. И последнее – это берег озера, где я встретила русалку. Вот только там поблизости не было ни одного поселения, и куда идти дальше, я не имела ни малейшего понятия.

Впрочем, конечно же, отбрасывать этот вариант не стоило. Но и торопиться им воспользоваться – тоже ни к чему.

Таким образом, пока я обдумывала пути к отступлению, паника и беспокойство постепенно отступили. Если Ильнарион надеялась меня запугать, то у неё ничего не вышло.

Что было обиднее всего – так это то, что мои серьги так и остались у гадкой драконицы.

Через пару часов меня начало ужасно клонить в сон. Я даже сумела прилечь на скромного вида матрас и, подложив руку под голову, погрузиться в беспокойный сон.

Вот только вырвали меня из него ещё более беспокойные события.

Глава 12

Сквозь пелену сна я услышала тихий шепот:

– Селина-а-а…

Проснулась я почти мгновенно, но еще некоторое время не могла понять, что происходит. От недосыпа в глаза словно насыпали песок, в голове слегка шумело.

– Селина, я здесь! Посмотри сюда! – повторился шепот, в котором я не без некоторого труда узнала голос Валиры!

Быстро оглядевшись, я попыталась понять, откуда доносится голос, но в почти кромешной тьме казематов это была совсем непростая задача.

– Я тут, правее! – снова проговорила женщина. – Иди вперед, вот так!..

Попытавшись двигаться на звук, через мгновение я приблизилась к той части стены, где находился закуток для дырки в полу. В тот раз, когда я сама исследовала камеру на предмет скрытых щелей или отверстий, мне и в голову не пришло лезть в эту часть помещения!

Я прищурилась, пытаясь понять, где Валира, и с изумлением обнаружила ее бледное лицо в проеме именно того отверстия, которым я так и не воспользовалась с момента заселения в камеру.

– Валира?! – ахнула я, не понимая, как главная аара может находиться в канализационном стоке. – Как? Что ты тут…

– Не время обсуждать! – прошипела аара. – Наклонись сильнее, если нас кто-то услышит, нам обеим конец!

“И то правда”, – подумалось мне, пока я вставала на колени рядом с дыркой в полу. Слава богу, что тут все же было чисто. В любом случае, даже если бы было грязно, думала бы об этом я сейчас в последнюю очередь. Потому что если пугающего вида охранница снова вздумает пройтись по коридору и заглянуть в окошко моей двери… В общем, об этом размышлять не хотелось.

Едва я встала на колени, как Валира продолжила:

– Слушай внимательно. В казематах Чертога Огня есть только одно слабое место. Это канализация. Сливные трубы довольно

широкие и расположены сетью подо всеми камерами. Кроме того, есть один проход и под “кольцом”.

– Под каким кольцом? – не поняла я, услышав уже второй раз это странное слово.

Даже в окружающем полумраке я сумела отметить беспокойство, мелькнувшее на лице аары.

– “Кольцо” – это ринг для боев, – ответила она. – Туда попадают все заключенные без исключения. Раз в месяц проводятся бои насмерть. Так уж вышло, что сегодня именно такой день. Словно нарочно кто-то подгадал… – покачала она головой.

А у меня что-то екнуло в груди.

Ренвиэль говорил, что в мою еду была подсыпана особая трава, которая не убивает, но вызывает приступы неконтролируемой ярости. Меня это удивило еще в первый момент. Зачем кому-то доводить меня до бешенства? В конце концов, я это и сама могу…

В этот момент я мысленно усмехнулась, вспоминая встречу с Ильнарион и продолжая размышления.

Так вот, если предположить, что мои более ранние догадки верны и именно Ночная Искра собиралась меня отравить, между делом отобрав сережки, получалось, что она изначально планировала нашу ссору! Именно сегодня, ведь яд должен был действовать около двенадцати часов.

Но почему именно сегодня? Возможно, она хотела, чтобы я попала на тот самый ринг, поучаствовав в каких-то там боях заключенных до того момента, как кто-то из принцев сможет меня вытащить. Если они, конечно, захотят.

Сразу же в душу закрались невеселые размышления.

– Валира, а что это за бои такие? – уточнила я, нахмурившись и испытывая сильно дурное предчувствие.

Аара вздохнула.

– Заключенные против колдоморфов, заключенные против хищников, заключенные против заключенных, – пожала плечами она. – Главная суть в том, что бой проводится до смерти одной из сторон.

– До смерти? Даже если заключенные дерутся против заключенных? – ахнула я. – А это законно?

– Вроде бы нет, – покачала она головой. – Но, кажется, такие бои щедро оплачиваются некоторыми дарками, и охранники устраивают их

регулярно.

– А принцы о них не знают?

– Это мне неведомо, – бросила Валира и тут же быстрее добавила: – Но хватит болтать. Я проползла километр сточных труб не для того, чтобы рассказать тебе про устройство наказаний для преступников в Чертоге. Тебе нужно выбираться отсюда.

– Но как? – хмыкнула я. – Что-то мне подсказывает, что в эту дырку я не влезу, – кивнула я в сторону отверстия, из которого едва виднелось лицо аары.

– Не так, – ответила Валира быстро. – Слушай. Совсем скоро тебя поведут на ринг. Новеньких туда посылают сразу же. Как мясо для разогрева. И уж если они выживают после первого боя, на следующий месяц их распределяют по более сложным и тактическим сражениям. Но что-то мне подсказывает, что это не наш случай, Селина. Поэтому спасаться нужно сейчас же, и, к сожалению, это будет очень сложно. Я перебрала десяток вариантов, и все они не подошли.

Я резко выдохнула и кивнула, впрочем, поспешив добавить:

– А как насчет эксплозии? Раз такое дело, я могу выбраться отсюда прямо сейчас.

– Эксплозия? Ты умеешь перемещаться в пространстве, как дарки? – выдохнула она, и даже в полумраке я заметила, как широко распахиваются ее красивые, подведенные черным глаза.

Скрывать уже не было никакого смысла.

– Да. Недавно узнала, что умею.

– Это сильно упрощает нам побег! – кивнула Валира. – Дай подумать… Из камеры ты переместиться не сможешь…

– Не смогу?

– Нет, – подтвердила Валира. – Камеры полностью изолированы от магии. Более того, если ты попытаешься, раздастся звук сирены. И тебе сильно не поздоровится.

Я резко выдохнула, обрадовавшись, что не стала и пытаться колдовать.

– Здесь особый камень, который лишает возможности колдовать тех немногих заключенных, которые это умеют.

Вот это была не самая веселая новость, конечно. Но аара продолжала:

– Однако комната, где готовят бойцов перед “кольцом”, ни от чего не защищена. Как и сам ринг. Ведь во время боя заключенные должны иметь возможность колдовать. Поэтому я предлагаю тебе переместиться именно тогда, когда тебя приведут на подготовку. Попроси охранника выйти под предлогом… не знаю, – она нетерпеливо дернула щекой, – необходимости остаться в одиночестве перед неминуемой гибелью. Заплачь, надави на жалость. Скажи, что тебе нужно обратиться к своим богам.

От этих слов мне стало ещё хуже.

В этот момент за дверью в коридоре раздались чьи-то шаги, затем лязг решеток и скрип открываемых дверей.

– Заключенные, за мной! – звучал громкий голос охранницы.

– Началось, – выдохнула Валира, испуганно округлив глаза. – Торопись. И отойди от туалета!

Она уже начала было пропадать в отверстии, как я быстро спросила:

– Валира, а с кем должен быть сегодня бой?

Лицо аары снова появилось в узком круглом проеме.

– С клещекрысами. Но не бойся, если все получится, ты исчезнешь раньше. А если эксплозия не сработает, я буду ждать тебя под рингом. Я подам тебе знак, хоть и надеюсь, что до этого не дойдет. Главное, не бойся. Страх убивает быстрее любого врага.

Она ободряюще улыбнулась, но улыбка вышла не слишком веселой.

– Спасибо, Валира, – кивнула я, чувствуя, как сердце болезненно сжимается.

Главная аара не должна была помогать мне. У нее для этого не было совершенно никаких поводов. И все же вот она, грязная, выглядывает из проема канализационного стока…

Я просунула руку туда же, чтобы последний раз пожать ей руку.

Валира стиснула мои пальцы и снова улыбнулась. И на этот раз у нее вышло значительно лучше.

– Все получится, – шепнула она. – А теперь вставай!

В следующий миг послышался скрип двери, а я вскочила на ноги. Когда на пороге очутилась грозная фигура охранницы, я бросила последний взгляд на дырку в полу, но лица аары Валиры там уже не было.

– Поторапливайся! – крикнула женщина и едва ли силком не собралась вытолкать меня из каменного мешка, который казался теперь гораздо более привлекательным, чем прежде. Лучше бы я осталась в нем, чем отправилась на какой-то там ринг…

Впрочем, мелкие трусливые мысли стоило побыстрее выкинуть из головы, ведь камера защищена от магии, а значит, оставаться в ней нет никакого смысла. Все к лучшему.

Я глубоко вздохнула, стиснув кулаки, и, кивнув, отправилась за охранницей, так и не дав ей себя схватить.

Увидев, что я не упираюсь и вполне сносно иду самостоятельно, меня перестали пытаться поймать.

К слову сказать, в коридоре уже стоял в шеренгу десяток заключенных. И если большая их часть явно нервничала, не обращая на меня ни малейшего внимания, то один из них пялился конкретно на мое платье и ухмылялся.

Я же до сих пор была в своем наряде! В дорогом платье, которое выбрала среди кучи подобных в своем волшебном шкафу. Это еще было ничего, не самое богатое. Ведь я планировала ходить в нем исключительно по собственным покоям, да, может быть, по Чертогу.

Платье было узким и нежно-зеленым, заканчивающимся чуть ниже колена. Юбка струилась легким шелком, лиф обтягивал грудь и демонстрировал хоть и не скромное, но и вовсе не развратное декольте. Хвала богам, украшений на ткани было по минимуму. Никаких сверкающих камушков и удивительных золотых вставок. Разве что прекрасная вышивка тончайшими кирпично-медными нитями завивалась по всему корсету…

– Да ты никак аара, – выдохнул этот тип, наконец устремив веселый взгляд мне в лицо. И по голосу я поняла, что передо мной тот самый сосед! Оборотень, которого, кажется, звали Урвел!

Он был на голову выше меня и, наверное, трижды шире в плечах. Руки казались размером со сковородки, а грудная клетка подошла бы и великану.

– Как ты догадался? – выдохнула я, вставая чуть позади этого типа. К сожалению, мы были в хвосте цепочки, места больше нигде не было. К этому времени наша процессия уже успела двинуться вперед, и я говорила с оборотнем буквально на ходу.

Оказалось, что я последняя в списках заключенных, кого сегодня повели на ринг, и поэтому за моей спиной шел еще один охранник, замыкающий колонну. Он был гораздо менее разговорчивым и агрессивным, чем первая – женщина. Но, судя по его грозному взгляду, болтать с оборотнем нам все же было нельзя.

Однако моего нового знакомого это почему-то больше не останавливало.

– По дорогим шмоткам, конечно же, – хмыкнул мужчина. – Учитывая, что ты не даркесса, остается только один вариант. Аара. Ведь другие женщины настолько богатых тряпок себе позволить не могут. Что же, один из принцев тебя сюда отправил? Провинилась в постельке? – спросил он и грубо заржал.

Захотелось вмазать ему хорошенько по небритой физиономии, но в целом-то было не за что. Мало удовольствия считаться чьей-то любовницей, но ведь именно такой статус и носили все аары… включая меня.

– Может, я просто вино на повелителя пролила, почем тебе знать? – проговорила я мрачно, когда впереди лязгнули боковые двери коридора и охранники повели нас куда-то еще ниже. А ведь казематы и так находились ужасно глубоко под землей!

– Вряд ли за это ты очутилась бы здесь, – покачал головой Урвел и перестал улыбаться. – Он же тебя на смерть послал. Не думал, что Айденион Огненная Задница такой засранец. Знал, конечно, что он не подарок, но чтобы настолько…

– Это не Айденион, – быстро оборвала его я, ощутив укол где-то в области сердца.

– Не он? Ну тогда что ж… – задумался мужчина. – Я даже рад, пожалуй. Тогда кто же?

– Ильнарион Ночная Искра.

– А-а-а-а-а, – протянул Урвел и кивнул, ухмыльнувшись. – Это понять можно. Будущая женушка обозлилась на нынешнюю любовницу.

– Будущая женушка? – эхом повторила я, уже второй раз услышав эту новость.

Сердце грозило окончательно разорваться. Вот не время сейчас было для таких сообщений! Когда изо всех сил требовалось взять себя в руки, раскисать точно ни к чему.

Однако оборотень неожиданно ответил то, что я слышать вовсе не ожидала.

– Вообще-то, мне птичка на хвосте принесла, что эта Искра действительно явилась в Чертог, чтобы захомутать нашего Седьмого. Однако она уже тут довольно давно, а положительный ответ так и не получила. Айденион никогда не предлагал ей стать его женой. Поговаривают, что таков был план дофина империи, златовласки Элайдариона. Но наш принц этот план так и не одобрил. Хотя, впрочем, и липовую женушку не прогнал. Авось рассчитывает передумать.

Урвел снова хохотнул и бросил на меня сальный взгляд через плечо.

– А ты ничего такая, симпатичная. Хочешь, договоримся с тобой?

– О чем? – поежилась я, все еще обдумывая его рассказ об Ильнарион и почти не слыша прозвучавшего вопроса.

Ведь если сказанное им правда, вероятно, драконица потому и злится, что считает меня, простую аару, помехой своему замужеству. По Чертогу ходят слухи, что Седьмой принц притащил меня, новую человеческую девушку, в свой атрис и ужасно мной увлекся. Сперва поставил какую-то чудовищную защиту на мои двери, затем едва не погиб – опять же рядом со мной. Спасая меня от Ренвиэля Эстерийского.

Видимо, Ильнарион сложила кусочки пазла и итоговая картинка ей не понравилась. По ее мнению, я вполне могла оказаться причиной всех ее неудач.

Впрочем, мне от этого было не намного легче.

– Ты меня ублажишь в комнате перед “кольцом”, а я договорюсь с охраной, чтобы меня выпустили на ринг вместе с тобой. Раскидаю клещекрыс, а ты, милашка, останешься жива. Как тебе такой расклад? А то жалко будет, если такая милая мордашка откинется после первого же боя.

От его слов меня слегка передернуло. По позвоночнику прокатилась морозная волна страха, но я попыталась не допускать ее до своего сердца.

– Благодарю за предложение, Урвел. Но я, пожалуй, откажусь.

– Тю… – бросил мужчина. – Надеешься, что тебя кто-то из принцев освободит, раз эта Искра не по делу наказала? Так не надейся,

никто и не узнает о твоем заключении до завтрашнего утра. Всех принцев в Чертоге нет уже сутки. Сегодня же день Жемчужного рассвета, и они наверняка отправились в храмы Яросветной девы, чтобы отдать почести богине. Так положено.

Вот теперь все встало на свои места. Вот почему Ильнарион торопилась. Вот почему забросить меня в казематы Чертога нужно было именно сегодня. Потому что только в этот день никто, совершенно никто не смог бы сообщить принцам о моем заключении здесь.

– Ясно, – кивнула я, вздохнув. – И все же благодарю, но нет.

– Ну и как хочешь, – пожал плечами Урвел, явно обидевшись. Он больше не оборачивался и не глядел на меня, когда всех заключенных завели в одно небольшое, но вполне просторное помещение, где нам явно предстояло ожидать своей очереди на “кольцо”.

Я разглядела широкие двери вдали, а за ними раздавался какой-то подозрительный шум.

Заключенные разбрелись вдоль стен. Кто-то подвывал, кто-то читал молитвы, кто-то стоял мрачнее тучи, а кто-то отжимался и подпрыгивал, приводя себя в спортивно-боевое настроение.

Я же резко повернулась к охраннику, который все это время шел позади меня, и, заламывая руки, пропищала:

– Прекрасный господин, прекрасный господин, будьте милосердны, позвольте последние минуты провести в одиночестве… Хотя бы перед смертью не омрачать мою душу всякими непристойными предложениями заключенных!

Я бросила многозначительный взгляд на Урвела, старательно демонстрируя расстройство и страх.

Заключенный фыркнул, кажется обиделся. На его мощных плечах проступила шерсть, заставив меня отшатнуться от неожиданности.

Я с детства была отвратительной актрисой, да и никогда не пыталась играть чужие роли. Однако сейчас то, что я говорила охраннику, было подозрительно похоже на правду. Оборотень-заключенный добился того, что я действительно боялась и определенно была расстроена. Поэтому изобразить начинающуюся истерику оказалось не слишком сложно.

– Не положено, – проговорил охранник, но меня оглядел с любопытством.

– Прекрасный господин, я всегда любила только одного мужчину в своей жизни, и он обрек меня на гибель! – ахнула я, почти поверив в то, что говорю, и с трудом, но выдавила скупую слезу из одного глаза, тут же похвалив себя за неожиданно неплохую игру. – Неужели я должна плакать на виду у всех этих людей?.. Неужели у вас нет ко мне ни капли жалости? Ведь я не преступница! Вы же понимаете, что я не преступни…

– Хорошо, – буркнул охранник, хватая меня за локоть. – Только не верещи, неженка. Даю тебе пять минут, чтобы успокоиться и привести себя в порядок. Советую использовать это время, чтобы придумать, как ты будешь драться. Слезы не помогут тебе выжить. Давай.

С этими словами он открыл какую-то узкую каморку, втолкнув меня внутрь. Тут совсем не было окон, зато на столе стояла лампада с маслом. Она горела и освещала все вокруг: один скромный деревянный стул, стол в углу и несколько каменных ликов на стенах, которым, похоже, нужно было молиться.

Одно лицо было женским, ослепительно красивым. Ее волосы развевались, будто на ветру, а глаза были спокойными и ясными.

Второе лицо было мужским, и оно казалось хмурым и строгим.

Было еще лицо древнего старика, довольно немолодой женщины и маленькой девочки.

Однако кроме них я обнаружила также что-то вроде полумесяца, спрятавшегося в волосах какой-то повернувшейся спиной дамы, морские волны с глазами и одно большое дерево, также выдолбленное в стене.

Удивительно красивые изображения, но мне было некогда ими любоваться. Я осмотрелась по сторонам, резко выдохнув, а затем опустила руки вниз, заставив стекать с ладоней жидкий огонь.

Магия повиновалась в тот же миг, вот только в последний момент я вдруг услышала откуда-то сверху знакомый тихий голос:

– Нет, погоди! Нельзя!

Едва успела задрать голову, увидев мелькнувшую в проеме за статуей в стене знакомую черноволосую голову, как раздался громкий оглушительный звук, напоминающий скрежет металла по стеклу. И в тот же миг дверь в комнату, где я оказалась, распахнулась, а внутрь влетело несколько охранников.

– А я говорила, что нужно следить за этими животными! – взвизгнула женщина, что вывела нас из камер. – Как хорошо, что я буквально пару минут назад установила запрещающий контур на стену!

– Согласен, Лив, я не подумал, – буркнул охранник, который позволил мне остаться наедине с собой. Взглянул на меня неодобрительно и схватил за руку. С другой стороны то же самое сделал еще один мужчина, и все мое колдовство тут же рассыпалось.

Сердце ударило в горло.

– Выводите ее в “кольцо”! – рявкнула эта Лив. – Пойдет первой, раз такая шустрая.

– Но ведь использовать магию во время подготовки к бою можно! – воскликнула я, упираясь и не давая вывести меня прочь.

Мужчина сбоку дернул меня и заставил стоять смирно.

– Не тогда, когда контур говорит, что была совершена попытка эксплозии драконов! – ответила Лив и вдруг нахмурилась, словно сообразила, что сказала.

– Эксплозии? – переспросил кто-то сбоку. – Каким это образом человеческая аара могла сотворить эксплозию? Что за ерунда?

– Ты собрался мне перечить? – воскликнула охранница, встряхнув головой и проведя по тяжелым смоляным волосам, убранным в хвост, бледной рукой. Она уже не выглядела так уверенно, как прежде, косясь на меня с изрядным подозрением, а затем оглядывая стену за моей спиной.

Я обернулась и проследила за ее взглядом. Там на лицах каменных богов неожиданно зажглись огненные глаза. Сейчас они медленно тухли, но в пространстве перед ними ещё висел символ – спираль с мордой дракона внутри. Как колдовское руно… Разве что этот символ тоже медленно гас.

– Ошибки быть не может. Этому контуру меня научила даркесса Ильнарион Ночная Искра с одобрения Рассэлиона Индиго, коменданта катакомб Чертога Огня. Я не сама это выдумала! Уважаемая даркесса любезно внесла предложение улучшить охрану катакомб, и, как оказалось, не зря!

От новости об Ильнарион меня прошибла первая волна подкрадывающейся злости.

Конечно, она все знала. Конечно, предусмотрела. Ведь она слышала о странностях новой аары, которая, по словам Мельгориона, обладала способностями к эксплозии.

И вот теперь я не смогла сбежать.

– Видимо, ты где-то ошиблась, – покачал головой охранник, который держал меня, и ослабил захват. – Девчонка не могла такое сотворить. Я кое-что смыслю в магии и знаю, что эксплозия требует четвертого с половиной уровня. А это только…

– Да знаю я, – дернула щекой Лив и зло взглянула на меня. – И все равно ведите ее на ринг. Раз она сотворила что-то настолько сильное, что сумело раскачать контур, значит, наверняка это поможет ей в бою. Давай!

Я стиснула зубы, вернув охраннице злобный взгляд, и последовала за конвоирами.

“Ничего страшного… – думала я. – В конце концов, никто не мешает мне снова открыть огненный портал, едва я окажусь на ринге. Там меня уже не смогут схватить никакие охранники. Моя магия не будет привлекать внимание еще на этапе истечения с кончиков пальцев.

Впрочем… нужно будет потренироваться создавать эксплозию как можно быстрее…”

С этими мыслями я прошла сквозь тяжелые металлические двери, открывшиеся с неприятным скрипом, в широкий, ярко освещенный зал.

Это и впрямь был ринг. Громадная круговая площадка, пол которой, как на арене Древнего Рима, был устелен песком. Странно было видеть нечто подобное в замке. Ко всему прочему, этот странный песок светился. Каждая песчинка сверкала калено-белым, как бриллиантовая пыль.

Глаза слепило с непривычки, но постепенно становилось легче.

Я подняла взгляд вверх, обнаружив над головой далекий темный каменный свод. Также вокруг в стенах обнаружились отверстия, внутри которых чернели провалы тоннелей. По-видимому, оттуда должны были появляться разнообразные твари местной фауны.

Подняв взгляд ещё выше, я ощутила какое-то шевеление. Словно рябь горячего воздуха над носиком чайника…

Мысль пронзила сознание острым кинжалом: это была магия. Колдовство, запрещающее смотреть сквозь завесу и видеть тех, кто наблюдает за боем.

Сердце пронзило неприятное чувство. Словно прямо сейчас кто-то глядел оттуда прямо на меня. Скорее всего, так оно и есть, и мне не должно быть до этого никакого дела. Однако невидимый взгляд жег не хуже раскаленного металла.

В этот миг из темных отверстий начали раздаваться подозрительные звуки, и я поняла, что пора делать ноги. Глубоко вздохнула, встряхнула пальцами, вызывая знакомое чувство на их кончиках.

Под ребрами разлилось приятное тепло, потекло к ладоням, коснулось кистей и… исчезло.

– Что происходит? – ахнула я, не понимая.

Попробовала снова. Затем еще раз и еще.

И увидела, как на песке под моими ногами загораются контуры какой-то огромной магической печати.

Ринг был защищен от эксплозии!!! Как я могла не догадаться раньше!

Впрочем, даже если бы догадалась, погоды это не изменило бы.

Сердце провалилось глубоко вниз и замолкло. Перед глазами слегка потемнело.

Ощущение чужого взгляда усилилось и будто-то бы резануло.

Меня вдруг осенила неприятная догадка о том, что причина моего появления в казематах обязательно захотела бы поприсутствовать в момент, когда меня станут рвать какие-то там клещекрысы. А значит, проклятая сереброволосая драконица наверняка скрывается за невидимой завесой. Магическое руно на песке явно ее рук дело, так же как и новый "контур" на комнате подготовки перед рингом.

Я стиснула зубы, испытав такой прилив ярости, что аж дышать стало трудно. К несчастью, в этот момент из отверстий в стенах начали выбираться огромные твари размером с кабанов и отдаленно напоминающие крыс.

Ладони стали влажными от подбирающегося страха.

Тварей было слишком много. Столько не одолеть одной лишь везучестью.

Я осмотрелась по сторонам, пытаясь сосчитать количество монстров, и сбилась на первой десятке.

Меня же просто отдали им на растерзание! На разогрев толпы, скрытой за завесой…

Впрочем, мелькнуло подозрение, что хороший колдун, обладающий хотя бы парочкой атакующих заклятий, справился бы с тварями быстро. Наверняка, как любые животные, клещекрысы боятся огня. Можно было бы окружить себя стеной пламени, затем напасть на одного, потом на другого. И добить тех, что разбежались…

Стратегия разворачивалась в голове сама собой, вне зависимости от моего состояния. А состояние было еще то! С каждой секундой я нервничала все сильнее.

В общем, справиться с монстрами было вполне можно, обладая мало-мальски приличным арсеналом колдовских печатей в голове. К сожалению, это был не мой случай.

Постаравшись сконцентрироваться, отбросив страх, я мысленно нарисовала ту единственную печать, которую неоднократно видела в исполнении Айдена, – руно огня. Именно оно, кстати, обожгло руку Ильнарион, вспыхнув в тот момент у меня в голове самостоятельно.

Сейчас, повинуясь моему приказу, печать налилась силой, и в тот же миг на ладони зажегся крупный язычок пламени. Он горел и плясал, удивляя тем, что совершенно не обжигал кожу.

Вот только, переведя взгляд с него на приближающихся монстров, характерно принюхивающихся к песку и расположив морды в моем направлении, я поняла, что этого огня мне никак не хватит.

Тогда я попыталась окружить себя пламенной стеной, как и было в планах. Ведь у меня получалось использовать силу без печатей в случае с эксплозией, так почему не получится и с другой магией?..

В общем, сказано – сделано. И едва я представила, как огонь стекает с ладоней на песок, как именно это и начало происходить!

Поражаться открытию не было времени.

К сожалению, не успела я обрадоваться, как стало ясно, что и эта уловка не сработает. Потому что невидимая печать на песке снова проявилась, уничтожив весь мой огонь!!!

Меня бросило в жар.

Ничего не получалось!

Мысленно поискав причину, я нашла лишь два варианта: либо запрещающее руно арены рушит любую спонтанную магию вроде эксплозии, либо Ильнарион нарочно каким-то образом сделала так, чтобы воспользоваться колдовством я не могла в принципе. При этом со стороны кажется, будто магия в моих руках работает!..

Я начала лихорадочно соображать, что делать.

У меня оставалось все меньше времени, и, признаться, самообладания от этого не прибавлялось. Мне бы сейчас цветок Ренвиэля! Тот, который с эффектом валерьянки или вроде того…

Ренвиэль!

Мысль о вампире прошила не хуже молнии. Я бросила взгляд на болтающийся на руке браслет, о котором успела забыть, будто его и не было вовсе. Казалось, что я вообще его потеряла. Однако стоило взглянуть на запястье в его поисках, как цепочка с алой каплей тут же проявилась.

Видимо, и впрямь чары, отводящие взгляд от украшения, работали хорошо.

Я бросила косой взгляд на клещекрыс, что подбирались все ближе. Одна из них оскалилась и начала подозрительно рычать. Из-под короткой шерсти на морде сверкнули оранжевые клыки.

А я все еще не могла решиться. Ведь мне придется соглашаться на какое-то там подозрительное предложение княжича!

Перед глазами потемнело от страха. Но все решил тот миг, когда первая пушистая тварь прыгнула на меня. Я едва успела увернуться, покатившись по песку, как услышала страшный шорох десятков лап, которые тут же устремились ко мне вслед за первой крысой.

Рука сама сжала браслет, пока я громко говорила:

– Ренвиэль-Ренвиэль-Ренвиэль, чтоб тебя! Где ты?! Забери меня, я согласна!

И в тот же миг меня словно укололо что-то. Я опустила взгляд вниз, краем сознания понимая, что указательный и большой палец окрасились кровью и измазали украшение.

А через мгновение мир накрыли огромные черные крылья, словно вокруг опустилась непроглядная ночь.

Глава 13

Когда я открыла глаза, оказалось, что вокруг и впрямь темная ночь. Я приподнялась на локтях, осматриваясь, и обнаружила себя на огромной кровати с балдахином, устланной серебристо-лиловым покрывалом. Красивый темно-сиреневый покров балдахина спускался на пол от круглой центральной конструкции в изголовье постели. Она напоминала витую металлическую корону из белого золота с вуалью, прикрепленной к каждому зубцу.

Я оглядела себя, обнаружив, что лежу в той же одежде, что и прежде. Платье испачкано песком и пропахло тюрьмой. Длинные золотисто-персиковые волосы, которыми я уже почти привыкла гордиться, перепутались.

– Рад, что ты очнулась, дорогая Селина, – раздался вкрадчивый бархатистый голос откуда-то со стороны.

Я повернула голову на звук, обнаружив княжича Шеллаэрде у огромного окна, сквозь разноцветные витражи которого светила яркая луна.

– Я-то как рада… – невольно проговорила в ответ, осматриваясь. – Впрочем… не будем о плохом. Я приняла твое предложение, Ренвиэль. И ты мне действительно помог, спасибо… – поежилась, случайно освежая в памяти недавно произошедшее. – Давай сразу к делу: что я тебе за это должна?

Княжич тонко улыбнулся и подошёл ко мне поближе. В этот момент я вдруг заметила, что на кресле у левой стены лежит какое-то платье, на ковре рядом аккуратно поставлены босоножки с кучей ремешков и драгоценных камней. Там же стояла шкатулочка для украшений…

Сердце ёкнуло, словно от какого-то предчувствия.

– Зачем так торопиться? – нарочито удивленно спросил вампир, остановившись в шаге от меня. На нем сегодня снова был надет серебристо-голубой камзол, только на этот раз в его вороте красиво виднелось что-то вроде кроваво-красного шарфа. Этот цвет особенно подчеркивал неестественную бледность вампира и контрастировал с багряно-алыми губами. Оторвать взгляд от этого сочетания было

почему-то очень сложно. А ещё в груди от него рождалось тонкое необъяснимое беспокойство.

– Лучше закончить это дело побыстрее, чтобы я могла вернуть себе… свободу, – выдохнула я.

– Свободу? – удивился Ренвиэль. – Свободу можно получить, только имея власть. Слабый не может быть свободен, – задумчиво проговорил он, пошевелив в воздухе пальцами, словно играл на невидимом инструменте. – Я могу сделать тебя свободной, фурия, но примешь ли ты эту свободу?

“Фурия…” – слово прозвучало в голове медленно и отстраненно.

Я слишком сильно нервничала, так что сказанное Ренвиэлем не до конца оседало в голове.

Частично я теперь принадлежала ему – по крайней мере, до момента выполнения долга, и все остальное отходило на второй план. Все, кроме вопроса: “Для чего все-таки я понадобилась княжичу всех вампиров?..”

Скоро ответ на него должен был стать ясен.

“Фурия…”

Интересно, кем являлись в Новой Райялари фурии?.. Уж явно не частью Древнегреческого фольклора.

Но когда это слово в очередной раз повторилось, я поняла, что слышу его на местном языке и в оригинале оно, конечно же, звучит совсем иначе. Просто мой собственный мозг каким-то невероятным образом мгновенно выдавал наиболее близкий по значению перевод.

Загадка, которую я пока так и не решила.

– Если под свободой ты понимаешь что-то вроде вечной вампирской жизни для меня, то я пас, – проговорила я быстро, поднимая ладони вверх.

Ренвиэль не улыбался. Мне даже показалось, что в его голубых глазах мелькнула мрачная задумчивость.

– Хочешь, я расскажу тебе одну историю, Селина?..

И я вдруг поняла, что действительно хочу. Если у княжича Шеллаэрде есть за душой что-то, кроме таинственной выгоды, которую он хочет получить от моего пребывания здесь, то я хочу об этом знать.

– Знаешь, лет двести назад я познакомился с одной необычной девушкой. Шеллаэрде было ещё совсем новым государством, мой отец

только-только начал сплачивать разрозненные графства детей Ночи в единое целое. Ситуация была неспокойная, кругом нет-нет да и вспыхивали кровопролитные сражения за власть. И среди всего этого хаоса вдруг появилась *она*. Худенькая девушка с глазами цвета янтаря и кожей, нежной, словно мед. Я встретил ее на берегу озера на рассвете. Солнце играло в ее черных, как тьма, волосах, превращало тонкую фигурку в золотую статую…

Ренвиэль на миг замер, а я пыталась поймать в его лице какое-то выражение тоски. Если он рассказывал мне о своей возлюбленной, то… я хотела бы увидеть его эмоции. Но, к сожалению, по бесстрастной и отстраненно-задумчивой физиономии вампира совершенно невозможно было что-либо понять.

– Мы встречались тайком по ночам, – продолжал он, вдруг расслабленно качнувшись и оперевшись плечом о стойку балдахина. Его светлый взгляд без капли кровавого блеска упал на руку, в которой появилась маленькая металлическая цепочка. Она была совсем тонкой, не похожей на дорогие украшения вроде цепи на шее самого Ренвиэля или крупной сережки-кристалла, что виднелась из-под его белоснежных волос. Эта была хрупкой и немного тусклой, словно из черненого серебра. А в центре висела крохотная, такая же простенькая подвеска – птичье крыло. – Никто не должен был нас видеть, в то время мой отец не… приветствовал отношения между вампирами и людьми. Сейчас все изменилось, и в целом двор Шеллаэрде открыт для людей… если они сами не испугаются тут появиться. – Он улыбнулся и бросил на меня короткий ироничный взгляд, впрочем тут же вернув себе серьезность. – А тогда нам приходилось скрываться.

– Так ты полюбил человеческую женщину? – удивилась я, пытаясь понять, зачем вампир мне это все рассказывает. – Как ее звали?

Княжич мягко улыбнулся, не поднимая глаз от подвески.

– Вельмира…

Что-то мелькнуло в его глубоких голубых глазах, сделав их почти небесного цвета. Но лишь на миг.

– Она была… как птица, расправляющая крылья рано поутру, – продолжил он, – звонкая и яркая. Она была лучшим, что было в моей жизни на тот момент. Но, к сожалению, отец быстро научил меня тому, что все хорошее должно когда-нибудь закончиться.

Голубые глаза снова остыли, став больше похожими на острые кристаллы льда.

– Он ее убил? – ахнула я, едва не схватив княжича за руку, но в последний момент отдернув ладонь.

Ренвиэль словно и не заметил. Поднял на меня спокойный, как море в штиль, взгляд и ответил:

– Нет, он ее обратил. А она так и не смогла меня простить.

– Но… – у меня вдруг пропал дар речи. – Что значит “не смогла простить”? Ты же не предавал ее, не бросал, не изменял ей с другой… или изменял?

Ренвиэль коротко хмыкнул, покачав головой.

Подвеска из его рук таинственным образом исчезла.

– Нет, конечно, – выдохнул он наконец. – Я ее любил.

– Тогда нужно было снова добиться ее, – возмутилась я, нахмурившись. – Что у вас тут за законы такие? Я совершенно не понимаю. Нужно было добиваться своей женщины, раз вы оба были живы! Только смерть – это настоящий конец! И то, как оказалось, не для всех…

Я сложила руки на груди, с некоторым возмущением глядя на вампира. А он вдруг грустно улыбнулся. И снова что-то на миг появилось в его глазах. Что-то подозрительно теплое, чего там быть не должно.

– Я пытался, но бесполезно. Много лет…. А потом перестал. Я никого и никогда не принуждал насильно, хотя у меня, как ни у кого другого, есть такая возможность. Но… у женщины должны быть крылья. А если их больше нет, то не всегда их можно вернуть обратно. Мой отец лишил ее того, что ей было дорого, а она не смогла простить меня.

В этот момент мне впервые захотелось посочувствовать княжичу. Жаль только, что я не доверяю ему и вряд ли когда-нибудь стану доверять.

– В любом случае это дела давно минувших дней, – продолжил он, разведя руками, – прошли годы, и Вельмира сильно изменилась. Теперь ей уже нет дела ни до ее смертной жизни, ни до утерянного счастья. Сейчас мы с ней почти друзья… если у таких, как мы, вообще могут быть друзья.

– Ну зачем ты так говоришь, наверняка могут! – выдохнула я, испытав волну жалости. И тут же осеклась, поймав взгляд вампира.

Сглотнула ком в горле, но, когда посмотрела на него, заметила легкую улыбку в уголках губ.

– Зачем ты мне это рассказываешь? – спросила я, боясь услышать ответ, который испортит все. Все то хорошее, что я могла бы думать о Ренвиэле.

– Чтобы ты не боялась, – ответил он, не отводя от меня цепкого взгляда. В этот момент он перестал опираться о кровать и шагнул ко мне, коснувшись пальцами моего подбородка.

Я вздрогнула, но не отвернулась. Только сжала губы, надеясь, что вот-вот он раскроет мне хотя бы часть своего замысла.

– Ты скажешь, что приготовил для меня? Что за желание я должна выполнить?

Вампир кивнул. А потом просто проговорил безо всяких увиливаний:

– Я должен тебя укусить.

– Что?.. – ахнула я, резко шагнув назад.

Вампир не шелохнулся. Только его рука, еще мгновение назад державшая мой подбородок, медленно скользнула вниз, как опадающая листва.

– Просто укус. Ты даже не почувствуешь боли, – сказал он спокойно.

– Я стану вампиром?!

Ренвиэль покачал головой.

– Нет, ни в коем случае. Зачем я рассказал тебе эту историю, как ты думаешь? Просто приятно провести время?

Он вдруг замер, и улыбка снова коснулась его алых губ.

– Не без этого, конечно. Но в основном для того, чтобы ты понимала: я никогда не испытывал желания кого-либо обращать. Это не входит в мои планы. Если ты не захочешь сама…

– А я не захочу!

– …то никто обращать тебя не будет, – закончил княжич. – Даю тебе слово.

– А твой отец? Помнится, в прошлый раз это произошло без твоего ведома, – вставила я.

Ренвиэль улыбнулся шире.

– Уже сравниваешь себя с моей бывшей? – приподнял бровь он, заставив меня покраснеть с головы до ног.

– Нет! Но, кажется, ты сам представил меня своему отцу как девушку, похитившую твое сердце! Я, конечно, в это ни на грош не верю, но папуля вполне может верить, – фыркнула я возмущенно.

Вампир кивнул.

– Может, но то дела давно минувших дней. Сейчас ты можешь не опасаться подобного исхода. Особенно когда на тебе до сих пор два вот этих кольца.

Он кивнул на мою ладонь с перстнями имперских принцев.

Я стиснула зубы. Хороши принцы! Продали меня вампирам, что теперь толку от этой защиты?

И все же Ренвиэль говорил именно об этом.

– Если я попытаюсь обратить тебя, пока ты в этих кольцах, это будет означать, что я посягнул на чужую собственность, – спокойно продолжил он. – И если в случае с Айденионом Огненнокрылым разницы уже особо никакой нет, потому что он находится на волосок от смерти, то Сирглинарион, к сожалению, жив и здоров, – мрачно усмехнулся вампир, и из-под его верхней губы сверкнули иглы клыков, напоминая, что передо мной опасный хищник. Монстр.

Дрожь скользнула по позвоночнику.

– Айденион не на волосок от смерти, – проговорила я, стиснув зубы.

– Как скажешь, Селина, – кивнул Ренвиэль, не желая спорить. – Но факт есть факт. Твое вампирское существование меня не интересует.

– Тогда что? Зачем тебе моя кровь? – напряглась я.

Княжич на миг замер, словно решая, отвечать или нет. Сережка в его ухе качнулась и сверкнула в лунном свете.

А затем он сказал:

– Это будет не просто укус… Это в некотором роде ритуал, на котором будут присутствовать мой отец и все Алые графы.

– Ты будешь кусать меня на виду у толпы народа? Это такое модное среди вампиров извращение?

Может, последний вопрос и прозвучал излишне грубо, но я была настолько шокирована, что других слов не нашлось.

Ренвиэль только усмехнулся в ответ, подняв руку, словно хотел коснуться кончиков моих волос, но, заметив, как я отшатнулась, с сожалением, скользнувшим во взгляде, опустил руку обратно.

– Я знал, что тебя это напугает. Поэтому и был вынужден попросить тебя выполнить мое желание. Нет, это не модное извращение, как ты выразилась, – хмыкнул он. – Я бы и сам с удовольствием остался с тобой только вдвоем…

Его глаза сверкнули мрачным колдовским светом, а улыбка сделалась несколько… порочной. Настолько, что я невольно покраснела.

– Но так уж вышло, – закончил он. – Нам очень повезло, потому что завтра как раз полнолуние. В это время силы детей Ночи возрастают. Мы чувствуем больше, обладаем большей мощью. В такие дни заключаются браки, подписываются союзы и договоры. Проводятся ритуалы.

– И что же это за ритуал такой? – выдохнула я, нахмурившись. – Чего ты пытаешься добиться?

Ренвиэль некоторое время глядел на меня и молчал. А потом все же проговорил:

– Ты же понимаешь, что я не обязан отвечать после того, как ты сама согласилась принять мои условия? Помощь в обмен на желание, Селина. Договор вступил в силу. Я лишь могу уверить тебя, что ничего страшного не произойдет.

Я стиснула зубы, понимая, что, вообще-то, он прав. Как бы ни хотелось мне высказать все, что я думаю на этот счет, Ренвиэль меня ни к чему не принуждал. Я сама воспользовалась его помощью.

Только вот что было делать, если другого варианта у меня просто не осталось?..

– Ну и когда запланировано это замечательное событие? – спросила я и сжала губы, отвернувшись.

– Как я и сказал – на завтрашнюю ночь. Полнолуние, – ответил он спокойно и неожиданно коснулся моего запястья. – У тебя будет время морально подготовиться.

Я думала, что это просто один из множества его жестов, в которых он почему-то желал прикоснуться ко мне, но, пытаясь забрать свою руку обратно, поняла, что Ренвиэль крепко удерживает ее. Опустив взгляд вниз, я заметила, как его пальцы сжимают алую каплю на том

браслете, что он мне подарил. И вслед за этим меня с ног до головы будто обдало легкой прохладой.

А затем как ни в чем не бывало княжич поклонился и неторопливо направился в сторону выхода.

– Не буду больше нарушать твое душевное равновесие своим присутствием, Селина. У тебя есть чуть меньше суток, чтобы прийти в себя. Дворец в твоем распоряжении, можешь гулять, где хочешь, но только в его пределах. Тем более что браслет не позволит тебе выйти. – Тут он сделал короткую паузу, а затем вдруг добавил: – Как и не позволит колдовать.

– Что? – ахнула я, тут же с силой дернув тонкую цепочку, но все бесполезно. Она словно была десятикратно прочнее, чем выглядела.

– Ты сама выбрала мою помощь, дорогая, – проговорил он, и голубой кристалл его сережки сверкнул одновременно с ледяными глазами. – И я надеюсь, что ты не планируешь нарушить свою часть сделки. Однако во избежание недоразумений вынужден перестраховаться. Надеюсь, ты меня простишь за это. Если тебе станет легче – браслет пропускает легкую магию. Самую простую. И я надел его на тебя лишь затем, чтобы блокировать эксплозию. То есть твой возможный побег.

– Но… я не…

– Не планируешь убегать? – приподнял бровь он, не сводя с меня тяжелого, как вековые льды, взгляда.

И почему-то я не смогла солгать.

Я планировала. Надеялась, что, как только он уйдет, тут же перемещусь к Айдену, расскажу ему обо всем. Да, это был риск, меня могла обнаружить Ильнарион. И все же я надеялась…

Теперь у меня этой надежды не было.

– Вот и я так подумал, – закончил Ренвиэль. – Не бойся, Селина… – вдруг добавил он совсем другим тоном. – Будем надеяться, что завтра это все закончится. И ты будешь свободна.

Я не успела спросить, что он имеет в виду, как дверь за ним захлопнулась.

Почему я буду свободна? Он планирует меня отпустить? Сразу после укуса?

Очень странная фраза… словно он вовсе не хотел ее говорить, но добавил скорее эмоционально, чем обдуманно.

Но тогда становился острее все тот же старый вопрос: “Что за цель преследует княжич и что хочет получить, укусив меня? Или, может, не получить, а узнать?..”

И тогда, в случае, если полученная информация окажется вовсе не той, на которую он рассчитывает, я стану свободна…

Было похоже на правду!

Вот только что же это за информация?..

Пока голова окончательно не взорвалась от беспокойства, я вышла на балкон – подышать воздухом. Перед глазами было всё как в тумане.

Глянув вниз с головокружительной высоты, я поняла, что этим путем сбежать не получится. Не веря до конца словам Ренвиэля, подергала цепочку и, несмотря на то, что снять её не удалось, попыталась наколдовать эксплозию.

К сожалению, княжич не солгал. Я едва успела ощутить, как магия подбирается по рукам к кистям, как в последний момент вместо жидкого огня с кончиков пальцев на пол упало всего несколько капель. И те мгновенно потухли.

Я была в бешенстве.

Изучать вампирский замок у меня не было ни малейшего желания, хотя Ренвиэль меня в прогулках не ограничивал. Вероятно, выбраться из этих стен не удастся, как он и сказал, значит, стоило потратить время на что-то более полезное.

В течение следующих нескольких часов я осмотрела любезно предоставленную мне комнату на предмет чего-нибудь пригодного для самозащиты. С горем пополам нашла какой-то тонкий и длинный кинжал в ящике со столовыми принадлежностями и спрятала под подушкой. На всякий случай.

А затем снова попыталась колдовать.

Княжич упоминал, что я все еще была способна на простенькое низкоуровневое колдовство, да и капли огня исправно капали с пальцев. Отталкиваясь от этих исходных данных, я экспериментировала.

Браслет должен был работать по каким-то правилам, но, к сожалению, они были мне неизвестны. Поэтому я решила попробовать воплотить в жизнь самую простую идею.

Раз за разом я вызывала под ребрами жгучее ощущение зарождающегося огня, безуспешно пытаясь создать эксплозию

дракона. Несмотря ни на что.

На то, что не получалось.

На то, что ничего толком не умела.

Несмотря на кажущуюся бесполезность этого занятия.

Я продолжала. У меня была лишь одна надежда: сила браслета Ренвиэля ограничена. Если этот артефакт похож на электронный прибор, работающий от некоего блока питания, то на каждое воздействие ему требуется энергия. А значит, чем больше воздействий я сумею заставить его совершить, тем быстрее “батарея” сядет. Артефакт выйдет из строя.

Впрочем, если я ошиблась, то у меня ничего не получится. И я лишь зря трачу силы и время.

На самом деле я не собиралась сбегать, несмотря на все страшные подозрения, которые закрались в душу от умалчиваний вампира. Свое слово нужно держать, даже если кажется, что ты потеряешь от этого слишком много. Иначе кто ты после этого?..

В конце концов, если бы Ренвиэль не пришел мне на помощь, скорее всего, я уже была бы мертва благодаря всем уловкам Ильнарион Ночной Искры. Я *уже* задолжала ему жизнь. И обязана была отплатить.

Но не более того. К тому же, несмотря на данное слово и намерение остаться в Шеллаэрде, я хотела ощущать себя сильной. Я не обещала отдавать свою магию и оставаться совершенно беззащитной! У меня эта магия только недавно появилась, и я не собиралась ее лишаться. К тому же только с ее помощью я инстинктивно ощущала тонкую, ускользающую связь с Айденом. Да, я не могла прийти к нему в любой момент времени, но, зная, что такая возможность у меня есть, я ощущала спокойствие.

Теперь не было и этого.

Поэтому, надеясь на лучшее, я раз за разом вызывала огонь, капающий с пальцев, и с тоской смотрела, как появляется на полу крохотная грустная лужица и стремительно исчезает.

Снова и снова, пока глаза не стали слипаться, а за окном не начал заниматься рассвет.

Магия требовала много сил, и, хотя фактически ни одно колдовство реально не состоялось, я все равно чувствовала себя страшно измотанной. Уже проваливаясь в глубокий беспокойный сон,

я заметила, что лужица на полу словно бы стала больше, а на ее дне я увидела два круглых зеленоватых огонька…

Когда я открыла глаза, у меня на постели лежал Гвенвин и мирно сопел как ни в чем не бывало.

– Вот сейчас вообще непонятно, – выдала я, спросонья потирая глаза и пытаясь понять, где вообще нахожусь.

Осознание приходило медленно, особенно учитывая, кто сидел прямо передо мной, потягивая тощие лапы.

Нет, я не вернулась в Чертог Огня никаким чудом. Я все еще была в замке Ренвиэля.

– Как ты тут оказался? – выдохнула я, осматривая животное с некоторой опаской. Может, это вообще не мой ирлис, а какой-нибудь другой? Мало ли, может, у этих вампиров ирлисы в качестве домашних животных?

Но, к счастью, не узнать моего собственного звереныша было невозможно. Что-то было в его движениях привычное и характерное. Да и глаза блестели умными зелеными огоньками…

Огоньки!

– Так ты пришел через портал эксплозии, верно? – ахнула я, придвигая животное к себе и слушая довольное рычание.

Гвенвин уже гораздо больше напоминал домашнего кота, чем прежде. Разве что мурлыкал страшно и в качестве выражения любви мог больно кусануть за руку. Вот и сейчас он едва не провернул со мной этот фокус, я в последний момент успела отдернуть ладонь.

– А вот и нет! – усмехнулась я, почесывая друга за ухом. Тот щелкнул челюстями возле моих пальцев и возмущенно фыркнул.

А я задумалась.

– Значит, эксплозия все же сработала, – проговорила я тихо. – Только ее силы хватило лишь на кота…

Снова фырчание и щелкнувшие челюсти.

– На ирлиса, на ирлиса, я хотела сказать! – тут же поправилась с улыбкой, одновременно разглядывая цепочку с кроваво-алым камнем.

Внешне она ничем не изменилась, но мне казалось, что я ощущаю от нее гораздо меньше холода, чем прежде.

Поэтому едва я немного пришла в себя, как снова приступила к своим опытам. Ирлис спокойно валялся рядом на кровати, не проявляя ко мне, кажется, ни капли интереса.

В какой-то момент в дверь скромно постучали, и едва я успела бросить Гвенвину: “Быстро под кровать”, как дверь распахнулась.

Как ни странно, ирлис послушался, хотя прежде я за ним такой покладистости не наблюдала. А уж тем более такого явного понимания человеческой речи.

Но сейчас было не до него.

– Госпожа, обед для вас, – проговорила скромно какая-то русоволосая девушка, не поднимая на меня глаз. Поставила поднос на каменный столик у окна и, откланявшись, ушла.

Я не успела сказать ни слова.

Еда на подносе пахла просто умопомрачительно, но на этот раз я была уже не так беспечна, как прежде. Кроме того, меньше всего мне хотелось оказаться этой ночью на таинственном ритуале Ренвиэля не только без магии, но еще и опоенной какой-нибудь дрянью.

Поэтому, едва дверь за служанкой закрылась, я бросила ирлису:

– Гвенвин, обнюхай еду, пожалуйста! Съедобно?

И снова зверь понял меня с первого раза, что уже было совсем не смешно, но очень даже привычно. Нужно было принять как факт, что ирлис совсем не простое животное, но я никак не могла с этим смириться.

Гвенвин тем временем прыгнул к моему подносу, деловито изучил все нескромное содержимое, затем вцепился зубами в нечто, напоминающее индюшачью ногу, и скрылся под кроватью с громким чавканьем.

– Надо понимать, что все в порядке, – хмыкнула я, решив не отказывать себе в приеме пищи. Силы мне еще понадобятся, а без обеда их будет не слишком-то много.

После еды я снова принялась за эксплозию, на этот раз тихо шепча: “Айден, Айден, Айден…”

И с каждой новой попыткой все отчетливей видела в зеркальном отражении крохотной лужи огня, что превращалась в нестабильный вихрь эксплозии, бесчувственное бледное лицо принца.

Мне казалось, что я вот-вот буду у цели. Браслет пропускал уже гораздо более сильную струю огня, и его холод ощущался уже не так сильно, как раньше. И все же черно-желтой спирали магии было недостаточно для того, чтобы я могла переместиться.

Так дело подошло к вечеру, и в мою комнату снова вошла та же служанка. Ирлис едва успел юркнуть под кровать, как у окна очутился новый поднос. Только вот на этот раз девушка вдруг подняла на меня скромный взгляд и проговорила:

– Темный княжич просил передать, что вам следует быть готовой.

С этими словами она кивнула в сторону дивана, на котором лежал подозрительный наряд с босоножками. Я сознательно не глядела на него с самого момента появления в этой комнате. Словно пыталась оттянуть пугающий момент ритуала на более длительный срок.

– Я приду за вами за два часа до полуночи, госпожа, – добавила девушка, поклонилась и снова исчезла.

А я поняла, что времени у меня больше нет.

Глава 14

Ильнарион

Ильнарион Ночная искра нервничала. Она мерила мелкими шагами коридор перед покоями дофина империи, пытаясь придумать, что сказать. Как правильно подать информацию, как вылететь из жерла вулкана, не подпалив крылья.

Она прекрасно знала, что за причинение вреда этой проклятой ааре ее по головке не погладят. Знала, что будь на месте Селины любая другая аара, все закончилось бы парой сердитых слов, а может быть, и вовсе ей ничего не сказали бы. Ведь девчонка напала на нее! Простая человеческая самка посмела угрожать даркессе и даже нанести ей физический вред!

За это полагалось самое жестокое наказание, и что с того, что это наказание определила она сама в отсутствие имперских принцев и Айдениона, находящегося без сознания?

Ничего в этом ужасного не было бы, если бы речь шла не о ааре Селине. Не о странной человеческой девке, сумевшей сотворить эксплозию – заклятие четвертого уровня. Не о женщине, которую Мельгорион Сизый Пепел перед всеми назвал то ли проклятием богов, то ли их благословением, вознамерившись забрать себе. Если бы речь шла не о сучке, которую потребовал сам княжич Шеллаэрде.

Ильнарион не была посвящена в детали переговоров между принцами и Ренвиэлем и понятия не имела, что Селина была еще и частью временного пакта о ненападении. Не знала она и того, как ей удалось сбежать с арены заключенных. Иначе сейчас она нервничала бы еще сильнее.

Впрочем, Ильнарион хватало и того, что есть, чтобы чувствовать себя не в своей тарелке.

Когда массивные двери распахнулись перед ней и она увидела всех шестерых принцев в сборе, самообладание ей едва не отказало. Однако привычным движением она приподняла подбородок, выпрямила спину и, надев на лицо самую обворожительную из своих улыбок, неторопливо двинулась вперед.

Внешность всегда была ее оружием, и Ильнарион прекрасно умела им управлять.

– Легкого ветра под ваши крылья, мои принцы, – проговорила она с легким поклоном.

Платье из полупрозрачного шелка колыхнулось, грудь качнулась в вырезе декольте. Тонким драконьим чутьем она ощутила ауры всех шестерых мужчин и вдруг почувствовала еще одного, которого не заметила сперва. Мельгорион Сизый Пепел. Он тоже был тут.

Хитрый Старейшина стоял чуть поодаль от остальных, даже будто бы слегка прячась в тени. Как ему это удавалось, Ильнарион понятия не имела. Однако этому древнему дракону было так много лет, что к его возрасту можно было стать обладателем не одного секрета.

– Легкого ветра, Ильнарион, – кивнул Элайдарион спокойно, и золотые волосы чуть упали вперед, бросая тени на его красивые глаза.

Официальный наследник Новой Райялари всегда нравился Ночной Искре. И сейчас сердце привычно ударило о ребра и затихло на миг, когда аура силы дофина коснулась ее кожи.

Ильнарион втянула воздух глубже, позволив эротическому голоду, окружавшему Элайдариона, как и любого дракона, проникнуть в нее. Она нарочно не защищалась от его магии, пытаясь показать, что ее душа – открытая книга.

Конечно, это было не так. Но открытость должна была сыграть ей на руку. Кроме того, Ильнарион просто нравилось ощущать эту головокружительную жажду, вдыхать страсть, что кипела в крови драконов, распространяясь даже на воздух вокруг них. Желание обволакивало ее, заставляло покрываться мурашками кожу, вибрировало на оголенных нервах.

Люди не понимали, что это чистое колдовство и сила крови Крылатого племени, когда ощущали сексуальное желание в присутствии каждого дракона. А вот драконы могли себя контролировать и защищаться от воздействия.

Элайдарион приподнял бровь, явно понимая, отчего на щеках даркессы появился алый румянец.

Жаль, что он сам никогда не интересовался Ночной Искрой, сколько бы она ни пыталась обратить на себя его внимание.

– Ты хотела что-то сообщить нам, Ильнарион, не так ли? – мягко проговорил дофин, сидя в глубоком кресле с алой бархатной спинкой и

темно-шоколадными подлокотниками.

Искра кивнула и эротично прикусила губу, сдвинув аккуратно выщипанные брови. От этого ее лицо должно было приобрести виноватое и расстроенное выражение.

– Я узнала… Я узнала нечто ужасное! – воскликнула она и тут же прикрыла одной ладошкой глаза, второй обмахивая себя, словно для того, чтобы не заплакать. – Я не знаю, имею ли я право говорить, я хотела сказать это вам с глазу на глаз, чтобы… чтобы…

– Чтобы что? – негромко оборвал ее стенания дофин, чуть склонив голову набок. По его лицу было совершенно непонятно, действует на него ее игра или нет.

– Ах, бедная девушка, она так переживает! – воскликнул чуть со стороны Сирглинарион. Оказалось, что он полулежал на широком подоконнике позади всех остальных принцев. Его странные черные волосы с зелеными отблесками сейчас были почти спокойны, но Ильнарион все равно пробрала дрожь. Она всегда боялась этого странного дарка с непонятными сумасшедше-пронзительными глазами.

Гленхейдлион слева от дофина хмыкнул, тряхнув ядовито-рыжеватой шевелюрой.

Остальные принцы оставались неподвижны и молчаливы, каждый будто бы занимался своим делом, обращая на драконицу мало внимания.

Это сбивало с толку. Ильнарион выдавила из себя беспокойную улыбку, всем видом показывая, в каком она находится замешательстве. От этой хитрости у любого мужчины тут же должен был взыграть инстинкт защитника, однако пожалеть и успокоить бедняжку почему-то никто не спешил. Кроме разве что Сирглинариона, чье участливое выражение лица слишком сильно напоминало издевку.

– Продолжай, пожалуйста, Ильнарион, – махнул рукой дофин, и даркесса сделала несколько шагов к столу, за которым он сидел.

Краем глаза она заметила какую-то раскрытую записную книжку перед Элайдарионом и уже хотела заглянуть внутрь, но тот неторопливо закрыл ее и убрал в ящик стола.

– Скажите, мой принц, идет ли на поправку его высочество Айденион? – выдохнула она, сжав край стола тонкими пальчиками и склонившись над ним всей своей хрупкой фигуркой. Грудь тут же

стала выглядывать из декольте гораздо сильнее, а длинные, идеально-серебристые локоны красиво упали вперед, обрамляя лицо даркессы.

Один из принцев переступил с ноги на ногу, другой вздохнул чуть громче обычного.

Ильнарион была красива. И она об этом знала.

Но дофин оставался так же невозмутим, как и прежде.

– К сожалению, наш брат до сих пор не приходит в сознание, и лекари не дают никаких гарантий. Они не понимают, что с ним происходит. По их словам, яд уже полностью вышел из его тела, однако это ничего не меняет. Он все так же не может очнуться.

– Ах, как это ужасно, мое бедное сердце! – воскликнула даркесса, и по ее щеке скатилась самая настоящая слеза. Это было непросто, но драконица справилась. – Но почему, почему же так происходит?

– Мы все переживаем, Ильнарион, – спокойно сказал Элайдарион, устремив взгляд на пустую столешницу. На короткое мгновение между его бровей пролегла складка. – Медики говорят, что, возможно, черное золото оставило слишком много повреждений во внутренних системах его организма. И самостоятельно они восстановиться не могут в силу магических причин. Однако мы надеемся, что Седьмой принц очнется в любой момент.

– Ох, как это отрадно слышать, мой повелитель, – выдохнула женщина, выпрямляясь и тонким жестом сбрасывая слезу со щеки, чтобы еще раз обратить на нее всеобщее внимание. – Но как вы думаете, тогда, наверное, ничто не должно омрачать пробуждение Айдениона, когда это событие наконец произойдет? – спросила она, осторожно подводя разговор к нужной ей одной теме.

– Конечно, – кивнул дофин. – Беспокоить Айдена будет совершенно ни к чему. А ты знаешь что-то, что может расстроить нашего брата?

Ильнарион прикусила губу, прижав ладошку к пышной груди.

– Мне кажется, я знаю нечто, что может не расстроить его светлейшество Седьмого принца, но повредить ему или его здоровью, не приведи Яросветная.

– Так что же ты тянешь? Говори, – нахмурился Элайдарион.

Сирглинарион Ядовитое Сердце улыбнулся на другом конце комнаты и взглянул в окно, словно увидел там нечто ужасно интересное.

Ильнарион набрала в грудь побольше воздуха, будто ей было ужасно тяжело говорить.

– Это очень деликатная тема, и я ни в коем случае не хотела бы…

– Говори уже, перед всеми присутствующими ты можешь быть абсолютно откровенна! – слегка повысил голос дофин. – Что может повредить моему брату?

– Его новая аара Селина, – ответила тогда даркесса с легким поклоном.

– Вот как? – непритворно удивился золотоволосый принц. – Чем же?

– Прошу прощения, мой принц, за деликатную тему, но Айденион Огненнокрылый был ее первым мужчиной. Я узнала это от самой аары.

Кабинет наполнило гнетущее молчание.

– То есть, по твоим словам, Седьмой принц нарушил установленные Старейшинами правила, – констатировал факт Мельгорион, впервые с начала разговора подавший голос из своего угла. – И создал связь, что может прочно соединить его магию с магией человеческой девушки?

– Так и есть, о мудрейший, – с поклоном ответила Ильнарион, внутренне радуясь, что удалось так аккуратно преподнести новость. Словно и нет ее вины в этом доносе. Будто бы все это она делала исключительно от чистого сердца.

– Не новости, а блеск! Может, именно поэтому Селина и способна на эксплозию, что Айден поделился с ней магией? – мрачно бросил Гленхейдлион, посмотрев на дофина.

Элайдарион нахмурился. Мельгорион подошел ближе к столу.

– Может быть все что угодно, – важно добавил он. – Такие связи не просто так запрещены уже несколько столетий.

– Ничего подобного ни разу не было доказано, – ответил с другой стороны от дофина Ренлинарион – принц, который нравился Ильнарион почти так же, как наследник престола. Этот дракон с короткими черными волосами, едва прикрывающими уши, был веселым и галантным, у него всегда в запасе было несколько витиеватых комплиментов, и за словом он в карман не лез. Жаль только, что за ним ходила слава прожженного бабника, регулярно

меняющего “юбки”. – Я лично вообще думаю, что это слухи, – ухмыльнулся он, неожиданно подмигнув Ильнарион.

Даркесса через силу выдавила из себя ответную скупую улыбку.

Она и не сомневалась, что Ренлин начнет защищать возможность ухлестнуть за какой-нибудь смазливой человеческой девственницей.

– Не стоит оспаривать мнение Старейшин, мальчик, – строго, но культурно проговорил Мельгорион, покачав головой. – Это правило работало годами, а стоило кому-то его нарушить, как начинались проблемы. Может быть, именно поэтому бедный Айденион не может оправиться от ранения, что ему не хватает сил? Может быть, магия этой человеческой девчонки отравила его, лишив возможности регенерировать? Сделав его слабым?

Ильнарион уже улыбалась по-настоящему. Но только внутренне, к сожалению. Внешне ей все еще приходилось держать благообразное скорбное выражение лица.

Дофин хмурился все сильнее, и это было прекрасно.

– Что же ты предлагаешь? – спросил он тоже у главного Старейшины.

– Несомненно, разделить их, мой принц, – с поклоном ответил Сизый Пепел. – И после пробуждения Айдениона ни в коем случае не допускать к нему эту аару.

– А где сейчас Селина? – спросил Элайдарион, оглядываясь по сторонам.

Ночная Искра вздрогнула, чувствуя, как покрывается прохладными мурашками. На всякий случай она еще раз судорожно вспомнила, что все концы подчистила, а всех свидетелей своей пакости нейтрализовала. Главная аара Седьмого принца все еще не могла покидать пределов своего атриса, а двух охранников, что вели Селину в казематы, она перевела в собственный Чертог, посулив более высокую зарплату. В тюрьме же никто пропавшую аару искать не станет.

– Она с княжичем Шеллаэрде, – неожиданно ответил Сирглинарион то, что Ночная Искра никак не ожидала услышать.

– Что? Все еще там? – удивился дофин. – Я был уверен, что она пожелает вернуться.

– Напротив, Элайдар, – как-то странно усмехнулся Отравленное Сердце, – она приняла его предложение и сама отправилась в его

дворец.

– То есть теперь она официально принадлежит княжичу? – выдохнул дофин, широко раскрыв глаза.

– Формально – да, – ответил Сирглин, и его глаза почему-то очень хитро блеснули.

Ильнарион совершенно не разбиралась в мимике этого странного принца, но даже она видела, что Отравленное Сердце что-то скрывает.

Мельгорион тоже нахмурился.

– Селина отдана Шеллаэрде официально? – спросил он, тоже, видимо, впервые узнав об этом.

Дофин только сухо кивнул.

– Как мне ни жаль это слышать, – ответил Старейшина, – но, видимо, все к лучшему. Так аара будет находиться максимально далеко от Айдениона. Это хорошо.

– Не тебе принимать это решение, – покачал головой Элайдарион.

– Я не принимаю его, мой принц, – смиренно поклонился Мельгорион. – Вы приняли его сами. Я лишь высказываюсь о том, что решение это было верным.

С этими словами он вдруг начал пятиться назад к двери с легким поклоном.

– Если позволите… – протянул он, и едва дофин махнул рукой, как Мельгор скрылся из кабинета, словно его и не было.

– Ты тоже можешь идти, Ильнарион, – кивнул ей Элайдарион. – Спасибо за сообщение, насчет здоровья Айдена мы будем держать тебя в курсе.

– Благодарю, мой принц, – выдохнула Ночная Искра, тоже пятясь спиной к двери со склоненной головой.

Но это уже не причиняло даркессе никакого неудобства.

Она достигла цели, рассказала обо всем, о чем хотела, и сделала это так, что никто не мог отвести от нее взгляд, при этом не заподозрив ее в корысти или злом умысле.

Ильнарион была довольна собой. Однако сейчас на ее лице больше не было улыбки. Ей нужно было в Шеллаэрде, и срочно.

Именно об этом она думала, сжав губы, шагая в портал эксплозии.

* * *

Айденион Огненнокрылый

Седьмой сын Вайлариона Черной Смерти и Амелион Златопламенной не находил себе места. Отчего-то его беспокойство последние дни росло в масштабах снежной лавины: сперва лишь только слышался вдали пугающий грохот, но вот ты поднимаешь голову и понимаешь, что впереди смерть и она мчится прямо на тебя с неотвратимостью Рока.

Примерно так себя чувствовал и он. Седьмой принц Новой Райялари. Дракон по крови, истинный потомок богов.

Стены его выдуманного ментального мира потихоньку сужались и превращались в тюрьму. На небе больше не светило солнце, сменившись тяжелыми серыми тучами, сквозь которые не проникало ни единого луча света. И как бы Айден ни пытался это изменить, заново перекраивая мир под свои желания, ничего не выходило.

Его сознание слишком четко отражало все, что творилось внутри него.

Но, к сожалению, сам Айден понятия не имел, почему так происходит.

Селина не приходила к нему уже несколько дней. И как бы он ни пытался убедить себя в том, что она просто следует его приказу, как и должна, это не успокаивало. Он слишком хорошо помнил, что его странная аара, девчонка из другого мира, чихать хотела на все его приказы.

И несмотря на то, что его учили совершенно другому, Айден никогда не испытывал раздражения или злости на непокорную девушку. С детства Седьмой принц привык к тому, что слово любого дарка для человека закон. А уж слово имперского принца и вовсе на вес золота.

Однако вечно спорящая с ним Селина всегда вызывала у него лишь улыбку и желание наказать девчонку так, чтобы ей при этом еще и понравилось.

Странное и нелогичное поведение для чистокровного дарка. Поведение, наталкивающее на мысли о том, что ему и впрямь не следовало заниматься любовью с девственницей.

Может быть, его мягкотелость – следствие запретной связи? Может, все и впрямь так, как говорили некоторые Старейшины, а

кровь и магия человеческой женщины способны свести дракона с ума?..

На самом деле Айден ни на секунду в это не верил, считая все горячечным бредом стариков-драконов. Тем более что абсолютно точно доказать какое-либо воздействие было невозможно.

Однако странные огненно-красные крылья, что вырастали у него за спиной только в присутствии поблизости Селины, тоже явно появлялись неспроста. И списать их также на горячечный бред уже не выходило.

Время шло, а тучи над головой принца в его ментальном мире только сгущались. Айден поднял голову, вглядываясь в черный горизонт, и вдруг заметил, как бескрайнее небо рассекла ослепительно-белая молния.

Он вздрогнул.

Могло ли быть так, что его тело умирало? Быть может, все дело в том, что ему становится хуже, поэтому и выдуманная клетка разума начала рушиться?

В таком случае вряд ли у него осталось много времени.

Седьмой принц сдвинул брови, глубоко вздохнув, и положил руку на обнаженную грудь. Затем осторожно сжал пальцы в кулак и, отодвинув кисть от груди, снова распахнул их.

На ладони медленно проступали контуры амулета из черного золота. Сперва он был полупрозрачный, но с каждой секундой становился все объемнее и ярче, пока окончательно не превратился в небольшое дерево с абсолютно круглой кроной и совсем небольшим стволом в основании. Ветви дерева расходились в стороны, образуя красивые завитушки, а уже они складывались в необычные узоры.

Этот амулет достался ему от отца. Вайларион никогда не говорил, почему отдал его именно Седьмому сыну, ведь подобный амулет был в их семье всего один. Когда Айден был еще совсем маленьким драконом, отец рассказывал, что якобы тысячелетия назад сама Яросветная дева подарила его одному из своих сыновей. Таких подарков было много, и все они хранились в семьях первых детей богов. У Вайлариона был всего один подобный амулет, доставшийся ему от его собственного отца.

Тогда Айден надел амулет на шею, и в тот же миг подвеска исчезла, словно ее и не было. Мальчик удивился, но отец объяснил, что

такова особенность подарка: никто не должен о нем знать. Никто не должен его видеть. Подарки богов показывают свою силу лишь тогда, когда нужны.

Айден кивнул и с тех пор никому не рассказывал о случившемся. А на амулет он любовался исключительно тогда, когда был один, пока и вовсе не стал о нем забывать.

Прямо сейчас Айден вгляделся в ветки, что напоминали сердечки или диковинные зимние узоры, и вдруг вздрогнул. Где-то вдали снова мелькнула молния, и грохот грома прошил его тело насквозь одновременно с острой мыслью о сходстве изображения на его амулете и сережках, что носила Селина с первого дня их встречи.

Морозные завитки, напоминающие сердца, вписанные в круг…

Точно как узоры в круге его дерева!

В груди снова что-то екнуло, сердце застучало громче, пульс начал зашкаливать.

– Что это, мать вашу, значит?.. – выдохнул он, крепко сжимая тонкие переплетения металла. Так сильно сдавливая их, что казалось, они вот-вот погнутся.

Однако случилось другое.

Когда напряжение под ребрами достигло своего апогея, в голове Айдена будто бы щелкнуло что-то, и за зажмуренными глазами разбросала алые искры ослепительная вспышка.

Он увидел ту, по которой безмерно скучал. Женщину, при мысли о которой его сердце уже много дней обливалось кровью, потому что ее не было рядом с ним.

Он увидел Селину.

На ней было тонкое, как паутина, золотое платье, скрывающее лишь некоторые части тела струящимися невесомыми тканями. Диковинные застежки из желтого золота скрепляли отдельные элементы наряда, а блестящие нити очерчивали контур высокой груди, впалого живота и изящных бедер.

Ничего подобного не носили ни дарки, ни люди, ни даже оборотни в Чертоге Огня. Такой моды и вовсе не было в Новой Райялари.

Зато была Шеллаэрде…

Едва эта мысль уложилась в голове, как Айденион почувствовал прилив бешенства. Его бросило в жар, а под лопатками появился

знакомый уже зуд и легкая боль от роста огненных крыльев.

Его Селина была в Шеллаэрде! Она шла по блестящим черным плиткам пола, и Седьмой принц видел, как ее руки слегка подрагивают. Огромные голубые глаза, в которых, словно в бездонных озерах, он так любил видеть свое отражение, сейчас были испуганно распахнуты.

– Куда ты идешь? – невольно выдохнул он. – Какого упыря происходит?.. – говорил он скорее сам себе, чем кому-либо конкретно. Ведь в его ментальном мире, кроме него, больше никого и не было. Да и Селина не могла слышать его сквозь туман пространства.

Айден не понимал, что за чушь показывает ему амулет богини. Не знал он, прошлое это, будущее или настоящее, но, к своему неприятному изумлению, вдруг обнаружил, что вместе с неведомыми образами ему вновь начали являться Нити Судьбы. Те самые, которые он уже видел совсем недавно и которые уже был готов принять за галлюцинацию.

Нити Судьбы способны видеть лишь пророки. Или боги.

Но он видел. Тонкие, пульсирующие, протягивающие свои паутинные лапы сквозь бесконечность времени, они тянулись к Селине. Острыми иглами пронзали картину, что показывал амулет, и сплетались вокруг хрупкого полуобнаженного тела девушки.

– Нет, пожалуйста, только не это… – шептали губы принца, хотя он и сам не понимал, что говорит. Только чувствовал, что грядет нечто ужасное.

А Селина продолжала идти по каменным плиткам, пока вдруг не стало ясно, что она в тронном зале замка Кровавый Тюльпан. Резиденции Кровавого князя.

Шаг, еще шаг… И рядом с ней оказывается проклятый Ренвиэль Эстерийский. Он улыбается и даже не думает скрывать острые клыки, торчащие из-под багряных губ…

Айдена бросило в холодный пот.

Из видения его вырвало так быстро, словно кто-то дернул его за волосы, подняв вверх. Принц открыл глаза, пытаясь отдышаться, будто едва не утонул. Но он уже не видел ничего вокруг. Только Селину и вампира, который вот-вот должен был сделать с ней что-то ужасное.

Сердце билось в груди так быстро, что Айден едва мог соображать. В ушах шумело. Он нервно оглядывался по сторонам,

отчаянно пытаясь понять: как ему, демоны их всех сожгите, выбраться отсюда? Как ему очнуться?

Потому что если он этого не сделает, потом можно уже и не просыпаться.

На горизонте его проклятого мира сверкнула молния и полил дождь. Но он не был теплым или приятным, ледяные струи жгли кожу, били по ней, почти разрезали насквозь.

Волосы Айдена прилипли к щекам, пока он с силой сжимал перила балкона выдуманного им же самим замка. Толстый металл заскрипел и треснул в его руках. В небе снова зажглась молния.

Принц попробовал воззвать к своему ключу тиаре. Магия где-то в центре груди слегка забурлила и исчезла. В этом мире она не работала, тут царили какие-то иные, мысленные законы, полный список которых Айденион так и не изучил. Да и негде было взять свод правил.

Едва он осознал, что снова ничего не выходит, как все его существо начала захлестывать паника. Но Седьмой принц новой Райялари слишком не привык бояться, поэтому страх в нем смешивался с яростью, выплескиваясь вокруг сокрушающим огнем. Так его учили с детства.

Дракон не боится.

Дракон бьет.

Вместе со злым криком из его горла вырвалась струя огня. С кончиков пальцев засочилось пламя, пока Айден хватал тонкий кованый стул из черной стали и с силой швырял его о перила балкона.

Сердце Седьмого принца разрывали боль и ужас. Страх, что он ничем не сможет помочь Селине. Что, несмотря на все его желание исчезнуть отсюда, он не сможет сделать ничего. Там, в реальном мире, он не сумеет пошевелить даже мизинцем, так и продолжая лежать на белоснежной постели в своих покоях.

Гром стал сильнее, а молнии уже били над его головой, но Айден не замечал. Казалось, мир вокруг него сошел с ума. Да и какая разница, даже если это конец? Кому какое дело, если вот-вот одна из этих молний попадет в него самого, навсегда остановив его сердце в обоих мирах?

Никто и не заметит. Для большинства дарков он наверняка уже мертв. Вряд ли кто-то верит в то, что после ранения черным золотом

можно очнуться. Даже вампиры, судя по всему, записали его в мертвецы, раз решили забрать самое ценное, что у него было…

Самое ценное.

Мысль эхом отразилась в его сознании, едва не доведя его до последней грани отчаяния, за которым следует апатия. Бездействие и смерть.

Вслед за стулом Айден схватил стол с тяжелой каменной столешницей и швырнул его в стену, заставив разлететься на тысячу мелких кусочков, отколов от монолита башни мелкую крошку.

Глядя, как она сыплется на пол, Айден подошел к стене и собственными руками стал заканчивать то, что начал стол. Он бил по серому кирпичу кулаками, не слыша, как из груди доносится драконье рычание, почти не чувствуя, как колышутся за спиной огненные крылья. Почти сразу он ободрал кожу на кистях, но какое это имело значение?

Молния разрезала небо, казалось, в паре метров над ним. Стихия подбиралась к нему. Теперь он чувствовал, что она и впрямь собирается его убить.

Он стиснул зубы, стараясь сдержать рвущуюся из сердца боль, глуша ее болью в переломанных костяшках пальцев, в разодранной коже кулаков и сломанных когтях, которыми он хватался за стену и вырывал из нее куски. Что с того, что все это не по настоящему? Кровь была того же цвета, что и всегда, а ссадины и раны ныли и дергали ничуть не меньше обычного.

Айден не видел, как из его глаз катятся капли злого огня, обжигая кожу, оставляя черные дорожки на щеках. Зато он видел, как огромная, выстроенная им самим замковая башня пошла трещинами и стала разрушаться. И это радовало. Камни объяло его собственное пламя, в сколы просочился огонь, еще сильнее разрушая колдовскую конструкцию.

Вот-вот все должно было обвалиться, погребая под собой и его самого.

Айден не знал, убьет ли его это, или все же сперва до него доберется стихия, но чувствовал, что конец уже близко.

Он не смог.

Не смог…

Принц опустил руки на дрожащую стену, погрузив драконьи когти в толстые растущие щели, и опустил голову. По щекам лился огонь, а сквозь зубы доносилось рваное сбивчивое дыхание.

В этот момент он снова услышал то, что происходило прямо сейчас с его настоящим телом. Так бывало иногда, когда ему удавалось достаточно сконцентрироваться. Связь с реальностью восстанавливалась, и он мог различать голоса дарков, что его лечили. Иногда он слышал и голоса братьев.

– Что-то произошло, мой принц, мы не можем понять… – виновато говорил кто-то, судя по заискивающему тембру – главный лекарь Чертога Огня.

– Что это значит? – глухо спросил Элайдарион, и Айден на миг почувствовал болезненный укол в сердце.

Под ребра закралось острое предчувствие: похоже, он никогда больше не увидит братьев…

– Его сердце начало останавливаться, – так тихо ответил лекарь, что Айден едва смог различить.

На его губах появилась злая усмешка. Он поднял голову к черному небу, понимая, что был прав. Молния пришла его убить.

– Что значит “начало останавливаться”?! Он дракон! Делайте, что хотите, если он умрет, я собственноручно сверну вам шею! – раздался злой крик, в котором Айден без труда узнал Гленхейдлиона. Своего милого бешеного старшего братца.

– Ничего уже не сделать, – виновато ответил медик. – Я сожалею, мои принцы. Но его драконья регенерация не работает. А на лекарства и колдовство он больше не реагирует.

– Шерблайдова твоя задница, какого демона ты несешь?

Кто-то застонал, словно его только что ударили.

– Глен, прекрати! – снова голос его рационального брата. Элайдарион всегда умел сохранять спокойствие. Даже в самые безумные и ужасные моменты их жизни. – Сколько ему осталось?

Похоже, медик пытался откашляться. А затем прозвучал ответ:

– От силы пара минут…

Айден сжал губы и тряхнул головой, нарочно отсоединяясь от внешнего мира.

– Ну вот и все, – проговорил он, подняв огненный взгляд в небо. Оно становилось все темнее и темнее, а туча прямо над ним клубилась

пугающим иссиня-черным дымом. – Похоже, ты меня почти добила, – проговорил он тихо сквозь зубы.

Башня почему-то все еще держалась.

Айден сделал глубокий вздох. Крылья за его спиной раскрылись и дрогнули.

– Но так просто я не сдамся, – прорычал он, стискивая правый кулак посильнее. – Это мой мир и мои правила, – закончил он в тот же миг, как в стиснутой руке вдруг материализовался громадный огненный меч.

Айден почти не смотрел на него, понятия не имея, откуда тот появился. Он просто развернулся, одновременно взлетая в воздух, одним движением ударил мечом по башне, заставляя ту с грохотом рассыпаться как карточный домик, разлететься в стороны мириадами камней и острой крошки, а затем начал подниматься все выше и выше, наконец оказавшись рядом с проклятым черным облаком.

Как ни странно, вместе с башней внезапно начал рушиться и весь мир вокруг. Трава тускнела и обращалась в пепел, земля летела вслед за ней. Но Айден всего этого не замечал.

– Я дракон, – проговорил он мрачно, замирая в воздухе рядом с громовой тучей. – И я сам выберу, как мне умереть.

И ударил мечом клубящуюся тьму, что прямо в это мгновение рассеклась ослепительной белой молнией.

По телу Айдена будто прошел каленый снежный огонь. Он был драконом и лучше кого-либо другого знал, что такое жар. Однако так горячо ему не было никогда в жизни.

Казалось, горел каждый миллиметр его тела, кости и мышцы, легкие и сердце. Он потерял сознание в тот же миг, понимая, что наверняка прямо сейчас превращается в пепел.

Это был конец.

А затем он вдруг открыл глаза и резко сел на своей кровати, с широко распахнутыми глазами глядя на главного медика и шестерых своих братьев, которые не могли произнести ни слова.

В его руках был огненный меч, а за спиной колыхались огненные крылья.

Как во сне… Как в ментальном бреду, в котором он только что едва не погиб.

– Мне бы стакан воды, – хрипло произнес он тогда, глядя на Элайдариона, который был ближе всех. – А лучше графин…

И в это мгновение все вокруг словно ожили. Мир наполнили звуки и краски, шум и крики обнимающих его братьев. Ругань Гленхейда, выпинывающего из комнаты лекаря, голос оттаскивающего его Иланшера, тихий непонятный шепот Сирглина: “Я надеялся, что ты сможешь, брат…” Удивленные вопросы Ольгердариона: “Что это за хрень у тебя за спиной?!”

Все смешалось.

Но главное, что он был жив.

Жив.

А значит, у него был шанс спасти свою маленькую аару…

* * *

Элайдарион Золотой Закат

Дофин новой Райялари и официальный наследник империи остался в покоях наедине со своим младшим братом. Айденион едва очнулся, как начал стремительно собираться, при этом уточнив, что им двоим необходимо срочно поговорить.

С трудом удалось выпроводить остальных братьев, которые слишком шумели и задавали множество вопросов, часть которых была вполне уместной, надо признать. И хотя странные крылья за спиной Айдена уже исчезли, как и огненный меч, они все еще вызывали серьезное недоумение.

– Что с тобой происходит? – спросил Элайдарион, оперевшись бедрами о низкий стол для документов и сложив руки на груди. – Ты должен оставаться в постели, тебя обязаны осмотреть лекари.

– Какие? Которые сказали, что я не жилец? – хмыкнул Айден, с какой-то стати роющийся в шкафу и натягивающий на себя одежду безо всякой магии. Хотя стоило ему щелкнуть пальцами, и одежда сама оказалась бы на нем. Эту непростую, но и вовсе не сложную печать они все вместе изучили еще лет в восемь, с годами только совершенствуясь в фокусах по переодеванию.

– Нет, этих мы выгоним и возьмем новых, – совершенно серьезно ответил Элайдар. Несмотря на то, что в драконьей империи была

принята преемственность профессий и должностей, многие из них передавались по наследству, а то и вовсе были дарованы нынешним лекарям еще его отцом, дофин не собирался держать при себе дарков, которые едва не прикончили его брата. – Но ты только что пришел в себя. Что происходит вообще?

– Эл, я должен немедленно попасть в Шеллаэрде, – резко ответил Айден, натягивая белоснежную рубашку и скидывая с себя бинты так, словно это были змеи. – Там Селина. И я очень хотел бы узнать, какого демона тут случилось, пока я был в отключке, но на это нет времени.

– Айден, – дофин напрягся, вспомнив слова Ильнарион и Мельгориона, – Селина сама согласилась остаться с княжичем Эстерийским. И ты не можешь прийти и забрать ее.

– Что? – скривился Седьмой принц, одновременно нахмурившись и широко распахнув глаза. – Что ты несешь, брат?

– Ты не можешь забрать ее. Тем более что тебе же от этого будет хуже.

В этот момент Айден замер и медленно повернулся к Элайдариону. Его огненно-алые глаза сверкнули истинно по-драконьи.

На душе наследника престола стало грязно и тяжело. Меньше всего на свете ему хотелось бы причинять боль брату. Своей родной крови. Но какой у него был выбор?

Сейчас, когда их родители исчезли, кроме него больше некому позаботиться о братьях. Даже первородные дарки, которые обязаны своим появлением их отцу Вайлариону, уже не так лояльны к ним, к чистокровным. Предательства можно ожидать от кого угодно. Даже от самых верных и преданных.

И только родная кровь никогда не предаст.

– Что ты имеешь в виду? И почему, интересно, я не могу забрать из логова врага собственную аару?

– Потому что ты нарушил запрет, – спокойно ответил Элайдарион, выдержав взгляд взбешенного принца. – И теперь наверняка уже весь двор знает, что разум повелителя Королевства Огня пленен человеческой девчонкой.

Но, вопреки ожиданиям дофина, Айден не взорвался и не накричал на него. Вместо этого он глубоко вздохнул и, отвернувшись, стал продолжать свой дурацкий ритуал одевания. На этот раз в дело пошел короткий дублет из тончайшей кожи, внутри которого были

незаметно вшиты прочнейшие титановые пластины. Пробить такой было весьма непросто.

Но зачем его надевал Айден?..

Вопрос был риторическим, и Элайдарион не хотел слышать на него ответ. От возможных вариантов настроение дофина резко испортилось.

Седьмой принц так ничего и не сказал. И тогда его старший брат продолжил сам, все еще в глубине души надеясь по-хорошему объяснить, что положение дел сильно изменилось, пока Айден был без сознания.

– Послушай… – медленно проговорил он. – Селина стала гарантом ненападения между Шеллаэрде и Королевством Огня. Так вышло. Это был план Сирглина, – махнул он рукой, чувствуя, что приходит в раздражение оттого, что хитрый зеленоглазый дракон сам не рассказал этого Айдену. – Но никто не отдавал твою аару вампирам, она сама согласилась остаться в Шеллаэрде. Таково было условие сделки. И… так будет лучше, Айден! Оставь ее в покое, и никто не скажет завтра, что у тебя после ранения помутился рассудок! Уже ходят слухи о вашей запретной связи! Принц и аара! Где это видано, чтобы из-за служанки дракон развязывал войну? Ты этого хочешь добиться? Нарушения наших договоренностей?

Айден быстро завязал пояс на колете, что надел поверх дублета, и повернулся к брату.

– Я собираюсь освободить Селину, – ответил он вовсе не то, на что рассчитывал Элайдарион.

– Что? – не понял дофин, приподняв брови. – Она не твоя рабыня, чтобы ты ее освобождал. Она и так свободна.

– Она больше не будет аарой. Я дам ей титул, – холодно ответил принц. – А потом женюсь на ней.

Элайдарион сжал кулаки, чувствуя, как перед глазами темнеет. А затем, глубоко вздохнув, медленно проговорил:

– Твое королевство не зря зовется Королевством Огня, брат. Мы все – драконы, но именно твоя вотчина расположилась на отшибе, вдали от континента. В точке самого пламени, где каждый день готова разгореться война. Помнишь ли ты об этом?.. Здесь тихо лишь ночью, потому что все сидят дома. А от любой искры может произойти вспышка. Поэтому Йенлавей – это Королевство Огня. И ты еще хочешь

взять в жены человека? Да даже намека на это хватит, чтобы тебя сочли лишившимся рассудка дарком, который не имеет права на трон!

– Да, кстати, – невозмутимо проговорил Айден, словно не слышал и половины из того, что говорил дофин. – Селина больше не простой человек. Она носит мое имя, брат, истинное имя. Хотя сама этого и не знает.

Элайдар покачал головой. В ушах у него звенело, голова начала подозрительно ныть. Перед глазами все рушилось, и с ходу понять, как построить все заново, он не мог, несмотря на то, что всю жизнь только и занимался тем, что улаживал конфликты.

– Ты вправе наказать меня, – бросил Айден, снова развернувшись к нему. На этот раз он был полностью одет. И… внезапно у него за спиной снова оказались те самые огненные крылья, которые так поразили Элайдариона и всех остальных.

Они были огромными, почти достигая высокого потолка, от них явственно разливался по комнате жар, но при этом одежда самого Айдена оказалась совершенно цела.

– Значит, это правда… – выдохнул дофин, с изумлением разглядывая нечто удивительное. – Твоя магия и впрямь взбунтовалась от связи с девственницей? Крылья ведь появились из-за нее, да?

Айден не отвечал. Только смотрел на него напряженно и остро.

– И ты хочешь эту девчонку, потому что драконам запрещена связь с людскими девственницами… ты болен, ты понимаешь? Из-за тебя начнется война, – проговорил Элайдарион, уже ни на что не надеясь. – И виноваты в ней будем мы, драконы.

– Мне плевать, – бросил Айден, и в его руке медленно начал материализовываться огненный меч. – Хочешь наказывать – наказывай. Но я все равно пойду за своей женщиной. И заберу.

И с этими словами шагнул в мигом разверзшийся под ногами портал эксплозии.

Еще несколько мгновений Элайдарион стоял в полнейшей тишине, пытаясь осознать то, что произошло.

– Я не стану наказывать тебя, – наконец проговорил он в пустоту. – Ты моя кровь…

И исчез вслед за ним, уже мысленно прикидывая, сколько сумеет продержаться его брат в стане врага, пока вампиры не разорвут его,

едва очнувшегося от раны. Нужно было явиться с армией до того, как это произойдет.

Потому что он любил каждого из братьев несмотря ни на что и был готов рискнуть ради любого из них всем, что у него было.

Глава 15

Селина

Я остановилась в самом центре зала, где мне уже доводилось побывать один раз. Прежде тут стоял высокий черный трон, на котором восседал князь Шеллаэрде, но теперь ни постамента со ступенями, ни самого трона почему-то не было. Вместо них прямо с потолка спускались тонкие нити, унизанные алыми искрами ограненных камней, складываясь в некий удивительно красивый и немного пугающий тоннель. Внутри него меня ждал Ренвиэль, стоя в центре мягкого белоснежного ковра, постеленного тут будто нарочно с какой-то целью. У ковра был настолько высокий ворс, что ноги вампира утопали в нем, как в диковинной траве или странном теплом снегу.

И… на ногах княжича не было обуви.

Этот факт настолько удивил меня, что я запнулась на туфлях с высоким каблуком и едва не упала. Хорошо, что до сверкающего тоннеля оставалось всего несколько шагов, и Ренвиэль резко преодолел их, хватая меня за локоть и не давая упасть.

Страх зашкаливал. Едва княжич дотронулся до моей руки, как меня начало мелко потряхивать.

В зале, казалось, никого не было, однако свет лился исключительно с высокого сводчатого потолка, куда уходили, будто в небо, нити, усеянные кровавыми каплями. Там, в вышине, светила полная луна, роняя холодные серебряные лучи прямо в зал, на меня и Ренвиэля. При этом углы и несколько метров вдоль стен помещения оставались лишенными света, и я чувствовала, что оттуда на нас кто-то смотрит. Видимо, те самые Алые графы, о которых говорил княжич.

– Не бойся, скоро все закончится, – мягко проговорил Ренвиэль, беря меня за руку и словно в танце ведя к кругу морозно-белого света.

– Почему-то я в этом вовсе не уверена, – пробормотала я невольно, громко сглотнув.

Вот хотела же смолчать! Да не вышло. От переживаний мысли рвались наружу и становилось трудно концентрироваться.

Успокаивало лишь одно: я так хорошо натренировалась в эксплозии, что браслет Ренвиэля больше практически не отзывался. Он все еще пока не снимался, да и силой явно обладал, но я уже не чувствовала от него пронзительного холода. А моя воронка портала стала вполне сносной для того, чтобы пропустить человека.

После того как я озвучила свои подозрения, вампир как-то странно взглянул на меня и промолчал, что, увы, лишь усилило мою панику. Хотелось думать, что я лишь накручиваю себя и ничего ужасного не произойдет, но настойчивое предчувствие подтачивало изнутри, сгрызая остатки нервов.

Мы остановились возле сверкающих нитей, Ренвиэль отодвинул их лёгким, но осторожным движением руки и пропустил меня внутрь. Ноги тут же утонули в мягком ворсе ковра, и невольно захотелось оказаться босиком, как и княжич. Но что-то подсказывало, что инстинктивное желание расслабиться и успокоиться в данном случае не сыграет мне на руку. Нужно было сконцентрироваться.

Все ещё осматриваясь по сторонам, я механически гладила большим пальцем по очереди оба перстня, что мне подарили драконьи принцы. Сперва кольцо Сирглинариона, в котором, очень может быть, ещё есть несколько зарядов на эксплозию. Я помнила об этой последней возможности сбежать, но не торопилась ее применить, ведь портал должен был гарантированно перенести меня к Шестому принцу, где мне оказаться совершенно не хотелось. Ведь сам Сирглин и отдал меня Ренвиэлю! Кто знает, что он сделает, обнаружив меня возле себя? Вернет обратно?

Но даже если это и не так, ко всему прочему, не было никакой уверенности в том, что заряды в кольце действительно ещё остались. Стоило испробовать этот способ лишь в самом крайнем случае.

А затем я касалась перстня Айдена, чувствуя, как он будто бы греет меня изнутри. Я вполне отдавала себе отчет, что пытаюсь уверить себя в том, чего на самом деле нет. Однако мне казалось, что это кольцо с небесно-голубыми камнями, рассыпанными по черному золоту, как звезды по ночному небу, соединяет меня с не приходящим в сознание принцем. Словно оно – некая незримая нить между нами. Ведь, кроме этого украшения, у меня не осталось от Айдена ничего. И если он умрет… оно останется последним напоминанием…

Я стиснула зубы, с раздражением подумав о том, что пугающая и острая, как игла, мысль все же сумела пронзить меня насквозь, как бы я ни гнала ее от себя.

Айден.

Айден…

– Да будет ярким Кровавый рассвет и разольется Мрак по горизонту, как вино из вороньей ягоды! – прозвучал вдруг чей-то зычный глубокий голос, и, обернувшись, чтобы найти его хозяина, я с дрожью в теле увидела Кровавого князя.

Он появился будто из ниоткуда, буквально материализовавшись из теней, распространившихся повсюду. Его бледное лицо выделялось на фоне высоких темных стен резким пятном с горящими алыми глазами и такими же пугающе красными губами, из-под которых торчали клыки. И если Ренвиэль хотя бы иногда скрывал их, делаясь похожим на нормального человека, то в полном какой-то животной ярости и голода взгляде князя я видела, что скрывать свою сущность он не планирует в принципе.

– Сегодня древний праздник! – продолжал говорить князь, и с каждым его словом мне делалось все хуже. – Именно в этот день тысячелетия назад Яросветная дева ударила себя благословенным кинжалом, выпустив в наш мир бесконечность магии! Наполнив его своей силой, мощью своей тиарэ и… своей кровью.

От его чуть хриплого ядовитого голоса меня пробрало насквозь.

Раздался грохот барабанов, и откуда-то с потолка начала доноситься размеренная низкая музыка, напоминающая органную. Она была негромкой, но каждый раз перемежалась с теми самыми барабанами, которые словно отсчитывали удары сердца. Минуты или секунды, оставшиеся до какого-то одного события.

Во рту пересохло, перед глазами потемнело от страха. Что-то мне подсказывало, что в такой огромный праздник, как смерть и возрождение богини, со мной не может произойти ничего хорошего. А еще казалось удивительным, что богиню, создавшую все драконье племя, почитают и вампиры…

– Не бойся, – шепнул Ренвиэль, неожиданно сжав мою кисть, которую он все еще держал в своей.

Я перевела на него взгляд и заметила, как едва заметно сведены его темные брови над абсолютно голубыми глазами. Кристальными и

холодными, как зимнее небо в самый лютый мороз.

Ренвиэль все еще был пугающе-сильным и опасным княжичем вампиров, и это чувствовалось в каждом его движении, в каждом повороте головы. Но именно сейчас, когда его глаза так разительно отличались от глаз его отца, что были буквально наполнены кровью, я вдруг снова почувствовала, что, возможно, княжич вовсе не таков, каким кажется.

К сожалению, скорее всего, мое внутреннее чутье ошибалось, и разум все еще твердил не доверять наследнику Шеллаэрде.

В этот момент со всех сторон от нашего круга кровавых капель-бусин начали появляться другие вампиры. Сперва это были двое жрецов в церемониальных багряных балахонах. Они держали на двух серебряных подносах по одному бокалу, которые и были протянуты нам с Ренвиэлем. Затем, поклонившись, жрецы исчезли.

А вслед за ними весь зал наполнили другие вампиры. Они медленно шагали вперед из теней, и на каждом из них оказались надеты черные плащи с откинутыми назад капюшонами.

Это страшно пугало, словно я присутствовала на каком-то жертвоприношении. Причем в роли жертвы.

– Какого хрена тут происходит? – прошипела я, не задумываясь больше о культуре, широко распахнув глаза и оглядывая всех присутствующих. Меня начало потряхивать, причем не только от страха, но и от злости. – Ты все же обманул меня и решил сожрать на глазах своих слуг? – выдохнула я сквозь зубы, переведя взгляд на княжича. – Или после того, как меня укусишь ты, присоединятся и эти? – Я с раздражением махнула головой на вампиров, что наполняли зал и вдруг… упали на колени перед нами.

– Успокойся, – тихо проговорил Ренвиэль, все так же смотря на меня с напряжением и какой-то одному ему известной затаенной мыслью. – Я не обманывал тебя. Никто не станет тебя кусать, кроме меня. И я тоже не убью тебя и не превращу в вампира. Один укус – и все закончится.

Его губы на миг приоткрылись, словно он хотел сказать что-то еще, но тут же он поднял ладонь, настойчиво поднося к моему рту бокал с вином от жрецов. Второй бокал был в его руке, и он, не отводя от меня глаз, отпил ровно половину.

– Выпей, – проговорил он, неторопливо облизнув губы, и я невольно поймала это жест, замечая, как вино оставляет густой след на его губах. Словно это и не вино вовсе…

– Что это? – выдохнула я нервно, не имея ни малейшего желания пить. – Мы на это не договаривались.

Жидкость в серебряном кубке была абсолютно непрозрачной и темной, почти черной.

– Вино из вороньей ягоды, – ответил Ренвиэль. – Напиток, очищающий каналы тиарэ, способный пробудить мертвого и оживить спящих…

– Да, теперь все ясно, – фыркнула я, недоверчиво глядя в бокал, пока музыка с низкими барабанами продолжала отсчитывать неведомое время.

– Его готовят лишь у нас, и только Дети Ночи обладают его рецептом, – продолжал Ренвиэль. – Попробовать его считается большой честью… кроме того, что ты сможешь увидеть скрытое. Как и я.

Я нахмурилась.

– Увидеть скрытое? И все?

– И все, – кивнул княжич.

И, глубоко вздохнув, я поднесла бокал к губам и резко отпила половину.

В конце концов, я дала обещание. И я должна выполнить его.

Вот только едва напиток опустился в желудок, обжигая рот и горло остро-пряным вкусом с сильным оттенком алкоголя, как все перед глазами потемнело. И я вдруг увидела то, что произошло, кажется, бесконечно много лет назад. То, что я когда-то помнила, но навсегда забыла.

До этого самого момента.

Мне не более девяти лет… Я сижу на ковре возле высокой пушистой елки и перебираю разноцветную мишуру, которая так забавно переливается в пальцах, словно серебряный дождь. Я хохочу и смотрю на… маму. Она такая молодая… Кажется, не старше, чем я сейчас. Ее глаза светятся, и создается впечатление, что блеск мишуры отражается в ее зрачках, а улыбка освещает комнату.

Я так счастлива в этот момент…

Раздается звонок в дверь, и неожиданно к нам в комнату заходит низенькая пожилая женщина, с морщинами, испещряющими старческое лицо. Ее губы растянуты до ушей, а на плече машет крыльями огромный попугай. У него потрясающие черные перья, отливающие золотом в свете желтой лампы, качающейся под самым потолком.

И я с изумлением узнаю в этой женщине бабу Лиду, соседку, которую я знаю всю жизнь. Которая была старой, еще когда мне было девять!

– Добрый вечер, Лидия Николаевна! – слышится веселый голос мамы. – С наступающим Новым годом!

– И тебя также, милая, и тебя! – поздравляет соседка. А попугай у нее на плече все машет и машет крыльями. Огромными и черными.

В этот момент здесь, в Новой Райялари, пока я продолжаю наблюдать это странное видение, меня вдруг пронзает резкая мысль: не бывает черных попугаев. Что это за птица такая? Больше напоминающая ворона, но и на него не похожа ни капли…

– Смотри, что я тебе принесла, милая, – продолжает баба Лида говорить моей маме. И протягивает ей маленькую коробочку. Затем переводит взгляд на меня и коротко подмигивает. – Конечно, пенсия у меня маленькая, совсем ничего толком и не купишь, но вот подарочек вам решила сделать. Уж не ругай старуху.

– Да что вы, Лидия Николаевна! – ахает моя мама, уверяя хитрую соседку, что ничего нам не нужно.

А я все разглядываю птицу, протягивая к ней маленькие пальчики, и почти не интересуюсь тем, что происходит рядом. А там моя мама открывает коробочку, доставая оттуда потрясающе красивый елочный шар… со сверкающим драконом, летящим по зеркальной поверхности, словно по небу.

Тот самый шар, что лопнул в моих руках, приведя меня в этот ужасный мир. К Айдену, который стал моим спасением и проклятием, разрывающим мое сердце.

– Спасибо, Лидия Николаевна… – что-то еще говорила моя бедная мама. – Это потрясающе!

Но я уже ничего не слышала. Видение померкло, и только маленькие морщинистые глаза соседки еще весело подмигивали мне да

огненно-желтые глаза попугая светились в исчезающих облаках воспоминания.

А через несколько дней, сразу после Нового года, мамы и отца не стало. Они просто исчезли, словно никогда их и не было. И я осталась одна… Сперва меня воспитывала тетка по отцу, но я никогда ей не нравилась. Уже через пару лет она оставила меня жить самостоятельно в родительской квартире, а сама лишь изредка привозила еду, за что ей большое спасибо. Других родственников у меня не было, а друзья так и не появились, потому что очень быстро я приучилась тратить все свободное время на работу и учебу. Первое – чтобы было на что кушать, а второе – чтобы в дальнейшем не подметать дворы всю оставшуюся жизнь.

А затем я попала сюда… И прежняя жизнь закончилась.

Из воспоминаний я вынырнула так резко, что не сразу поняла, где нахожусь.

– Селина, ты в порядке? – тихо повторил явно уже не в первый раз вопрос Ренвиэль, обхватив мое лицо ладонями.

Я пыталась сконцентрироваться на происходящем, но перед глазами все еще стояло улыбающееся лицо соседки и блестящий шар с драконом внутри, и уже сквозь эти образы проглядывали холодные голубые глаза вампира, который оказался ко мне возмутительно близко.

– Селина, – прошептал княжич, и я невольно встряхнула головой, одновременно избавляясь от образов прошлого и пытаясь избавиться от рук вампира. – Время пришло, – вдруг сказал он, пока я пыталась понять, что имеется в виду.

– Время? – выдохнула я, когда музыка вдруг стала громче, а невидимые барабаны издали очередной резкий глухой грохот.

В этот момент Ренвиэль вдруг осторожно коснулся моих волос, откинув их назад и освобождая шею, и тут же опустился к ней, одновременно удерживая меня за талию и за затылок.

– Что проис?.. – едва успела я проговорить, испуганно распахнув глаза, как его клыки вошли в мою кожу, на миг оглушив резкой болью.

Голова закружилась. От неожиданности и резко нахлынувшего страха перед глазами потемнело.

Нет, я знала, что обещала Ренвиэлю этот проклятый укус. Помнила, что долги нужно платить. Но когда миг расплаты настал так

быстро, это буквально вышибло почву из-под ног.

Если бы княжич не удерживал меня в объятиях, напоминающих жесткий, как капкан, захват, я бы упала.

Однако стоило отметить, что боль довольно быстро исчезла и все мое состояние было вызвано скорее страхом, чем реальным фактом укуса.

Что мне, уколов никогда не делали в жизни? Делали, и ещё как. Надо заметить, большая часть из них была даже больнее, чем несчастный укус Ренвиэля, от которого всего-навсего немного кружилась голова.

К тому же едва я почувствовала, как его клыки распороли мою кожу, а кровь, судя по всему, успела попасть ему в рот, как княжич резко отстранился. Я даже не успела удивиться.

И только музыка звучала все так же размеренно и громко, а стоило оглянуться на присутствующих, как начало казаться, будто все они замерли в ожидании чего-то неведомого.

– Что, уже все? – шепотом проговорила я, взглянув в кроваво-алые глаза Ренвиэля Эстерийского.

По спине прокатилась ледяная волна.

Он молчал и смотрел на меня так, словно я сотворила нечто ужасное.

И снова короткий и жутковатый грохот барабанов…

– Ты чего молчишь?.. – выдохнула я, когда сердце снова кольнуло дурное предчувствие.

Но Ренвиэль не успел ответить. Или не пожелал… не знаю, но в этот момент прямо возле его левого плеча заклубился мрак, подернутый хлопаньем десятков летучих мышей. И тут же из него появился Кровавый князь.

Тьма, из которой он вышел, превратилась в длинный черный плащ, оседающий за его спиной как огромные крылья. А его красные маленькие глаза, глядящие остро и жёстко, впились сперва в меня, а затем в наследника Шеллаэрде.

– Каков будет твой вердикт, сын? – коротко и как-то пугающе церемонно произнес он.

Ренвиэль молчал, барабаны продолжали бить, а вампирский двор все так же стоял на коленях, как и прежде, в ожидании ответа княжича.

– Это что, ещё не конец? – выдохнула я, нахмурившись. – Мы так не договаривались. Ты сказал, что укусишь меня и на этом все!

Ренвиэль глубоко вздохнул. Совсем по-человечески. А затем, стиснув зубы, ответил:

– Так и было бы. Если бы в тебе не текла спящая кровь чистокровного дракона.

По залу прокатился тихий и несмотря на это оглушительный рокот шёпота. А Кровавый князь зубасто улыбнулся, подняв руки в воздух и резко развернувшись ко всем присутствующим свидетелям происходящего.

– Кровь Яросветной явила истину! Багряная луна благословила в этот праздник наше княжество и всех детей Ночи! Сегодня наследный княжич Шеллаэрде, мой сын – Кровавый герцог Ренвиэль Эстерийский – зачнёт дитя новой эры! Первого в истории вампира драконьей крови!

Зал зашумел, а грохот барабанов стал оглушительным, пока я пыталась сообразить, что за несусветную ересь несёт этот бешеный старик.

– Ренвиэль Эстерийский сделает что?.. – выдохнула я, глядя на княжича, что все ещё стоял, держа меня в крепких, как цепи, объятиях.

Я попыталась освободиться, и он мне даже позволил это сделать, разве что не перестав смотреть на меня широко распахнутыми алыми глазами, от которых мне теперь делалось дурно.

– Ты все верно расслышала, – выдохнул он негромко и будто извиняясь.

– Иди ты… знаешь куда, княжич? – прошипела я, толкнув его в грудь и оглядываясь, чтобы понять, как выбраться отсюда. – Так и знала, что все твои обещания – ложь. "Я тебя не трону, не убью, не трахну, не заставлю выйти за себя замуж…" Что ты там ещё говорил?

– Формально я не солгал, – стиснув зубы, проговорил он. – Я сказал, что во время ритуала от тебя потребуется лишь потерпеть укус. Но не говорил, что будет после.

– Ах, ну да, это меняет дело! Хитрая твоя белобрысая физиономия приучилась увиливать в любой ситуации, – прошипела я, отталкивая его и пытаясь выйти из круга кровавых бусин.

Но Ренвиэль схватил меня за руку, бросив:

– Если тебе будет легче, я надеялся, что до этого не дойдет. Ты бы оказалась простой человеческой девушкой и уже сейчас была бы

свободна.

Я мрачно взглянула в глаза, которые медленно и будто с усилием становились голубыми, и выдохнула:

– Мне не будет легче. Отпусти.

– Я не могу, – покачал головой он. – Тебе придется остаться.

Сердце ударило в горло. С кончиков пальцев сам собой потек огонь. Я собиралась уйти отсюда к демоновой бабушке прямо сейчас. Ренвиэль отдернул руку, на которую попало мое пламя, и слегка зашипел. Впрочем, не отшатнулся от меня ни на шаг.

– Держите ее, она обладает эксплозией, княжич! – раздался вдруг подозрительно знакомый мерзкий голос из толпы.

И, повернув голову, я с изумлением обнаружила даркессу Ильнарион Ночную Искру.

Ярость всколыхнулась во мне так быстро, как никогда прежде. Словно это уже была вшитая на уровне инстинкта реакция на мерзкую драконицу, что уже несколько раз едва не убила меня.

Но что она делала здесь? В капюшоне среди подданных Кровавого князя?

Ответ напрашивался сам собой. Вероятно, она была в числе предателей, которые строили заговор против Семерых имперских принцев. И несмотря на очевидный ответ это никак не укладывалось в голове. Ведь она мечтала стать женой Айдена!

Кроме того, оставалось не ясным, что за мероприятие привело ее в замок вампиров и что конкретно означают странные слова Ренвиэля. Как во мне может быть спящая кровь дракона?..

– Эксплозия нам тут ни к чему. Делай свое дело, сын, – раздался сбоку повелительный голос князя, а вслед за этим на полу зажглись огнем какие-то печати. Кажется, такие же я видела в песке на арене казематов!

Эти руна означали, что эксплозией я воспользоваться не смогу.

Снова ударили барабаны, и вокруг будто нарочно стало вдесятеро темнее.

– Если вы думаете, что я позволю трахнуть себя на этом ковре ради каких-то там ваших мифических вампиренышей, то вы глубоко ошибаетесь, – прорычала я, пятясь назад и от Ренвиэля, и от его отца. Ещё не зная, что буду делать в следующую минуту, но уже прекрасно

отдавая себе отчёт в том, что скорее сдохну, чем позволю к себе притронуться.

Спину вдруг обожгло. Я повернула голову, через плечо замечая, как горят алые капли на нитях, что протянулись вниз от самого потолка, заключая нас с княжичем в сверкающий кокон.

– Выйти не удастся, – едва заметно покачал головой Ренвиэль, все ещё не сводя с меня странного, какого-то невеселого взгляда

Я бы даже решила, что ему все это представление не по вкусу, если бы у меня была возможность что-то решать. Если бы у меня оставалось на это желание.

– Рэн, приступай, – резко прозвучал голос князя, после чего он любезно отошёл на десяток шагов в сторону и, откинув свой призрачный черный плащ, неторопливо уселся на трон, материализовавшийся прямо из воздуха. И, похоже, решил наблюдать за действом.

Всё внутри меня горело, буквально трясло от бешенства, от осознания того, для чего меня сюда привели.

Я повернула голову к Ренвиэлю и, стиснув зубы, выдохнула:

– Говори. Что значит "спящая драконья кровь"?

Я хоть дурой себя и не считала, но понять сказанное не могла. Как во мне может быть драконья кровь, когда я и в мире-то в этом никогда не была прежде? Да и вообще всё происходящее перестала считать горячечным бредом не так уж давно.

Магия, дарки, эксплозия, русалки, вампиры… Это все больше походило на сказку. Или кошмар, в котором финальным штрихом оказалась новость о моей какой-то там крови.

– Спящая кровь означает, что ты полукровка, – неторопливо проговорил княжич, отчего-то не торопясь выполнять приказ отца. – Ты человек, в роду которого был дракон. Но самое удивительное не это, Селина. А то, что в твоём роду был чистокровный дракон. Не дарк или даркесса, рождённые от магии и соединившие в себе человеческое тело и драконью душу. Кто-то из твоих родственников жил ещё во времена Старой Райялари. Когда истинные потомки Яросветной девы рассекали небеса своими крыльями…

Голос Ренвиэля звучал тихо и как-то особенно мелодично. Он вдруг поднял руку, осторожно коснувшись кончиков моих волос, и

краем глаза я заметила, как между его пальцев будто бы сверкнул всполох золотого огня. Словно мои собственные пряди горели…

– Это чушь, – проговорила я, отворачиваясь и стараясь скрыть дрожь в голосе. Не замечать этой странности с моими волосами. Чтобы продолжать не верить…

Своих родителей я почти не помнила. Кто теперь может сказать, чьими потомками они были?

Никто.

Я знала лишь, что у отца была родная сестра, которая жила в нашем городе и помогала мне после смерти мамы и папы. Скорее всего, это означало, что отец все же человек. Но у матери родственников, кажется, не было вообще. Могло ли оказаться так, что она – дракон? Драконица, явившаяся в мой мир и поселившаяся в нем навсегда?..

Под кожей будто зашевелился десяток раскаленных змей. По позвоночнику скользнула дрожь.

– Отпусти меня, – быстро развернувшись, попросила я вампира.

Голубые глаза вспыхнули, став чуть больше, чем были. Впервые с момента нашего знакомства я сама схватила вампира за руку, крепко сжав.

– Ты же нормальный… – проговорила я зачем-то, вглядываясь в него. Стараясь разглядеть в холодной, жесткой голубизне его глаз что-то человеческое, то, что, как мне казалось, мелькало в них иногда, когда никто не видел и не мог ожидать. Стараясь не обращать внимания на тот призрачный могильный холод и чудовищную силу, что всегда распространялась вокруг княжича Шеллаэрде, напоминая, кто на самом деле стоит передо мной.

Ренвиэль стиснул зубы. Он мог бы отвернуться, вырвать у меня свою руку, сказать что-то жесткое.

Но он продолжал глядеть на меня молча и лишь через пару мгновений неторопливо покачал головой.

– Я не могу нарушить приказ, – проговорил он затем еле слышно. Почти одними кроваво-алыми губами. А потом вдруг поднял руку и обхватил пальцами мой подбородок, неожиданно заставив смотреть точно в свои глаза.

Голова начала слегка кружиться. Пол словно пошатнулся.

– Если хочешь, я сделаю так, что ты забудешь все, что произойдет дальше, – сказал княжич медленно. – Если позволишь поцеловать себя, эта ночь перестанет быть для тебя наказанием… и превратится в наслаждение…

Его слова в один миг зазвучали неведомой музыкой, написанной дьявольским композитором проклятого мира. Вместе с ударами барабанов я стала слышать собственный пульс, шорохом шелка ощущать прикосновения мужских пальцев к своей коже… Я тонула в омуте цвета самого жгучего льда…

– Нет! – Я оттолкнула княжича с такой силой, что ему пришлось сделать несколько шагов назад и практически выйти за черту кровавых бусин.

Наваждение в голове медленно рассеивалось, кровь застучала в ушах.

– Хватит… – проговорила я, тяжело дыша, оглядываясь по сторонам и пытаясь понять, как выбраться. Что делать?

Ведь у меня было всего несколько секунд до тех пор, пока Ренвиэль и остальные придут в себя и княжич снова решит использовать на мне свои ментальные фокусы.

Признаться, морочить мне голову ему удавалось блестяще. Вглядываясь в его колдовские глаза, я совершенно переставала соображать. Словно выпивала бутылку вину залпом, и алкоголь наваливался на сознание разом, блокируя все сопротивление.

Нет уж, спасибо. Я собиралась сохранить себя в здравом уме.

Чтобы драться.

Не глядя, я повернула на пальце кольцо Сирглинариона, уже не задумываясь, куда меня приведет портал в случае, если кольцо сработает. Если к Сирглину, который снова отдаст меня вампирам, то и пусть. Хотя бы немного времени выиграю.

Однако, едва перстень повернулся, зелёный камень в нем полыхнул призрачным светом и потух. Вслед за этим движением колдовские рисунки на полу тоже полыхнули и исчезли, просто напоминая о своем присутствии.

Стало окончательно ясно, что эксплозия тут не работала. Зато должна была работать остальная магия!

Вампиры защитили свой зал от драконьих порталов. Но они не ограничивали его магическую проницаемость, а значит, как и они, я

все ещё могла просто колдовать!

И пусть я знала едва ли намного больше одной простенькой печати огня, меня это больше не останавливало. Ведь подводная царица Иаршеллавира уничтожила мой ключ тиарэ, разлив мою магию по всему телу. Буквально дав тем самым мне возможность колдовать безо всякого источника, накопителя магии. Без печатей и магических рун! Когда-то меня это напугало. Теперь же я была счастлива, что подводная королева сделала мне этот подарок.

Именно из-за него эксплозия подчинялась мне без специального рисунка. Именно по этой причине, если в воздухе вокруг было достаточно разлитой тиарэ, у меня должна была получиться и любая другая магия!

В этот момент меня осенила ещё одна важная мысль. Идея, которую я могла попробовать воплотить в жизнь, чтобы спастись. Однако прежде, чем я успела приступить к действию, по залу пронесся удивленный шепот. Кто-то из присутствующих взвизгивал, кто-то начал швыряться всполохами зеленовато-рыжей силы. Ядовитой, жуткой, мертвой… А затем в первых рядах буквально из тьмы вырвался Гвенвин!

Его черная шерсть сверкала таинственными изумрудными искрами, когда он внезапно прямо с пола прыгнул на голову Ильнарион, стоявшей ближе всех ко мне и столбу света, накрывшему меня, как купол.

Ирлис впился в белоснежные волосы даркессы, и та громко завизжала, забыв даже о возможности применить магию. В стороны разлетелись капли крови, вампиры, стоящие поблизости, голодно зашипели.

Кому-то из них на бледное лицо попали алые брызги, и я увидела их ставшие красными глаза. Длинные клыки сверкнули в провале ртов. А в следующий миг сразу трое вампиров бросились на даркессу, будто не сдержавшись.

Краем сознания я понимала, что у них не хватило самообладания. Не могло хватить, видимо, драконья кровь слишком привлекательна для детей Ночи. Мне оставалось лишь радоваться, что вся эта толпа отвлеклась, на некоторое время забывая обо мне.

Остальные вампиры отпрянули на несколько шагов от Ильнарион так быстро, словно удирали от чумного больного.

Даркесса кричала. Кровавый князь встал со своего кресла, призывая к тишине, приказывая оставить женщину в покое. По залу начала разливаться тьма.

Но никто не слушал повелителя. Вампиры обезумели. Через мгновение к первой троице присоединились ещё двое, едва не раздирая даркессу на части.

Оставшиеся вампиры начали впадать в некое подобие паники. И лишь примерно два десятка мужчин, что стояли ближе всего к князю, выглядели внушительнее и сильнее других. Едва первый шок от произошедшего начал спадать, как они двинулись к даркессе, оттаскивая от нее ошалевших собратьев.

Кругом начали раздаваться взрывы и мелькать всполохи магии. Это был прекрасный момент, чтобы сбежать!

А тем временем кровавые нити бус, свисавших вокруг меня с потолка, дрогнули. И я с изумлением увидела, как мне на руки прыгает ирлис, держа в окровавленных зубах мои серьги!

Радость ударила в голову пьянящей волной. Я поцеловала помощника в клыкастую морду, морщась от влажного носа и шершавого языка. Он заляпал меня чужой кровью, но я не обращала внимания.

Это проклятое бело-золотое платье, которое меня заставили надеть, выглядело словно наряд ритуальной девственницы. И теперь я видела это как никогда четко. Золотые узоры огибали мою грудь, струились по талии драгоценными линиями, очерчивая и демонстрируя каждый изгиб тела. И несмотря на то, что к моим волосам, приобретшим удивительный, почти сверкающий цвет, наряд прекрасно подходил, я чувствовала себя чудовищно.

А ирлис… на мгновение дал мне ощутить себя счастливой. Напомнил, что несмотря ни на что я не одна и еще могу спастись.

Я сжала в пальцах черные серьги с морозно-ветвистыми узорами и обернулась, наткнувшись на тяжелый колкий взгляд Ренвиэля, не отводящего от меня глаз, но и не двигающегося при этом.

Не знаю, почему он не подходил ближе. Не понимала, что творилось у него в голове в этот момент, но я ждала худшего. И только пальцы с силой сжимали украшение, от которого кожу словно едва заметно покалывало.

Я мысленно представила, как внутри меня кипит пламя, и совсем не удивилась, когда с ладоней на пол полился жидкий огонь. Гвенвин забрался мне на плечо, и несмотря на то, что он был жутко тяжелый, я почти не чувствовала его веса. Зверь у меня возле уха грозно шипел на Ренвиэля, а тот не отрываясь смотрел на нас. И мне казалось, что я вижу в его ледяных глазах свое отражение.

Он должен был напасть. Должен был остановить меня.

Но он не двигался с места.

– Что ты медлишь?! – раздался вдруг из зала низкий, рычащий голос Кровавого князя. – Делай свое дело, обезвредь девчонку, пока она не начала колдовать! Ее зверь принес нам достаточно проблем!

Краем глаза я видела, что помутившихся разумом вампиров уже убирали из зала. Рядом раздавалось глухое хлопание крыльев, а затем кровососы просто исчезали. С каждым разом их становилось все меньше, и только Ильнарион лежала на каменном полу в кругу крови, пытаясь отдышаться и зажимая колотые раны по всему телу. Она была жива и казалась еще злее прежнего, глядя на меня огромными, расширенными от ярости глазами. Ее платье и плащ были разодраны, волосы всклокочены и стояли дыбом.

Но при всем ее бедственном положении она все равно продолжала смотреть лишь на меня, пока не сказала вдруг:

– Я помогу вам, мой княжич, избавлю от мерзкого ирлиса, посмевшего нарушить церемонию…

Кончики пальцев взметнулись вверх, и тут же напротив каждого из них начала загораться небольшая огненная печать. Символы появлялись один за другим, словно их рисовал невидимый художник. И теперь мне стало немного яснее, почему она не применила магию раньше.

Ильнарион нужно было время на начертание колдовских рун. Она не могла сделать это быстро…

Но могла я.

Страх лизнул ребра – ведь я почти совсем не умела защищаться, но неожиданно серьги в ладони резко нагрелись. Боль отрезвила, заставив действовать необдуманно, но как можно быстрее.

В горле клокотали кровь и злость. И вдруг они словно начали выплескиваться наружу вместе с магией.

Я выбросила руку вперед, представляя, как струя огня превращается в огненный хлыст. И пламя послушалось, словно верный пес. Огонь скрутился в жгут, хлестнув женщину, раздирая ее платье и поджигая его. Оставляя на коже алую обгоревшую полосу.

Ильнарион закричала, заваливаясь на спину, а печати на ее пальцах потухли.

Я не верила своим глазам. Это была ужасно сильная магия, какой прежде мне не доводилось творить. И она получилась безупречно!

Разве что у меня перед глазами внезапно резко потемнело, а стоять стало трудно, будто я не спала двое суток.

Перенапряжение! Проклятье, я не знала, как колдовать, не используя всю силу без остатка!

Прямо сейчас я едва могла вздохнуть. Перед глазами вспыхнули разноцветные круги, сквозь которые едва удавалось что-то разглядеть.

А огненный хлыст все ещё лежал на полу зала и полыхал, судя по всему продолжая вытягивать из меня силу.

– Ренвиэль! – рявкнул Кровавый князь. – Сейчас же приструни эту суку или это сделаю я!

Лицо княжича Шеллаэрде, казалось, побледнело ещё сильнее. Он стиснул зубы, верхняя губа искривилась, и из-под нее ещё сильнее стали виднеться агрессивно острые клыки.

Но вампирский правитель не стал ждать ответа сына. Он кивнул своим Алым графам, что безмолвными псами исполняли его приказы, и бросил со злостью:

– Держите ее.

Ирлис зашипел, с его чёрной шерсти посыпались призрачные колдовские искры.

У меня больше не оставалось времени.

В висках с яростью стучал пульс.

Эти твари обступали меня со всех сторон!

Поэтому, через силу превозмогая головокружение, я постаралась сосредоточиться. Мне жизненно необходимо было понять, почему прежде у меня получалась эксплозия – заклятье чрезвычайно сильное и сложное, и при этом я не чувствовала себя так, словно вот-вот потеряю сознание.

Что было не так? Почему в этот раз все настолько ужасно, что, кажется, стоит мне вновь начать колдовать, как я просто отключусь,

позволив вампирам сделать со мной всё, что им заблагорассудится?!

Нет уж, облегчать работу им я не намерена… Стук собственного сердца оглушал, Алые графы обступили меня со всех сторон, и вокруг их ладоней начали появляться черные цепи. Их концы падали на пол, вполне натурально высекая искры из каменных плит.

И в этот момент меня осенило. Тиаре! Мне не хватало тиаре, разлитого в воздухе! Ведь Иаршеллавира уничтожила мой ключ, мой источник магии, который мог накапливать какое-то количество силы. При этом она распределила всю магию по организму, но та потеряла аккумулятивный эффект. Мне вполне хватало силы на колдовство, если вокруг в воздухе было достаточно тиарэ. Но что, если в зале ее слишком мало?..

Тогда для вампиров, имеющих свой собственный ключ, это практически не является помехой. Но это помеха для меня.

Я стала лихорадочно думать, как исправить ситуацию. При этом ближайший из вампирских прихвостней уже занёс руку для удара или для того, чтоб обхватить меня своей черной цепью, – точно понять было сложно.

Время и так текло ошеломительно медленно, а теперь и вовсе будто застыло, как муха в капле янтаря. Я видела кровавый блеск вампирских глаз, ощерившиеся клыки, но сквозь них вспоминала Айдена. И серьги в руке незаметно нагревались…

Когда-то он своим шуточным наказанием научил меня делать видимой разлитую вокруг силу. Остаточную тиаре, появившуюся после использованных заклятий. Похоже, эта тиаре была некоторым образом инертной, не участвующей в новых и новых творимых в зале заклятьях. Она была как осколки, которые собрать воедино можно было лишь отдельной целенаправленной волшбой.

И способ был мне известен.

Не думая больше ни о чем, не теряя времени, которого и так не было, я представила перед глазами руно печати, в центре которого сверкал призрачный цветок розы – символ, который должен был сделать все невидимое видимым. Не останавливаясь ни на миг, я выдохнула, представляя, как вместе с воздухом из меня выплёскивается сила. И тут же печать загорелась огнем. А весь зал вокруг наполнили красновато-черные облака, внутри которых будто сверкали мельчайшие кристаллы-осколки.

Это были осколки магии вампиров.

Стараясь не отвлекаться на то, каково ощущать в себе эту страшную темную магию, я нарисовала и активировала ещё одно колдовское руно. На этот раз с витиеватой снежинкой в самой сердцевине. С почти точно такой же снежинкой, какая была на моих сережках…

Айден говорил, что это называется "конденсацией магии".

И в тот же миг черно-красные сверкающие облака осколков слились воедино, превратившись в волну. Раскрыв руки в стороны, будто навстречу смертоносному морскому приливу, я позвала эту черную волну в собственное сердце.

Зал задрожал. Тяжёлые портьеры и шторы на витражных окнах всколыхнулись, как от ураганного ветра. Волосы и плащи вампиров затрепетали. А сами кровососы едва удержались на ногах, когда темная лавина ударила в меня и тут же вырвалась обратно, на этот раз стекая с кончиков пальцев огненными плетьми.

Мне было холодно. Ошеломительно холодно, и из глаз сами собой полились ледяные слезы, которые жгли кожу.

– Удержите эту дрянь любой ценой! – завопил князь, когда один из жгутов моей новой силы ударил и по нему, раскидывая стоящих рядом со мной графов. – Ренвиэль! Если она станет драконом, уже ничего не получится!

И вдруг я увидела черные нити, протянувшиеся от князя к сыну. То, что прежде было скрыто. Видимо, печать с розой показала и это.

Нити скреплялись на руках и ногах наследника Шеллаэрде, на грудной клетке и горле.

А Ренвиэль неожиданно посмотрел на отца и… покачал головой.

– Она уже дракон, отец. А я никогда не планировал отрезать чьи-то крылья… – Он как-то вымученно улыбнулся, и в тот же миг с уголка его рта потекла кровь. Черные нити сжали горло, заставив светлую кожу Ренвиэля отливать синевой. Тонкие вены на его лице стали и вовсе черными.

– Все приходится делать самому, щенок, – прорычал князь и, расталкивая волной темной силы подданных, что окружали его, ринулся ко мне сквозь зал, не касаясь пола. Его пепельно-серое лицо полыхало яростью.

Сердце в груди подскочило от страха. Ренвиэль дернулся в мою сторону, словно хотел сделать что-то. Но не смог даже пошевелиться. Его руки и ноги разошлись в стороны, и на них ещё ярче проявились черные нити-цепи, растянувшие его, словно кандалы в тюремной камере.

Он опустил голову и закрыл глаза, и я лишь успела заметить, как в последний момент из них повалил черный дым.

А князь уже был совсем рядом. Он замер возле меня, остановившись резко, как лавина, наткнувшаяся на скалу. И схватил меня за шею ледяными пальцами, заканчивающимися острыми когтями.

Меня тряхнуло, как от удара током. Все тело будто пронзила раскаленная стрела – сквозь нервы, кости, плоть и мышцы. Мне было физически больно буквально от одного этого прикосновения, от которого сквозь кожу словно начала проникать чужая черная магия.

Он что-то делал со мной, этот вампирский повелитель. Князь, в глазах которого мне чудилась не только бесконечность чужой крови, но и самый черный мрак всего мира.

Я не могла пошевелиться и начала задыхаться. С каждой секундой перед глазами всё сильнее темнело. Я обхватила холодное мужское запястье, пытаясь вздохнуть, втянуть воздух хотя бы ещё один раз.

Огненные плети как-то сами разом рассыпались, как только я потеряла контроль над собой, ощутив неудержимый прилив страха.

Я едва не попрощалась с жизнью, наблюдая в угасающем сознании лишь самые красивые огненные глаза Седьмого принца, с которым мы, видимо, никогда больше не увидимся.

В этот момент ирлис спрыгнул с моего плеча, пытаясь вцепиться Кровавому князю в лицо, но едва достиг густого черного полога чужой магии, как его отбросило на несколько метров назад.

Из ауры вокруг повелителя вампиров били антрацитовые молнии. Они ударяли в пол вокруг нас, в потолок, казалось, зажигали сам воздух. И я почти ждала, что вот-вот они ударят и в меня.

– Не стоило сопротивляться, маленькая сука, – проговорил он, приблизив ко мне свое худое, лишённое морщин лицо, в котором на первый взгляд вовсе не угадывались годы. Но стоило всмотреться в багряные глаза, как буквально наваливалась тяжесть чужой древности. Прожитых лет, коих было бесчисленное множество. – Если бы вела

себя хорошо, может быть, тебе бы даже понравилось, – зло усмехнулся он совсем рядом с моим лицом. – Я был бы милостив, но теперь на удовольствие можешь не рассчитывать, в этот раз хорошо будет только мне.

Он ядовито рассмеялся, откинув голову назад, и его светлые волосы, сцепленные в низкий хвост, неожиданно блеснули скрытой лысиной.

А мой страх смыло очередной волной бешенства и отвращения. Ведь выходило так, что из-за своей слабости я вот-вот должна была позволить сделать этому отвратительному существу с собой все, что ему пожелается… Я сама подписала себе приговор, даже не сопротивляясь…

Эта мысль так сильно резанула меня, что я мгновенно пришла в себя. В конце концов, даже если в процессе моего сопротивления ничего не получится, я хотя бы попытаюсь. А если сдамся без боя, то просто преподнесу врагу себя на блюде.

И что-то внутри меня взорвалось.

Из груди вырвался громкий крик, и я не была уверена, что он мой собственный. Словно что-то сломалось у меня в душе – возможно, так сознание переходит в состояние аффекта. Когда уже мало соображаешь, что делаешь и что происходит вокруг.

Вместе с криком из центра ладоней и кончиков пальцев вновь полилось пламя. Я кричала громко и пронзительно, выплескивая всю силу, что была внутри меня, и всю, что удалось накопить с помощью печатей с розой и со снежинкой.

Сила хлынула смывающим все потоком. Но сперва ничего не происходило. Князь все так же держал меня за горло, а огонь просто обтекал его ужасную мощную фигуру, окружённую черным коконом. Огонь двигался дальше, сжигая на пути все остальное, но только не князя…

Однако в какой-то момент я вдруг увидела, как алые глаза повелителя Шеллаэрде вдруг широко распахнулись. Он коротко оглянулся по сторонам, и я уловила в черных как ночь зрачках мелькнувший страх, смешанный с удивлением.

И через мгновение стало ясно, что случилось. Его аура начала истончаться. Стремительно и неотвратимо.

А ещё где-то в стороне черные цепи, сжимающие горло Ренвиэля, тоже исчезли, а княжич упал на пол, не приходя в сознание.

Я не успела испугаться за его судьбу, как ему на грудь прыгнул Гвенвин, и вдруг они оба исчезли в зеленоватых искрах, сыплющихся со шкуры зверя.

Ирлис открыл портал! Это было невероятно! Мало того, что я не знала об этой его способности, так в следующий миг стало ясно, что ко всему прочему ирлис открыл портал несмотря на блокирующие руна вампиров!

Но какого же лешего этот маленький засранец не сделал этого раньше и почему не унес меня отсюда к демоновым бабушкам?..

Закрадывалась странная, подтачивающая, как червячок, мысль, что все это не просто так. Вот только я понятия не имела, какой во всем этом смысл.

Но я не успела толком удивиться, потому что в следующую секунду аура князя окончательно рассыпалась, и он истошно зарычал, закрываясь от моего огня полой своего плаща.

Можно было порадоваться! Казалось, я почти победила. Вот только моя магия стремительно подошла к концу. Вся накопленная сила израсходовалась, и я почувствовала резкое головокружение.

Перед глазами снова потемнело, и я упала на колени, понимая, что не могу держаться на ногах.

С пальцев едва капал огонь, и хотя теперь он горел вокруг, защищая меня будто живой раскаленной стеной, больше я не могла выдавить из себя ни капли.

А князь был жив! В нескольких шагах от меня он распахнул полы своего плаща, явив мне искаженную и обожженную физиономию с кривыми обгорелыми губами.

– Что, кончился резерв, человеческая дура? Ты ведь ещё не дракон. И драконом никогда не станешь, кто бы что ни говорил! Слишком много в тебе человеческой крови и мало истинной, божественной. Ты могла бы жить у нас как княжна! Стала бы женщиной моего сына, тебе поклонялись бы и почитали, как мать будущего наследника. А теперь, пожалуй, было бы лучше тебя убить. Но я не сделаю тебе такого подарка. Ты будешь носить мое дитя, а когда родишь, сдохнешь, как собака, выброшенная на улицу в голодный год. Тебя сожрут мои подданные.

Он говорил с мерзко-опьяняющей, отравляющей злобой, от которой хотелось спрятаться, скрыться и исчезнуть навсегда.

Но со мной уже было что-то не так. Я почти не слышала его слов. У меня в голове бешено крутились шестеренки, пытаясь подсказать какую-то крайне важную ускользающую мысль. Буквально жизненно важную, ту, что укрылась от моего понимания.

Снежинка…

Конденсация магии…

Что, что я пропустила?..

Серьги, все ещё зажатые в руке, обжигающе нагрелись. Теперь я едва удерживала их в побелевших пальцах, но отпустить не было ни малейшей мысли.

Серьги…

Со снежинками…

Здесь таилось что-то крайне необходимое мне.

Что, если они неспроста имеют свой узор? Что, если снежинки внутри – часть колдовского руна? Тогда получалось, что они обязаны были… конденсировать магию? То есть сгущать ее вокруг и, может быть, аккумулировать внутри себя? Иначе для чего ещё без толку конденсировать?..

Едва эта мысль оформилась у меня в голове, как, не глядя больше на князя, я глубоко вздохнула, одновременно представляя, как высасываю из черного золота силу, что могла оказаться внутри. Не надеясь ни на что и одновременно надеясь на все.

И я угадала… Сила ринулась в сердце ослепляющей волной, настолько яркой и горячей, что я не могла больше дышать. Она вошла в лёгкие раскаленным пламенем, облизала рёбра и, кажется, сожгла сердце и внутренние органы. Я одновременно чувствовала небывалую мощь, ощущала себя бессмертной и всемогущей, но при этом думала, что умерла, так больно это было.

Спину начало жечь, грудь разрывало изнутри.

И только где-то в стороне я слышала, как Кровавый князь, кажется, отдает какие-то приказы.

Различить слова было невозможно, как и открыть глаза. Я распахнула руки в стороны, думая, что меня сейчас разорвет на части.

В этот миг я открыла глаза и увидела, как повелитель Шеллаэрде достал откуда-то странную керамическую вазу и повертел ее в руках, а

затем разбил об пол, рассыпая вокруг серый пепел.

Прах…

Его Алые графы выстроились с двух сторон от него, словно живые крылья. И посмотрели на меня.

Откуда-то в зале оказались ещё гости… Инстинктивно я понимала, что это дарки. Они сняли капюшоны, и я почему-то легко различила их сущности без особого труда. Это были те драконы, что предали принцев… У каждого из них в руках сверкало какое-то огненное оружие, и, похоже, они были готовы драться… со мной. Как с угрозой их перевороту.

Почему? Как это произошло?

Я не знала. Но, похоже, странная сила, которая разрывала меня изнутри, пугала и их. Видимо, сыграло роль еще и то, что прежде Мельгорион представил меня на весь двор Чертога Огня как то ли посланницу, то ли проклятие богов.

Человек, обладающий драконьей магией… Аара Седьмого принца, что унесла его погибающее тело из-под носа у княжича Шеллаэрде, а затем была отдана ему же в качестве гаранта ненападения.

Теперь же на церемонии, затеянной Кровавым князем, я отказалась стать любовницей Ренвиэля и рожать ребенка, что был бы наполовину вампиром и якобы наполовину драконом. Я видела лица драконьих предателей и отказалась встать на их сторону…

Видимо, весь этот ритуал был продуман заранее… И предатели-дарки с помощью него тоже рассчитывали получить свою выгоду.

Теперь же я испортила планы не только вампирам, но и тем самым даркам.

Стало кристально ясно, что они убьют меня, едва представится хоть малейшая возможность. Но мне уже было не страшно. Мне было так больно, что весь страх испарился несколькими мгновениями ранее.

Из меня буквально лилось пламя. Огонь горел со всех сторон, и когда мои руки оказались раскинутыми в стороны, то краем глаза я заметила, что с обеих сторон у меня за спиной загорелось по огромному всполоху огня.

Как… крылья…

Я отвернулась, бросив пустой взгляд на вампиров и дарков перед собой. На их полусгоревшие одежды. На Кровавого князя с

обожженным лицом, у ног которого рассыпался мертвый пепел.

А затем приоткрыла губы, и из горла сами собой вырвались слова, которые я, казалось, давно забыла. Слова, которые по-настоящему мне никто никогда и не говорил, но именно сейчас я почему-то поверила в их истинность. Ведь их значение вдруг стало мне ясно, как никогда прежде:

– *Мьель данвер лависшаэс тес вартенфьен! Эллес анде!*

"Я нареченная именем Седьмого принца! Склоните головы!"

Слова древнего драконьего языка вырвались из горла так легко, словно я всегда понимала этот язык. Язык, который почти умер в этом мире, ведь на нем говорили лишь чистокровные драконы Старой Райялари. Много веков назад. И теперь он использовался лишь между дарками, да и то крайне редко.

Но я знала его. Знала его безупречно!

И стоило мне произнести слова, как глаза нескольких десятков дарков, что были здесь, широко раскрылись. А через мгновение они упали на колени, склонив головы.

Вот только на колени падали и некоторые вампиры. Это было удивительно и необъяснимо. Потому что я слышала в толпе шепот: "Керисса… Керисса…"

И знала, что это означает "Королева".

Вот только почему королева? Ведь я не говорила ничего подобного.

Нареченная именем Седьмого принца – это не королева. Как и Айден – не король и не император.

Но внутри меня разливалось странное спокойствие. Мне было хорошо и легко, словно все так и должно быть. И только пьянящая, нестерпимо болезненная сила жгла все так же больно. И терпеть становилось уже невмоготу.

Я бросила короткий взгляд на место, где пару мгновений назад исчез ирлис вместе с Ренвиэлем. Не вполне понимая, что хочу там найти. Но взгляд сам собой выловил где-то на границе понимания, где-то между тканью пространства застывшие зелёные искры моего зверя. Осколки его странной магии, сумевшей обойти печати вампиров.

Я потянулась к ним, влив в искры часть огненной магии, что разрывала меня изнутри. Сжигала заживо. И призрачная зелень

загорелась, вспыхнула невероятной мощью. Колдовским зеленым огнем, взметнувшимся на несколько метров вверх.

– Айден… – шепнула я, из последних сил стараясь дотянуться до своего принца. Последний раз. – Айден…

И сознание окончательно начало покидать меня

В глазах почернело, моя выдержка дала слабину. Когда тебя сжигают заживо, сложно оставаться храброй и смелой.

Я больше такой не была.

– Айден, – выдохнула и провалилась в спасительную черноту, где больше не было боли и вампиров. Где никто не пытался взять меня силой или убить. Где было прохладно и темно.

Жаль только, что именно в последний момент перед тем, как веки опустились, из зелёного всполоха, который я разожгла, вдруг мелькнуло отражение Седьмого принца, до которого я больше не могла дотянуться.

Не могла дотронуться… коснуться его лица…

А он был жив и здоров! С обнаженным торсом, огромными огненными крыльями за спиной и громадным мечом, с которого лилось пламя. Он буквально раздирал им пространство, словно прохода зелёных искр не хватало для его перемещения.

Погружаясь в черноту, я улыбалась. И, растворяясь во мраке, уже чувствовала себя абсолютно счастливой.

Потому что Айденион Огненнокрылый наконец-то сумел перебороть отраву черного золота.

Он был жив.

Жив!!!

Глава 16

Айденион Огненнокрылый

Айден ворвался в тронный зал княжеского замка Шеллаэрде словно цунами, сносящее на своем пути все вокруг. Его сознание было на последней грани между адекватностью и безумием, потому что едва он собрался нарушить соглашение между Новой Райялари и Шеллаэрде, проникнув на территорию нейтрального свободного княжества вампиров, как оказалось, что сделать этого он не может!

Сердце подскочило к горлу, кровь, что последние несколько десятков минут после пробуждения от смертельного сна и так бурлила, словно варево в ведьмином котле, вовсе начала превращаться в ядовитый пар. Айден и так потерял кучу времени, пока приходил в себя и объяснял старшему брату, почему он должен нарушить мирные договоренности, почему считает себя вправе с огнем и мечом являться к Кровавому князю ради какой-то аары… А теперь и вовсе не мог проникнуть к женщине, которую ощущал как себя.

Он знал, где она. Несмотря на то, что по всем законам это было невозможно, Айден прекрасно чувствовал, где находится его женщина. Его Селина. Ему казалось, что сквозь расстояние он слышит биение ее сердца, ощущает, как оно ненормально ускорилось, будто выламывая ребра. Как течет ее кровь, двигаясь в венах вместе с его собственной. И он видел Нити… Нити Судьбы, которые, словно паутина, мелькали перед глазами сотней разноцветных переплетений, на гранях которых, стоило прищурить глаза, сверкала ослепляющая холодная луна.

Все они вели его вперед, туда, где на северо-западе Йенлавей раскинулась мрачная долина в форме восьмилучевой звезды, окруженная Чащей шерблайдов и дикими Топями. Кровавый Крестострел вампиров – место, которое все дарки с удовольствием стерли бы с лица земли, если бы кроме клыкастых монстров там не жило множество людей и нелюдей.

Селина была там, в самом центре проклятого княжества. В замке, куда Айден не мог проникнуть…

Портал выбросил Седьмого принца за огромными коваными вратами, и ему оставалось лишь злиться в бессилии, истекая огнем,

пытаясь сломать защиту колдовских печатей, наложенных на всю территорию перед замком и на тронный зал в частности.

Время шло, и Айден все больше впадал в такое незнакомое ему состояние паники. Он голыми руками, с которых капал огонь, ломал купол защиты замка, вонзая пламенный меч в прорехи невидимой колдовской стены, на другой стороне которой начали черными облаками появляться вампиры.

Они смотрели на него своими красными глазами, но почему-то оставались на месте. То ли им не отдавали приказ защищать замок, то ли они верили, что Седьмому принцу не пробиться и так.

Айден уже и сам не верил, что у него получится. Даже когда призрачный купол стал трещать под натиском ожившего огня, когда пламя с крыльев начало капать на землю, уже уничтожив его собственную верхнюю одежду, сперва оставив лишь обуглившуюся рубашку, а потом сожрав и ее. Даром что вся она была защищена магией – не выдержали даже кольчужные пластины… На принце остались лишь штаны из усиленной огнеупорной кожи, иначе стоять бы ему перед вампирским замком полностью голым.

Одежда, которая должна была защитить его от кинжалов клыкастых врагов и черной магии полудохлых упырей, не смогла выдержать его собственной магии, что почти полностью вышла из-под контроля.

С ним творилось что-то ненормальное, но Айден не обращал внимания. Не видел он и того, что его огненные крылья еще сильнее увеличились в размерах, теперь и вовсе превратившись в огромные горящие столбы пламени, как паруса диковинного корабля, развевающиеся на ветру, освещающие ночную тьму, словно солнце.

А потом вдруг что-то произошло. Нити Судьбы перед глазами всколыхнулись, и вперед вышла одна – та, которая была толще всех, светящаяся золотом, в котором отражались лики прошлого и будущего. Черное ядовитое золото мешалось с желтым, как янтарь, и тонуло в голубоватых отблесках, напоминающих глаза Селины. А где-то рядом появилась еще одна Нить. На этот раз чисто черная, в которой будто растворился красный огонь. И эта последняя шла параллельно первой, разве что с одной-единственной разницей: она опутала собственную фигуру Айдена, грозясь то ли задушить его, то ли пронзить насквозь.

Затем между этими двумя нитями-стрелами, ослепляющими в ночном мраке, вспыхнули колдовские зеленые искры, что-то напомнившие Айдену. Но он не успел разобраться, что именно, потому что именно эти искры донесли до него звук голоса его Селины.

“Айден…

Айден…

Айден…”

Как стук сердца, который грозит вот-вот затихнуть навсегда.

Она звала его. *Его*. И в кислотно-изумрудных отблесках Седьмой принц увидел глаза своей аары. Глаза, которые стремительно закрывались, и дребезжание первой золотой Нити подсказывало, что закрывались они навсегда.

Незнакомый доселе ледяной ужас прошил позвоночник, холодным потом выступив на лбу. Айден зарычал, подняв огненный меч, раздобытый из собственного сознания и теперь являющийся по любому его зову, и вонзив его прямо в центр изумрудных искр, разрывая странный портал, появившийся перед ним безо всякой печати, без огненной эксплозии, которой пользовались все драконы… разве что кроме его брата. Сирглинариона Отравленного Сердца…

Но и об этой загадке сейчас думать было некогда. Он чувствовал, как чужое, самое дорогое во всем мире сердце вот-вот остановится, потому что его собственное начало биться медленней и тише. Словно считывая последние удары того – другого.

Он не имел права на ошибку. И не позволял себе думать, что ничего не получится. А потому, когда меч прошел насквозь через таинственный портал, открывая его и делая все шире и шире, Айден даже не удивился. Не стал узнавать, схлопнется ли колдовская дверь, если попробовать шагнуть в нее. Не оторвет ли ему руки и ноги, если попробовать воспользоваться переходом, который он не создавал.

Старая как мир техника безопасности при использовании высшей магии его больше не волновала. Он прыгнул в портал, даже не моргая. Лишь бы не выпускать хрупкого образа его Селины. Ее худенького лица, почему-то окаймленного таким же голодным желтым пламенем, что окружало и его самого. Ее глаз, которые уже потухли…

А затем его вдруг накрыл оглушительный рев огня и крики. Шелест черной магии и женский визг.

Он попал в тронный зал княжеского замка Шеллаэрде. У него получилось!

– Селина!!! – закричал он что было сил, боясь, что уже поздно. Всполохом света на своих огромных крыльях перелетев к ней через толпу вампиров и что-то возмущенно рычащего Кровавого князя. Схватил на руки падающую девушку, почти не чувствуя, как жгутся ее странные огненно-желтые крылья. Еще более странные, чем его собственные, похожие на красно-черную лаву.

Стоило прикоснуться к ее светлой коже, как он почувствовал чудовищную боль. Не его – ее боль. Понимание пришло резко и неожиданно: его самого никогда не жгло пламя, ведь он был драконом с самого рождения. А Селина… была человеком. Ей было невыносимо терпеть это ожившее колдовское инферно, она умирала от огня, который создала сама же. Его странная волшебная девочка из другого мира…

– Нет-нет, пожалуйста, держись, не уходи от меня, – прошептал он, чувствуя, как руки трясутся от страха, что вот-вот произойдет непоправимое и он понятия не имеет, как это изменить. – Пожалуйста, не оставляй меня…

Он стиснул зубы, не замечая, как их обоих по кругу обступали вампиры и дарки, которых тут не должно быть. Из его глаз лились огненные слезы, и он заметил это, лишь когда одна из них упала на белую кожу Селины, оставив чудовищное красное пятно.

– Нет! – выдохнул он, стирая огонь подрагивающими пальцами и уже почти не слыша чужого сердца. – Нет, не может этого быть… Не сейчас, Селина, лет через сто или пятьсот. Но не сейчас!

Он резко встряхнул ее за плечи, пытаясь погасить проклятое пламя, убрать руками ее крылья, расправившиеся за спиной, словно у волшебной птицы, мягкие, как пух. Не такие, как у него – твердые и жгучие, будто готовые в любой момент застыть и превратиться в камень.

В этот момент он услышал наконец что-то из того, что творилось вокруг. И это был голос Кровавого князя, что отдавал приказ… убить их обоих.

– Сейчас, пока они слабы! – добавил князь, зажимающий бок, ведь половина его тела оказалась сожжена дотла.

Тем временем он хлопнул в ладоши, и в зал послушной цепочкой вошли два десятка людей. Айден не успел сделать даже одного вдоха, как Кровавый князь поднял здоровую руку в воздух, и по залу разлилась редкая чудовищная магия. Сила, которой обладали очень немногие вампиры, но беспрепятственно применить ее могли лишь при особых условиях.

Люди, что появились в зале, оглушительно закричали, а из их ртов, глаз, ушей и даже из самой кожи в воздух взметнулось красное облако крови. Прошло не больше секунды, как это облако осело в неглубоком углублении в полу чуть поодаль от черного трона. И князь летучей мышью нырнул в образовавшийся небольшой бассейн, полностью скрывшись в нем.

А затем Айден увидел, как обступившие их вампиры и дарки, которых он считал друзьями, обнажили мечи и кинжалы, в их руках начали зажигаться боевые руна. Лишь часть присутствующих стояла на коленях поодаль, у самой стены, словно не зная, что делать. И некоторые из них поднимались, чтобы атаковать своих же… встать на защиту Айдена и Селины.

Вот только Айден почти не соображал, кто друг, а кто враг. Его разум словно отделился от тела, заставляя последнее действовать самостоятельно. Он поднялся на ноги, удерживая в одной руке неподвижное тело Селины, а другую взметнув в воздух.

Будучи чистокровным драконом, Айден был сильнее десятка дарков и сотни вампиров. Но вряд ли смог бы совладать со всеми сразу, включая Кровавого князя, который вот-вот должен был появиться из своей ужасной купальни, продолжая убивать.

Люди, которые наполнили бассейн кровью, уже были мертвы, и с этим ничего нельзя было поделать. Разве что уничтожить тех, кто виновен в их гибели.

Айден понимал это все отстраненно, потому что если бы сумел позволить полному осознанию происходящего проникнуть в себя, то наверняка сошел бы с ума. Ведь девушка на его руках уже не дышала.

Он провел в воздухе рукой, начертив пальцем круг, внутри которого разом зажглись две сотни символов. Небывалое количество, чрезвычайно сложная печать, которую нужно было удерживать в голове целиком, чтобы суметь ею воспользоваться. Айден когда-то давно создал ее сам, но никогда не мог ее воспроизвести. Что-то в вязи

символов блокировало ее активацию, а самих элементов оказывалось так много, что Седьмому принцу попросту не удавалось наполнить ее силой до конца.

Сейчас же все встало на свои места. Это была печать, основанная на высшей магии Разрушения, но многократно усиленная и усовершенствованная Айденом, чтобы бить по площади, уничтожая все на своем пути.

Прежде протестировать такую силу у Седьмого принца просто не могло появиться возможности. Теперь же отстраненное, холодное сознание, с трудом блокирующее подкрадывающееся безумие, подсказало, что стоит вплести в руно несколько вампирских символов, чтобы стабилизировать его черной магией мертвецов. Он вплел в рисунок изображение летучей мыши, добавил несколько десятков окружностей капель крови и вписал под главное кольцо печати восьмилучевую звезду крестострела Шеллаэрде.

И время остановилось. А затем печать вспыхнула разрушительным, сжигающим все на своем пути черным огнем, при этом не дающим своим жертвам пошевелиться. Никогда Айден не видел ничего подобного. Никто из дарков и вампиров не видел. Огонь оплетал их тела как живые змеи, сжигая мясо и плоть, оставляя остовы костей, горящие как вертикальные факелы, которые почему-то не падали на пол.

Айден чувствовал, как много тиаре выпивает из него печать и новую силу взять неоткуда. В помещениях и старых замках в воздухе было разлито слишком мало магии. И вот-вот должен был наступить кризис – руно могло треснуть в любой момент, убив и его самого.

Но он продолжал колдовать, не обращая внимания более ни на что другое. На собственную жизнь ему становилось наплевать.

Крики наполнили тронный зал, и оставшиеся в живых вампиры и дарки отступили назад, склонив головы и падая на колени, присоединяясь к первым.

“Король… Король… Король…” – раздавались голоса со всех сторон.

Айден оглянулся, чтобы увидеть, когда это появился в зале Первый принц Новой Райялари. Но Элайдариона нигде не было.

Вот только в этот момент из кровавого бассейна поднялась в воздух черная туча, из которой засверкали красные, как кровь, глаза.

– Если убить его сейчас, у вас не будет короля, – хрипло и зло прокаркал он, взмахнув полой антрацитового плаща-крыла. И оставшаяся в бассейне кровь хлынула на каменный пол, неожиданно заливая черное пламя. – Империя драконов рухнет, если сейчас вы возьмете себя в руки и уничтожите этого слабеющего сопляка!

Оставшиеся в живых вампиры и дарки зашевелились. А страшное колдовское пламя стремительно тухло, еще сильнее успокаивая испуганных Детей Ночи.

Кровавый князь знал какой-то секрет этого черного огня, похоже, встретившись с ним не первый раз…

Но удивиться Айден не успел, чувствуя, как рваный вздох рвется из груди.

Селина.

Селина.

Селина…

Глаза застлала жгучая лава, пока он смотрел по сторонам отрешенно и безразлично, возвращаясь взглядом к своей ааре. К бледному лицу девочки, что лежала у него на руках, будто спала. А потом осознание того, что произошло, все же достигло его разума, и он упал на колени, с силой прижимая к себе ее хрупкое тело, касаясь лбом ее лба и не в силах сдержать больше пламя, что лилось даже сквозь веки. Он тихо укачивал ее на руках, не видя ничего вокруг.

И только их собственные огромные огненные крылья расстелились рядом пылающим облаком, вдруг перестав допускать кого-либо к трагедии, что развернулась прямо под ними.

Айден не слышал, как несколько вампиров опасливо бросили в их кокон черные заклятья. Не слышал, как они отскочили, а Кровавый князь рявкнул зачем-то:

– Восстань и исполни свой долг!

Не заметил, как прямо на гладком каменном полу, испачканном черной сажей от огня, подозрительный серый пепел, от которого фонило черной магией, вдруг зашевелился и вспыхнул мертвенной фигурой, завернутой в серый плащ-хламиду, из которого торчало лицо-череп.

Лицо бывшего оракула Шеллаэрдэ.

Оно повернулось к Кровавому князю и проговорило мертвыми челюстями:

– Твой сын задолжал мне долг жизни… – и голос разнесся по залу могильным шорохом, от которого оставшееся пламя затухло, оставляя лишь огонь крыльев Айдена и Селины.

– Мой сын уже мертвец, – сплюнув на пол, проговорил Кровавый князь, встряхнув короткими бледно-седыми волосами. – Я возмещу его долг, если ты убьешь короля драконов.

Он мотнул головой в сторону Айдена, который в этот момент не смотрел на него и если и слышал слова, то не реагировал.

В этот момент ему было уже все равно.

– Я взяла твое слово, князь, – прошелестела мертвая тварь, подходить к которой опасались даже Дети Ночи.

Она оглядела фигуры, укрытые крыльями огня, склонила голову набок, приближаясь к ним на костяных ногах, что не касались пола.

– Пламя драконьих королей… – пробормотала она гортанно, хрипло.

А затем вдруг достала из-за полы плаща тонкий кинжал, будто сотканный из самой тьмы.

– Живой огонь, – гаркнула мертвая женщина, словно посмеиваясь. – Такое пламя не преодолеть никому… Но живое не устоит против мертвого.

А в следующий момент произошло слишком много событий одновременно. Мгновение будто замедлилось, чтобы позволить Року совершить свой ход, а разноцветным Нитям Судьбы сплестись в последний смертельный клубок или разорваться навсегда.

*** * ***

Кровавый князь

Бешеный грохот разорвал пространство, отбросив толпу оставшихся в живых вампиров на десяток метров назад. Кровавый князь склонил голову, когда огненный смерч толкнул воздух взрывной волной, рождая горячий ветер. Но первый из вампиров устоял на ногах, скрыв лицо согнутой в локте рукой.

А когда убрал ее, увидел, как одновременно из чудовищно громадного портала эксплозии единым шагом вышли шесть драконьих

принцев в развевающихся плащах, и впереди был наместник и наследник Новой Райялари – сам Элайдарион Золотой Закат.

Тронный зал содрогнулся, и разом вокруг словно стало светлее. А может, и впрямь стало, ведь десяток витражных окон с темными разноцветными стеклами взорвались, осыпаясь на каменный пол искрящейся в свете луны крошкой.

– Какого демона?.. – прорычал сквозь зубы Кровавый князь, царапая нижнюю губу собственными клыками. – Как они преодолели силу печатей?!

Правая рука князя Детей Ночи, герцог Эмиэрдис, что всегда находился возле своего повелителя, склонил голову, вздрагивая от ужаса. Он не знал ответа.

Но и это было еще не все. Потому что вслед за принцами, в руках которых горели подготовленные к бою колдовские печати, в зале стали появляться другие дарки в полном боевом облачении.

И дураку было ясно, что это не дружеский визит. Драконы Новой Райялари официально нарушили пакт о ненападении и еще десяток договоренностей, главной из которых был запрет на эксплозию на территорию Шеллаэрде.

Тем более – в сам замок Кровавого князя…

Это была не просто угроза безопасности княжества, а официальное объявление войны.

Впрочем, этого вполне стоило ожидать после того, как он сам отдал приказ убить Седьмого имперского принца. Разве что повелитель вампиров не предусмотрел одной-единственной детали.

Он считал, что в его замок драконам проникнуть невозможно. Обманчивое ощущение безопасности, когда ты думаешь, что враг никогда не достанет до твоего горла.

И теперь это сулило всем им смерть.

– Сдайтесь, ваше Темнейшество, – с низко склоненной головой проговорил Эмиэрдис.

Он уже признал поражение.

Повелитель Шеллаэрде заскрипел зубами. Вот только он не собирался сдаваться. Он перевел напряженный взгляд алых, как кровь, глаз на свою последнюю надежду. Оракула Шеллаэрде, восставшего из мертвых благодаря Зову.

Она спасла жизнь его сыну Ренвиэлю, наложив на него печать Долга. И этот долг вернул ее из Небытия.

Разве что теперь сам Кровавый князь взял на себя обязательства по выплате… И он был готов на все, если прямо сейчас мертвая тварь уничтожит возрождающихся короля и королеву. Проклятых повелителей драконов и всех нелюдей мира… включая и вампиров.

– Лаисса Селина! – рявкнул он через половину зала, призывая нежить к действию. Потому что даже она замерла, склонив белесый череп набок, глядя, как бушует громадный черно-огненный вихрь магии, из которого раз за разом выходили все новые дарки, готовые убивать.

Оракул повернулась к князю, бросив на него короткий ядовитый взгляд.

– Твой долг прежде, – прошелестела она, окруженная облаком тьмы, что колыхалось, как тонкий полупрозрачный плащ.

И рука-кость протянулась в сторону Кровавого князя.

Повелитель вздрогнул, на миг испытав приступ ледяного страха.

Оракул была хитра и даже после смерти знала, как воспользоваться предоставленными возможностями.

Князь знал, что ничем хорошим это не кончится, и все же кивнул.

– Бери все, что пожелаешь, лаисса, – ответил он быстро.

И от костлявой кисти старой ведьмы отделилась сосущая черная воронка, протянувшаяся к самому сердцу Кровавого повелителя, выпивая из него саму его колдовскую суть. Суть высшего вампира, что не был ни живым, ни мертвым, в отличие от перерожденных Детей Ночи, которым требовалось умереть, чтобы восстать вновь.

Князь закричал, оседая на пол, падая на колени дряхлым стариком с ввалившимися сухими щеками, лишенный большей части своих огромных сил.

Зато лаисса Селина вдруг выпрямилась молодой женщиной, чья белозубая улыбка сияла алым светом кровавой луны.

– Долг исполнен, – проговорила она звонким голосом, перехватывая тонкий черный кинжал, пока все присутствующие дарки оглядывали зал и наблюдали за происходящим, пытаясь понять, что к чему.

– Убейте ее! Иначе она уничтожит короля и королеву! – воскликнул какой-то тонкий голосок чуть в стороне.

Князь с трудом повернул скрипящие кости в сторону крика, с трудом соображая, что в зале делает маленький мальчик, сопливый детеныш кого-то из дарков.

Но после его крика имперские принцы словно очнулись, получив четкую цель. Теперь благодаря мелкому засранцу они знали, кто был их основной целью, и без малого сотня чудовищных колдовских печатей зажглась в воздухе над воскресшим Оракулом Шеллаэрде.

Кровавый князь задрожал, широко раскрыв высыхающие глаза, боясь, что его последняя жертва окажется напрасной и лаиссу убьют.

Вот только прошло несколько стремительных страшных секунд грохота, и, когда пыль и огонь улеглись, оказалось, что полупрозрачная, густая тьма вокруг Оракула непроницаема.

Ее щит, подпитанный жизнью повелителя Детей Ночи, был способен выдержать все. Лаисса улыбалась, неторопливо двигаясь в сторону шара из огненных крыльев, внутри которого скрывались Айденион с его человеческой ааро́й.

И ничто не могло ее остановить.

Дряхлый старик широко улыбнулся, поднимаясь с колен на подрагивающих ногах. Он не отрывал взгляда от оракула, ожидая, что вот-вот все будет кончено. Черный кинжал, сотканный из самого мрака, уничтожит его врагов… А уж он сумеет вернуть свою силу. Вампиры восстанут, и вот дарки без древней силы короля и королевы уже не смогут ничего противопоставить им.

Ничего…

Огненные руна загорались в воздухе десятками, дарки все еще надеялись убить немертвую тварь, Элайдарион и еще четверо принцев метнулись к стройной фигуре лаиссы, пытаясь пробить ее некрощит зачарованным оружием.

Но ничего не выходило. Лаисса Селина просто улыбалась, словно не замечала их. Она уже была в шаге от Айдениона, сжимающего в руках бледную женскую фигуру. Тонкая рука Оракула занеслась над шеей Седьмого принца, а Кровавый князь открыл рот, буквально считая доли секунды, ожидая вот-вот увидеть, как умрет наследник королевской силы…

И в следующий миг зал закружился, щекой он ощутил удар о холодный пол, а глазами с удивлением наблюдал свое собственное обезглавленное тело в каком-то метре справа.

Губы высшего вампира беззвучно открылись, чтобы спросить, какого хрена, тут происходит. Но затем его тело осыпалось прахом, и последнее, что он успел заметить, это блеск меча проклятого золотоволосого принца Элайдариона, дофина империи, что убил его.

* * *

Айденион Огненнокрылый

Седьмой принц Новой Райялари держал на руках безжизненное тело своей бывшей аары и ничего не видел вокруг. Ничего, кроме ее лица, неестественно бледной кожи и закрытых глаз, в которых застыли блестящие золотом слезы.

Он неторопливо укачивал ее из стороны в сторону, и с его губ срывались сбивчивые болезненные слова. Он пытался говорить, говорить много и долго, чтобы высказать все, что не успел. Все, что понял совсем недавно, потому что у него просто не было времени, чтобы осознать это раньше.

До того, как она оставила его одного… и все вдруг потеряло смысл.

– Селина… Моя Селина, – еле слышно шептал он, с трудом замечая, как трясутся собственные губы. – Селина-а-а-а… Как же так вышло, моя бедная девочка… Моя огненная принцесса… Я ведь так много не успел тебе сказать. Не успел поблагодарить за то, какой ты была смелой. Моя простая человеческая аара… которая спасла жизнь драконьему принцу. Которая вернула меня, несмотря на все запреты. Никто, кроме меня, не знает, что ты сделала. И если ты не очнешься… если оставишь меня, то никто и не узнает, Селина! Открой глаза, девочка… единственная моя принцесса…

Он стиснул зубы, крепко зажмуривая глаза, потому что горло внезапно сдавило до спазма, от которого не вздохнуть, не сказать ни слова. Руки затряслись от непоправимой неизбежности.

Но он все равно продолжал шептать, через силу, несмотря на разорванную в клочья душу:

– Ты знаешь, я ведь никогда не относился к тебе как к настоящей ааре… Ты даже не успела этого понять. Да я и сам понял только теперь. Едва ты появилась в моей жизни, как не стало в ней кроме тебя

никого другого. Любая попытка сделать тебя одной из десятка других погибала еще на этапе зарождения. Ты никогда не была одной из многих. Ты была единственной… И любые мои численные сравнения всегда оставались лишь для красивого словца. Когда-то я говорил, что людей в Новой Райялари бесконечно много. А дарков – не более двенадцати сотен… Нас мало, но даже среди нас ты была единственной… для меня. Всегда была единственной, хотя я этого никогда не понимал. Непростительно долго не понимал… Прости меня, Селина. Моя принцесса… Моя королева…

Он осторожно наклонился и коснулся губами ее холодных губ, чувствуя, что они не становятся теплее, как бы сильно он этого ни хотел. С ужасающей безысходностью понимая, что ничего уже не изменить.

*** * ***

Селина

Мне было грустно и страшно умирать. Я чувствовала, как жизнь утекает сквозь пальцы, но перед глазами не проносилось бесконечности воспоминаний прожитой жизни, как об этом обычно рассказывают. Я просто погрузилась в холодную тьму, из которой чувствовала, что уже не вернусь обратно.

И это было самое отвратительное, что я когда-либо испытывала.

Но еще страшнее стало, когда я вдруг обнаружила себя рядом Айденом и… собственным телом. Со стороны наблюдая, как мужские руки, залитые огнем, прижимают меня под куполом огромных пламенных крыльев. Слыша, как мой принц шепчет надо мной горькие прощальные слова, от которых у меня по щекам потекли слезы.

– Айден… – проговорила я, касаясь прозрачной ладонью его крыла и проходя сквозь него. – Айден, я здесь!

Но он меня больше не слышал. И вот тогда я отчетливо поняла, что действительно умерла.

Если бы в моей прозрачной груди было сердце, оно остановилось бы в тот же миг от ужаса, который я испытала в эту секунду. Но, похоже, мое сердце остановилось несколькими минутами раньше и повторно это сделать уже не могло.

Вот только в какой-то момент, когда меня с ног до головы охватило неконтролируемое уничтожающее чувство, что так быть не должно, что это нечестно, я вдруг увидела в беснующемся аде тронного зала вампиров женскую фигуру.

Фигуру, которая должна быть тут лишней!

Она сверкала, словно солнце с малиновыми всполохами. Как рассвет на горизонте, когда светило еще только-только показывается, освещая тьму.

И время остановилось.

Я смотрела на четверых принцев, которые занесли мечи и колдовские печати над застывшим черным пузырем Оракула Шеллаэрде. Смотрела на обезглавленное тело Кровавого князя и на принца Элайдариона, что, сдвинув светлые брови, стоял над ним. На вампиров, которые замерли в попытке убежать от десятков дарков, что намеревались их убить.

И не понимала, что происходит. Только женщина в сверкающем плаще была все ближе, пока я не поняла, что передо мной… старая баба Лида со своим огромным черным попугаем!

В этот миг у меня в голове мелькнула мысль, что, может, я и не умерла вовсе, а просто слегка помутилась рассудком. Это было бы и понятно, учитывая все то, что со мной произошло за последние недели. И, надо заметить, этот вариант нравился мне гораздо больше смерти!

– Нет-нет, киска, ты все-таки умерла, – обрадовала меня старуха, подойдя ближе и радостно улыбаясь.

– Ну замечательно, – проговорила я, едва шевеля губами.

А баба Лида достала конфетку из кармана, невозмутимо бросила в рот и, повернувшись к пылающим крыльям Айдена и моим собственным, прищурилась.

– Как шпарит, а? Прям загорать можно.

– Бабуля, а вы что тут делаете? – осторожно спросила я, представления не имея, как себя вести.

– Знамо дело, что, – ухмыльнулась она. – Поболтать с тобой пришла. Как тебе мои сережки? Полезные оказались, да?

Она снова ухмыльнулась и на этот раз почесала черный бок своего попугая.

Тот каркнул и посмотрел на меня весьма красноречиво, жаль только, я не понимала, что означал этот взгляд, но озноб от него меня пробрал знатный.

– Да что ж тут полезного, бабуля? – хмыкнула я горько, отвернувшись и взглянув на неподвижного Айдена, что, зажмурившись и стиснув зубы, прижимался лбом к моему лбу. – Сережки ваши сожгли меня изнутри. И все… Теперь – все.

Комок застрял в горле, и я его поспешно сглотнула, стараясь держать себя в руках.

– Ну, все или не все, еще непонятно, – фыркнула старушка. – Не зря же я сюда пришла, в конце концов. А сережки все то время, что ты была в Райялари, накапливали для тебя мою тиарэ. Как человек, ты довольно слаба и, даже обладая силой драконьей крови, была почти не способна ею воспользоваться. Вот сережечки и пригодились, чтобы в нужный момент подстегнуть твои драконьи корни. Дать им выйти наружу…

Я едва слушала, что она говорит. Надежда всколыхнулась у меня в груди так быстро, что я сама не заметила, как подбежала к подозрительной старухе и схватила ее за руку.

– Я могу вернуться? Баба Лида, вы можете меня вернуть?

Та усмехнулась, а попугай так громко каркнул, что я с трудом не отпрыгнула в сторону.

– Я-то могу. Но захочешь ли? – прищурилась она, не подавая виду, что заметила, с каким подозрением во взгляде я убрала от нее руки.

– А есть какая-то причина, почему я могу не захотеть? – приподняла бровь я, чувствуя, что ответ мне не понравится.

Так оно и вышло.

– Может быть, потому, что вернуть к жизни я могу лишь дракона? – спросила она и снова закинула в рот конфетку, отвернув голову к одному из принцев. Кажется, это был Гленхейдлион с его ядовито-красными волосами, в которых растворились искры золота, и вечным раздражением в горящих глазах. Даже застывший во времени, он казался живым и с ног до головы наполненным желанием прикончить Оракула Шеллаэрде.

Баба Лида подошла к нему и старческой рукой с идеальным розово-алым маникюром пошевелила упавшие на его глаза пряди.

Само собой, мужчина ничего не заметил, так и продолжая сохранять неподвижность. Только кипящая ярость в глазах словно самую малость поутихла…

Или мне это лишь показалось.

– Вы хотите сказать, что раз я не дракон, то и вернуть меня вы не можете? – выдохнула я, стараясь скрыть болезненное разочарование. И снова бросив короткий взгляд на Айдена, что все еще сжимал в руках мое безжизненное тело.

Мне уже не столько жаль было себя… сколько его. Не обращающего внимания ни на что вокруг, даже на проклятого Оракула, что занесла над ним пугающий черный кинжал.

Ведь он мог оглянуться! Мог одним движением огромного огненного крыла смести это немертвое чудовище прочь. Спастись. Я была уверена, что он мог!

Но не хотел. Он опустил веки, за которыми скрывался огонь, и просто укрыл меня собой. А наши странные колдовские крылья стали коконом…

Саркофагом, в котором мы оба вот-вот должны были оказаться похоронены.

– Нет, – внезапно покачала головой старая женщина, привлекая мое внимание. – Я хотела сказать только то, что сказала. Я могу воскресить дракона, ведь я их мать. Это мне по силам. Любой, в ком течет хоть капля моей крови, может воспрянуть, наследуя часть моей тиарэ, обретая крылья. И в тебе есть моя кровь, Селина.

Она резко повернулась ко мне, и ее взгляд стал острее. Слишком острым, пронзающим насквозь. Никогда прежде я не чувствовала ничего подобного. Словно кто-то пытался проникнуть в меня, разглядев саму душу.

Только вот я уже была душой. Открытой, не умеющей скрыть хоть что-нибудь от чужих глаз.

– Тогда сделайте это, ведь вы пришли для этого, правда? – проговорила я, снова шагнув к этой женщине, которую, как мне думалось, я знала всю жизнь. И как теперь оказалось, которую я не знала вообще.

Баба Лида не произносила ни слова несколько мгновений. Она молчала, глядя на меня, не отрываясь, а в ее глазах я внезапно будто вживую увидела отблески алого рассвета.

– Если я верну тебе жизнь, ты станешь драконом, – проговорила она без увиливаний. Прямо. Почти тяжело. – Ты должна будешь принять наши законы и правила. Все правила, Селина… Ты должна будешь забыть о том, что было важно для тебя, как для человека. Твоей стороной должны стать дети Крылатого племени. Мои дети.

– Разве есть какие-то стороны? – не поняла я, едва дыша. Что-то в словах старухи напрягало. Что-то будто бы скрытое, что-то, чего я с ходу не могла осознать.

Она горько улыбнулась.

– Много тысячелетий назад мой брат и две сестры создали все сущее в этом мире. Землю, небо, растения и животных. Людей… А я вместе с моим мужем создала драконов…

Баба Лида почесала черный бочок своего попугая, и тот своим огромным клювом неожиданно мягко укусил ее за ухо.

– Тогда мой брат, по-вашему – Ясноземный старец, увидев, что мои дети оказались сильнее и прекраснее, чем дети Луноночной матери, и обозлился, – продолжала моя бывшая соседка. – Ведь драконы могли по своему желанию становиться людьми. А люди так не умели. Драконы могли колдовать, а у людей это получалось слишком редко… Я думаю, что брат всегда завидовал мне, хотел навредить, – невесело усмехнулась она. – И тут появился повод. И он создал проклятие, благодаря которому дракон может остаться драконом, только если выполняет ряд условий. Например, выносить дракона можно лишь в теле дракона. А еще – силу драконьих королей можно передать лишь в теле дракона… Вот почему после того, как родители Айдениона, Вайлар и Амелия, ушли из этого мира, новых короля и королевы никак не появлялось… Они могли передать силу лишь одному из своих сыновей. Только силу короля. Но где взять королеву, если все чистокровные давно исчезли?..

Она снова улыбнулась, задумчиво обойдя меня по кругу, медленно и размеренно, заставляя меня поворачиваться, следовать за ней неотступно. Невольно…

– Есть еще множество мелких правил и законов, выполнить которые не сложно. Но если нарушишь их, будешь проклят моим братом. Как был проклят Вайларион Черная Смерть, мать которого выносила его в человеческом теле. Бедный мой сын… Он стал любить людей и однажды оставил свой народ. Но это старая история.

Она улыбнулась и резко посмотрела на меня, остановившись, как оказалось, прямо около Оракула Шеллаэрде. Тогда ее улыбка исчезла с лица.

– Мой брат добился своего, и драконы были уничтожены. Но случилось так, что за сотню лет до этого первое дитя драконьей королевы отправилось в твой мир. И ты стала его потомком.

У меня дыхание перехватило.

– Но как это вышло? – отрывисто проговорила я, во все глаза глядя на старую женщину, в которой с каждым разом ощущалось все больше незримой силы.

– Есть одно существо, которое может нам это поведать, – ответила баба Лида, едва заметно сдвинув брови.

А затем коснулась рукой капюшона помолодевшей ведьмы, которую звали точно так же, как и меня. Схватила его, опустив назад, и встала напротив бледного женского лица, обрамленного черными волосами. Лица, которое словно бы медленно начало оживать, избавляясь от густого, как смола, застывшего времени.

– Расскажешь нам, Селина Райвен? Как ты превратилась в немертвое создание, кладбищенское отродье и гниющую заживо плоть, что не может найти упокоение уже почти тысячу лет?..

Взгляд Оракула сфокусировался на старухе, и в черных глазах мелькнул настоящий ужас. Селина вытянула голову, словно стараясь выпутаться из невидимых пут. На шее мелькнули следы старого чудовищного шрама, словно кто-то пытался отрезать голову этой женщине.

Затем оракул снова опустила подбородок и следы исчезли. У нее ничего не получалось – тело оставалось подвержено заклятью остановки времени, а вот голова удивительным образом освободилась от него.

– Я расскажу… если ты обещаешь сохранить мне жизнь, о Великая Дева, – попыталась склониться она, но мало что вышло.

– Говори, – холодно бросила баба Лида. – А там уж я решу, что с тобой делать.

И, переведя взгляд на меня, Оракул Шеллаэрде, что теперь выглядела как прекрасная девушка, начала свой рассказ.

– Это случилось за полторы сотни лет до того, как Старая Райялари начала приближаться к своему закату, – прозвучал молодой

женский голос, в котором, впрочем, до сих пор слышались отзвуки хрипов полумертвого. – Я тогда была простым человеком. Однажды к моему дому на опушке леса явилась женщина. У нее были золотые волосы и глаза, полные огненного янтаря. Не узнать в ней будущую правительницу, носительницу силы королевы драконов, было слишком сложно. Но самым невероятным оказалось то, что эта женщина была беременна. А ведь каждый в империи знал, что ее свадьба с королем случится лишь через год. Но она уже носила ребенка. Чужого ребенка.

Селина на миг прервалась, сдвинув брови. На миг на ее лице проскользнула какая-то нечитаемая эмоция, но тут же исчезла.

– Эта женщина ничего не искала. Ни помощи, ни сочувствия. Королева всегда была гордой и властной… И как потом я узнала, она совершенно не желала этого брака. Она просто бежала прочь, не оглядываясь. Ведь если бы кто-то узнал о ее беременности, у нее были бы серьезные проблемы. Но я предложила помощь. Я укрыла ее в своем доме и пообещала, что помогу избавиться от ребенка… За что королева едва не убила меня. – Оракул хрипло рассмеялась. – Тогда я сказала, что мне нет нужды желать кому-то смерти, я лишь хотела помочь ей. И тогда она согласилась остаться со мной до момента, когда ребенок родится. Но в день, когда это произошло, мою лачугу обнаружили слуги короля. Я едва успела схватить младенца, когда королева начала открывать портал эксплозии… в другой мир. Последнее, что я услышала от нее, – всего несколько слов, когда она протянула мне волшебное кольцо: “Никто не должен знать… Не пытайся вернуться. Портал в этом перстне сработает ровно через двадцать лет для вас обеих. Если моя дочь будет жива…”

Оракул сжала на миг губы.

– Мне было восемнадцать. И я попала в мир, лишенный магии. Еще двадцать лет я жила в нем, прячась и выращивая чужое дитя. Я никогда не говорила, что являюсь ей матерью, но девочка… любила меня так же, как мать. И я тоже привязалась к ней, хотя больше всего ненавидела ее за то, что моя жизнь вот так оборвалась. Да, я была жива, но, лишившись собственного дома, вынужденная скитаться и искать средства к существованию, я чувствовала себя ужасно. И никому не могла рассказать правду, ведь в том мире мои слова звучали как бред сумасшедшей…

Лицо Селины скривилось в злой гримасе, но тут же вновь приняло прежний облик.

– Когда пришло нужное время, портал эксплозии и впрямь открылся. Вот только я шагнула в него без Ирейнарион. Я оставила названую дочь в том, другом мире, где, как мне казалось, ей гораздо большее место, чем в Райялари. А еще я хотела отомстить. Хотела, чтобы королева сама искала свое дитя в чужом мире. Чтобы испытала то же, что и я за потерянные двадцать лет… Вот только, оказавшись дома спустя два десятилетия, я поняла, что Райялари больше нет. И королева давно умерла, как и абсолютное большинство драконов. Империя Крылатого племени была уничтожена, мне никто не мог отомстить за то, что я сделала. Но обрадоваться или пожалеть о содеянном я тоже не сумела, потому что, как оказалось, кольцо королевы несло в себе проклятье, которое активировалось, едва я вернулась в Райялари без девочки. Мое тело окутала странная болезнь, сжирающая меня изнутри. Доставляющая невиданные страдания, но при этом не дающая умереть.

Оракул Шеллаэрде сипло втянула воздух сквозь зубы, словно и сейчас испытывала фантомную боль.

– Это было последнее и самое изощренное колдовство Аллегрион Златопламенной, – с яростью проговорила женщина. – Заклятье, которое выдумала она сама и секрета которого не знает ни одна живая душа во всем мире. Я… искала. Я спрашивала… Ни один самый сильный маг не мог меня излечить. И я продолжала жить веками, рассыпаясь в пыль. В плесень и прах… Когда-то я даже хотела воскресить ее, проклятую Аллегрион, чтобы узнать эту тайну. И у меня почти вышло… Почти…

У меня внутри все похолодело.

– Аллегрион?.. Аллегрион Златопламенная, которая мать Айдена? – выдохнула я с ужасом.

А баба Лида вдруг покачала головой и махнула на меня рукой.

– Не нагнетай. Мать имперских принцев – Амелион Златопламенная. Ты перепутала имена.

Оракул фыркнула.

– Амелион и Аллегрион – одно лицо, – проговорила та, стиснув зубы.

– Но Амелион не дала тебе рецепт избавления от твоей хвори, не так ли? – приподняла бровь моя старая соседка. – Потому что Амелия – человек и знать не знала этого рецепта. Ее плоть и кровь – это плоть и кровь человека. Душа Аллегрион слилась с ее душой и дала ей лишь силу и магию, превратив в первую даркессу. Но на этом все. Общих генов у Амелии с Селиной нет.

У меня резко отлегло от сердца. Хотя, если подумать, будь Аллегрион матерью Айдена, наше родство тоже было бы весьма сомнительным. Я с трудом вспоминала, как далеко в прошлом, когда мне было года три, не больше, мама гладила меня по голове и говорила, что у меня очень красивое имя. Болгарское или польское. В честь прабабушки, которая, кажется, была откуда-то оттуда. Мама и сама не знала откуда, потому что никогда ее не видела. Что и немудрено, ведь Оракул Шеллаэрде и бабушкой-то ей никогда не была.

Но получалось, что я была внучкой Аллегрион в четвертом поколении. Во мне было очень-очень мало драконьей крови.

– А кто был моим прадедом? От кого забеременела Аллегрион? – спросила я вдруг.

– Тебе его имя ничего не скажет, – улыбнулась женщина. – Это было слишком давно.

– Так что же теперь? – выдохнула я, когда все кусочки пазла окончательно начали складываться в рисунок, а затем бросила короткий взгляд на Айдена, что все еще был так близко и так далеко одновременно. – Мне нужно стать драконом? Я готова, баба Лида!

Соседка улыбнулась, чуть прищурившись.

– Уверена, милая? Назад дороги не будет.

– Уверена, – кивнула, не замечая, как рука сама тянется к огненному крылу Седьмого принца, несмотря на то, что коснуться его не было ни малейшей возможности. Все равно я пальцами перебирала воздух, почти чувствуя, как дотрагиваюсь…

– Драконья кровь уснула в тебе, – медленно проговорила она. – Сильно разбавилась. Но не погасла. Она есть в тебе до сих пор, и я разбужу ее, Селина. Ты станешь еще одним чистокровным драконом. Истинной парой для моего мальчика. – Она провела пальцами над черными волосами Айдениона, и ветер вдруг зашевелил его пряди. – Но смотри не пожалей. – Она перестала улыбаться, и ее лицо вдруг

начало менять черты. Неуловимо, словно рябь пошла по старому зеркалу. – Мой брат не дремлет. И его проклятья все еще в силе…

Голос бабы Лиды стал чище и звонче. А лицо… молодело, начиная светиться изнутри, как восход солнца.

– Эренналис… Ясноземный старец… – говорила она все чище и громче. – Стоит ему узнать, что ты дала слабину, что ты поступаешь как человек, а не как дракон, и он найдет способ вновь погубить вас всех. Всех наших детей…

Я моргнула, не в силах отвести взгляд от женщины, которая теперь стояла передо мной. От молодой и прекрасной, как луч утреннего солнца, сверкающей рубинами крови, золотом света и сапфирами ночного неба.

Попугая больше не было. Вместо него за ее спиной стоял потрясающе красивый мужчина. Его длинные черные волосы развевались за спиной, как плащ, почти доставая до пояса. А глаза горели черным огнем. На обнаженных плечах змеилась драконья чешуя, а руками в кожаных доспехах, украшенных белым золотом, он сжимал руки девушки впереди… богини.

Не нужно было гадать, кто передо мной.

От света слепило глаза, и я прикрыла лицо предплечьем, из-под него наблюдая, что произойдет дальше.

Но я так ничего и не поняла. Лишь ветер взметнул вдруг тяжелые портьеры в зале, постепенно наполняющемся криками. А мое призрачное тело начало таять…

Лишь в последний момент я услышала голос Оракула:

– А как же я?..

– Мертвое должно быть мертво, – раздался звонкий, как разбитое стекло, ответ, громкий, как грохот грома.

А затем мужчина с длинными черными волосами коснулся головы колдуньи Селины. Ее глазницы изнутри вспыхнули огнем. И, закричав, ведьма рассыпалась в прах, который тут же подхватил ветер и унес далеко-далеко.

А я открыла глаза, увидев над собой бледное лицо Айдена, плотно сжавшего губы и касающегося меня лбом.

– Я жива, – проговорила, глотая откуда-то взявшиеся слезы и стирая огненные дорожки с мужского лица. – Жива…

Он открыл глаза и несколько секунд словно не знал, что сказать. Не верил. Только в радужках цвета раскаленной докрасна магмы горело так много всего. Бешенство, ярость, удивление, неверие, тоска, боль, безумие и радость… Дикая необузданная радость.

– Правда… – добавила я тихо, и мой принц наконец-то ожил, осознав, что это ему не привиделось.

Накрыл меня губами, с силой сжимая пальцы в моих волосах, до боли притягивая меня к себе, позволяя ощутить себя действительно живой.

На самом деле.

– Селина! Моя Селина… – прошептал он, кусая мои губы, сдавливая пальцы на моем затылке, на плечах, кусая подбородок и шею. А потом снова останавливаясь на губах и замирая с зажмуренными глазами. – Жива… Действительно жива. А я думал… Я уже думал…

– Я знаю, – прошептала, обнимая его за плечи и утыкаясь носом в основание шеи. – Я расскажу тебе все потом… но как ты думаешь, может быть, пора разобраться с вампирами и дарками, которые до сих пор хотят нас убить?

Я улыбнулась, поймав его взгляд, и подмигнула, глядя, как растекается улыбка по его губам.

Он будто набирался сил на моих глазах. Оживал, как и я.

А может, так оно и было.

Я знала, что теперь все будет в порядке.

– Ты думаешь, я позволю кому-нибудь убить тебя второй раз? – выдохнул он, резко вставая и расправляя крылья. А его глаза полыхнули совершенно новым яростным огнем, когда он оглядывал резко отшатнувшуюся назад толпу. – Убить у меня на руках мою будущую жену? Вот уж вряд ли!

– Айденион! Живой! – раздались крики его братьев.

– Селина, ну хвала Яросветной!

– Ну кто бы сомневался, – хмыкнул Сирглинарион и неожиданно мне подмигнул, пока Айден поднимал меня за руку, а я только и успевала удивляться тому, как расправляются за спиной мои странные огненные крылья.

Я снова посмотрела в улыбающееся лицо Седьмого принца и улыбнулась ему в ответ.

Да. Все обязательно будет в порядке.

Эпилог

Сегодня был день официальной коронации и он же – день нашей с Айденом свадьбы. На мне было длинное ярко-желтое платье невесты, расшитое таким количеством драгоценных камней, что становилось больно смотреть. При этом наряд почти не имел в себе ткани, потому что каждая тончайшая нить была унизана ограненными минералами, сверкающими на солнце, словно ожившее золото.

Айден стоял рядом в темном костюме, в который были удивительным образом вшиты доспехи из черного золота. Его длинные антрацитово-ночные волосы рассыпались по широким плечам, падая чуть вперёд и обрамляя смуглое уверенное лицо победителя.

Короля драконов и будущего императора Новой Райялари.

Спорить с тем, что Седьмой принц стал обладателем силы драконьих королей, было невозможно. От него буквально разило магией, и совершенно никто не мог противиться невольному стремлению подчиняться новому правителю.

Перед ним склоняли головы не только дарки и даркессы, но и вампиры, оборотни, сирены, русалки, нелюди, колдоморфы и даже шерблайды, которые всегда считались маловменяемыми. Оказалось, что сила драконьих королей – это мощь, которая издревле объединяла множество существ под своим началом. Именно она была основой Старой Райялари, в которой мирно жили десятки уникальных народов и рас.

И теперь эта сила должна была вновь объединить и Новую Райялари.

О том, что во мне каким-то образом оказалась сила драконьей королевы, я почти не думала. Не забывала (ведь Яросветная дева выразилась довольно четко насчёт того, кем я отныне являюсь), и все же поверить в это все ещё было трудно. С тех пор как минула та ужасная битва, в которой мы все едва не погибли, внешне я никак не изменилась. Разве что волосы у меня теперь, как в насмешку, стали светиться ещё ярче, будто самое настоящее золото. Но в дракона я так ни разу и не обратилась. Несмотря на то, что меня вроде бы никто не подгонял, я чувствовала некое напряжение, растущее в рядах

императорских приближенных. Дарки склоняли передо мной головы, но в их молчаливых взглядах я продолжала чувствовать вопрос:

"Когда?.. Когда королева драконов обретёт крылья?.."

В такие моменты мне не верилось, что я действительно королева и будущая императрица. Потому что как обратиться в огромную крылатую тварь, не имела ни малейшего понятия.

А мне хотелось…

С тех пор как я вернулась к жизни, внутри меня словно зудело что-то. Какая-то скрытая часть, некий внутренний орган, о котором я не знала прежде, и все же он всегда был со мной. Орган, который теперь слегка ныл, как… нераскрытые крылья.

– Айден… – шепнула я тихо принцу, что стоял возле меня, не переставая сжимать мою руку, пока один из Старейшин в огромном церемониальном зале читал слова древнего брачного союза драконьих королей. Слова, как водится, были на языке Старой Райялари, и несмотря на то, что я отчего-то, как и прежде, могла прекрасно их понять, вникать в их суть было тяжеловато. Это как переключиться на новую волну: нужно было применить усилие.

А все мои мысли сейчас были с Айденом… а ещё – с моей новой ролью королевы и императрицы.

Принц повернул ко мне голову и улыбнулся, переплетая наши пальцы и сжимая их.

– Ты уверен, что это не ошибка? – спросила я то, что мучило меня уже давно. – Может, я никакая не наследница силы королевы? Просто обычная драконица?

Ведь Яросветная дева хоть и возродила мои драконьи корни, на этом список ее милостей вполне мог окончиться. В конце концов, увидеть богиню и так дано не каждому. А уж вернуться с того света – тем более. Стать королевой, на мой взгляд, было уже слишком.

Айден чуть прищурился и вдруг отвернулся. Я уж думала, что он не станет отвечать, как он вдруг спросил, вперив взгляд в Старейшину, что не переставая бубнил.

Кстати говоря, это был вовсе не Мельгорион, хотя такая честь, как благословение на брак новых императора с императрицей, должна быть его прерогативой.

И все же Айден ему в этом отказал.

– Что он сейчас сказал? – спросил принц, не поворачивая голову ко мне.

– Что?.. – не поняла я, нахмурившись.

– Ну, о чем говорит дарк Тесселорион?

Я склонила голову набок, вглядываясь в лицо Старейшины, который выглядел неожиданно старым. Большая часть драконов, даже Мельгорион, казались на вид не старше сорока лет. Этому же можно было дать все шестьдесят. Он так давно не показывался из своего дома в Королевстве Заката – вотчине Первого принца Элайдариона, что прежде я его вроде бы даже и не видела.

– Он говорит о том, что Свет благословит наши руки, Тьма прольётся зеркальной гладью под нашими ногами, Ночь станет ветром под нашими крыльями, а Луна превратится в серебро нашей любви… – чуть сдвинув брови, повторила я слова, которые звучали на совсем другом языке.

Это было так странно – переводить фразы с одного незнакомого языка на другой, точно такой же незнакомый. Но именно в этот момент Айден расставил по местам все, что мучило меня с самого момента попадания в этот мир:

– Сила королевы драконов в том, что она способна понимать любой язык, – проговорил он, глядя перед собой и улыбаясь. Осматривая громадный зал, полный гостей, придворных и глав делегаций от каждой расы. Он уверенно смотрел на них, будто этим взглядом давая понять каждому, что в происходящем не может быть никаких сомнений. Что эта коронация – единственно верное и законное торжество, которого империя ждала уже не одну сотню лет. – Даже язык зверей. Если бы я раньше обратил больше внимания на твои необычные возможности, может быть, догадался бы не так поздно, – продолжал говорить он. – Но… Я был очарован тобой и думал совсем о другом, – ухмыльнулся он. А мне вдруг стало жарко, когда он повернул ко мне голову и окинул взглядом с головы до ног. Медленно, обжигающе… – Но и это не все, милая. Вторая деталь, которая, признаться, сразу заставила меня задуматься о твоём происхождении, – это тот факт, что ты без труда подружилась с Гвенвином. С ирлисом, чьи сородичи в природе неприручаемы. Они – магические существа. Как гидры, шишиги, смертоволки или любые другие твари, чей разум искажен тиарэ. Такие существа смертельно

опасны. И все же ирлис пришел к тебе и проявил нетривиальную сообразительность. Как и доброту. Это можно объяснить только силой королевы драконов.

Я невольно фыркнула, случайно привлекая к себе внимание подружек невесты, одной из которых у меня была Валира. Девушка стояла позади, держа букет цветов тиаре и явно чувствуя себя абсолютно счастливой. Второй "подружкой" я выбрала драконьего мальчика Альтариона, ведь других знакомых девушек у меня тут не было. Но парень неожиданно согласился. Тем более что его мать в это самое время проходила подозреваемой по делу о предательстве Семи принцев империи, и бедный Альтар был не слишком весел. Но в паре метров позади меня прямо сейчас он держал на руках моего Гвенвина, сидящего на мягкой шелковой подушечке, и казался вполне довольным.

На ирлисе было надето бархатное жабо с оборочками, и его это, кажется, ничуть не смущало. Более того, он гордо задрал нос, как будто праздник был в его честь.

– Странно делать из меня королеву только потому, что я завела кота… тьфу, то есть ирлиса.

Айден покачал головой.

– С одинаковой успешностью ты могла бы завести хоть ирлиса, хоть гидру, – ответил он. – Кого угодно.

– Но, Айден… Ведь я не могу обратиться в дракона, – выдохнула я, нервно сминая подол праздничного платья.

К слову сказать, смять-то его было не так просто. Чай, не из ткани, а из мельчайших камней.

Но мои слова и сейчас совершенно не смутили принца. Он мягко улыбнулся и, склонив ко мне голову, явно нарушая установленный порядок бракосочетания, коснулся губами моего виска.

Кто-то в зале зашептался, а чуть в стороне на нас еле слышно кашлянул в кулак Сандролион – старейшина, который всегда был на стороне Айдена, в отличие от Мельгориона. Да и мне почему-то Сандролион нравился гораздо больше остальных.

Но Айден почти не обратил на него внимания, глядя только на меня и еле слышно отвечая:

– Даже если ты никогда в жизни не обратишься в дракона, для меня это не будет иметь ни малейшего значения. Я полюбил человека,

Селина. А моих крыльев хватит на нас двоих.

От его слов что-то будто защемило под ребрами, а в глазах появилась подозрительная рябь.

Я все еще не верила до конца, что все это происходит со мной. Что я стою вместе с Айденом в этом огромном зале, украшенном тысячей цветов и колдовских огней. Что он держит меня за руку и… действительно любит.

Это было словно не про меня. Но как я ни пыталась проморгаться и сколько бы незаметно ни щипала себя за запястье, ничего не исчезало.

И мой принц не растворялся в воздухе…

Только сердце продолжало болезненно стучать в грудной клетке, напоминая, что я и впрямь жива. Что мы оба живы и стоим рядом.

Тем временем Айден отвернулся, снова взглянув вперед, туда, где дарк Тесселорион уже почти закончил говорить древние слова, а слуги с обеих сторон зала начали выносить цветы и… огонь прямо на ладонях.

Это было удивительно красиво. И несмотря на то, что я понимала: передо мной всего лишь обычная магия, не могла не восхищаться тому, как красно-желтые языки пламени пляшут на голой коже даркесс, огибая и не касаясь цветов тиаре, что они несли к нам на вытянутых руках.

Оказавшись рядом, девушки возложили цветы к нашим ногам, а пламя само перекинулось на гладкий каменный пол, огибая нас рисунком в форме священных лепестков тиарэ.

Следом за даркессами торжественной процессией к нам стали подходить братья Айдена. Все шесть принцев в удивительно красивых одеждах, украшенных черным золотом и драгоценностями, по очереди подходили к нам и… склоняли головы, поздравляя. Первым был Элайдарион, который прежде считался наследником трона Новой Райялари.

А я боялась. Боялась увидеть на его светлом лице, обрамленном золотыми волосами, злость и зависть. Ведь именно он должен был стать императором.

Но, видимо, я чего-то не знала о нем, как и о каждом из других шести принцев. Потому что сколько бы я ни искала в их глазах

раздражения или недовольства происходящим, не находила ни намека на это.

– Поздравляю тебя, Айденион Огненнокрылый, – громко, так, чтобы слышал весь зал, проговорил Элайдарион, поклонившись Айдену и через мгновение резко шагнув к нему и с силой обняв. – Буду рад служить тебе, брат.

Айден улыбнулся, обняв его в ответ.

– Спасибо, брат, – проговорил он, закрыв глаза.

После чего Элайдарион подошел ко мне и, склонившись, взял мою руку, чтобы поцеловать сперва тыльную сторону ладони, а затем искрящийся голубой камень перстня, что когда-то подарил мне Седьмой принц.

Как я сегодня узнала, это был не просто артефакт принадлежности, который делал меня собственностью драконьего принца. Это было фамильное кольцо. По одному такому кольцу каждому из семи принцев подарили родители, когда те вошли в драконье совершеннолетие. Сегодня оно стало помолвочным, а завтра должно было превратиться в символ власти – кольцо императрицы Новой Райялари.

Каким-то образом черный металл моего перстня содержал в себе кровь Айдена, но я пока так и не поняла, каким именно.

– Поздравляю, Огненная королева, – проговорил Элайдарион, выпуская мою руку и выпрямляясь. – Да будут ваши дни бесконечны.

На его губах играла улыбка, и я не заметила ни намека на ложь.

– Спасибо, – только и сумела выдохнуть я, натягивая ответную улыбку.

И таким же образом нас поздравили все братья. Включая Сирглинариона, что шел последним, согласно иерархии рождения. Он был Шестым принцем и поздравлять нас, видимо, имел право после всех предыдущих.

Склонившись к моей руке с перстнем, он повторил все то же, что и другие его братья, разве что, выпрямившись, не выпустил мою руку, а коснулся пальцами собственного перстня, который когда-то передал мне через Валиру.

– Думаю, тебе это больше не нужно, моя императрица. – И легко снял кольцо, которое я не могла содрать никаким способом. А Айден, прежде видя мои бесполезные попытки это сделать, пожимал плечами

и говорил, что, если Сирглинарион решил, что его кольцо должно быть на мне, хуже от этого не будет.

Не знаю, доверял ли он одинаково всем своим братьям, но с Сирглином у него словно была особая дружба. И даже после того, как я рассказала о том, что именно Сирглинарион договорился о том, чтобы отдать меня вампирам, он лишь нахмурился, стиснув зубы, и кивнул. А затем ответил, что Шестой принц наверняка объяснит, зачем это сделал. А пока лучше готовиться к коронации, потому что промедление может стоить империи новой смуты.

Поэтому я лишь вздрогнула, когда кольцо с зеленым камнем исчезло с моего пальца, и вежливо кивнула в ответ, рассчитывая, что чуть позже можно будет спросить шестого брата подробнее.

Вот только следом за принцами почтение выразить нам с Айденом должны были представители других рас, населяющих Новую Раялари. В том числе представитель независимого княжества Шеллаэрде… которое и не подумало выслать своих послов на столь важное мероприятие, как коронация новых императора и императрицы.

И едва я уже приготовилась знакомиться с послами оборотней, сирен, дриад и шерблайдов, как пустое пространство зала перед нами заклубилось знакомым черным дымом, из которого доносились шелестящие хлопки маленьких крыльев.

Дарки-стражники во главе с Джейденионом Северным лучом тут же с чудовищной скоростью обступили облако тьмы, приготовив огненные печати, что вот-вот должны были разорваться разрушительной магией.

Но Айден резко поднял руку, призывая стражников остановиться. И из мрака появилась фигура Ренвиэля Эстерийского, вставшего на одно колено и склонившего беловолосую голову.

– Долгих лет императору и императрице Новой Райялари, – спокойно и будто нарочито негромко произнес он, глядя на нас с Айденом сквозь упавшие на глаза снежные пряди. – Да будет ваше слово законом на этой земле.

Несколько мгновений никто в зале не шевелился. Айден смотрел на княжича сверху вниз, а тот не спешил разгибаться, так и находясь в коленопреклоненной позе.

Когда я уже начала откровенно нервничать, мой принц едва заметно шевельнул пальцами, и вслед за этим движением Ренвиэль

спокойно выпрямился и встал напротив нас. Дарки не отходили от него ни на шаг, а в воздухе продолжали светиться огненные печати. Но вампир будто и не замечал их вовсе. Не обращал внимания на смертельную опасность, застывшую так близко от него. Вместо этого он достал из кармана маленькую шкатулку, усыпанную драгоценными камнями, и, склонив голову, подал ее Айдену.

Несколько дарков одновременно ринулись вперед, предупреждая нового императора, чтобы он ничего не брал из рук княжича, но Айден все равно взял протянутое, не сводя взгляда с дарителя.

А затем, открыв крышку, медленно достал оттуда… странные часы на золотой цепочке. Они отсчитывали время с помощью маленьких стрелочек, поблескивающих алой инкрустацией.

– Что это? – спросил Айден, приподняв бровь.

Я и сама не понимала. Но по всему выходило, что эта вещица должна была много значить. Ведь ее вампирский княжич преподносил новому императору по сути вражеского государства. Вещь просто обязана была оказаться нетривиальной. Ведь если, к примеру, Ренвиэль хотел помириться с Новой Райялари после смерти своего отца, то часы – это некий символ, смысла которого я пока не поняла. А если хотел отомстить – то они могли нести в себе смертоносную магию.

Кроме того, кажется, эти же самые часы пару раз мелькали в руке Кровавого князя во время боя там, в тронном зале. Но я, конечно, не могла утверждать это точно, ведь тогда так много всего произошло.

– Это Калейдоскоп времени моего отца, – ответил тем временем княжич, и на его губах мелькнула едва заметная улыбка. – В честь ознаменования правления нового Огненнокрылого императора я преподношу ему этот дар.

Я перевела взгляд на Айдена, чтобы понять смысл сказанного. Но не преуспела.

Брови дракона слегка сдвинулись, а в глубине красно-огненных глаз мелькнуло удивление.

– Благодарю за этот дар, – через несколько мгновений кивнул он и, к моему изумлению, просто сунул часы в карман расшитого черным золотом костюма.

Ренвиэль снова склонил голову, и на этот раз улыбка на его бледном лице стала заметнее. Но затем он повернулся ко мне, и

голубые льды его глаз на миг сверкнули… и, может быть, даже потеплели, но я не рискнула бы об этом говорить.

– Моя императрица, примите и вы мой подарок, – проговорил он, протянув ладонь перед собой. И в тот же миг над ней закружились белоснежные искры, чтобы превратиться в алые капли, напоминающие кровь. Не прошло и секунды, как и они осыпались на его руку, а вместо них в его пальцах засверкал потрясающе красивый алый тюльпан.

– Он… каменный? – ахнула я, когда Ренвиэль, склонив голову, предложил мне взять подарок. Впрочем, сделать это сразу же мне не позволил Айден. Сперва он начертил под ним какую-то печать и лишь затем, когда она потухла, кивнул, разрешая протянуть руку к цветку.

– Каменный, ваше императорское величество, – ответил вампир на этот раз со вполне широкой и яркой улыбкой. – Его бутон сделан из цельного рубина, а ножка с листьями – из изумрудов чистейшей воды.

– Удивительно, – выдохнула я, по привычке боясь брать в руки такую дорогую вещь. Тем более что я никогда в жизни не видела ничего подобного.

Ренвиэль чуть склонил голову набок, словно наблюдая за моей реакцией, и едва я это заметила, как мне стало неловко. А он… улыбался.

– Мне очень нравится, спасибо, – поблагодарила я, стараясь сохранять вежливость и понятия не имея, как на это принято реагировать правильно.

А Ренвиэль неожиданно кивнул и еле слышно добавил:

– Я надеялся, моя императрица, что камень вам понравится больше, чем его живой аналог…

И едва я успела открыть рот, пытаясь переварить, что он имел в виду, как княжич, склонив голову, отошел на несколько шагов назад, явно намереваясь предложить место возле императорской четы следующим поздравляющим. Вот только в этот момент Элайдарион вдруг выступил вперед и резко проговорил, как молния, разрезая тихую и будто ватную от напряжения тишину зала:

– Я убил твоего отца, Ренвиэль Эстерийский. Скажи здесь и сейчас: ты планируешь мстить за его смерть?

Золотые волосы бывшего наместника Новой Райялари на долю секунды начали напоминать огонь. Как и вся его фигура, наполненная

напряжением, словно кожаный мех – вином.

Но княжич не казался обескураженным. Напротив, он выглядел так же спокойно, как и прежде. И даже след улыбки сохранился на его лице.

После опасного вопроса его глаза нарочито удивленно раскрылись, и вампир проговорил:

– Мстить тебе, Золотой Закат? – В его фигуре отчетливо начало читаться непонимание, словно Элайдарион спросил что-то ужасно невероятное. А затем Ренвиэль вдруг усмехнулся и пожал плечами. – Ты сделал меня князем. А у князя Шеллаэрде ужасно много дел, мой принц. Ужасно много!

С этими словами он просто развернулся, на ходу бросая Элайдариону и нам с Айденом непринужденный кивок, и исчез в облаке тьмы, из которой раздавалось тихое хлопание крыльев.

– Догнать его? – быстро бросил Джейденион императору, выступив вперед. Но Айден лишь покачал головой, махнув рукой.

– У нас тоже достаточно дел и без Шеллаэрде, – резюмировал он, после чего напряжение в зале мгновенно улеглось. Я была не особенно сильна в политике, но мне показалось, что именно этот ответ о делах, что по очереди произнес сперва Ренвиэль, а затем Айден, означал нечто большее, чем просто слова. Будто бы это было устное обещание оставить друг друга в покое.

Ну да что я понимаю в политике?..

Коронация длилась еще довольно долго. Я успела устать, но, к счастью, едва торжественная часть закончилась, как Айден тут же предложил мне прогуляться и освежиться. За окном уже опускался вечер, а празднование обещало затянуться на всю ночь.

Я согласилась, и едва мы вышли в коридор, где нас уже никто не видел, как дракон резко обнял меня, прижавшись губами к моему лбу, и прошептал:

– Как же я соскучился.

– Соскучился? Мы же последние несколько часов стояли рука об руку! – улыбнулась я, прижимаясь щекой к его широкой груди, слыша даже сквозь толстый слой одежды, как громко стучит его сердце.

Подняв голову, я увидела, что губы Айдена приподнялись в светлой, но почему-то немного грустной улыбке.

– Боюсь, я еще долго не смогу почувствовать, что насытился тобой настолько, чтобы перестать ощущать нехватку, Селина, – чуть хрипло прошептал он и, проникнув ладонью под копну моих распущенных волос, в которые даркессы вплели жемчуг и черное золото, притянул меня к себе, жадно поцеловав.

Сердце на миг сжалось, но тут же это чувство вытеснилось другим, когда под платьем рассыпались огненные искры мурашек. Горячие губы смяли мои собственные, властный язык проник в меня, словно присваивая или оставляя свою метку.

Вот только я уже давно принадлежала Айдену. Меня не нужно было присваивать заново.

А потому, с трудом подавив жар, всколыхнувшийся внизу живота, я облизнула губы и, чуть отстранившись, еле слышно прошептала:

– Так и не надо насыщаться, мой император… Я к вашим услугам, едва закончится это торжество. – И хитро улыбнулась, состроив крайне скромный и невинный вид.

Глаза Айдена сверкнули ярко-красным огнем, стремительно переходя в обсидиан. Словно лава, что, вырвавшись из земляных недр, превращается в черный камень, чтобы потом снова вспыхнуть ослепительным пламенем.

Пальцы в моих волосах сжались, и я уже почти была готова плюнуть на все и начать раздевать нового императора Райялари прямо в коридоре, как мне в голову вдруг пришел такой вопрос, который я просто не смогла удержать в себе… хотя следовало:

– Слушай, а ты правда собирался жениться на Ильнарион Ночной Искре?..

Айденион на миг замер, словно я неожиданно наступила ему на ногу каблуком. А затем подозрительно прищурился. Я даже начала ожидать какого-то подвоха, как он невозмутимо взял меня под руку и проговорил:

– Давай пройдемся с тобой, дорогая. Уж больно тут душновато, да воздух излишне сухой. А я знаю одно место, где и свежо, и влажность в достаточной мере…

– Эм… – проговорила я, чувствуя, как под тяжелым платьем из сотен мельчайших камушков по телу пробежала волна мурашек.

Когда драконий принц, а ныне уже император, делал такое загадочное выражение лица, это заканчивалось крайне

нервотрепательно. И если ничего по сути плохого и не случалось, я всегда была сильно удивлена происходящим.

– А куда мы идем? – постаралась придать себе уверенности в голосе.

Но едва мы приблизились к широкой винтовой лестнице и начали спускаться вниз, я уже знала ответ на этот вопрос. Для этого не нужно было искать смысл в уверенно горящем алом взгляде моего дракона или в его самоуверенно-хитрой улыбочке, блуждающей по красивым губам.

Проклятый ящер вел меня в казематы Чертога!

Впрочем, о чем-то подобном можно было догадаться. Где еще будет прохладно и достаточно “влажно”?

Я поежилась, когда знакомые решетки на дверях в казематы скрипнули и перед нами расстелился длинный коридор, по обеим сторонам которого располагались камеры. Двое охранников, увидев императора, тут же вскочили со своих стульев, побросали какие-то мелкие круглые бумажки, в которые они, судя по всему, играли, как в карты, и вытянулись по струнке.

Ничего необычного. Кроме громких слов:

– Алмазной ночи их императорским величествам! Поздравляем вас с коронацией, и да будут ваши дни в Новой Райялари бесконечны!

Они не поднимали глаз, будто бы готовые в любой момент и вовсе упасть на колени. И не только перед Айденом: я с изумлением поняла, что они обращались и ко мне. А это было ужасно… непривычно. Странно.

Император же кивнул без намека на улыбку и легким движением руки поднял двух дарков.

– В какой камере содержится даркесса Ильнарион? – спокойно спросил он, даже чуть лениво.

Мне такому тону было только учиться и учиться.

– В сорок седьмой, мой повелитель, – ответил один из мужчин.

Айденион кивнул, и мы двинулись вперед по коридору, по которому в прошлый раз я шла как преступница, осужденная едва ли не на смерть, а теперь – как императрица Новой Райялари.

Когда мы стали приближаться к требуемой камере, издали я увидела, что возле нее кто-то стоит, прижавшись к решетке. Только вот меня отвлек голос из совсем другой клетки.

– Ваше императорское ве-величество, да будут… да будут ваши годы долгими, пусть ветер наполняет ваши крылья, а солнце…

Я резко повернула голову, почувствовав, как этот едва узнаваемый голос вызывает промозглое чувство глубоко под кожей. Как будто туда пробралась стая мелких, как песчинки, червей.

– Лейс? – выдохнула я, увидев, как с другой стороны прутьев светится в полумраке коридора бледное и осунувшееся лицо “мушиного” сыночка владелицы Логова Мотыльков.

– Селин… то есть… ваше императорск… как же… – он подавился словами и совершенно явно закашлялся, разбрызгивая слюну. Но довольно быстро пришел в себя, пробормотав: – Ваше императорское величество, вы прекрасны, будто рассвет над горными вершинами!

А мне захотелось отойти подальше от этого человека. Несмотря на то, что неожиданно стало его немного жаль. Он явно провел в этой камере много дней. Его одежда была изрезана и порвана, на теле виднелись следы заживших ран. Похоже, он тоже участвовал в тайных игрищах в “кольце”.

– Закрой рот, Лейс, – скривившись, бросил Айден, и его взгляд мгновенно сделался жестким. Он уже начал разворачиваться, чтобы идти дальше, как Лейс закричал:

– Нет, мой повелитель, прошу вас! Прошу вас, простите меня, освободите! Я клянусь, что буду самым верным вашим слугой! Я сделаю все, что нужно, буду выполнять любые самые грязные и опасные работы, буду землю есть под вашими ногами, только освободите!

Я нахмурилась и замерла. А Айден, что все еще держал меня за руку, не смог двигаться дальше, почувствовав, что я не следую за ним больше.

Он повернул ко мне голову и с любопытством приподнял бровь.

– Жаль его? – негромко, но так мрачно, что даже мне стало не по себе, спросил он.

Я пожала плечами.

– Айденион, я же рассказывала тебе, что заключенных раз в месяц отправляют на ринг драться с колдовскими монстрами? – напомнила я, ничуть не стушевавшись.

Честно говоря, мне хотелось знать, кто это все придумал, но в прошлый наш разговор он так и не сказал мне об этом. И в этот раз

ответ оказался неожиданным.

– Рассказывала, – кивнул он, хмыкнув и по-новому взглянув на Лейса. А затем снова переведя взгляд на меня. – С этим мы разберемся, организаторы будут наказаны.

– О, спасибо, спасибо, повелитель! – закричал Лейс и неожиданно упал на колени.

– Наказаны за то, что делали это без позволения, – жестко отрезал Айден. – А вовсе не потому, что мне жаль тебя или любого другого преступника, что попали сюда благодаря собственной глупости и жестокости.

С этими словами он уверенно сжал мою руку и потянул вперед, а мне пришлось последовать за ним.

– Но, Айден, не все заслужили участи быть убитыми на песке арены, – возмутилась я. – Не все выживут там. Я там была, я знаю!

Айден сжал зубы. Я уже рассказывала ему от начала и до конца всю историю моего попадания за решетку и спасения оттуда. Рассказывала об участии в этом деле Ильнарион Ночной Искры. Но так и не узнала, что по этому поводу предпринял сам принц.

В это время мы как раз приблизились к камере, у которой стоял тот, кого я заметила еще издали. И, к своему удивлению, я обнаружила, что это маленький Альтарион. Судя по всему, он ушел из тронного зала примерно в то же время, что и мы с Айденом. И направился прямиком в камеры, ведь в одной из них прямо напротив помещения, в котором содержалась Ночная Искра, за толстыми решетками расположилась и его мать. Даркесса, которая участвовала в заговоре против семи драконьих принцев.

И теперь, когда я глядела на светлое грустное лицо мальчика, прилипшего щекой к холодному металлу, у меня разрывалось сердце.

Мать гладила его по голове через решетку и, увидев нас, не сказала ничего, только лишь склонившись в поклоне. Она тоже выглядела грустной и несчастной. В отличиие от Ильнарион, что стояла напротив, с другой стороны от нас, и, сложив тонкие руки на груди, смотрела с ненавистью и открытым раздражением.

Ее длинные серебристые волосы рассыпались по плечам и все еще делали даркессу похожей на нимфу или волшебную фею. Даже пребывание в казематах Чертога не сделало ее некрасивой. А любые малейшие следы страшных ран, полученных ей во время боя, каким-то

дивным образом полностью исчезли. Разве что это было следствием приснопамятной драконьей регенерации… Лишь рваная обожженная одежда еще напоминала о случившемся, но и в ней Ильнарион выглядела горделиво и привлекательно.

– О, кто пожаловал к нам в день собственной коронации! – выдохнула она, приблизившись к решетке. – Неужели стало скучно? Или не хватает огонька в постели? – усмехнулась она, оскалившись не хуже вампирш Шеллаэрде. Это было так не похоже на вечно спокойную и уверенную в себе даркессу, которая умела так красиво улыбнуться, что все вокруг попадали под чары ее обаяния. Но, видимо, пребывание в камере изменило и ее, разве что не внешне, а внутренне. Похоже, она не верила, что сумеет спастись отсюда. – Что, человеческая девка оказалась скучновата и вы решили скрасить первую брачную ночь новыми острыми ощущениями в казематах, ваше императорское величество?

– Ильнарион, замолчи, – зашипела на нее мать Альтариона. Кажется, ее звали Серфинарион и она приходилась сестрой Ночной Искре. Возможно, поэтому их обеих и поместили в камеры друг напротив друга.

А Айден даже не повернул к злой даркессе головы, глядя только на меня. И вдруг проговорил:

– И ты думаешь, что вот на “этом” я мог бы жениться? – проговорил он, мрачно стиснув зубы и кивнув в сторону Искры.

– Ах ты!.. Да я же все ради тебя!.. – закричала Ильнарион, но Айден вдруг повернул к ней голову.

Всего лишь один взгляд – и вокруг нового императора Райялари полыхнула такая чудовищная аура силы, что у меня на миг закружилась голова. Кожу закололо словно тысячью невидимых иголочек.

А Ильнарион вместе с сестрой, хрипло вздохнув, упали на колени, будто не смогли удержаться на ногах. Упал и Альтарион, всхлипнув:

– Мама… мамочка!

Я схватила мальчика за шкирку и прижала к себе, поднимая с колен. Несколько мгновений он с трудом стоял, но затем кивнул и, вяло улыбнувшись, попросил отпустить.

Я сделала шаг в сторону, схватившись за голову и потерев виски. Это была не самая приятная сцена в день свадьбы и коронации. Но,

вспомнив, что милостью Яросветной девы я стала повелительницей огромного драконьего государства, глубоко вздохнула и успокоилась. Вряд ли будни императрицы должны быть легкими, как лебяжий пух. Скорее уж наоборот. Да и драконов трудно было назвать слабохарактерными или нежными. А значит, и мне нужно было стать такой же несгибаемой и твердой, обрасти чешуей, что на ощупь напоминала горячий камень…

– Перед тобой предатели, бунтовщики и убийцы, – спокойно сказал Айден, вновь повернувшись ко мне и не думая отвечать Искре. – Как ты думаешь, кого из них тебе должно быть жаль?..

Я уже приготовилась было ответить, как произошло нечто непредвиденное. И ужасное… Настолько ужасное, что в первый момент у меня потемнело перед глазами, а страх сковал горло, лишив возможности вздохнуть.

Потому что в следующий миг откуда-то в руках Ильнарион очутилось тонкое черное лезвие. Это потом я поняла, что лезвием была заколка, которую даркесса чудом сохранила в своих волосах. А сейчас я лишь краем глаза успела заметить, как ее рука взметнулась за моей спиной, чтобы вонзить предательскую иглу мне в бок. Так быстро и неожиданно, что никто не успел ничего понять… кроме Альтариона, что все еще стоял ближе всего ко мне.

Он оттолкнул меня, и заколка Ильнарион вошла в его грудь. И под истошный крик матери и ужас, вспыхнувший на лице тети, мальчик опал наземь бесчувственным телом, истекающим отравленной кровью.

Заколка Ильнарион оказалась из черного золота, как и было принято у драконов…

События замелькали одно за другим в каком-то страшном темном калейдоскопе. Серфинарион кричала, Ночная искра попятилась к стене камеры, прижавшись к ней и стеклянным взглядом глядя на маленького мальчика, чье лицо стремительно теряло краски жизни.

Откуда-то с конца коридора к нам тут же подоспели двое охранников. Они что-то громко говорили, Айденион тихо обещал убийце такую страшную казнь, какой в Райялари еще не видели.

– Тихо! – рявкнула я, стиснув зубы и пытаясь побороть инстинктивный страх и непонимание происходящего.

Когда ты ни разу не врач, колотые и резаные раны вызывают неконтролируемый ужас, ведь ты понятия не имеешь, что делать. А

кровь тем временем вытекает, сердце продолжает биться, выталкивая ее крупными волнами, которые лишь увеличивают панику.

В нашем же случае имело место еще и черное золото – яд, который стремительно расходился по организму маленького дракона, лишая возможности вылечить его тем быстрее, чем дольше я поддавалась страху.

У Альтариона не было шанса на ошибку. А у меня не было права бояться, ведь болезненно очевиден был тот факт, что дарки не смогут помочь ребенку. Либо это сделаю я, либо никто.

Правая моя рука уже лежала на ране мальчика, пальцы сами собой пытались залатать тонкое, едва заметное отверстие, оставленное заколкой, что сейчас валялась на полу и едва ощутимо дымилась.

А потом я закрыла глаза и тут же почувствовала, как сквозь кожу заструился огонь. Снова посмотрела на Альтариона, увидев, как желтоватый свет растекается по груди ребенка, мгновенно всасываясь в рану.

На несколько мгновений в коридоре распространилась гробовая тишина, когда янтарный свет заметили все присутствующие.

Я не знала, как это происходит. Но именно так в прошлом мне удалось вылечить Айдена. Ну, или я хотела думать, что именно мне это удалось… Ведь мой принц все же очнулся сам.

Но если я перестала бы верить в собственные способности… не стоило вообще надеяться на благополучный исход.

– Моя императрица, моя огненная королева… – раздался у меня за спиной всхлипывающий шепот Серфинарион. А затем краем глаза я заметила, как она падает на колени, дрожащими пальцами хватаясь за решетку и протягивая ко мне руки. – Прошу вас, спасите моего сына. Моего единственного любимого мальчика… – Она с трудом сдерживала рыдания, которые рвались из ее груди. – Пожалуйста, моя светлая королева, убейте меня, возьмите мою жизнь, но спасите Альтариона…

Она все же заплакала, но теперь это было похоже на тихий вой раненого зверя. Она не верила, что ребенку удастся выжить.

Я почти не слышала ее. Дыхание под моей рукой делалось все слабее, несмотря на то, что с каждой секундой мне казалось, что желтый свет становится все сильнее, что мне все лучше удается превратить в него внутренний драконий огонь.

Сейчас светилось уже почти все тело Альтариона, сияние распространялось огромной волной, гораздо лучше, чем у меня получалось когда-либо прежде, но… почему-то это не помогало. Несмотря на то, что все вокруг смотрели на происходящее, как на чудо.

– Это сила королевы, – пробормотала в углу своей клетки Ильнарион. – Ты можешь спасти его, можешь… – шептала она с какой-то сумасшедшей отстраненностью.

А я не могла. Я видела, что эта странная сила, от которой уже вибрировали кончики моих пальцев, просто не справлялась!

Я должна была понять, в чем дело. Что происходит?!

Через несколько мгновений желтый свет стал настолько сильным, что достиг валяющейся на полу окровавленной заколки. И почти сразу черный дым от нее перестал валить, кровь высохла, а тонкое лезвие осталось лежать рядом, как обычная безделушка.

Сердце глухо ударило в ребра.

Я оглядела мальчика, что лежал у меня на коленях, и заметила, что темная синева, которая начала появляться под кожей ребенка сразу после удара кинжалом, уже исчезла. Как и черный дым.

Это могло говорить о том, что яд удалился из тела! Вот только почему тогда Альтарион не может очнуться?!

И что будет, если он, как и Айден, не сможет проснуться, так и оставшись в коме? Он будет находиться в беспамятстве до тех пор, пока не произойдет какое-нибудь чудо, или и вовсе останется таким навсегда?..

– Что-то идет не так, – выдохнула я, стиснув зубы, но не переставая держать руку на ране.

– Нет-нет, что не так? – взвыла сзади Серфинарион.

– Мне кажется… словно его тело не справляется с лечением, а ведь у драконов должна быть прекрасная регенерация, – проговорила я, отодвигая ткань на его рубашке, чтобы посмотреть на маленькую дырочку от удара. Отверстие, которое и не думало затягиваться, а ведь раны Ильнарион в свое время были чудовищно огромны, и все равно она исцелилась в рекордное время!

– Ах, мой мальчик такой слабый, он даже ни разу не оборачивался, – заплакала вновь его мать. – В нем слишком много человеческой крови! Его отец… человек, – выдохнула она, заламывая

руки. – Прошу вас, прикажите принести его лекарство, возможно, это поможет сделать его драконью кровь сильнее!

Я нахмурилась, пытаясь соображать быстрее, но мысли, как нарочно, двигались в голове медленно, будто мухи, налипшие на мед.

В этот миг серьги Яросветной девы, что сегодня вновь были у меня в ушах, неожиданно нагрелись. А меня будто молнией прострелило:

– Это тот самый яд, сбор трав, заглушающих человеческую природу ради роста магических способностей? – выдохнула я, глядя через плечо на Серфинарион.

На этот раз, нахмурившись, на меня смотрели сразу несколько драконов. Но я не обратила на это никакого внимания. Что-то горячее внутри меня жгло и разрасталось возмущением.

– Несите сюда цветы иншуларден, и быстро! – крикнула я, глядя на охранников.

Те синхронно склонили головы и исчезли в вихрях огня, словно я приказывала им всю их жизнь.

– Селина… – неторопливо проговорил Айден. – Настои трав, которые дают Альтариону, были выбраны нашими медиками.

Я не знала, что ему ответить. Но мне хватило лишь одного взгляда, чтобы император снова выпрямился и, положив руку мне на плечо, кивнул и проговорил:

– Делай то, что считаешь нужным.

Надо заметить, что это бы меня даже удивило, если бы момент был подходящий для удивления.

Ведь я была простым человеком из другого мира. Плохо знакомым с местными правилами, мало разбирающимся в драконьей физиологии и совершенно не разбирающимся в лечении.

Но Айден мне верил. Почему-то верил.

И это заставляло меня ощутить вновь те самые огненные крылья за спиной, которые исчезли сразу после боя и с тех пор не появлялись.

Когда двое охранников вновь явились из вихрей эксплозии с двумя охапками цветов, я тут же выхватила несколько лепестков и сунула мальчику в рот, обложив его остальными цветами со всех сторон.

Пока я это делала, его мать у меня за спиной подвывала все громче и тоньше. Но не говорила ни слова. Не перечила, хотя я и

чувствовала, что она не верит в то, что я делаю.

– Эти цветы пробуждают человеческую природу, – проговорила я, пытаясь пояснить свои действия, успокоить ее и одновременно надеясь, что мои догадки подтвердятся. – Человеческий организм ведь никак не подвержен отравлению черным золотом. Это яд лишь для драконов… Понимаете? Вы понимаете, о чем я говорю?

Я обернулась к Айдену и Серфинарион. Двое стражников стояли рядом, склонив головы, а Айден вдруг мрачно кивнул.

– Я понимаю. Это отличный ход, Селина. С благословением Яросветной будем надеяться, что это сработает.

Мать Альтариона перестала плакать, словно тоже что-то поняла.

А я вновь посмотрела на рану ребенка, затем взяла один лепесток цветка, сдавила его и капнула сок прямо в тонкое отверстие.

Тут же на глазах под воздействием желтого света оно начало затягиваться!

А еще через несколько минут мальчик открыл глаза!!!

– Мама… – прошептал он. – Мамочка…

И заплакал. Вместе с матерью, которая прижалась лбом к решетке, но теперь от нее не доносилось ни звука, только слезы капали на пол крупными горошинами, пока она без толку протягивала дрожащую руку к ребенку, который был от нее слишком далеко.

Я поднялась на ноги, едва стало ясно, что желтый свет перестал впитываться в тело Альтариона. Коротко кивнула, сдерживая головокружение.

Стоять было тяжело, в глазах на миг потемнело.

Но я чувствовала себя спокойно и уверенно, как никогда прежде. Только усталость была чудовищной.

Я стиснула зубы, стараясь выглядеть подобающе императрице, жене Айдена. Позорить мужа не хотелось. Разве что у меня в голове будто что-то щелкнуло, и я почему-то не считала нужным дальше интересоваться чьим-то мнением по поводу своих планов. А потому спокойно бросила охранникам:

– Освободите Серфинарион. Поместите ее и Альтариона в одни покои в императорском крыле, чтобы я могла наблюдать за лечением. И наполните комнату цветами иншуларден и тиарэ.

Айден стоял за моим плечом и не говорил ни слова. Я почти ждала, что он начнет спорить, говорить, что я не доросла еще отдавать

приказы или что-то в этом роде.

Но вокруг было оглушающе тихо. В казематах Чертога раздавался лишь мой собственный голос.

– Слушаемся, ваше императорское величество, – отчеканили охранники.

– Будут еще приказы? – добавил один из них.

Я оглянулась назад, ища Ильнарион. Она все так же сидела в углу и больше не смотрела на меня.

– Бои заключенных отменить, – устало проговорила я, не сводя глаз с даркессы-убийцы. И после небольшой паузы добавила, чувствуя, что ни один волосок не шевелится от страшных слов: – Ильнарион Ночную Искру казнить прилюдно завтра на рассвете.

Я не знала, как принято наказывать дарков. Возможно, казни драконов и вовсе запрещены, ведь их ничтожно мало… Где-то в глубине души я даже предполагала, что мой приказ не будет исполнен, как абсурдный. А чуть позже Айден скажет мне нечто вроде того, что “милой женушке не стоит пачкать руки такими ужасными наказаниями”. Что он все решит сам…

Но Айден молчал. А тишина в казематах стала оглушающей. Казалось, все прочие преступники, что содержались здесь, тоже прислушивались к происходящему. И никто не смел произнести ни звука. Даже вздохнуть.

Молчала и Ильнарион. Видимо, не верила в прозвучавший приговор. Как и остальные.

Охранники же низко склонили головы.

Что-то в груди сжалось, нервы, кажется, натянулись до предела.

После этого в несколько шагов я преодолела расстояние до камеры Лейса и остановилась напротив.

В висках запульсировало.

Мужчина отошел от решетки подальше и сейчас смотрел на меня затравленно из противоположного угла камеры.

– Сколько человек ты посадил в мушиную камеру за свою жизнь? – спросила я бесцветным, почти безразличным голосом.

Серьги в ушах все еще были теплыми. А я все еще чувствовала смертельную усталость. Губы похолодели и начали подрагивать. Но я была настроена закончить работу. Расставить все точки и отдать все долги.

Тощий мужчина с сальными волосами дернулся и опустил глаза. А я каким-то образом увидела, что он боялся солгать.

Видела.

Словно воздух вокруг него завибрировал и стал едва заметно голубым.

Странно, ничего подобного прежде я не замечала, а теперь инстинктивно понимала, что передо мной воплощение страха. Казалось, я даже чувствую едва заметный запах…

– Девятерых, – выдохнул Лейс.

– На какое время ты их туда помещал?

Мужчина пожал плечами, силясь отвернуться. И все же ответил:

– На двое суток.

– Сколько из них после этого умерли? – уточнила я.

Лейс сжал челюсти. Его руки начали ощутимо дрожать. Закрыв глаза, он признался:

– Трое.

Перед глазами снова потемнело. Я развернулась и пошла прочь по коридору. Все было ясно.

У двери мне хватило сил остановиться и через плечо бросить стражникам приказ. Ведь я спиной ощущала, что они смотрят на меня в упор, почтительно не решаясь разогнуться:

– Посадите Лейса в мушиную камеру на восемнадцать суток. Если выживет, верните в клетку.

– Не-е-е-е-ет, госпожа, нет, моя императрица!!! – закричал истошно мужчина, чей голос стало трудно узнать. – Нет, нельзя, это же смертоубийство! Остановись, грязная сука!!!

После чего он застонал и замолчал.

Но я уже вышла прочь за дверь казематов. Все внутри меня дрожало, пульсировало каким-то скрытым ядом, будто кто-то меня отравил. Опустив голову вниз, я с удивлением обнаружила, что с кончиков моих пальцев капает огонь, оставляя на полу маленькие горящие островки. И с каждой такой каплей мне становилось все хуже, потому что силы заканчивались. А их и так уже совсем не было.

Я не умела контролировать свои мысли, эмоции. Нервы, что дрожали, как старые струны, расшатывая незнакомую мне пока магию.

Но едва мне захотелось упасть в обморок, как чья-то твердая рука подхватила меня и прижала. Я почувствовала, как мужские пальцы

обхватывают мои собственные и как огонь перестает с них капать.

– Айден?.. – выдохнула я тихо, с трудом сдерживая странные, необъяснимые слезы.

– Все в порядке, я здесь, – тоже тихо ответил он, ведя меня по коридору.

Со стороны казалось, что ничего не произошло. И новые император с императрицей просто мирно прогуливаются по своему замку, держа друг друга в крепких объятиях. На самом же деле Айден меня почти нес.

А я не могла выдавить из себя ни слова.

Разве что сказать нужно было самое главное. То, что разделило мою жизнь на “до” и “после”. То, что окончательно дало мне понять, что мир вокруг меня изменился:

– Я хочу, чтобы все мои приказы были выполнены, Айден… – охрипшим голосом произнесла я. Горло пересохло, жутко хотелось пить. Но услышать ответ мне было важнее.

Ильнарион множество раз едва не убила меня. Но и это было не самым страшным. Она была предательницей до мозга костей. Даркессой, которая мечтала о троне и шла к нему всеми доступными путями, не гнушаясь обманывать своих повелителей. Участвуя в заговоре и строя козни.

Она едва не убила маленького мальчика из-за своей злобы.

И она обязана была понести наказание, несмотря на свою “неприкосновенную” драконью кровь.

Как и Лейс, который был простым ничтожеством.

Даже если у меня не было права их судить.

– Я хочу, Айде…

– Хорошо, – ответил он спокойно и вдруг поцеловал меня в висок. – Будет так, как ты сказала, Селина. Так и никак иначе. А мы пока пойдем и выпьем пару литров красного Дремериумского. Он прекрасно восполняет силы.

Сказал так, словно в этом не было ничего необычного.

Я удивленно подняла на него взгляд и, задержав дыхание, переспросила:

– Что, так просто?

В этот момент Айден вдруг остановился и, сильнее прижав меня к себе, коснулся пальцами моего подбородка, проводя горячую линию

вдоль овала лица. Затем медленно наклонился и коснулся губами моих губ, оставляя такой короткий и легкий поцелуй, что у меня мгновенно закружилась голова. И вовсе не от слабости. А от внутреннего жгучего голода, что, бывает, вспыхивает от горячего прикосновения – легкой щекотки, похожей на ветерок от крыла бабочки. Когда скольжение губ не утоляет страсть, а лишь дразнит.

А затем он отстранился и без улыбки ответил. Тихо и спокойно. Так, что его голос навсегда отпечатался у меня в голове и спустя годы я еще слышала отзвуки слов:

– Ты императрица дарков, Селина. В тебе сила драконьей королевы, данная Яросветной девой, как и во мне – сила драконьего короля. Благословение, которое все жители Новой Райялари ждали несколько сотен лет. Твое слово равно моему целиком и полностью. А мое – твоему. И неважно, что ты прикажешь, это будет исполнено в тот же миг. И я счастлив, Селина, что мне так повезло… Ведь много веков назад моему отцу и Аллегрион Златопламенной повезло меньше. Они не любили друг друга, но должны были заключить брак и наследовать силу королей. А я женился на тебе потому, что безмерно любил, а не потому, что того повелел долг перед империей. В нашем случае долг стал равен зову сердца… И я никогда не устану благодарить за это Рок. Не устану благодарить судьбу за тебя, Селина…

...за мою девочку драконьей крови.